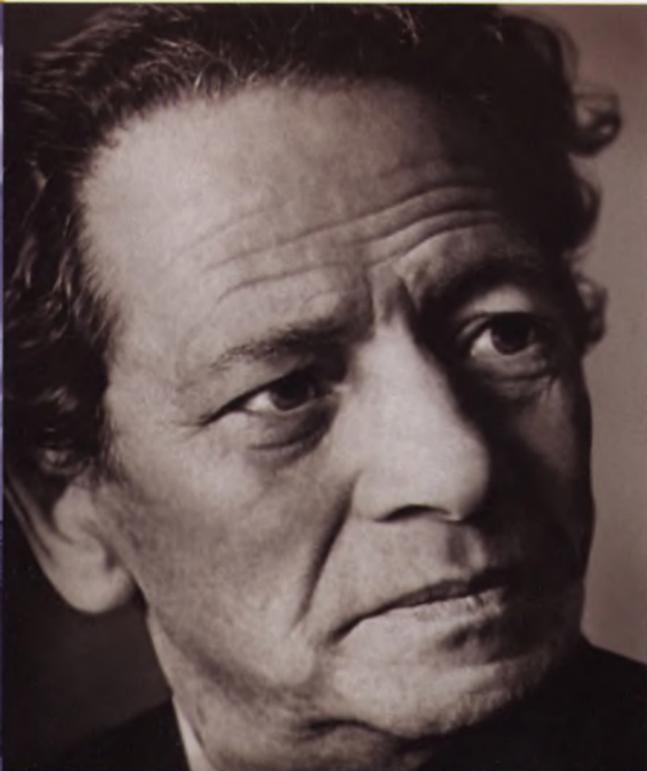

ВОЛЬФ МЕССИНГ

Торис
Соколов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

120 лет
биографической серии
«Жизнь замечательных людей»

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1481

(1281)

Борис Соколов

ВОЛЬФ МЕССИНГ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2010

Введение

ФЕНОМЕН МЕССИНГА

Относительно недавно в Советском Союзе жил человек, в неординарности которого окружающие не сомневались, но в чем именно эта неординарность заключается, никто толком сформулировать не мог. После себя он почти не оставил текстов, за исключением тоненькой книжки мемуаров, где рассказ о его удивительном даре перемежается явно фантастическими историями. После него осталось множество красивых и удивительных легенд. Этого человека звали Вольф Мессинг. Мы попытаемся восстановить его биографию, о которой известно очень мало, и попробуем понять суть его уникальных способностей, о которых, наоборот, известно слишком много, но то, что известно, их природу отнюдь не проясняет. О Мессинге гораздо проще написать повесть или роман, чем документальное исследование — поскольку документов, относящихся к его биографии, почти нет.

Кто же такой был Вольф Мессинг? Одни считали его магом, чародем и волшебником, получившим свой чудесный дар то ли от Бога, то ли от дьявола. Другие видели в нем экстрасенса, то есть человека со сверхъестественными способностями, которые, однако, должны иметь вполне материалистическое объяснение. Однако подобного рационального объяснения способностям Мессинга так и не найдено по сей день. Впрочем, надо признать, что при жизни Мессинга термин «экстрасенс» был не в ходу. Уже после смерти его стали именовать экстрасенсом № 1 в Советском Союзе, хотя сам Мессинг никогда так себя не называл. Вольфа Григорьевича чаще всего именовали телепатом, то есть человеком, способным читать мысли других людей, не выраженные устно или письменно. В 60-е годы XX века слова «телепат» и «телепатия» были в моде. Еще Мессингу приписывали способности ясновидца, да и сам он не раз говорил, что ему приходилось не раз и не два точно предсказывать важные исторические события. Широко распространялись слухи, будто он удивительно точно предсказал как буду-

щие события, в том числе даты начала и окончания Великой Отечественной войны, так и судьбы самых разных людей. Однако сохранившиеся свидетельства очевидцев сбывшихся мессинговских предсказаний, как правило, относятся к событиям чисто бытовым и малозначительным.

Еще Мессинг, по мнению многих современников, был гипнотизером, то есть обладал способностью вводить людей в гипнотическое состояние, подобное сну, и в этом состоянии заставлять их совершать те или иные действия. То, что Мессинг обладал способностью к гипнозу, кажется вполне вероятным. Но, вместе с тем, надо оговориться, что достоверных данных о том, что он действительно устраивал гипнотические сеансы, до сих пор нет. В Советском Союзе он никак не мог этого делать, поскольку такие сеансы были запрещены задолго до того, как Вольф Григорьевич перебрался в СССР. Поэтому все рассказы восторженных поклонников Мессинга о том, как он заставлял целый зал ловить на полу несуществующих лягушек или проделывать что-нибудь еще более экстравагантное, мягко говоря, вызывают большие сомнения. Трудно предположить, что в зале на сеансах Мессинга не было сексотов. Они наверняка присутствовали бы там по долгу службы и наверняка доложили бы, куда следует, что Мессинг проводит строжайше запрещенные сеансы массового гипноза (не мог же Вольф Григорьевич, даже с его проницательностью, точно вычислить всех стукачей и внушить им, что сеанса гипноза на самом деле не было). После этого Мессингу в лучшем случае запретили бы на длительный срок выступления на эстраде, а в худшем — отправили бы в места не столь отдаленные. Нет также никаких свидетельств, что Мессинг выступал с сеансами гипноза на своей родине в Польше. Между тем из мемуаров Мессинга явствует, что феноменом гипноза он живо интересовался.

Мог ли Вольф Мессинг быть настоящим экстрасенсом? И кого вообще можно так называть? Экстрасенсорные способности, по современной терминологии, — это способности к сверхчувственному восприятию, прежде всего — к телепатии (чтении мыслей человека, не озвученных посредством второй сигнальной системы или не переведенных в форму письменных текстов) и ясновидению (получению достоверных сведений о каком-либо событии прошлого или будущего без участия органов чувств). Но такие способности пока что не обнаружены ни у одного человека на Земле. И Мессинг здесь не исключение. Как справедливо отметил американский психиатр Чарльз Хэнзел, «хотя потрачено много времени, сил и денег, до сих пор не получено ни одного приемлемого доказательства реального существования экстрасенсорного восприя-

тия». Он же подметил, что «вполне разумных людей нетрудно обмануть, когда таящиеся в глубине их души верования приуменьшают их способность к наблюдению».

В то же время чтение мыслей — это отнюдь не фантастика. Вопрос в другом — что именно под этим понимать. Если считать телепатией любую фиксацию мыслей извне, в том числе с помощью технических устройств, то бесспорные примеры ее существуют. Вот один из последних примеров такого рода. Как писала в марте 2010 года британская газета «Индепендент», группа исследователей под руководством профессора Университетского колледжа Лондона Элинор Магвайр разработала метод сканирования человеческого мозга, позволяющий определить, о чем думает испытуемый. В будущем, используя данный метод, можно будет попытаться создать машину, угадывающую мысли человека на основании образов его мозговой активности.

Исследования группы британских ученых под руководством профессора Магвайр как будто доказывают, что так называемая эпизодная память у человека имеет постоянный характер. Этот вид памяти каждый раз задействует одни и те же области головного мозга, благодаря чему оказывается возможной идентификация и интерпретация воспоминаний. Суть опыта, проведенного группой Магвайр, заключалась в следующем: десяти добровольцам показали три коротких ролика, в которых актрисы выполняли три простых действия. Затем участников эксперимента просили вспомнить каждый клип, при этом подвергая их мозг магнитно-резонансной томографии для выявления образов, возникающих в памяти в связи с каждым из клипов. Сканирование показало, что наиболее яркие и отличающиеся друг от друга следы воспоминаний хранятся в гиппокампе — части лимбической системы головного мозга. Гиппокамп — парная структура, расположенная в медиальных височных отделах полушарий и отвечающая за формирование эмоций и консолидацию памяти, то есть за переход кратковременной памяти в долговременную, а также за ориентацию в пространстве и времени.

Исследователям из группы Магвайр удалось определить, какой именно ролик в данный момент вспоминали участники эксперимента. По словам самой Элинор Магвайр, «мы обнаружили, что наши эпизодные воспоминания воспроизводятся в гиппокампе. Теперь, когда мы знаем, где хранятся воспоминания, у нас появляется возможность понять, как они изменяются с течением времени. Пока мы не можем сканировать мозг людей так, чтобы читать их мысли, но мы можем, исходя из деятельности мозга, догадаться, о чем они думают и что вспоминают. Чем лучше мы понимаем, как сохраняются воспомина-

ния, тем лучше представляем, каким образом проводить реабилитацию людей с мозговыми травмами».

Конечно, до чтения мыслей, а тем более до их передачи, здесь еще очень далеко. Однако исследования группы Магвайр показывают, что в будущем может быть найдено техническое средство, дающее возможность «считывать» информацию о деятельности гиппокампа. Тогда можно будет говорить о создании устройства для расшифровки простейших мыслительных импульсов. В этом случае, вероятно, можно будет получить представление о характере образов, о которых в данный момент думает человек, а также о его предполагаемых перемещениях в пространстве. Правда, весьма сомнительно, что с помощью будущего «чудо-сканера» когда-нибудь удастся считывать абстрактные мысли человека, не сводимые к зрительным образам. Интересно, что гиппокамп играет большую роль в поиске кратчайших путей между хорошо известными человеку местами. Данное обстоятельство наводит на мысль, что именно здесь продуцируются мыслеобразы, относящиеся к пространству, а возможно — и ко времени.

Весьма любопытным представляется тот факт, что исследования одного из университетов Лондона в 2003 году показали, что гиппокамп у местных таксистов больше, чем у большинства людей, и что наиболее опытные таксисты имеют больший гиппокамп. Во время исследования корреляции между размером серого вещества и временем работы таксистом обнаружилось, что чем больше человек работает таксистом, тем больше у него становится объем правой части гиппокампа, но при этом общий объем гиппокампа не увеличивался. Действительно, таксистам надо знать больше мест и наиболее коротких путей между ними, чем среднестатистическому человеку. Не исключено, что уникальные способности Мессинга сводились к способности каким-то образом «считывать» информацию с гиппокампа. Таким способом он мог определять направление, в котором собирается двигаться человек, а также характер образа, о котором тот в настоящий момент думает, но только на уровне различения простейших геометрических форм. Однако если эти способности и были у Мессинга в действительности, то проявлялись они отнюдь не повседневно, а требовали для своей активации особых физических и, главное, психических усилий, проявляясь лишь на пике нервного напряжения.

Впрочем, такого рода гипотеза навсегда останется гипотезой. Ее невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Мессинг всегда выступал категорически против каких-либо научных экспериментов со своим участием, в том числе и против снятия каких-либо показаний его мозга с помощью приборов. Ес-

ли такие показания когда-либо и снимались, то никаких записей опытов такого рода до нас не дошло. Правда, Мессинг завещал для посмертных исследований свой мозг. Однако для того, чтобы попытаться зафиксировать его уникальные способности, несомненно, требовались исследования живого, а не мертвого мозга. Возможно, Мессинг как раз и боялся, что исследования активности его мозга никаких необычных показателей или явлений не выявят, а, значит, результаты эксперимента поставят под сомнение его дар, в наличие которого он безусловно верил и который стал для него смыслом жизни.

Насчет же ясновидческих способностей надо сказать совершенно определенно — таких способностей у Мессинга не было и быть не могло. Возможность точно, со стопроцентной определенностью предсказывать будущие события человеку не дана, поскольку если он уверен в предсказанном событии, то он может предпринять в настоящем те действия, которые сделают предсказанное событие невозможным. Тем самым мы оказываемся в логическом тупике, противоречащем всем законам природы. Раз предсказанное событие не произошло, пусть даже в результате наших действий, вытекающих из уже сделанного предсказания, то это предсказание по определению становится неверным, поскольку предсказанное им событие в принципе не может произойти. Например, в одном из многочисленных псевдодокументальных фильмов о Мессинге, появившихся в последние годы, он предсказывает, что в тот же день, до семи часов вечера, упадет висящий в кабинете портрет Ленина. Но чтобы сделать это предсказание ошибочным, достаточно немедленно снять портрет со стены. Точно так же можно предсказать, например, что фарфоровая чашка, которую вы держите в руках, разобьется в определенный день в следующем году. Для того чтобы опровергнуть это предсказание, достаточно немедленно разбить чашку. Разумеется, не всякий захочет пожертвовать фарфоровой чашкой, чтобы опровергнуть ясновидца. Хотя, если речь идет о знаменитостях уровня Хануссена или Мессинга, опровержение, безусловно, стоило какой-то там чашки. Если же речь шла о предсказаниях, касающихся вещей гораздо более серьезных, чем портрет или чашка, то здесь люди, которых эти предсказания непосредственно затрагивают, сделают все, чтобы эти предсказания не исполнились, и хотя бы в отдельных случаях преуспеют в этом. Как быть тогда? Не будут ли они смотреть на предсказание как на ловкую провокацию, призванную побудить их совершать те или иные действия, а на ясновидящего — как на провокатора, со всеми вытекающими отсюда последствиями? Печальная судьба Эрика Хануссена лишний раз подтверждает это.

Предопределенность судьбы иллюстрирует древняя исландская легенда о викинге Одде Стреле, которому была предсказана смерть от его коня. Колдунья предсказывает Одду: «Могу сказать тебе, Одд, что тебе хотелось бы знать то, что тебе предназначено прожить дольше, чем другим людям... Но как бы далеко ты ни оказался, умрешь ты здесь, в Берурьёрди. Здесь в конюшне стоит серый конь с гривой другого цвета: его череп станет твоей смертью». Одд убивает коня и воздвигает над могилой курган. В конце своей долгой жизни, совершив много походов по всей Европе, Одд возвращается на родину, приходит к кургану, где погребен любимый конь, натывается там на череп коня, и гнездящаяся в черепе змея смертельно жалит его. В русской летописи эта легенда трансформировалась в легенду о князе Олеге, хорошо известную благодаря пушкинской «Песни о вещем Олеге». Но такого рода совпадения, оправдывающие предсказания, бывают только в легендах.

В реальности же все глобальные предсказания Мессинга, касающиеся сроков начала и окончания Великой Отечественной войны, печальной судьбы Гитлера, если он пойдет войной на СССР, или гибели самолета с хоккейной командой ВВС на борту, известны нам только со слов самого Мессинга, отраженных в его мемуарах либо переданных в воспоминаниях друзей и знакомых. Между тем на сеансах, где были сделаны предсказания насчет Второй мировой войны, присутствовали тысячи людей. Неужели ни один из них не поразился удивительным совпадением предсказания и последующих событий и не запечатлел это в своих воспоминаниях? На практике же сохранившиеся показания свидетелей о сбывшихся предсказаниях Мессинга касаются лишь мелких бытовых вещей, типа — войдет человек, подъедет машина. Тут вполне может играть роль свойство человеческой памяти запоминать только сбывшиеся предсказания.

Если уникальные способности у Мессинга действительно были, то он мог улавливать лишь самую общую информацию, связанную с направлением движения или с самыми общими зрительными образами. Никакой информации в виде текста он узнать не мог и неизменно делал ошибки, если ему приходилось угадывать именно текстовую информацию, пусть даже самую простую (например, четырех- или пятизначный номер читательского билета). Поэтому никакого интереса ни для разведывательных служб, ни для политиков Мессинг в плане чтения мыслей потенциальных носителей важной информации, а тем более в плане ясновидческих предсказаний представлять не мог.

Прошло уже 36 лет со дня смерти Мессинга, но и сегодня о его биографии мы знаем лишь немногим больше того, что знали при его жизни. Что самое обидное, практически отсутству-

ют (или остаются недоступными) документы, касающиеся его происхождения, семьи, деятельности. Фактически о жизни Мессинга мы знаем главным образом из его мемуаров, а мемуары, как известно, источник ненадежный, особенно когда дело касается событий, связанных с самим автором. Из тех, кто мог знать Мессинга во время жизни в Польше, никто мемуаров с упоминанием его имени не оставил. Позднее в СССР Вольф Григорьевич знал многих известных артистов и ученых, однако, за редким исключением, они не оставили воспоминаний о нем. Те же, кто все-таки написал о Мессинге, говорили главным образом о его уникальных телепатических и ясновидческих, как они думали, способностях, но почти не писали о нем как о человеке. Почему? Об этом мы и поговорим в книге.

В отличие от многих других телепатов, магов, ясновидящих и экстрасенсов, немало путешествовавших по миру, Мессинг все свои путешествия, о которых он говорит в мемуарах, скорее всего, выдумал. На самом деле Вольф Григорьевич, по всей вероятности, безвыездно жил всего в двух странах: до осени 1939 года — в Польше, а после — в Советском Союзе. Можно сказать, что он вел достаточно замкнутый образ жизни не только в психологическом, но и в географическом смысле слова. При этом и в Польше, и в СССР Мессинг отнюдь не сидел на месте. Он много путешествовал с гастрольями, побывал в самых разных городах и поселках, порой не гнушался выступать и в сельских клубах. Однако смена ландшафтов для него не имела большого значения. В мемуарах Мессинга мы не найдем описания красот природы или городских пейзажей, хотя за 30 с лишним лет он объездил с концертами практически весь Советский Союз. Для Вольфа Григорьевича и пейзажи, и здания, где он выступал, являлись лишь внешним антуражем — главным для него были контакты с людьми, работа человеческой мысли.

Иногда Мессинга называют великим фокусником или иллюзионистом, но это неверно. Никаких традиционных для иллюзионистов трюков, вроде распиливания ассистентки или появления и исчезновения платка (котенка, шпаги и т. п.), Мессинг в Советском Союзе никогда не проделывал — хотя признавался в мемуарах, что в Польше на заре своей карьеры постиг азы ремесла иллюзиониста. Понятно, что в СССР опускаться до роли простого фокусника Вольфу было совсем не солидно, тем более что в Советском Союзе хватало своих иллюзионистов. Как и в Польше, он позиционировал себя как ученого-психолога и телепата, постигающего мысли людей с помощью строго научных методов. Ампула иллюзиониста могло только повредить ему, заставив усомниться в его телепатических способностях и предсказаниях будущего.

В связи с этим Мессинг в мемуарах писал: «Вот проходит молодой человек с несколько холодным, как мне кажется, лицом. Он ведет под руку красивую девушку.

— Очень тонкое шарлатанство... Помнишь Кио? Тоже ведь не могли мы разгадать его фокусов... А тот и не скрывал, что он фокусник, иллюзионист. Того же типа и Мессинг... Только не так-то легко разоблачить его здесь, на сцене.

Не скрою — обидно! Никогда в жизни я не говорил неправды».

Мессинг до сих пор остается фигурой непознанной, загадочной. И дело не столько в его уникальных способностях читать людские мысли, сколько в его человеческих свойствах. Каким человеком был Мессинг, не понимали, как кажется, даже самоотверженные его почитатели и поклонники. Он и сегодня остается человеком-загадкой — до сих пор именно так озаглавлены многие публикации о нем. Вольф Григорьевич был поистине великим артистом, игравшим как на сцене, так и вне ее гениального провидца, который читает самое сокровенное в человеческих мыслях, но то, как именно он это делает, должно навсегда остаться тайной, несмотря на демонстрируемую им готовность раскрыть все секреты своего мастерства. А жизнь его так и осталась во мраке, так как этого хотел сам маг. Мы должны были знать только о его встречах с великими людьми, по большей части вымышленных. Его же повседневная жизнь, то, что называется бытом, всегда оставалась за кадром. О ней приходится судить главным образом по воспоминаниям поклонников, для которых он был почти что живым богом и от которых трудно ждать объективности.

Популярности Мессинга помогло еще и то, что он, несмотря на множество выступлений в разных уголках страны, оставался фигурой полузапретной — прессе было дано указание писать о нем поменьше и ни в коем случае не обсуждать природу его невероятного дара. Такая секретность, как нередко случалось в СССР, придала личности Мессинга невероятную притягательность, усугубленную его иностранным происхождением — настоящий «маг-консультант» из романа Булгакова! «Информационная блокада» вокруг Мессинга развеялась при его жизни только раз — когда в № 7—11 популярного журнала «Наука и религия» за 1965 год появились его мемуары под названием «О самом себе». Более полный их вариант вышел в свет через много лет после смерти автора, в 1990 году, под названием «Я — телепат». Мемуары Мессинга писались по заказу ЦК КПСС для издательства «Советская Россия», но отдельной книгой так и не вышли. Вероятно, здесь сыграла свою роль смена политического руководства в СССР. Ведь заказывались

мемуары в 1963 году, когда у власти еще был Хрущев, а их журнальная публикация завершилась уже тогда, когда у власти был Брежнев. Нельзя исключить, что Мессингу покровительствовал зять Хрущева Алексей Иванович Аджубей. По некоторым свидетельствам, Мессинг в 1959 году предсказал Аджубею, который в тот момент был главным редактором «Комсомольской правды», переход в более значительную газету. Через два месяца тот стал главным редактором «Известий», что вознесло его карьеру на невиданную высоту.

Однако следует предположить, что невыход книги Мессинга был связан с более глобальными причинами, чем последовавшая за хрущевской отставкой отставка Аджубея. После 1965 года не состоялась публикация не только мемуаров Мессинга, но и еще нескольких книг, посвященных телепатии. В то же время телепатия не была объявлена лженаукой, как это произошло ранее с генетикой и кибернетикой. Вольф Григорьевич еще в течение десятилетия успешно выступал со своими психологическими опытами, не встречая каких-либо препятствий. Надо иметь в виду, что мемуары Мессинга, равно как и другие книги о телепатии, готовились в рамках проводившейся Хрущевым в первой половине 1960-х годов широкой антирелигиозной кампании. Такого рода литература должна была, с одной стороны, отвлечь народ от религии, продемонстрировав ему новые чудеса отнюдь не религиозного свойства. С другой стороны, мемуары Мессинга и научно-популярные книги о телепатии должны были доказать публике, что все чудеса, в том числе гипноз и чтение мыслей, имеют вполне научное, материалистическое объяснение. Поэтому и религиозные чудеса можно столь же успешно объяснить с научной точки зрения. Но Брежнев кампанию по борьбе с религией тихо свернул, и острая нужда в книгах по телепатии отпала. Кроме того, у кого-то из ревнителей идеологической чистоты могло сложиться впечатление, что сверхъестественные способности, о которых шла речь в книгах о телепатии, могут, наоборот, убедить читателей в существовании Бога или дьявола.

Свои мемуары Мессинг писал при помощи известного в свое время журналиста Михаила Васильевича Хвастунова — популяризатора науки, заведующего отделом науки газеты «Комсомольская правда», публиковавшегося под псевдонимом «Михаил Васильев» (друзья называли его «Михвас»). Сам Вольф Григорьевич вплоть до конца жизни писал по-русски плохо, да и говорил с легким акцентом. По утверждению польско-еврейского переводчика и поэта Игнатия (Игоря) Шенфельда, встречавшегося с Мессингом в Ташкенте в 1942 году и написавшего документальную повесть о Мессинге «Раввин с

горы Кальвария», за литературную запись материала Хвастунов взял себе 80 процентов гонорара. Трудно сказать, откуда Шенфельд позаимствовал эти данные — не исключено, что кто-то из московских друзей донес до него ходившие по Москве слухи. Можно допустить также, что эту цифру Шенфельд просто выдумал. Правда, она идет вразрез с генеральной линией его «документальной повести», в которой на самом деле ничего документального нет. В противоположность тому, что сообщает о себе Мессинг в мемуарах, а также тому, что писали о нем восторженные поклонники и поклонницы, Шенфельд рисует его ловким обманщиком, вдохновенно дурачащим простодушных зрителей. Еще Мессинг предстает в повести человеком скупым, любящим деньги и вынужденным расстаться со своими немалыми сбережениями только под давлением НКВД. А тут вдруг он с легкостью необычайной уступает соавтору 80 процентов гонорара! Нелогично как-то. Правда, в сравнении с платой за выступления гонорары за публикацию мемуаров представляли для Мессинга сушие копейки, зато эти мемуары должны были дать дополнительную рекламу великому телепату и привлечь новых зрителей на его выступления. Это, в свою очередь, должно было увеличить его доходы — хотя к деньгам Мессинг, по свидетельству знавших его людей, был достаточно равнодушен.

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, в какой пропорции делили гонорары Хвастунов и Мессинг — тем более что книга так и не была издана. Однако больше половины гонорара литзаписчик не получал никогда, а обычно его доля была значительно меньше. Можно также не сомневаться, что все явные небылицы, содержащиеся в мемуарах Мессинга, придумал сам Вольф Григорьевич. Во-первых, эти рассказы с разными вариациями, но с неизменными ссылками на Мессинга присутствуют в воспоминаниях людей, близко знавших его. Трудно представить себе, что Мессинг добросовестно вы зубрил чужие выдумки. Во-вторых, потомки Хвастунова утверждают, ссылаясь на рассказы отца, что в мемуарах Мессинга он самостоятельно написал только экскурсии в историю гипноза и телепатии, а все рассказы о встречах Мессинга с разными великими людьми, как и другие подробности его биографии, принадлежат самому телепату. Идущие от Шенфельда обвинения Хвастунова в том, что это он во многом выдумал биографию Мессинга, несправедливы и порождены разоблачительным пафосом его повести, равно как и завистью к славе Мессинга.

История моего знакомства с одним из потомков Михаила Хвастунова сама по себе поразительна. У меня есть старинный друг — Михаил Михайлович Голубков, известный литературо-

вед, доктор филологических наук, профессор МГУ. Он также является талантливым писателем, автором романа-триптиха «Миусская площадь», где в качестве одного из героев действует Вольф Мессинг. В 2007 году в рецензии на этот роман в газете «Культура» я писал: «“Миусская площадь” — это первая книга Михаила Голубкова, филолога по основной профессии. Действие состоящего из трех повестей романа-триптиха происходит с 1933 по 1952 год, почти целиком покрывая сталинскую эпоху. Это — хорошо написанная зрелая проза, где нет лишних слов. Некоторые сюжетные ходы заставляют вспомнить Михаила Булгакова и других писателей того времени, но в целом остросюжетная фабула вполне оригинальна. Голубкову удается сочетать достоверность и условность происходящего... Писатель сознательно не занимается реконструкцией мелких деталей быта и мысли, более полагаясь на интуицию и вечность проблем, волнующих человека в нашей стране. Идея “Миусской площади” заключается в том, что судьбы людей через поколения связывают незримые нити, а жестокие режимы, повелевающие массами, — это род рока. Недаром среди действующих в романе исторических личностей — знаменитый гипнотизер Вольф Мессинг, которого современники и потомки считали ясновидящим. Быть может, такие люди действительно могут заглянуть в будущее?»

Читая роман, я еще не знал, что история прославленного телепата — это в каком-то смысле еще и семейная история Михаила Михайловича. С Михаилом Голубковым мы познакомились еще в 1990 году, когда вместе работали в ИМЛИ, а потом и подружились. Встречались мы более или менее регулярно, но однажды случился перерыв месяцев девять по объективным причинам: то он уезжал за границу, то я, а затем были еще какие-то дела, и мы раз за разом переносили встречу. Встретились мы только в феврале 2010 года. Посидели, поговорили, а когда выходили из кафе, я обмолвился, что пишу биографию Вольфа Мессинга для серии «ЖЗЛ». И напомнил, что у него вроде бы в романе действует Мессинг. Михаил оживился: «Тогда ты наверняка не обойдешься без работ журналиста Михаила Васильева». — «Почему Васильева? — удивился я. — Его же звали Михаил Хвастунов». — «Конечно, Хвастунов, — согласился Голубков. — Это — мой отец». Через несколько дней мы встретились еще раз, и Михаил рассказал мне об отце и его дружбе с Мессингом.

К сожалению, Хвастунов ненадолго пережил Мессинга, который был старше его на 21 год — он скончался в 1978 году в возрасте 58 лет. Вот что рассказал мне Михаил Голубков об истории создания мемуаров Мессинга:

«Михаил Хвастунов был призван в армию в 1940 году. Войну 22 июня 1941 года встретил сержантом пехоты. Воевал под Мурманском, там боевые действия закончились осенью 1944 года в Норвегии. Затем его перебросили в Германию. Серьезных ранений за войну не имел, только царапины. Только однажды при отступлении почти сутки вынужден был просидеть в болоте, застудил почки, что уже после войны привело к гипертонии, которая, в свою очередь, вызвала раннюю смерть Михаила Васильевича. Отец рассказывал характерный эпизод. Они форсировали реку на плотках. Немцы открыли ураганный огонь. Вдруг отец почувствовал, что гимнастерка неплотно прилегает к телу, да и штаны сваливаются. Оказалось, что осколок снаряда рассек поясной ремень, но даже гимнастерку не порвал. Из языков Михаил Хвастунов знал только немецкий, который выучил, когда служил в Германии.

О Мессинге я знаю главным образом от моей мамы, Валентины Алексеевны Голубковой, жены Михаила Хвастунова. У нее был свой немалый опыт общения с Мессингом, когда она заведовала редакцией научно-популярной литературы издательства «Советская Россия». Однажды раздался звонок из ЦК. Сказали, что нужна книга, которая с материалистической точки зрения объяснит феномен удивительного артиста Вольфа Мессинга. Нужно было с ним связаться и выяснить, в какой форме он предпочитает видеть книгу о себе — то ли в виде мемуаров, то ли журналист должен написать книгу о Мессинге. Очень быстро выяснилось, что Мессинг хочет быть автором, но сам ничего написать не может. Он не владеет литературным языком, не способен отделить второстепенное от главного, выстроить сюжет. Но Мессинг всего этого не осознавал...

Когда моя мама поняла, что он не сможет написать книгу, она сказала: «Вольф Григорьевич, вам нужен помощник». И он согласился. Однако нескольких предлагаемых литобработчиков Мессинг после встреч с ними отверг, не объясняя причин. Тогда она предложила в качестве литобработчика своего мужа — журналиста Михаила Хвастунова. Они встретились, и Мессинг сразу согласился. Отец говорил, что он не знает, почему Мессинг выбрал его, но, я думаю, он почувствовал: отец бескорыстен, им движет чисто человеческий интерес к его необыкновенным способностям. А у других потенциальных литзаписчиков он сразу же прочитал в мыслях корыстные мотивы и потому их отверг. Они с отцом сдружились, он стал бывать на квартире Хвастунова на Беговой улице — в этом доме сейчас компьютерный магазин «Чип и Дейл»».

А вот как этот эпизод отражен в романе Михаила Голубкова «Миусская площадь». Прототип упомянутого здесь редакто-

ра издательства «Культполитпросвет» — директор «Советской России» Борис Гаврилов. «Понятно, почему переполошились, весело размышлял Боб, вспоминая сегодняшний утренний визит на Старую площадь. Конечно, весь город афишами оклеен. “Психологические опыты Вольфа Мессинга”! Театр эстрады! Сад Эрмитаж! Актальный зал ГБЛ! А нельзя ли, уважаемый Борис Александрович, издать, и желательно поскорее, небольшую такую научно-популярную книжечку? Из которой наш советский читатель смог бы узнать, что ничего сверхъестественного или, боже упаси, мистического и необъяснимого в психологических опытах Вольфа Мессинга нет, что природа их совершенно материальна и в основе этих опытов — точное знание психологии... чего там еще? биологии? медицины? В общем, сам решай, чего, но чтобы книжка была! И без раскочки! В общем, Боб, не подведи! Не то дружба дружбой, тем более фронтовая, а выручить тебя не смогу! С самого семьшкур спустят! Мы ведь, сам знаешь, бойцы идеологического фронта. А уж что за книжка, кто напишет — сам думай, тебе и карты в руки!»

Встретился я и со старшей дочерью Хвастунова Натальей Михайловной. Она непосредственно присутствовала при написании мемуаров Мессинга и рассказала мне, как это происходило: «Летом 1963 года отцу позвонили из издательства “Советская Россия”. Папа сказал: будем писать книгу про такую выдающуюся личность, как Мессинг. Мне тогда было 13 лет. Писали эту книгу так: мы с Мессингом поселились на нашей даче в Барыбино на две-три недели, а отец приезжал к нам и работал с Мессингом. В ту пору там было безлюдно, в поселке почти никто не жил. Я боялась, что Вольф Григорьевич читает мои мысли, и думала о всякой чепухе. Мессинг понимал это и только улыбался. Помню такой случай. Мы собирались утром пойти с ним на рыбалку. Я боялась, что просплю — встать надо было в шесть часов утра. Вольф Григорьевич успокоил, что он меня разбудит. И я проснулась ровно в шесть утра, свежая, отдохнувшая, и легко встала. Он уже покашливал за дверью, и я уверена, что он разбудил меня телепатически.

Мессинг жил на нашей даче две или три недели. У меня незадолго до этого, в мае 1963 года, умерла мама. Отец несколько раз, не каждый день, приезжал и оставался на ночь. Он сказал мне, что Вольф Григорьевич приедет на такси. Я удивилась: почему не на электричке? Приехать в те годы из Москвы на нашу дачу на такси — это было нечто. Машин тогда было мало, поездка за город стоила дорого. Папа ответил, что Мессинг так воспитан, что в электричке не сможет сидеть, когда женщина стоит, уступит место, и ему весь путь придется простоять на но-

гах. Он был очень вежлив. Чувствовалось дореволюционное воспитание, какого у нас уже не было. Никто его на нашей даче не запирали, как утверждал этот человек (Шенфельд. — Б. С.), он сам изъявил желание отдохнуть за городом. И никаких денег себе папа не требовал. Он был бескорыстным человеком. Я присутствовала при их беседах во время написания мемуаров. И отцу, и мне было очень трудно уразуметь, откуда у Мессинга такие способности. Папа тогда говорил мне о времени как способе существования материи (по Ленину) и о том, что ученые очень мало знают о времени».

Сохранился карандашный портрет Мессинга, сделанный тогда Натальей Михайловной. На его обороте Михаил Васильевич написал: «В. Г. Мессинг 16.I.64 во время чтения первых глав его рукописи». Это — одно из немногих документальных свидетельств, точно датирующее время работы Мессинга над его мемуарами. Кстати сказать, по свидетельству Натальи Михайловны, Мессинг был неприхотлив в быту, ел всё — и рыбу, и мясо, и овощи, и фрукты. Это опровергает утверждения некоторых людей, якобы знавших Мессинга, о том, что он был вегетарианцем и никогда не ел мяса.

Интересно, что упомянутый дочерью Хвастунова разговор о времени почти дословно воспроизведен в первой части романа Михаила Голубкова «Миусская площадь». Там о времени в 1930-е годы рассуждают советский дипломат Константин Грачев и немец-инженер Вальтер фон Штайн, зашедшие на новоселье к сотруднице Константина, студентке Анне. Вальтер прихватил с собой бутылку вина, которую и подарил Анне, хотя как будто не мог заранее знать о своей встрече с Грачевым, как и о том, что тот пригласит его с собой в гости к Анне:

«— Это невозможно даже теоретически. Мы с вами познакомились несколько часов назад. Вы не имели ни малейшей возможности знать о моей случайной встрече с Анной и о ее приглашении... даже если взять во внимание ваше странное признание. Решение прийти к Анне, да еще вдвоем с вами, возникло спонтанно, когда мы спускались по лестнице наркомата. Как можно знать то, чего еще попросту нет.

— Я точно не могу вам сказать, но кое-какие соображения у меня есть... если они не покажутся вам совсем бредовыми. Видите ли, мы ведь живем в мире иллюзий, и, возможно, самая большая иллюзия — это время. Возможно, что времени-то и нет. То есть нет прошлого, которое вроде бы за нашей спиной, нет будущего, которое вроде бы впереди. То есть они существуют, но, как бы это выразиться, одновременно. То, что было, никуда не ушло, а существует рядом с нами, и будущее тоже есть, и тоже рядом. Время, с позволения сказать, превращает-

ся в пространство, если встать на такую точку зрения, а мы с вами как бы идем по этому пространству в строго определенном направлении — из прошлого в будущее. Но некоторым иногда удается, ну, не то чтобы погулять по этому пространству, самим выбирая маршруты, хотя возможно и такое, а чуть-чуть заглянуть вперед, увидеть нечто вроде тропинки, по которой направляешься. Вот и у меня что-то похожее подчас получается. Как вам такая гипотеза?

Странное чувство завладело Константином Алексеевичем: это было чувство рыбака, в самое сердце которого отдается рыбок удилища с крупной рыбиной, и одновременно это было что-то похожее на то, что, скорее всего, чувствует карп или сом, заглатывая наживку и ощущая во рту или в горле острое крючка, который еще, как кажется, можно и выплюнуть. Он чувствовал себя и охотником, и жертвой одновременно и не мог понять: ему ли улыбнулась удача встретить человека, который, возможно, мог понять загадки Ганусена, или же он будет помогать кому-то что-то понять в скрытой от него игре.

— Да, все это очень интересно: физика времени, Эйнштейн, теория относительности, — несколько небрежно проговорил Константин Алексеевич, но небрежность получилась наигранной. — Как жаль, что я не понимаю языка формул!

— Ах, Константин Алексеевич, Константин Алексеевич! Пусть сегодня будет день, когда я с вами откровенен, но не имею шансов на взаимную откровенность. Я подожду — ведь будет и завтра, и послезавтра. И, заглядывая вперед, — вдруг я и сейчас могу это сделать, разглядеть, что там, на тропке будущего, куда мы с вами направляемся? — скажу: я терпелив, и терпение мое вознаградится... Нет, вы только подумайте, какие чудесные перспективы открываются перед всеми нами: ведь если мы видим будущее, мы можем его изменить, поправить по своему усмотрению. Ну, скажем, два серьезных человека, русский и немец, молодых и сильных, прагматически мыслящих, патриотически настроенных, имеющие кое-какие возможности в своих ведомствах, смогут заглянуть вперед и кое-что подправить, совсем чуть-чуть. А то ведь дела могут совсем не в ту сторону пойти, а, Константин Алексеевич?

Ах ты, bestия белокурая! А то ты не знаешь, что все это уже есть! Что коллеги твои уже давно пристроили этого несчастного Ганусена к твоему Гитлеру и что есть сил внушают через него, что захотят!»

Действительно, попытки объяснить феномен ясновидения, точного предсказания событий будущего и определения действительного хода событий прошлого, о которых ясновидец вроде бы ничего не должен знать, обычно основываются на

представлениях о времени как об особом измерении, в которое могут заглядывать лишь обладатели крайне редко встречающихся специфических способностей (говоря языком мистики — посвященные). Здесь приходит на память роман британского писателя Эдварда Бульвер-Литтона «Грядущая раса». В этом научно-фантастическом произведении описана подземная цивилизация Врил-Йа, создатели которой овладели таинственной энергией «врил» (Vril). Главный герой книги — спелеолог, то есть исследователь пещер. Во время одного из путешествий он проваливается в трещину и оказывается в подземном мире, населенном могущественным племенем сверхлюдей Врил-Йа, которые имеют доступ к этой волшебной энергии, с помощью которой можно лечить любые болезни, читать мысли, а при необходимости — уничтожить все человечество. Многие читатели приняли эту фантазию всерьез, и легенды о всемогущем тайном обществе «Врил» бытуют вплоть до наших дней.

В дальнейшем идеи Бульвер-Литтона получили развитие в трудах тех, кто считал, что энергия электромагнитных волн может передавать человеческие мысли, которые таким образом можно улавливать либо с помощью специально сконструированных приборов, либо с использованием уникальных способностей отдельных людей. Эти идеи также вдохновили советского писателя-фантаста Александра Беляева на создание романа «Властелин мира», о котором мы еще поговорим далее в этой книге.

Пока же вернемся к роману «Миусская площадь». Цель предстоящей командировки Константина Грачева в Германию как раз и заключается в том, чтобы собрать информацию о ясновидце Ганусене и вступить с ним в контакт.

Диалог Константина и Вальтера о времени продолжается в поезде по дороге в Берлин:

«— Однако вы, Константин Алексеевич, нарушили свое правило — не курить до еды.

— Дорога настраивает и вносит другой ритм, время в дороге по-другому течет...

— Вот-вот, время, это вы очень точно заметили, — оживился Вальтер. Впрочем, как может течь то, чего нет?

— Чего нет? Времени нет?

— Конечно! Вы его можете пощупать, потрогать? Определить, наконец, что это такое? Может быть, это чистая умозрительность? Почему мы представляем себе будущее где-то впереди нас, а японцы думают, что оно позади? И кто из нас прав — мы или они? Впрочем, бог с ним, со временем — давайте хоть выпьем под хорошую папироску! — Костя невольно бросил взгляд на пиджак Вальтера, думая увидеть под полкой

бутылку вина. — Ну уж нет, на сей раз обойдемся без фокусов для дам. В этот раз ничего фантастического не будет происходить, я же прекрасно знал, что предстоит поезд, а в поезде я предпочитаю ехать с бутылочкой хорошего коньяка.

Вальтер достал из-под дивана желтый кожаный саквояж, и в его руках появилась бутылка коньяка.

— “Ани”, шесть лет выдержки. Мне кажется, один из лучших советских коньяков. Армянский! Давайте выпьем за нашу неожиданную встречу, которая, надеюсь, выльется в крепкую дружбу, и за то, чтобы наши цели оказались общими. Так их легче достигать.

Только сейчас Костя хватился сумки, которую передал ему Борис. Она, наверное, осталась на вокзале. Ну да: в зале ожидания доставали билеты, сумку поставил на мраморную скамейку, а чемодан около нее, на пол. Надо же, жалость какая! Старались же и мама, и сестренка, собирали для него... Растяпа! Ну да ладно, без закуски будем.

— Так что же со временем? — спросил Константин Алексеевич, согревая в пальцах железнодорожный стакан тонкого стекла и вдыхая терпкий коньячный аромат. — Если даже представить его, как вы предлагали это у Ани, в виде некоего пространства, то что нам это дает? И если действительно два патриотически настроенных человека, как вы нас давеча определили, попробуют по этому пространству прогуляться, то смогут ли они что-то изменить? Ведь если вашу гипотезу принять, то получается, что все уже и так есть, существует, предопределено, стало быть?

— Сами посудите. Мы спокойно передвигаемся по нашему земному пространству, скажем, по дачному участку, если он у нас есть, конечно же, и при этом легко его можем изменять: можем вскопать грядку, можем не вскопать, можем посадить розы и ухаживать за ними, а можем не посадить и забросить землю: тогда вырастет чертополох.

— Я бы предложил тогда тост за возделывание роз и за борьбу с чертополохом! — произнес Константин, держа стакан на уровне глаз и любуясь цветом коньяка. Тревожное состояние отступило — был ли коньяк причиной того, или сама невнятная причина тревоги куда-то отошла.

— Вот именно! Но я боюсь, что кое-кто и у нас, и у вас уже возделывает кое-какие грядки, культивируя чертополох, как это ни грустно. Поэтому я очень рад, что именно вы будете пытаться каким-то образом найти этого странного мистификатора, Ганусена, что ваши коллеги хотят на него повлиять, хотя и знаю, что это не просто, а может быть, и невозможно. Давайте выпьем за откровенность — как вам такой тост?»

Здесь в иносказательной форме дается понять, что ясно-видцы своими действиями могут внести изменения в будущий ход событий. Как уже говорилось, это противоречит законам логики, ибо если будущее изменено, то предсказание или предвидение, на основе которого сделано это изменение, автоматически оказывается неверным.

Но вернемся к мемуарам Мессинга, которые, как убедится читатель, содержат много недостоверных сведений о биографии автора. Очевидно, Вольф Григорьевич в ряде случаев сознательно мистифицировал читателей. Однако целый ряд содержащихся в мемуарах утверждений приходится принимать на веру, поскольку проверить или опровергнуть их в настоящее время не представляется возможным.

Вторым по важности источником сведений о Мессинге традиционно считаются мемуары, точнее, уже упоминавшаяся «документальная повесть» Игнатия Шенфельда, которая была впервые опубликована в 1989 году в русскоязычном журнале «Грани» в Германии. Многие исследователи склонны считать их достоверным источником для подлинной биографии Мессинга. Особенно убеждены в этом те, кто настроен критически по отношению к телепату и старается опровергнуть утверждения не только о его сверхъестественных способностях, но и в первую очередь о его высоких моральных качествах. Как будет показано ниже, на самом деле мемуары Шенфельда о его встречах с Мессингом содержат очень мало реальных фактов.

Еще один важный мемуарный источник сведений о жизни Мессинга — это книга его горячей поклонницы Татьяны Лунгиной «Вольф Мессинг — человек-загадка», вышедшая в США в 1989 году. Лунгина в значительной мере пересказывает мемуары Мессинга или воспроизводит его устные рассказы на те же темы, перемежая их собственными впечатлениями от общения с великим телепатом и ясновидцем. Некоторые ее свидетельства о встречах с Мессингом, а также о жизни Вольфа Григорьевича в СССР, оставшиеся за пределами его собственных мемуаров, представляют существенный интерес.

Единственная биография Мессинга, где автор всерьез пытается осмыслить личность и деяния Мессинга с позиций научной критики, принадлежит перу бывшего иркутского следователя Николая Китаева и называется «“Криминалистический экстрасенс” Вольф Мессинг: правда и вымысел». Она вышла в Иркутске в 2006 году. Китаев с профессиональных позиций разоблачает многие мифы, созданные самим Мессингом, прежде всего насчет его встреч с великими людьми XX века, от Шолом-Алейхема до Сталина, а также о расследовании им ряда громких преступлений как в довоенной Польше, так и в

СССР. Он также показывает, опираясь на публикации ряда ученых, сделанных еще при жизни Мессинга, что в его «психологических опытах» мы имеем дело не с телепатией, а всего лишь с умением читать идеомоторные акты. Однако Китаев, разрушая одни мифы, одновременно создает другие, в частности, слишком доверяясь «документальной повести» Игнатия Шенфельда. В критическом запале автор отказывает Мессингу в каких-либо паранормальных способностях, а заодно и в позитивных человеческих качествах, создавая образ обманщика, стяжателя и чуть ли не предателя Родины — не зря же он в годы войны пытался бежать из СССР в Иран, хотя об этом мы знаем только по сомнительным данным того же Шенфельда. В итоге «очернительская» книга Китаева создает столь же искаженный портрет Мессинга, как и его воспоминания.

Все остальные книги и статьи о Мессинге, в том числе написанные людьми, лично знавшими его или бывавшими на его сеансах, как правило, ограничиваются пересказом с некоторыми фантастическими дополнениями эпизодов, отраженных в мемуарах Мессинга. Одним из немногих исключений являются статьи иллюзиониста Юрия Горного и ряда других скептиков-ученых, которые свидетельствовали, что при соответствующей подготовке индуктора и его нацеленности на то, чтобы не давать медиуму идеомоторных подсказок, опыты Мессинга заканчивались неудачей.

Подводя итог вводной части нашей книги, следует сказать, что Мессинг всегда стремился предстать перед публикой человеком загадочным. Многим он казался магом и волшебником, едва ли не общавшимся с потусторонними силами, хотя сам артист, пребывая в стране государственного атеизма, безусловно, категорически отвергал подобные предположения. Мессингу удалось сохранить загадочность не только на сцене, но и в жизни. Документов о его жизни сохранилось ничтожно мало, причем подавляющее большинство из них интереса для историков не представляет. Его эпистолярное наследие ограничивается короткими записками. Можно предположить, что сколько-нибудь больших текстов Мессинг вообще не создал — ведь, как явствует из приведенных выше свидетельств, Вольф Григорьевич был начисто лишен литературных способностей. Конечно, русский язык не был для него родным, но нет свидетельств, что он писал что-либо на языках, которыми владел значительно лучше — на идише, польском или немецком. Нет также ни одной более или менее подробной записи, аудио- или телесъемки сеансов Мессинга. Отсутствуют и документы о времени и месте его рождения, поэтому все суждения на этот счет мы можем строить только с его слов.

О жизни Мессинга в Польше мы знаем только из его мемуаров, а также из единственной цитируемой там статьи из неназванной польской провинциальной газеты. Биография Мессинга в годы Великой Отечественной войны имеет весьма скудные документальные источники. Это — недатированная телеграмма Сталина Мессингу с благодарностью за взнос на постройку боевого истребителя и статья Героя Советского Союза Константина Ковалева, воевавшего на самолете, построенном на средства Мессинга, о его встрече с Вольфом Григорьевичем; она опубликована в газете «Летчик Балтики» от 22 мая 1944 года. Послевоенные годы жизни и творчества Мессинга также небогаты источниками. Это — несколько бухгалтерских документов, связанных с его концертными выступлениями, воспоминания зрителей, побывавших на его сеансах. Не сохранился архив Мессинга; к тому же по свидетельству лиц, с этим архивом знакомых, он содержал главным образом письма к нему, заключавшие в себе благодарности за сеансы психологических опытов, восхищение талантом Мессинга и просьбы помочь в лечении тех или иных болезней. Домыслы о том, что после смерти Мессинга его архив был конфискован КГБ и с тех пор хранится там, не имеют никаких подтверждений. Кроме мемуаров и не слишком достоверных устных рассказов, Вольф Мессинг не оставил нам сведений о своей жизни и своем уникальном даре. После его смерти не осталось ни родных, ни близких ему людей. Зато остались многочисленные легенды, передающиеся из уст в уста, из поколения в поколение его многочисленными поклонниками и немногочисленными недоброжелателями.

В этой книге я не ставлю себе задачу реконструировать подлинную биографию Мессинга. В настоящий момент эту задачу решить невозможно, и трудно сказать, будет ли это возможно когда-нибудь в будущем. Наверное, Мессинг навсегда останется фигурой загадочной и многоликой, в которой каждый отражает собственные представления о сверхъестественном и непознанном. Мы же постараемся лишь понять, каким человеком был Мессинг, о чем он думал, что переживал, как относился к своему дару, наконец, насколько он был честен со зрителями и с самим собой. А также попробуем догадаться, в чем заключается суть тех феноменов, которые в сознании публики были неразрывно связаны с фигурой Вольфа Мессинга. Это — гипноз, телепатия и ясновидение.

Хочу принести самую сердечную благодарность людям, своими рассказами оказавшим мне большую помощь в написании книги. Это — Михаил Михайлович Голубков, Наталья Михайловна Хвастунова и Марина Андреевна Мартынова.

Глава первая
ДЕТСТВО МАГА

Вольф (Велвел) Мессинг, как он сам пишет в мемуарах, родился 10 сентября 1899 года в городке Гура-Кальвария недалеко от Варшавы. Стоит сказать, что в ту пору евреи в Польше обычно наряду с первым, собственно еврейским именем носили также немецкие имена, взятые из идиша. Велвел в переводе с иврита означает «выть, стонать», а Вольф на идише, как и по-немецки — «волк». Отца его звали Гирш или Герш. По утверждению Игнатия Шенфельда, отца Мессинга звали Хаим, но это вряд ли соответствует действительности. Сомнительно, чтобы при кратковременном знакомстве Мессинг назвал Шенфельду имя своего отца, и столь же маловероятно, чтобы Игнатий знал ранее отца Мессинга. Поскольку в советском паспорте отчество Мессинга писалось как Гершикович, можно предположить, что его отца звали Гершка (уменьшительное от Гирш).

Тут надо оговориться, что о дате и месте рождения Мессинга известно только с его слов. Во Вторую мировую войну почти все население Гуры-Кальварии, как и подавляющего большинства еврейских местечек Польши, было уничтожено нацистами, а метрические документы погибли в огне боевых действий. Однако у Мессинга в момент его перехода из Польши в Советский Союз осенью 1939 года наверняка был при себе польский паспорт, на основе которого ему был выдан советский. А в советском паспорте Мессинга стояла именно эта дата — 10 сентября 1899 года. Поэтому можно предположить, что указывавшаяся Мессингом в паспорте и всех анкетах дата рождения соответствует истине.

Сделаем небольшое отступление о «малой родине» Мессинга. Местечко Гура-Кальвария известно в хрониках с 1252 года, а в 1670 году оно получило статус города. В 1815 году Гура-Кальвария была включена в состав Российской империи и позже вошла в состав Груецкого уезда Варшавской губернии. Еще в 1808 году здесь проживало всего 60 евреев, составлявших лишь 11,2 процента населения, но уже в 1827 году их число достигло

500, а доля — 40,7 процента. В 1897 году, согласно первой все-российской переписи населения, в Гуре-Кальварии насчитывалось 2019 евреев, а в 1921 году их численность возросла до 2961 человека, что составляло 53,9 процента всего населения. Накануне Второй мировой войны численность евреев в Гуре-Кальварии, по некоторым оценкам, достигала 3,5 тысячи человек.

В городе довелось жить людям, оставившим заметный след в еврейской истории. Еще в 1859 году в Гуре-Кальварии поселился Ицхок-Меир Алтер, основатель династии гурских хасидов. Хасиды называли Гуру-Кальварию «польским Иерусалимом». В праздник Рош-га-Шана (в переводе с иврита — «голова года», аналог праздника Нового года, в этот день определяется судьба человека на весь следующий год) и Йом-Кипур (в переводе с иврита «День искупления», самый важный иудейский праздник, день поста, покаяния и отпущения грехов) в Гуру-Кальварию стекалось до 15 тысяч хасидов. В 1909 году здесь построили большую синагогу на три тысячи мест.

Что такое хасидизм, одним из центров которого стала Гура-Кальвария? Это направление в иудаизме, возникшее в начале XVIII века. Его название происходит от ивритского слова «хасидут», что означает «учение благочестия». За полвека до возникновения хасидизма еврейские общины на Украине и в Белоруссии испытали первый геноцид со стороны украинских казаков гетмана Богдана Хмельницкого, поднявшего восстание против Польши. Эти печальные события были названы «хмельнитчиной», а на иврите «Гзерот Тах» («Господня кара»); в ходе их погибло до 50 тысяч евреев или четверть еврейского населения Речи Посполитой. Украинский историк XIX века Николай Костомаров так описал происходившее тогда, основываясь на показаниях современников: «Самое ужасное остервенение показывал народ к иудеям: они осуждены были на конечное истребление, и всякая жалость к ним считалась изменой. Свитки Закона были извлекаемы из синагог: казаки плясали на них и пили водку, потом клали на них иудеев и резали без милосердия; тысячи иудейских младенцев были бросаемы в колодцы и засыпаемы землею... В одном месте казаки резали иудейских младенцев и перед глазами их родителей рассматривали внутренности зарезанных, насмехаясь над обычным у евреев разделением мяса на кошер (что можно есть) и трэф (чего нельзя есть), и об одних говорили: это кошер — ешьте, а о других: это трэф — бросайте собакам!»

Хасидизм стал своеобразной реакцией на геноцид, пусть и отделенной от эпохи «хмельнитчины» временной дистанцией в несколько десятилетий. Это — мистическое учение, которое

утверждало, что Бог по своей природе добрый, а не карающий. Человек является центром творения. Хасиды стремятся к тесной связи с Богом через выражение восторга, через песни и танцы. Достижение веселья является для хасидов основой религиозной практики. Такой способ общения с Богом должен был помочь еврейским общинам победить ужас, пережитый в годы геноцида. Основателем хасидизма стал проповедник ребе Исраэль Бен Элизер (1698—1760), живший в Меджибоже на Украине и известный также как Рабби Исроэль Бааль Шем Тов, или сокращенно Бешт. На основе мистической традиции в иудаизме, сохраненной в каббале, Бешт создал учение, которое религиозный экстаз и непосредственный мистический опыт ставят выше как талмудической учености, так и аскетических практик той же каббалы. Хасидизм быстро распространился из Подолии на остальную Украину, в Галицию, проник в Закарпатье, Венгрию, Бессарабию, Румынию и собственно в Польшу, а также распространился среди ряда общин в Белоруссии.

По утверждению Игнатия Шенфельда, почти треть евреев в Гуре-Кальварии носила фамилию Мессинг. Сам Вольф, в отличие от многих других местных евреев, хасидом не был, но с хасидским учением наверняка был знаком. В мемуарах он утверждает, что его отец арендовал фруктовый сад и с дохода от продажи фруктов кормилась вся его семья. Вольф вспоминал: «Маленький деревянный домик, в котором жила наша семья — отец, мать и мы, четыре брата. Сад, в котором целыми днями возился с деревьями и кустами отец и который нам не принадлежал. Но все же именно этот сад, арендуемый отцом, был единственным источником нашего существования. Помню пьянящий аромат яблок, собранных для продажи... Помню лицо отца, ласковый взгляд матери, детские игры с братьями. Жизнь сложилась потом нелегкой, мне, как и многим моим современникам, довелось немало пережить, и превратности судьбы оказались такими, что от детства в памяти не осталось ничего, кроме отдельных разрозненных воспоминаний».

Шенфельд же заставил Мессинга рассказать о детстве гораздо более красочно, с большим количеством слов и фраз на идише, чтобы подчеркнуть, что русский язык в 1942 году тот знал еще нетвердо. Кстати сказать, в реальности они между собой наверняка говорили на идише, а не на русском. В изложении Шенфельда рассказ Мессинга звучал так: «Отец мой — не хочу сказать блаженной памяти, хочу верить, что он жив, — арендовал сады, с которыми была возня от зари до зари. Этот гешефт имел и свой страх и свой риск: кто мог знать, какой будет осенью урожай? Весь год гни спину, вкладывая деньги, а

только осенью узнаешь, пан или пропал. Если получался рей-вах (прибыль. — *Б. С.*), отец с этой прибыли расплачивался с долгами и запасался продуктами на долгую зиму.

Я был у отца первым помощником. Мать — да пребудет священным имя ее! — изнуренная родами, выкидышами, тяжелым трудом, рано состарилась и часто болела. Из детей, кроме меня, в живых остались еще два моих младших брата.

Сад был для меня сушим наказанием. Он был почти всегда вдали от местечка, отец не успевал один ухаживать за деревьями и кустами, бороться с вредителями, и я должен был заниматься окуриванием. Знаете, что это такое? Глаза воспалены, слезы текут, горло дерет, прямо задыхаешься. А потом, когда урожай созревал, сад надо было стеречь от деревенских сорванцов, которые налетали ватагами, трясли деревья и обрывали кусты. Злую собаку, которую давали мне в помощники, я боялся больше, чем этих шайгецов (озорников. — *Б. С.*). Шалаш, в котором я прятался от дождя, продувало насквозь, и ночами я дрожал от холода и страха. Ой, цорес ын ляйд (горе горькое. — *Б. С.*)! Незабываемыми событиями в моей жизни были тогда две поездки с отцом в Варшаву: мы там сдавали товар купцам в Мировских торговых рядах. Второсортные фрукты, или которые с гнильцой, мать выносила на местный рынок».

Сложно сказать, передает ли Шенфельд реально слышанный от Мессинга рассказ, пусть и расцветченный художественными деталями, или этот рассказ он целиком выдумал. Я исхожу из того, что Шенфельду и Мессингу действительно доводилось встречаться в Ташкенте или где-то еще в Центральной Азии — иначе интерес поэта и переводчика к фигуре Мессинга необъясним. Однако невозможно установить, о чем они на самом деле говорили между собой. Ведь повесть Шенфельда — это художественное произведение, и законная авторская фантазия там явно преобладает над фактами.

Сам Мессинг ничего о смерти своих братьев не сообщает и утверждает, что в семье было четверо детей, а не трое. Я больше склонен принять его версию, поскольку ему не было никаких резонов скрывать эти печальные обстоятельства. Наоборот, по советским биографическим канонам, это должно было подчеркнуть те тяжелые условия, в которых жили Мессинги при «проклятом царизме». Шенфельд же писал свою документальную повесть с намерением опровергнуть мессинговские мемуары, развенчать творимую великим телепатом легенду. Поэтому он вполне мог намеренно сгустить краски по части бедности и страданий семейства Мессингов.

Разумеется, доход арендатора напрямую зависел от урожая. В урожайные годы он был вполне приличным для семьи из ше-

сти человек, зато когда случался неурожай, родители Мессинга едва сводили концы с концами.

Согласно мемуарам Мессинга, в возрасте шести лет родители отдали его в хедер. Вольф вспоминал: «Люди ниже среднего достатка, какими были мои родители, да еще в бедном еврейском местечке, могли учить своих детей только в хедере — школе, организуемой раввином при синагоге. Основным предметом, преподаваемым там, был талмуд, молитвы из которого страница за страницей мы учили наизусть... У меня была отличная память, и в этом довольно-таки бессмысленном занятии — зубрежке талмуда — я преуспевал. Меня хвалили, ставили в пример. Именно эта моя способность и явилась причиной встречи с Шолом-Алейхемом... Но общая религиозная атмосфера, царившая в хедере и дома, сделала меня крайне набожным, суеверным, нервным».

Здесь мемуарист и его литзаписчик следовали советской традиции воспоминаний. Полагалось всячески проклинать «религиозный дурман» и свидетельствовать, что ты избавился от него еще в детстве или, в крайнем случае, в ранней юности. Также общим местом мемуаров были сетования на тяжелое детство, чтобы лучшим контрастом с ним выглядела светлая жизнь в Советском Союзе.

В мемуарах Мессинг утверждал: «У меня не было детства. Была холодная жестокость озлобленного жизнью отца. Была убивающая душу зубрежка в хедере. Только редкие и торопливые ласки матери могу я вспомнить тепло. А впереди была трудная кочевая жизнь, полная взлетов и падений, успехов и огорчений. Впрочем, вряд ли бы согласился я и сегодня сменить ее на любую другую».

Чем же был столь нелюбимый Мессингом хедер? Это слово в переводе с иврита означает «комната». Хедер представляет собой иудейскую начальную религиозную школу. В конце XIX века в Российской империи возникли так называемые реформированные хедеры, где, помимо религиозных текстов, изучали историю и географию Израиля, а также иврит. Это было связано с развитием сионистского движения, пропагандировавшего необходимость эмиграции евреев на историческую родину в Палестину и возрождение иврита как живого разговорного языка. Но таких хедеров было мало, большинство евреев считали их «ненастоящими». Герш Мессинг, по словам Вольфа, был весьма ортодоксальным иудеем и наверняка отдал сына в традиционный хедер. Да и рассказ самого Мессинга о том, что он учил в хедере, свидетельствует, что обучение там велось по старинке. Хедер был частной школой, и его учитель (меламед) получал плату от родителей учеников. Следова-

тельно, отец Мессинга имел достаточный доход, чтобы платить за обучение сына в хедере. Обучение проводилось обычно в одной из комнат квартиры учителя.

В версии Шенфельда Мессинг рассказывал: «Когда Бог был милостив и случался большой урожай, да еще удавалось его выгодно продать, отец посылал меня в хедер, чтобы я немного поучился. Тогда мне позволяли надевать ботинки, а то я, делая честь отцовскому прозвищу, бегал босым до поздней осени. Брюки и курточку мне шили из перелицованной старой отцовской одежды. Еда у нас была: черный хлеб, картошка, лук, репа, кусочек ржавой селедки на ужин и кофе из ячменя и цикория, который мать утром варила на весь день в большой кастрюле...»

Заметим, что в своих мемуарах, вопреки советской традиции, в которой считалось хорошим тоном подчеркивать бедность своих родителей, Мессинг осторожно говорит, что они были среднего достатка. С отцовским садом у автора оказываются связаны романтические воспоминания, и никаких негативных ассоциаций он на склоне жизни не вызывал. Шенфельд же в своей повести, отталкиваясь от мемуаров Мессинга, стремится построить его альтернативную биографию по принципу противоположности. Поэтому у Шенфельда Мессинг с ненавистью вспоминает об отцовском саде, где ему приходилось трудиться не покладая рук, а семья его, оказывается, жила почти в нищете. В хедер он, дескать, ходил урывками, только тогда, когда в семье были деньги. Но ведь хедер был бесплатным, а уж одну пару ботинок семья в урожайный год вполне могла бы купить. И вряд ли бы, посещая хедер от случая к случаю, Мессинг успевал бы так хорошо, что его отправили бы потом в иудейскую школу более высокой ступени, готовившую раввинов. В данном случае мемуары Мессинга выглядят куда достовернее, чем документальная повесть Шенфельда.

Мессинг вспоминал: «Отметив мою набожность и способность к запоминанию молитв талмуда, раввин решил послать меня в специальное учебное заведение, готовившее духовных служителей — иешибот. У моих родителей и мысли не появилось возразить против этого плана. Раз раввин сказал, значит, так надо!.. Но мне отнюдь не улыбалась перспектива надеть черное платье священнослужителя...»

Иешибот (точнее, йешива — на иврите буквально «сидение, заседание», во множественном числе «ешивот») — это название высшего религиозного учебного заведения, где изучают Талмуд и другие религиозные тексты. Окончивший иешибот становится раввином. В начале XX столетия в некоторых

иешиботах Российской империи наметилась тенденция к расширению учебной программы за счет включения других предметов, в частности, изучения Библии, еврейской истории и иврита — древнееврейского языка, незадолго до этого возрожденного в сионистских кругах. Поскольку Мессинг прямо писал в мемуарах, что знает иврит, можно предположить, что он учился в одном из таких реформированных иешиботов и, скорее всего, закончил его. Ведь другой возможности систематически изучать иврит у Мессинга в жизни больше не было. Следует сказать, что с конца XIX века в иешиботах в Российской империи изучались также арифметика и русский язык в объеме начальной школы, причем занятия проходили вне территории иешибота, в особых помещениях.

Вот типичный распорядок дня иешибота в белорусском местечке Воложин в 1880-е годы. В этой школе Мессинг точно не учился, поскольку она была закрыта в 1892 году, однако распорядок дня в большинстве иешиботов был примерно одинаков. Здесь холостые (бахуры) получали стипендию от двух до четырех рублей в месяц, а женатые — от четырех до десяти рублей. Этих денег не хватало для удовлетворения даже самых необходимых потребностей. Каждый воспитанник иешибота должен был являться к восьми утра на общую утреннюю молитву. Потом следовал завтрак. Тем, кто завтракал в школе, глава иешибота читал соответствующую главу из Пятикнижия с комментариями. С десяти часов до часа дня шли занятия по изучению Талмуда. Каждый ученик мог выбрать трактат по своему вкусу. Все это время с учениками находился смотритель, который внимательно следил, чтобы никто не отлынивал от занятий. С часу до трех дня ученики слушали лекцию по Талмуду. Затем был часовой перерыв на обед. В четыре часа опять следовала молитва, после которой занятия продолжались до десяти часов вечера. Затем, после вечерней молитвы, следовал ужин. Потом часть слушателей занималась до полуночи, другие спали до трех ночи, но зато затем занимались до утра.

После 1891 года арифметику и русский язык преподавали в иешиботах между девятью и тремя часами дня. Общая продолжительность ежедневных занятий не должна была превышать десяти часов в сутки, а ночные занятия не допускались. Аналогичные реформы прошли в большинстве других иешиботов Российской империи. Так что Мессинг попал уже в достаточно «либеральное» заведение, где ему, по крайней мере, не приходилось изучать Талмуд чуть ли не сутки напролет. Вероятно, он изучал и русский язык, однако из-за практически полного отсутствия языковой практики вплоть до 1939 года говорить по-русски он практически не мог.

Многие учащиеся иешиботов приезжали из других городов и местечек и жили при школе, выполняя все обязанности по ее уборке и ремонту. Питаться они должны были по графику в домах местных жителей, и чаще всего их кормили впроголодь. Правда, в начале XX века возникла тенденция к замене этого старинного обычая денежными стипендиями или общей кухней при иешиботе. Мессинг во время учебы тоже жил при школе — он сообщает, что его иешибот находился не в Гуре-Кальварии, где сильно было влияние хасидов, а в другом городе. Скорее всего, это была не Варшава, иначе Мессинг вряд ли забыл бы упомянуть, что учился в польской столице. Он утверждал: «Помню иешибот. Он помещался в другом городе, и с этого началась моя жизнь вне дома. Опять талмуд, те же самые, что в хедере, молитвы. Более широкий круг учителей, сменявших друг друга, преподносивших нам разные науки. Кормился — по суткам — в разных домах. Спал в молитвенном доме. Так прошло два года. И так, наверное, и сделали бы из меня раввина, если бы не одна случайная встреча».

Чтобы убедить строптивца идти в иешибот, отец устроил сыну сценку с явлением Бога, старика с большой белой бородой, который убеждал мальчика: «Сын мой! Свыше я послан к тебе... предречь будущее твое во служение Богу. Иди в иешибот! Будет угодна Богу твоя молитва...» Впечатлившись, Вольф согласился поступить в иешибот. Однако вскоре он встретил бродягу, как две капли воды похожего на явленного ему Бога, и понял, что отец его обманул и просто подговорил старика за пару грошей сыграть роль Всевышнего. Тогда, по утверждению Мессинга, он навсегда разочаровался в религии.

В последнем, однако, позволительно усомниться. Выступая в Советском Союзе под флагом разоблачения религии, Мессинг должен был позиционировать себя как атеиста, но, по многим свидетельствам, он до конца своих дней оставался правоверным иудеем. В принципе даже нельзя исключить, что он все-таки окончил иешибот и стал раввином, оставаясь им, только тайным, и в СССР. Правда, его побег из иешибота и последующее поступление в цирк советской публикой должны были восприниматься как решительный разрыв с религией предков. Однако можно допустить, что Вольф никуда не сбегал, а преспокойно поступил в цирк уже по завершении образования. Тем более что, как мы увидим дальше, первые годы его пребывания в составе цирка относятся к явно фантастическим гастролям в Берлине.

Вполне допустим и такой вариант, что весь эпизод с побегом в цирк и последующими там выступлениями сначала в качестве клоуна, потом факира-иллюзиониста и, наконец, теле-

пата-ясновидца — это чистая фантастика, навеянная богатой литературной традицией, включая мемуары знаменитого ясновидца Хануссена. Не исключено, что на сцену Мессинг вышел только в начале 20-х годов, уже отслужив в армии, и сразу же стал выступать со своими психологическими опытами не в составе какого-либо цирка, а индивидуально, демонстрируя публике чудеса телепатии.

В мемуарах же Мессинг побег в Берлин и последующее присоединение к бродячему цирку объясняет как раз наступившим разочарованием в религии: «Мне нечего было больше делать в иешиботе, где меня пытались научить служить несуществующему Богу... Я не мог вернуться и домой к обманувшему меня отцу. И я поступил так, как нередко поступали юноши в моем возрасте, разочаровавшиеся во всем, что было для них святого в жизни: обрезал ножницами длинные полы своей одежды и решил бежать. Но для этого нужны были деньги, а где их взять? И тогда я совершил одно за другим сразу три преступления».

Об этих преступлениях мы поговорим немного позже. Пока же отметим, что, по свидетельству Мессинга, родители рассказывали ему, что в детстве он страдал лунатизмом, от которого его вылечили, ставя у кровати корыто с холодной водой. Вставая среди ночи, он сразу попадал ногами в корыто и просыпался от холода. По словам Мессинга, отец воспитывал детей в строгости, чтобы «вырастить из нас зверят, способных удержаться в жестоком и беспощадном мире».

Еще Мессинг рассказал о своей встрече с Шолом-Алейхемом. Будто бы ему, уже прославленному писателю, остановившемуся проездом в Гуре-Кальварии, демонстрировали Вольфа, «девятилетнего мальчика, учившегося успешнее других». Раз Мессингу тогда было девять лет, значит, их единственная встреча должна была произойти в 1908 году. Однако хорошо известно, что Шолом-Алейхем (Соломон Рабинович), который, кстати сказать, был раввином, после масштабных еврейских погромов в конце 1905 года уехал из Одессы, где жил с 1891 года, и более в Российскую империю до 1914 года не возвращался. Сначала он эмигрировал в США, затем поселился в Швейцарии, проводя зиму на французской или итальянской Ривьере (врачи обнаружили у него туберкулез). Только весной 1914 года Шолом-Алейхем поехал читать лекции сначала в Россию, а потом в Германию, где его застало начало Первой мировой войны. С большим трудом русскому подданному Шолом-Алейхему, которому грозило интернирование, удалось выбраться в нейтральную Данию, а оттуда уехать в США. Таким образом, он никак не мог в 1908 или 1909 году посетить Гуру-

Кальварию для встречи с юным вундеркиндом. Встреча с Шолом-Алейхемом — первая из череды придуманных встреч с великими людьми, которые должны были создать Мессингу имидж великого телепата, признанного знаменитостями. Все эти люди, как один, восхищались Вольфом и говорили, что он далеко пойдет. Вот и Шолом-Алейхем «ласково потрепал меня по щеке и предсказал большое будущее».

Как раз в 1909 году еврейские общины Европы широко праздновали 50-летие со дня рождения Шолом-Алейхема. Из-за этого, возможно, Мессинг и отнес к этому году свое знакомство с писателем, полагая, что в связи с юбилеем тот путешествовал по всей Европе. Хотя даже если бы Шолом-Алейхем вдруг и заехал бы в русскую Польшу, зачем он должен был посещать Гуру-Кальварию? Ведь хасидом он точно не был. А утверждать, что уже в девять лет Вольф Мессинг стал известен всему европейскому еврейству, даже он сам в мемуарах не решился. Для этого надо было уже тогда как минимум уметь читать чужие мысли или двигать взглядом стаканы.

То, что Мессинг произведения Шолом-Алейхема действительно читал, сомнений не вызывает. В мемуарах Мессинг упомянул роман писателя «Блуждающие звезды», где дочь бедняка кантора и сын местного богача, покоренные спектаклями бродячего театра, бегут из родных мест, чтобы посвятить свою жизнь сцене. Этот роман был упомянут Мессингом неслучайно — подобно его героям, он тоже убежал из дома, чтобы присоединиться к бродячему цирку. Так, по крайней мере, он утверждал в своих мемуарах. Не исключено, однако, что это — фантазия Мессинга, навеянная романом Шолом-Алейхема. Но даже если про побег из дома и цирк Мессинг выдумал, его дальнейшая жизнь артиста была во многом сродни жизни героев Шолом-Алейхема. Большую часть времени он проводил в гастролях, вдали от дома.

Глава вторая
ЧТО ТАКОЕ ТЕЛЕПАТИЯ?

Для того чтобы понять дальнейшую судьбу Мессинга, необходимо познакомиться с тем, что понимает под телепатией современная наука. Ведь Вольфа Григорьевича чаще всего называли телепатом, да и мемуары свои в отдельном издании он хотел озаглавить «Я — телепат».

Сам термин «телепатия», означающий передачу мыслей на расстоянии без какого-либо носителя и участия известных органов чувств, происходит от греческих слов «теле» (далеко, вдаль) и «патос» (мысль). Телепатия — это искусство улавливать людские мысли на расстоянии. Существуют две основные теории телепатии. Одна из них утверждает, что телепатия — это искусство чтения мышечных реакций на импульсы, посылаемые головным мозгом, так называемых идеомоторных актов. Согласно другой теории, телепатия — процесс, который можно объяснить в рамках физики то ли с помощью специального, еще не открытого телепатического (астрального) поля, то ли с помощью каких-то диапазонов излучения электромагнитных волн. Идеомоторные акты называют еще «микромоторными» или «зачаточными» движениями. Это — едва заметные движения, бессознательно выполняемые человеком в тот момент, когда он мысленно представляет какое-либо движение или действие. Идеомоторные акты проявляются тем отчетливее, чем больше человек взволнован. Например, если человек думает о высокой башне, то глазные мышцы разводят глазные оси так же, как это происходит тогда, когда мы смотрим на высокий предмет.

Первые выступления с «чтением мыслей» относятся к 1870-м годам. Однако очень скоро этому феномену, казавшемуся даром то ли Бога, то ли дьявола, нашлось вполне рациональное объяснение. Уже в 1874 году в Америке появился термин «чтение мышц» (*muscle-reading*). Его ввел в оборот психолог Джордж Бёрд для объяснения феномена телепата Джекоба Рэндалла Брауна. Внимательно наблюдая за Брауном, Бёрд

пришел к выводу, что артист обладает необычайной чувствительностью, позволяющей ему фиксировать мельчайшие нервные импульсы, исходящие из головного мозга медиума и превращающиеся в произвольные сокращения мышц. Впоследствии аналогичные наблюдения легли в основу «объективной психологии» Уильяма Джеймса. Принцип *muscle-reading*, или, иначе, чтения идеомоторных актов, применяется в наши дни в полиграфе (детекторе лжи). Однако в начале прошлого столетия секрет был достоянием главным образом эстрадных «телепатов». В СССР расцвет «парапсихологии» пришелся на 1960-е годы, примерно совпав с хрущевской оттепелью. В это время у Мессинга появились конкуренты — «телепаты-эстрадники». Однако их известность, как правило, не выходила за пределы того региона, где они проживали. Всесоюзную славу обрел только Вольф Мессинг. Это доказывает, что он превосходил своих соперников как в искусстве идеомоторики, так и в артистизме и искусстве самопиара, которому служили его многочисленные рассказы о встречах с великими людьми. Кроме того, у Мессинга был огромный опыт. Ведь к моменту приезда в СССР за плечами Вольфа Григорьевича были почти два десятилетия выступлений с психологическими опытами в Польше.

Но вернемся в XIX век. Упомянутый Джордж Бёрд еще в 1874 году продемонстрировал перед научной аудиторией в Нью-Йорке сотню натренированных людей, которые «читали мысли», улавливая легкие бессознательные движения индуктора. Вскоре новомодное увлечение пришло и в Россию. Здесь в 1880-е годы с сеансами «чтения мыслей» выступал англичанин Ирвин Бишоп. Продолжались и дальнейшие исследования идеомоторики. Профессор физиологии Йенского университета Прейер в 1885 году утверждал: «Каждый человек читает по движениям мускулов, но не каждый способен достигнуть величайшей степени ловкости в этом искусстве». Таким образом, оказывается, что искусство чтения идеомоторных актов способен постигнуть далеко не каждый человек. Мессинг же в этом отношении, несомненно, обладал самыми выдающимися способностями.

Великий русский физиолог Иван Петрович Павлов так определял идеомоторные акты: «Научно доказано, что раз вы думаете об определенном движении, вы его невольно производите. То же — в известном фокусе с человеком, решающим неизвестную ему задачу: куда-нибудь пойти, что-нибудь сделать при помощи другого человека, который знает задачу, но не думает помогать. Но для действительной помощи достаточно первому держать в руке руку второго. В таком случае второй, не

замечая, подталкивает первого в направлении к цели и удерживает от противоположного направления. Такие движения получили название “идеомоторных актов” (от греческого слова “идея” — “мысль” и латинского “мотор” — “приводящий в движение”). Мышцы совершают движение вследствие нервных импульсов, приходящих к ним из мозга по двигательным нервам».

Вот мнение другого крупного русского физиолога, академика, князя И. Р. Тарханова, который в 1905 году в книге «Внушение, гипнотизм и чтение мыслей» так отозвался о технике эстрадного «чтения мыслей»: «Тешиться, забавляться этими опытами весьма естественно в качестве приятного и даже пикантного иногда развлечения, и все это для зрителей не представляет, конечно, ни малейшего вреда; вовсе не то, однако, как только опытам этим начинают придавать особое научное значение, открывающее будто бы новые горизонты, новые силы... Тут уж грань безвредности преступается, так как такого рода взглядами, вытекающими из невольного самообмана, поддерживаются ложные взгляды на явления природы и укрепляется то мистическое настроение, которое подтачивает здравый смысл человека».

А вот как определял талант Мессинга профессор-физиолог Григорий Иванович Косицкий: «Наши мысли вызывают появление реакции мышц даже тогда, когда они остаются невысказанными. Но почему мы не видим таких реакций? Почему эти опыты не может проделать каждый из нас? Мессинг благодаря длительным упражнениям сумел развить природные способности, улавливая тонкие мышечные реакции другого человека, которые для многих остаются незаметными и могут быть выявлены только с помощью чувствительных приборов. Опыты Мессинга — результат огромного, напряженного труда. Мессинг был большим талантом!»

Исследования идеомоторики активно развивались в Советском Союзе в 1920-е годы. В 1928 году сотрудник ленинградского Института мозга А. В. Дубровский выступил с научным докладом «О так называемом “чтении мускулов”», где раскрывалась как техника чтения идеомоторных актов, так и особенности воздействия «эстрадных телепатов» на публику. Благодаря последнему, улавливание идеомоторных движений человека воспринимается зрителями как настоящая телепатия, то есть чтение мыслей на расстоянии. Дубровский указал: «Едва заметные идеомоторные движения мускулов объекта опыта воспринимаются безотчетно (бессознательно) периферическими разветвлениями нервной системы, так называемыми кожными трансформаторами экспериментатора, и по нервным про-

водникам в виде нервного тока достигают центральной нервной системы, в частности, тех областей коры головного мозга, которые управляют ответной реакцией экспериментатора в виде ряда двигательных актов, которые ведут к выполнению задуманного объектом опыта... Каждый человек путем соответствующей психической тренировки, путем культуры личности может развить у себя вышеотмеченные способности, и в последних нет ничего чудесного, сверхъестественного». На самом деле здесь допущено несомненное преувеличение, хотя, забегая вперед, замечу, что успешные эксперименты по обучению обыкновенных людей чтению идеомоторных актов происходили и в нашей стране. Так, в 1968 году Валентин Степанович Матвеев (автор известной книги «О загадочном в психике») за 50 минут натренировал четырех школьников в чтении идеомоторных актов. Эксперимент проходил в редакции журнала «Урал» в присутствии журналистов и психологов. Со всеми заданиями школьники справились. Вот пример задания: «Подойти к столу около шкафа, из стопки четырех журналов взять журнал “Юность” (3-й сверху), открыть его на странице 53, в заголовке повести показать слово “слуга”, затем подойти к В. С. Матвееву и отдать ему журнал в правую руку». Однако далеко не всякий человек поддается обучению чтению идеомоторных актов. Не исключено, что Матвеев заранее произвел среди школьников некий отбор, выбрав тех, кто являлся потенциально наиболее восприимчивым к идеомоторным актам.

Идеомоторика у эстрадных артистов также называлась «мнемотехникой» (чтением мыслей). Французский физиолог Шарль Рише, нобелевский лауреат по физиологии и медицине 1913 года, в книге «Трактаты метапсихики» так описывал этот процесс: «Субъект А, чуткий или якобы чуткий, во всяком случае расторопный, заявляет, что он может, держа кого-нибудь за руку, угадывать мысли этого лица. Он приводит на сцену субъекта Б, взятого наудачу из толпы. Несчастный Б, смущенный тем, что на него смотрят, нерешительный, неуклюжий, держится за руку А. Субъект А заставляет его ходить рядом с собой — быстро или медленно — и по движениям Б вследствие своей некоторой проницательности сразу догадывается, куда хочет привести его Б. Таким образом, он прямо подходит к какому-нибудь месту в зале (это и есть место, задуманное Б). Он останавливается перед одним из присутствующих и, продолжая держать руку Б, который по-прежнему направляет его своими движениями, роется в карманах зрителя, вытаскивает носовой платок и уносит его в другой конец театра, к громадному удивлению присутствующих, в особенности самого Б, кото-

рый имел в виду все эти маневры и который воображает, что А прочел его мысли. В действительности А только ловко истолковывал бессознательные, невольные, наивные движения этого самого наивного Б, который и не воображает, что легким движением своих мышц он давал крайне точные указания. И публика покидает зал, убежденная в том, что видела телепатические явления. Таким образом, создается у толпы вера в телепатию, оказывающуюся явлением столь простым и очевидным. Во всем этом, однако, столько же телепатии, сколько в сокращениях мышц лягушки, возбуждаемой током электрической батареи».

Подчеркнем, что здесь говорится, что у «псевдотелепата» А все-таки должны быть определенные способности к улавливанию идеомоторных актов. Фактически это и есть телепатические способности, если понимать под ними не передачу мыслей на расстоянии, а просто передачу мыслей посредством второй сигнальной системы, то есть за счет произвольных жестов, мускульных движений, изменения пульса и частоты дыхания. В таком понимании термина и Мессинга, и многих его коллег вполне правомерно называть телепатами.

В одном из интервью Мессинг откровенно объяснял: «Это не чтение мыслей, а, если так можно выразиться, “чтение мускулов”... Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, мною легко воспринимаются. Допустим, что, выполняя задание, я в какой-то момент совершаю ошибку. И тут же индуктор совершенно бессознательно, помимо своей воли, “сообщит” мне об этом. Его рука окажет неуловимое сопротивление, и нужно обладать большой чувствительностью, чтобы воспринять это. ...Я часто выполняю мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором и даже с завязанными глазами. Здесь указателем мне может служить частота дыхания индуктора, биение его пульса, тембр голоса, характер походки и т. д. То, что мои глаза завязаны, больше всего действует на аудиторию. Мне же работать с завязанными глазами даже удобнее: я лучше сосредотачиваюсь. Такова в принципе моя методика “чтения мыслей”».

При этом Мессинг нередко успешно выполнял все задания зрителей, даже не держа индуктора за руку. По этому поводу профессор, доктор физико-математических наук А. И. Китайгородский писал: «Многие талантливые фокусники выполняют описанный выше номер и не держа подопытного партнера (его называют индуктором) за руку. Однако это не меняет объяснения. Иллюзионист слышит дыхание, робкие или решитель-

тельные шаги индуктора, чего оказывается достаточно, чтобы выбрать правильный путь. Фокусник предлагает иногда завязать себе глаза, что, конечно, также не мешает ему точно исполнить свой номер.

Но вот никому из иллюзионистов не удавалось выполнить задание, которое передавалось бы индуктором, спокойно сидящим на своем месте или идущим за фокусником, но с завязанными глазами, так, чтобы сам индуктор не видел, правильно или нет поступает фокусник, и не мог бы произвольно его поправлять.

Умение отгадывать — это несомненный талант. Наверное, и среди ваших знакомых есть такие, которые удивительно хорошо угадывают, в какой руке зажата монетка. Казалось бы, число удач и неудач должно быть одинаковым, а подите же... Отгадчик ошибается совсем редко, и вы чувствуете досаду, словно вас провели.

А люди, хорошо играющие в такие “детские” карточные игры, как очко или покер! Казалось бы, удача должна быть делом чистого случая. И тем не менее есть хорошие игроки и есть плохие. Недолгое наблюдение показывает, что хорошие — это те, которые умеют отгадывать карты партнера, внимательно наблюдая за его поведением.

Я готов согласиться с тем, что среди лиц, обладающих незаурядными способностями отгадчиков, есть убежденные в том, что они на самом деле читают мысли. Можно допустить, что наблюдение обстановки у таких людей трансформируется в решения и поведение без участия сознания».

Таким гениальным «отгадчиком» и был Мессинг. Но сам Вольф Григорьевич решительно возражал, что его дар сводится к чтению идеомоторных актов, хотя ясно давал понять, что этим искусством он владеет в совершенстве. Он настаивал, что обладает еще и некими таинственными способностями, позволяющими ему читать мысли других людей и, в свою очередь, внушать им собственные мысли.

Единственное теоретически возможное объяснение собственно телепатии, по мнению профессора Китайгородского, это предположение о том, что «существует некая особая “материя” — можете назвать ее астральной, душевной или еще как вам вздумается, — которая излучается только мозгом и воспринимается только мозгом». Однако поиск такого рода материи бесполезен, поскольку в нашем распоряжении, несмотря на десятки тысячи опытов, нет ни одного доказанного факта телепатии.

Мессинг с этим тезисом не соглашался, утверждая, что способен читать человеческие мысли. Член-корреспондент Ака-

демии медицинских наук СССР Д. А. Бирюков, вскоре после Второй мировой войны наблюдавший выступления Мессинга, так охарактеризовал его способности: «Мессинг и некоторые другие разгадчики мыслей обладают способностью улавливать самые тончайшие идеомоторные акты, причем это не обязательно должно быть движение, это может быть только напряжение мышц... Мессинг берет индуктора, то есть лицо, которому поручено задание, за руку и все время ее держит. При этом Мессинг создает разными приемами нервную обстановку. Он и сам очень впечатлителен, обладает своеобразной внешностью, быстро движется по залу со своим индуктором; создаются условия, при которых идеомоторные реакции проявляются отчетливей».

Сам Мессинг в мемуарах так охарактеризовал свой дар: «Мой друг писатель Михаил Васильев (М. В. Хвастунов. — Б. С.), научный популяризатор и фантаст, много раз задавал мне вопрос:

— Скажите, Вольф Григорьевич, как это у вас получается? Как вы это делаете?

Я знал, что его мучит не праздное любопытство, что ему надо знать ответ на этот вопрос. Ведь он собирал тогда материалы для последнего тома своей серии книг “Человек и вселенная”. Этот том назывался “Человек наедине сам с собой”.

Но что я мог ответить на его вопрос? По существу ничего. Ибо я сам не понимаю, как это делается.

Только не подумайте, пожалуйста, что я хочу представить мои способности в этой области чем-то непознаваемым, сверхъестественным, таинственным. Ничего ни сверхъестественного, ни непознаваемого в них нет. Во всяком случае, не больше, чем в любых других способностях человека...

Обращаются ко мне и с другим вопросом:

— Научите, Вольф Григорьевич!

Я обычно только пожимаю плечами. Видимо, развить эту способность, как и всякую другую, ну, скажем, способность к живописи, можно. Не зря же существуют разнообразнейшие художественные училища. Но если у человека нет таланта художника, великих картин он не напишет, сколько бы его ни учили...

Диалог этот может длиться почти бесконечно... Я смотрю на такой сеанс “чтения мыслей” с двояким чувством. С одной стороны, мне доставляет удовольствие, как и всем в зале, искусство, натренированность “телепата” и его помощницы. Точно так же я с величайшим удовольствием наблюдаю всегда манипуляторское искусство хорошего фокусника — такого, как Дик Читашвили. Мне досадно, что эти очень ловкие люди

не обладают той принципиальной честностью, которой в полной мере обладает Читашвили. Выхватывая на глазах у изумленных зрителей прямо из воздуха подряд девять уже зажженных папирос, он не утверждает, что они изготовлены из солнечных флюидов. Наоборот, он готов в любое мгновение сообщить вам адрес ближайшего табачного киоска, в котором он их купил. Дик великолепно делает фокусы — и не скрывает этого. Он демонстрирует свое искусство манипулятора, искусство, доступное немногим. Он даже готов открыть вам свои секреты — вы все равно не сможете повторить его фокусов без предварительной длительной тренировки...»

В мемуарах Мессинг приводит свое интервью, опубликованное в одной польской провинциальной газете в 1930-е годы. «Беседа с профессором Мессингом», проведенная неким Шимоном Л., озаглавлена «Таинственная наука в освещении известного телепата». Там говорилось:

«Будучи сильно заинтересованными личностью известного телепата, который стал широко знаком нашей публике своими замечательными и достойными удивления выступлениями, мы решили посетить профессора и поделиться с читателями своими впечатлениями.

Профессор Мессинг принял нас в элегантной комнате отеля «Варшавский» и, посмотрев своими глубоко проникающими, умными глазами, сразу же догадался о цели нашего посещения.

Ввиду недостатка времени профессор согласился только дать ответы на поставленные нами вопросы.

— Не можете ли вы подробно объяснить, что такое телепатия?

— «Телепатия» — слово греческое: «теле» — далеко, «патос» — чувство, т. е. чувство далекого, ясновидение. Телепатия — для нас еще тайна. К телепатии относится также способность видеть события, места и людей, находящихся далеко от нас и недоступных нашему глазу.

— Что вы можете сказать о гипнотизме?

— Гипнотизм — это сонное состояние. Такое название принято также для обозначения магнетических явлений у животных. Успех экспериментов, показанных Гайденгейном, Гаркотом и другими, зависит от определенного состояния нервной системы.

— У каждого ли можно вызвать состояние гипноза?

— Нет. Легче всего это удается у людей с восприимчивой нервной системой, еще легче — у истериков. Такое же сонное состояние и теми же средствами можно вызвать у животных.

— А каковы средства усыпления?

— Это — однообразные впечатления, как, например, пристальное всматривание в блестящий предмет. Движения руки гипнотизера вызывают сонное состояние в определенной части центральных нервных органов. Затем следует частичная потеря способности владеть собой, и часто в состоянии сна наступают изменения в сфере движения, чувств и интеллекта. Первые приходят в состояние каталепсии, вторые — в состояние повышенной чувствительности (гиперестезии), которое объясняет нам такие явления, как улавливание стука часов на расстоянии, ощущение тепла, исходящего от руки гипнотизера на расстоянии полуметра. С научной точки зрения гипнотизм может быть полезен при изучении нервного механизма.

— Вреден ли гипнотизм?

— Вообще говоря, нет. Однако при таких экспериментах следует принимать известные меры предосторожности.

— Вы говорили, что телепат в состоянии каталепсии может предвидеть будущее. Так ли это?

— Я это знаю по собственному опыту. Выступая в Лодзи, я в таком состоянии предсказал за полгода до выборов, что профессор Мосьцицкий будет во второй раз избран президентом.

— Можно ли по манере письма определить характер и способности человека?

— В какой-то степени это возможно. Вы, наверное, удивляетесь, почему я обычно требую написания имени объекта. Это очень важно, так как свое имя человек пишет часто, не думая, бессознательно. А вот это самопроизвольное движение пером и дает представление о характере человека. Так же часто человек пишет свою фамилию. Но я не требую этого, так как не желаю быть заподозренным в каких бы то ни было махинациях...

— Скажите, можете ли вы указать счастливый номер лотерейного билета?

— Видите ли, само слово “лотерея” означает случайность... Скажу вам убежденно, что с помощью телепатии таких случайностей предсказать нельзя. Наоборот, укажите вы мне такого телепата, который выиграл бы в лотерее по выбранному им билету. Если бы я обладал этой сверхчеловеческой способностью, я давно уже был бы миллионером.

Профессор поднялся с места, очевидно, устав за день. Принимая это во внимание, мы задаем последний вопрос:

— Многие ли обладают способностью к телепатии?

— Должен сказать, что да! — уверенно отвечает профессор. — Так же как многие обладают другими способностями, о которых они не знают и которые обнаруживаются случайно. Эти способности надо развивать, кристаллизировать. Так же как человек, обладающий хорошим голосом, должен окончить

консерваторию, чтобы стать профессиональным певцом, точно так же человек, одаренный ясновидением, должен окончить психологический институт».

Можно не сомневаться, что эту статью Мессинг привез с собой из Польши, когда появился в СССР. Вряд ли он сумел найти довоенную провинциальную польскую газету в советских библиотеках, даже самых крупных. Но если он сумел привезти статью с собой, рушится версия о том, что он сбежал в Советский Союз прямо из гестаповской камеры. Вряд ли Мессинг всегда носил с собой вырезку из газеты, как некоторые носят в кошельке фотографии родных и близких. А вот если он пустился в бегство из родного дома, то наверняка должен был захватить с собой такого рода статью, которая должна была послужить ему своеобразной визитной карточкой на новой родине. Неслучайно в Советском Союзе Мессинга называли «профессором», о чем свидетельствует хотя бы дарственная надпись на построенном на его средства истребителе. А в процитированной статье его как раз именуют профессором, хотя можно не сомневаться, что профессорской должности он никогда в жизни не занимал.

Из этого интервью следует, что слова «телепатия» и «ясновидение» Мессинг употреблял как синонимы. Как представляется, он полагал, что телепатия сродни гипнозу и происходит от воздействия на те же участки головного мозга, что и в условиях гипнотического сна. Поэтому и говорил о состоянии каталепсии, фактически — предельном состоянии гипноза, в котором ему будто бы удавалось предсказывать будущее (о каталепсии мы подробнее поговорим в одной из следующих глав). Правда, в качестве примера предсказания приводится пример более чем банальный. Ни о каком будущем нападении Германии на СССР здесь речи не идет. Мессинг утверждает лишь, что за полгода сумел предсказать переизбрание президента Польши Игнация Мосьцицкого на второй срок. Однако такого рода предсказание — это отнюдь не бином Ньютона. Профессор Мосьцицкий был марионеточным президентом при режиме санации, установленном маршалом Юзефом Пилсудским в результате военного переворота в мае 1926 года. Впервые Мосьцицкий был избран президентом уже 1 июня 1926 года и в дальнейшем бессменно занимал этот пост вплоть до сентября 1939 года, регулярно переизбираясь на вполне управляемых выборах. Для того чтобы предсказать его победу на любых очередных выборах, совсем не надо было быть семи пядей во лбу или впасть в состояние каталепсии.

Мессинг также утверждал, что по почерку может определить характер человека. Что ж, такая зависимость действитель-

но существует — по почерку можно с высокой долей вероятности определить степень внушаемости человека и, следовательно, степень проявления у него идеомоторных реакций. Зато предсказать выигрышный лотерейный билет или курс акций на бирже Мессинг категорически отказывался, утверждая, что не может предсказать случайных явлений. На самом деле он не мог делать никаких предсказаний, кроме тех, которые можно было сделать на основе законов логики. К ясновидению такого рода предсказания не имели никакого отношения. И Мессинг по этому поводу критиковал одного явного шарлатана: «Помню психографолога Шиллера-Школьника. Этот определял характер, читал прошлое и предсказывал будущее только на основании почерка. Великий Иоганн Гёте, имевший колоссальную коллекцию автографов, также, кстати, не сомневался в том, что характер и вообще духовный строй человека выражаются в письме, по которому можно определить характер индивидуальности писавшего. Мне трудно судить, насколько точно отражаются в почерке те или иные склонности характера, но я абсолютно убежден, что ни прошлого, ни будущего по почерку узнать нельзя. Шиллер-Школьник брался предсказывать и номера лотерейных билетов, на которые должны выпасть выигрыши в ближайшем розыгрыше. Когда мне об этом рассказывали, я задавал только один вопрос: почему эти номера не купит сам графолог, хотя бы для того, чтобы иметь возможность бросить свою сомнительную и рискованную профессию? Ответа на этот вопрос обычно не поступало».

Еще Мессинг верил, что телепатические способности не уникальны, что, кроме него, такими способностями в мире обладают многие люди, которые о них просто не подозревают. Действительно, психологи в дальнейшем продемонстрировали, что людей можно обучить «чтению» идеомоторных реакций. Однако трудно поверить, что все люди в равной мере обладают телепатическими способностями, иначе бы даже в СССР у Мессинга в одночасье возникла бы масса конкурентов. Однако до сих пор в мире очень мало артистов, выступающих в том же жанре, что и Мессинг. Из этого обстоятельства можно сделать вывод, что способности к «чтению» идеомоторных актов у Мессинга были выражены весьма сильно и мало кто мог здесь с ним сравниться.

Мессинг писал в мемуарах: «Я столь долго останавливаюсь на всех этих “окультистах” именно потому, что видел их близко, видел и за кулисами, трогал тайные механизмы устройств, с помощью которых они дурачили легковверных зрителей. Я не люблю обмана. И мне гораздо симпатичней честный факир Бен Али, в свое время выступавший в Варшавском цирке.

Один из его номеров состоял в том, что в него стреляли из пистолета, а он ловил руками пули. Он не скрывал, что это ловкий фокус, не ссылаясь на потусторонние помогающие ему силы. И когда один офицер предложил ему выстрелить в него из своего пистолета, он серьезно ответил:

— Пан! Неужели вы бы согласились, будучи на моем месте, за какие-то пять злотых в день оказаться убитым?!

И несмотря на то что он показывал фокусы и фокусами их называл, он был одним из самых больших любимцев публики.

И второе. Я рассказываю это так подробно для того, чтобы отделить мистику и шарлатанство от телепатии, не имеющей с ними ничего общего. Телепатия вполне материалистична. К сожалению, это явление очень плохо изучено. Во-первых, его скомпрометировали шарлатаны, которых всегда было несравненно больше, чем истинных телепатов. Конечно, были ученые, которые пытались понять сущность телепатии, изучить это явление. Но, столкнувшись и раз, и другой с шарлатанами, они приходили к выводу, что и вся телепатия сплошное шарлатанство. Есть и вторая причина, в которой повинны сами телепаты. Одни старались раздуть слухи о своих возможностях, чтобы использовать их с нечестными целями, другие, наоборот, их скрывали, третьи даже не догадывались о наличии у них этих свойств».

В то же время Мессинг стремился найти в глубине веков своих именитых предшественников. Всех телепатов в истории он делил на две большие категории — честных и нечестных. Себя он, разумеется, относил к честным телепатам, которые не используют свои телепатические способности в целях личной наживы и не опускаются до обмана кого бы то ни было. Они готовы поставить свои уникальные способности на службу людям и даже всему человечеству и не опускаются до оккультизма и магии, считая телепатию научным феноменом. А вот нечестных телепатов, которые смотрят на свои телепатические способности только как на источник наживы, часто прибегают к обману публики и напускают на свои способности оккультный туман, Мессинг критиковал достаточно резко. Он утверждал: «Видимо, значительными телепатическими способностями обладал знаменитый международный авантюрист граф Александр Калиостро. Его настоящее имя Джузеппе Бальзаме. Он родился на острове Сицилия в 1743 году, умер в 1795 году в форте Сан-Лионе близ Урбино, куда был заключен по приказанию папы Пия VI. Он разыгрывал роль врача, способного исцелять все болезни, естествоиспытателя, алхимика, владеющего секретом философского камня, ясновидца, которому открыто будущее... Он уверял всех, что бессмертен, что ему уже

несколько тысяч лет. К сожалению, он не оставил ни дневников, ни записок: приписываемые ему мемуары подложные. Его загадочный образ привлекал к себе внимание многих писателей — от Александра Дюма до Алексея Толстого. Но они рисовали фигуру этого человека, главным образом базируясь на легендах и преданиях... В свое время я заинтересовался личностью Калиостро и проанализировал некоторые записи и свидетельства современников. Да, это был очень ловкий жулик, но, несомненно, в арсенале его средств, которыми он стремился добиться успеха, были и очень сильные способности телепата.

Калиостро, безусловно, принадлежал к первой группе телепатов — к тем, кто неистово преувеличивал свои возможности. В этом родствен ему был и уже упоминавшийся неоднократно Ганнусен-Лаутензак, утверждавший, например, что его устами могут говорить души умерших. Для этого он учился изменять голос, пытался освоить чрево вещание... И тот и другой — и Калиостро, и Ганнусен — относятся к первой выделенной нами группе телепатов, стремящихся использовать свои способности для личных корыстных и нечестных целей. Конечно же, стремление ученого, который бы захотел объективно установить уровень способностей этих людей, натолкнулось бы на их энергичное сопротивление. А можно ли провести изучение возможностей телепата, если он не захочет всеми силами помочь в проведении этих исследований? Конечно же нет!»

Тут следует заметить, что конкретных примеров телепатических способностей ни Калиостро, ни Хануссена Мессинг так и не приводит, что, безусловно, ослабляет его аргументацию. В пользу существования телепатии Вольф Григорьевич приво-дил общие аргументы — на примере деятельности честных телепатов. Полемизуя с профессором Китайгородским, он писал: «К счастью, не все телепаты поступают так, как Калиостро и Ганнусен. Есть телепаты с совершенно иной психологией. Недавно мне рассказывали об очень интересной встрече, на которой присутствовало человек 30—35, молодого телепата-любителя Карла Николаева и известного противника телепатии, отрицающего самую возможность непосредственной передачи образа из мозга в мозг, профессора Александра Китайгородского. Уважаемый, скептически настроенный профессор выступил со статьей в “Литературной газете”. Основной тезис этой статьи заключается в том, что поскольку нельзя объяснить эту прямую передачу образов, ощущений, мыслей прямо из мозга в мозг участием какого-либо вида электромагнитных волн, то и телепатии быть принципиально не может.

И тогда человек, знающий у себя некоторые телепатические способности, пришел в редакцию журнала “Знание — сила” и сказал:

— Согласен встретиться с Китайгородским только для того, чтобы он провел со мной абсолютно беспристрастные опыты и установил истину. Профессор просто никогда не видел телепатов. Нехорошо, что он судит о вещах, которых не изучил сам. Я постараюсь переубедить ученого, послужить для него подопытным кроликом...

Вот это — совершенно новый подход к вопросу и со стороны телепатов!

Несколько слов о доводах профессора Китайгородского против телепатии, о том, что нет поля, которое могло бы здесь участвовать. Это — очень старое и очень наивное возражение. Во-первых, давным-давно известно, что мыслительная деятельность человека сопровождается возникновением в мозгу биотоков. Их великолепно умеют снимать и записывать в виде зубчатых кривых на широких листах бумаги (имеется в виду энцефалограмма, впервые полученная австрийским психиатром Гансом Бергером в 1928 году. — Б. С.). Причем чем энергичнее, чем напряженнее думает человек, тем резче и больше эти кривые линии. Значит, при рождении мысли рождаются и биотоки, и сопровождающее их электромагнитное поле. Почему бы не считать его той материальной субстанцией, которая участвует в транспортировке мысли? На это обычно возражают: но токи эти слишком малы и рождаемое ими электромагнитное поле соответственно слишком мало. Его напряжение так ничтожно, что уже на небольшом расстоянии измерить его невозможно. Но это тоже несерьезное возражение. На этой же встрече с телепатов Китайгородский привел несколько примеров поразительной тонкости человеческих чувств. Он напомнил об опытах академика Сергея Вавилова, доказавшего, что человеческий глаз способен улавливать, ощущать даже отдельные кванты света... Сообщил об удивительной уловке американских коммерсантов, вставляющих в ленту художественного кинофильма всего один кадр рекламы. При демонстрации кинофильма зритель не замечает этого кадра, мелькающего за $\frac{1}{25}$ секунды, и совсем в другое время встает вдруг в его мозгу эта реклама... Так почему бы уважаемому ученому не попробовать — пусть в виде гипотезы — принять предположение, что и чувствительность человеческого мозга к биотокам, рожденным в другом мозге, значительно выше, чем у наших приборов? Почему не предположить, что всего один или несколько квантов электромагнитного поля, попавшие в этот воспринимающий механизм, могут вызвать резонанс, своеоб-

разный лавинный процесс, значительно усилиться и вызвать ощущения, аналогичные тем, что господствовали в излучающем мозгу?

Второе возражение против электромагнитного поля биотоков как переносчика информации состоит в том, что его считают явлением не главным в процессе мышления, а чем-то сугубо побочным, вроде дыма из заводских труб. Я охотно соглашаюсь с этим, но хочу напомнить, что и по дыму из заводских труб можно многое сказать о производстве. Дым мартезовских печей скажет специалисту о рождающейся стали. Дым цементных печей отличен от этого дыма. Дым из труб завода, в печах которого идет обжиг руды, ртути, нельзя спутать с дымом из котельной ТЭЦ. И опять, споря методами аналогий (ибо какие же еще методы могу применить я в этом споре со скептиками-учеными?), могу сказать: почему бы не предположить, что у некоторых людей есть тонкие анализаторы, не только точно фиксирующие состав этих “дымов”, но и четко определяющие, в результате чего эти “дымы” получились, и способные ответить, какую “продукцию” выпускает “завод”...»

В принципе, с аргументацией Мессинга, возможно, частично подсказанной ему Михаилом Хвастуновым, можно было бы согласиться. Мешает только то, что при жизни Мессинг не разрешал проводить над собой каких-либо экспериментов, в том числе и снимать энцефалограмму его головного мозга. Поэтому мы лишены возможности каким-либо научным методом объективно зафиксировать наличие или отсутствие у него телепатических способностей или хотя бы каких-либо иных уникальных свойств.

Тут возможны три варианта ответа. Можно предположить, что Мессинг талантливо дурачил ученых и зрителей, не обладая на самом деле никакими сверхъестественными способностями, а полагаясь только на расшифровку идеомоторных реакций, дополненную кодовыми словами ассистентов и «подсадными утками» в зале. Но в своих мемуарах и публичных выступлениях Вольф Григорьевич неоднократно критиковал других экстрасенсов, которые используют подобные методы обмана зрителей, и категорически утверждал, что работает на сцене честно, никогда не прибегая к такого рода уловкам. Вторая версия может заключаться в том, что Мессинг использовал только свои способности улавливать идеомоторные акты, искренне считая эти способности телепатическими. Наконец, третья версия заключается в том, что, помимо способностей к восприятию идеомоторных актов, Мессинг обладал также способностью улавливать мозговые импульсы, позволяющие определить некие простейшие образы, о которых в дан-

ный момент думал индуктор. Эти импульсы заметно повышали процент угадываний во время проводимых Мессингом опытов, но не позволяли расшифровывать тексты или сложные действия. Мне представляются более правдоподобными вторая и третья версии, но доказать, какая из них ближе к истине, не представляется возможным.

Сам Мессинг склонялся к гипотезе, что телепатия сводится к улавливанию электромагнитных излучений, сопровождающих мозговые импульсы. Он указывал, что «гипотезу об электромагнитной природе телепатических явлений подробно разработал инженер-электрик, кандидат физико-математических наук Бернард Кажинский. Мне много в последние годы рассказывали об этом интереснейшем человеке, и я сожалею, что не удалось познакомиться с ним, а теперь это невозможно — он умер в 1962 году. Это был человек изумительной эрудиции, принимавший участие в опытах известного дрессировщика животных В. Л. Дурова, друживший с К. Э. Циолковским, В. М. Бехтеревым, П. П. Лазаревым. Некоторые считают, что и он сам обладал незаурядными телепатическими способностями. Кажинский явился прототипом одного из героев известного научно-фантастического романа А. Р. Беляева «Властелин мира» — инженера Качинского. Как известно, инженер Качинский в романе Беляева также занимается разработкой проблемы непосредственной передачи мыслей.

Роман «Властелин мира» написан в 1928 году. Но еще в 1923 году вышла в свет книга самого Б. Б. Кажинского «Передача мыслей (факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу)». А в 1962 году издал он свою последнюю в жизни книгу — «Биологическая радиосвязь». Все это время, почти сорок лет, разделяющие две книги, ученый следил за достижениями целого ряда наук — от психиатрии до радиоэлектроники, находя все новые и новые доказательства своей гипотезе. Да и сам он провел сотни и тысячи разнообразнейших опытов, стремясь окончательно доказать ее.

Нашел ли он их? Кажинский считал, что нашел. В частности, вместе с Дуровым он проводил опыты внушения животным из металлической заземленной камеры, не пропускавшей радиоволн. При открытой двери камеры внушение достигало цели, животное выполняло мысленный приказ, при закрытой — опыты оказывались безрезультатными. Но мне не кажется окончательно убедительной эта серия опытов, хотя бы потому, что аналогичные опыты ленинградского ученого Л. Л. Васильева дали противоположный результат: изолирующая от радиоволн камера ни в малой степени не мешала у него передаче

мысленного внушения. И поэтому вопрос о гипотезе электромагнитной, или, точнее, радиоволновой, природе передачи мыслей все еще остается предположением. Надо четко и бесспорно установить, участвует ли в передаче мыслей электромагнитное поле. Со своей стороны могу сказать: для меня почти безразлично, есть ли у меня личный контакт с моим индуктором или нет, т. е. держу я его за руку или нет. Большинству же телепатов легче проникнуть в мысли человека, если они держат его за руку. Может быть, этот факт поможет в поисках истины?»

В 1926 году президент Ленинградского общества естествоиспытателей, профессор Л. Л. Васильев одну из глав своей книги «Таинственные явления человеческой психики» назвал «Существует ли “мозговое радио”?». Здесь, помимо случаев так называемой спонтанной телепатии, когда неожиданно угадываются чьи-то мысли, были описаны попытки зарегистрировать электромагнитные поля вокруг головы человека. Однако они не увенчались успехом из-за отсутствия высокочувствительной аппаратуры. Впоследствии, уже после Второй мировой войны, было доказано, что такие поля все-таки есть, но они очень слабые и на сколько-нибудь больших расстояниях их уровень оказывается значительно ниже уровня шумов, поэтому сигнал нельзя различить.

Леонид Леонидович Васильев, член-корреспондент Академии медицинских наук, заведующий кафедрой физиологии человека и животных Ленинградского государственного университета, всю свою жизнь изучал передачу мыслей на расстоянии. Он написал множество статей и три книги. В телепатию Васильев уверовал еще 12-летним мальчиком, когда его мать, жестоко страдая от болезни печени, уехала вместе с его отцом лечиться в Карлсбад, оставив троих детей на попечение тетушек. Надзор над детьми не был слишком строгим, и это чуть было не привело к трагедии. «Однажды под вечер, — вспоминал Васильев, — мы решили повторить одно из приключений детей капитана Гранта, спасшихся на дереве от наводнения». Они забрались на развесистую иву, склонившуюся над рекой. Но Леонид сорвался с дерева, упал в воду и, не умея плавать, начал тонуть. К счастью, ему удалось схватиться за ветку и выбраться на берег. Про это происшествие пришлось рассказать теткам, но те обещали ничего не писать родителям.

«Каково же было удивление и смущение — и наше, и теток, — писал Леонид Леонидович, — когда в первый же день приезда мать со всеми подробностями рассказала всю нашу историю, указала на злополучную иву, упомянула о фуражке, уплывшей к запруде, и т. д. Все это она увидела во сне в Карлсбаде».

Этот материнский сон Васильев запомнил на всю жизнь и воспринял его как наглядный пример телепатической связи. Между тем этот сон может иметь двойное объяснение. С одной стороны, тетки все-таки могли рассказать матери об опасном происшествии, а та, чтобы не выдавать их, заявила, будто всё видела во сне. С другой стороны, мать действительно могла беспокоиться об оставшихся детях и живо представить себе, что не умеющий плавать Леонид может сорваться с ивы в реку. Подсознательно все время думая об этом, она могла увидеть соответствующий сон.

За рабочую гипотезу Васильев принял электромагнитную теорию «мозгового радио». Были изготовлены металлические камеры. Одна — с плотно закрывавшейся дверью, другая, еще более надежная «камера полного экранирования» с поднимающейся верхней частью. С ее помощью достигалась абсолютная электромагнитная герметичность.

Леонид Васильев писал: «Если бы опыты с экранированием привели к полному или хотя бы частичному снижению телепатического эффекта, то можно было бы с уверенностью сказать, что телепатическая передача осуществляется посредством электромагнитных радиаций из мозга индуктора. Таков был замысел».

Во время опыта участникам эксперимента мысленно внушались образы предметов. Позднее предметы были заменены двумя дисками — черным и белым. Испытуемых сначала помещали в экранированные камеры. Затем такие же опыты проводились вне камер. Однако вероятность угадывания правильных образов оказалась одинаковой. А поскольку стенки камер никак не ослабляли телепатический эффект, приходилось признать, что он никак не связан с электромагнитным излучением.

Но вскоре экспериментатора постигло еще большее разочарование. Первый инфаркт у Васильева случился тогда, когда он узнал, что участники экспериментов договариваются заранее о передаче информации — они получали по три рубля в день и очень дорожили своей работой. Следует сказать, что на животных при открытой двери камеры могли действовать зрительные образы и запахи. Если правильные результаты были получены Кажинским, а не Васильевым, то данный факт объясняет повышенный процент правильного выполнения команд.

Кажинский выдвинул гипотезу о том, что «глаз не только «видит», но и одновременно излучает в пространство электромагнитные волны определенной частоты, способные на расстоянии воздействовать на человека (и вообще на животных), на которого устремлен взор. Эти волны могут влиять на его по-

ведение, понуждать к тем или другим поступкам, вызывать в сознании различные эмоции, образы, мысли. Такое излучение глазом электромагнитных волн определенной частоты названо биорадиационным «лучом зрения». Исходя из этого, Кажинский вместе с Дуровым проводил опыты с животными. Он утверждал, что для телепатии используются «биоэлектромагнитные и биорадиационные волны», существование которых так и не было обнаружено.

В 1920—1921 годах член знаменитой цирковой династии Владимир Дуров провел 1278 опытов мысленного внушения собакам, из которых 696 признал удачными и 582 — неудачными. Вот как в записи Кажинского Дуров изложил свой метод: «Я один, предположим, с собакой Марс, как говорится, с глазу на глаз. Никто и ничто нам не мешает: полная изоляция от внешнего мира. Я смотрю в глаза Марса, или, лучше сказать, в глубину глаз, дальше глаз, глубже глаз. Я произвожу пассы, т. е. легкое поглаживание своими руками по сторонам головы сверху морды и до плеч собаки, чуть-чуть касаясь шерсти. Этими действиями я заставляю Марса полузакрывать глаза. Собака вытягивает морду почти вертикально вверх, как бы впадая в транс. Мои пассы выбирают весь остаток воли у собаки, и она в таком состоянии представляет собой как бы часть моего внутреннего “я”. Между моими мыслями и подсознанием Марса уже установилась связь или “психический контакт”. — При этом я в своем воображении стараюсь ясно представить объект передачи мысли, ощущения, приказа: предмет или действие (а не воображаю слова, как таковые, их обозначающие). Я смотрю через глаза как бы в мозг собаки и представляю себе, например, не слово “иди”, а двигательное действие, с помощью которого собака должна исполнить мысленное задание. Одновременно я ярко воображаю себе направление и самый путь, по которому собака должна идти, как бы отпечатываю в своем и в ее мозгу отличительные признаки на этом пути в порядке их расположения по предстоящему пути собаки (это могут быть трещинки, пятно на полу, случайный окурок или другой мелкий предмет и т. д.) и наконец, место, где лежит задуманный предмет, и в особенности самый предмет в его отличительных чертах (по форме, цвету, положению среди других предметов и т. п.).

Только теперь я даю мысленный “приказ”, как бы толчок в мозгу: “иди” — и отхожу в сторону, открывая этим собаке путь к исполнению. Полуусыпленное сознание собаки, в котором запечатлелась переданная мной мысль, образ, картина, двигательное действие и т. п., “приказ”, заставляет ее исполнить воспринятое задание беспрекословно (без внутреннего сопро-

тивления), как если бы она исполняла свой самый естественный импульс, полученный из ее собственной центральной нервной системы. А после исполнения собака отряхивается и явно радуется, как бы от сознания успешно выполненного своего намерения».

А вот акт об опыте 17 ноября 1922 года за подписью В. Дурова и Б. Кажинского: «По инициативе В. Л. Дурова, проф. Г. А. Кожевников дает В. Л. Дурову задание внушения собаке Марсу следующих действий: выйти из гостиной в переднюю, подойти к столику с телефонным аппаратом, взять в зубы адресную телефонную книгу и принести ее в гостиную. Предложено было проф. Кожевниковым вначале, чтобы дверь в переднюю закрыть и заставить Марса открыть ее, но это предложение было отвергнуто и отставлено. Опыт начался внушением В. Л. Дурова Марсу обычным путем. Дверь в переднюю была открыта. После полуминутной фиксации взглядом В. Л. Дурова Марс устремляется к середине комнаты (то есть задание не исполнено. — Б. С.). В. Л. Дуров усаживает Марса вновь на кресло, держит в руках его морду, полминуты фиксирует и отпускает. Марс направляется к двери, ведущей в переднюю, и хочет ее закрыть (задание опять не исполнено. — Б. С.). В третий раз В. Л. Дуров усаживает Марса на кресло и через полминуты отпускает его вновь. Марс устремляется в переднюю, поднимается на задние лапы у шкафчика, но не найдя ничего на нем, опускается, подходит к подзеркальному столику, опять поднимается на задние лапы, ища чего-то на подзеркальном столике, и хотя там лежали разные предметы, вновь опускается, не взяв ничего, подходит к телефонному столику, поднимается на задние лапы, достает зубами телефонную книгу и приносит ее в гостиную. Как я уже говорил, кроме телефонной книги на том же столике лежали еще алфавитные книжки и стоял телефонный аппарат. Несмотря на первые две неудавшиеся попытки, опыт следует считать удавшимся блестящим образом. В течение опыта все находились в гостиной. Собака была в передней одна. За ее действиями наблюдал проф. Кожевников через щелку открытой двери. В. Л. Дуров находился в гостиной вне поля зрения собаки».

В своей книге «Дрессировка животных» Дуров описал этот случай: «Попробуем разобраться в этом акте. Предположим, что установившийся сочетательный рефлекс, часто повторяемый (посадка в кресло, фиксация), заставляет собаку соскочить с кресла и желать что-то сделать. Предположим, что я произвольным движением дал ей нужное направление. Предугадкой собака догадалась (видя полуоткрытую дверь и будучи возвращенной назад при желании ее закрыть), что надо

через нее войти в другую комнату, но что касается дальнейшего поведения Марса, я никаких предположений делать не могу. Здесь начинается загадочная часть. В смежной комнате никого не было. Видеть нас собака не могла. Проф. Кожевников следил в щель полуоткрытой двери и видел, как Марс проходил мимо подзеркальника с лежащими на нем вещами, мимо ледника, другого столика с вещами, и наконец видел, как Марс подошел к телефонному столику, взял из трех книг задуманную. Задаю себе вопрос: может ли в этом случае играть какую-нибудь роль предугадка? Не мог ли Марс догадаться исполнить задание по предыдущим каким-либо аналогичным действиям? Этот опыт с Марсом ведь был произведен в первый раз, когда собаке внушалось войти в другую комнату и выполнить там задание. Книги, лежащие на телефонном столике, она могла видеть каждый день, но брать именно их в зубы ей не приходилось никогда. На все эти вопросы я не могу дать ответа. Никак не могу допустить совпадения, т. к. задания не были однородны, разве только установленный рефлекс аппортировать, т. е. брать и приносить, но и это привычное зазубренное действие в некоторых опытах по мысленному заданию видоизменялось».

Тут следует указать на малое число экспериментов — всего три. Оно не позволяет делать сколько-нибудь определенные выводы. Тут слишком велика роль случайности, да и процент «удач» составляет всего одну треть. Кроме того, на телефонном столике у Марса был небольшой выбор. Сам телефон он явно не мог принести, а из двух книжек, толстого справочника и маленького блокнота, явно должен был предпочесть большую.

Кажинский обратил особое внимание на то, что «в поисках заданного предмета Марс не просто переходил от одного столика к другому. Эти переходы животное совершило именно в той последовательности, в какой обращал свои взоры на эти столики В. Л. Дуров. Сначала он посмотрел на шкафчик, потом на ледник, затем на подзеркальный столик и лишь после этого — на столик с телефонной книгой. Следовательно, в мозгу экспериментатора зрительная память произвольно запечатлела последовательно один за другим внешний вид этих четырех предметов из обстановки вестибюля. В действиях собаки наблюдалась та же последовательность. Значит, при мысленном внушении животному передались от человека в последовательном порядке один за другим следы зрительных ощущений — четырех запечатлевшихся предметов в памяти человека».

Но данное наблюдение лишь доказывает то, что Марс внимательно следил за взглядом Владимира Леонидовича и запомнил, благодаря короткой памяти, последовательность, с которой тот переводил взгляд с одного предмета на другой.

А вот как Кажинский описывает опыт с клеткой Фарадея:

«Для доказательства электромагнитной сущности явлений передачи мысленной информации в опытах В. Л. Дурова мною было построено и опробовано (в 1922 г.) экранирующее устройство, позволяющее изолировать в электромагнитном отношении экспериментатора от подопытного животного. При этом был использован известный из физики эффект экранирующей клетки Фарадея. В лабораторной практике часто необходимо защищать то или иное пространство от внешнего электрического поля. Английский физик М. Фарадей первый доказал своими опытами, что для этой цели достаточно окружить со всех сторон защищаемое пространство замкнутой металлической оболочкой, проводящей электричество. Хотя внешнее электрическое поле и наводит заряд на наружной стороне такой оболочки, но пространство внутри нее остается совершенно свободным от линий поля. Причем нет необходимости делать оболочку сплошной. Для этого — достаточно проволочной сетки с небольшими ячейками. В своих опытах Фарадей помещал в клетку животных и, пропуская по ней электрический ток, убеждался, что животные оставались невредимыми. Такую экранирующую клетку с тех пор стали называть клеткой Фарадея, или просто экранирующим устройством.

Сначала я изготовил клетку (в рост человека), у которой пол, потолок, стенки и даже дверца были сделаны из частой металлической сетки, а в некоторых местах — из кровельного железа. Первые же пробные опыты показали правильность моих предположений: когда дверца клетки была закрыта, сидевшему внутри экспериментатору В. Л. Дурову не удавалось передать подопытному животному (собаке Марсу), находившемуся снаружи, никакого мысленного задания. Но стоило открыть дверцу, как Марс в точности исполнял приказы. Этот опыт зафиксирован на фотоснимке, сделанном 22. I. 1923 г., где В. Л. Дуров сидит в клетке, а Марс по мысленному его заданию принес блокнот. Рядом с клеткой у коммутатора стоит автор этих строк. Коммутатор перекрывает контакты заземленного провода, соединенного с калорифером центрального отопления лаборатории. Это заземляющее устройство было введено ввиду неопределенности вопроса о том, какова может быть длина электромагнитных волн в явлениях передачи мысли и, следовательно, какой величины должны быть ячейки сетчатых стенок такого “изолятора”. Предполагалось, что заземление контура этой клетки позволит придать ему потенциал земли и благодаря этому усилит экранирующий эффект клетки. Но в дальнейшем проверка экранирующих свойств нашей камеры с

помощью радиоприборов опровергла это предположение. Достаточно было иметь дверцу камеры закрытой, чтобы считать блокирующие свойства камеры обеспеченными. При открытой дверце камера не блокировала электромагнитных волн.

Поскольку влияние экранирующего устройства в этих опытах оказалось заметным и предполагалось, что камера со сплошными металлическими стенками будет в этом отношении еще эффективнее, чем сетчатая клетка, в конце 1923 г. была построена вторая камера со стенками из сплошных листов кровельного железа.

Опыты с новой камерой еще более укрепили нашу уверенность в том, что мы находимся на правильном пути. Оставалось лишь убедиться в экранирующем действии камеры с помощью радиоприборов. К тому времени сетчатая дверца клетки открыта, внушение животному передалось. Собака исполнила мысленное задание человека — принесла задуманный В. Л. Дуровым блокнот».

Экстрасенсы, которых тогда называли «излучающими людьми», помещались в камеру-клетку Фарадея, экранированную листами металла, откуда они мысленно воздействовали на собаку или человека. Положительный результат был зарегистрирован в 82 процентах случаев.

Отвечая своему оппоненту, профессору Н. А. Иванцову, выступившему в марте 1924 года с докладом, критикующим теорию Кажинского о биологической радиосвязи, Бернард Кажинский утверждал: «Считать неубедительными опыты Бехтерева с дрессированными собаками Дурова нельзя. Докладчик пытается объяснить успешную передачу мысленных заданий собакам Дурова только способностью животного руководствоваться своей предугадкой и мимико-соматическими движениями экспериментатора. Докладчик не знает всех подробностей замечательных опытов Дурова, иначе он не стал бы спорить... Успешными опытами с собаками Дурова доказано, что при телепатических передачах воспринимаются образы и картины предметов, хотя и не излучающих электромагнитные волны, но входящих в состав переданного образа. Это обстоятельство скорее является доказательством, чем поводом для опровержения данной электромагнитной гипотезы, как это пытается представить докладчик. В своем сознании собака улавливает не картину глаз экспериментатора, а мысленно внушенный ей образ, ощущение и т. д. Дуровым разработана методика этих внушений, связанная с выработанными у животного эмоциональными рефлексам. Поэтому передачи собакам Дурова мысленных внушений не удаются людям, не знающим этой методики. Зато эти опыты удаются Бехтереву и его

сотрудникам, изучившим методику Дурова и обладающим даром внушения».

Кажинский также утверждал: «Неправильно поступает докладчик, отрицая факты передачи мыслей только потому, что эти передачи не регистрируются в сознании всех людей одинаково. Для того, чтобы приходящая извне вместе с электромагнитной волной мысленная информация об ощущении, представлении и т. п. одного человека была воспринята другим человеком, необходим ряд благоприятных условий, редко встречающихся в совокупности. Поэтому отмеченные в жизни случаи передачи мысленных информаций сравнительно редко становятся известными. В частности, этим обстоятельством объясняется, почему к случаям явной телепатии большинство ученых до сих пор относится с недоверием и предубеждением, а некоторые считают эти случаи таинственными или сверхъестественными явлениями. Пора эти явления извлечь из области чего-то загадочного и подвергнуть объективному анализу точной науки». Однако до сих пор нет надежных статистических рядов фиксации телепатических явлений. В тех же редких случаях, когда проводилось статистически значимое число экспериментов, то либо результат был отрицательным, либо условия эксперимента были недостаточно чисты, и результаты могли быть объяснены действиями иных факторов, помимо телепатии. Подавляющее же большинство лиц, объявлявших, что обладают телепатическими способностями, категорически отказывались участвовать в собственно научных экспериментах, призванных подтвердить или опровергнуть наличие у них телепатических способностей. Тут играли роль два фактора. Значительная часть телепатов была откровенными шарлатанами и сознательно дурачила публику с помощью разнообразных трюков. Мессинг, как мы помним, принадлежал ко второй группе телепатов — к людям, которые искренне верили в то, что обладают телепатическими способностями. Но эти телепаты тоже не желали научной проверки своих способностей. Для них телепатия была смыслом жизни и возможный отрицательный результат эксперимента означал бы полный жизненный крах. Поэтому ни Мессинг, ни другие «честные телепаты» не хотели рисковать. Слишком велики были ставки. Мессинг в своих способностях не сомневался, регулярно доказывал их существование и аудиториям в сотни и тысячи зрителей, и самому себе. В то же время он с определенной настороженностью относился к ученым, не без оснований подозревая, что многие, если не большинство из них, не верят в телепатию и сделают все, чтобы доказать любой ценой, что ее не существует.

Здесь также проявляется одна из слабых сторон теории Кажинского. Получается, что «производить» своеобразные «мыслеволны» способны только отдельные люди, владеющие соответствующей методикой и даром внушения. Однако принимать эти волны оказываются в состоянии самые обыкновенные люди и животные. Возникает, в сущности, нелепица: импульсы порождают не все мысли всех людей, а только отдельные мысли особо одаренных людей. Мессинг и другие телепаты в этом отношении, по крайней мере, были более логичны и последовательны. Они настаивали, что занимаются отнюдь не внушением, а именно чтением мыслей других людей. Тут никакого логического противоречия нет. Ведь вполне можно допустить, что все человеческие мысли сопровождаются какими-то импульсами, но уловить, причем лишь ничтожную часть их, могут только считанные люди с уникальными способностями. И в этом случае, кстати сказать, можно быть уверенным, что телепатические способности ни в коем случае не передаются по наследству от родителей к детям. Теоретически можно предположить, что люди с телепатическими способностями встречаются крайне редко — с вероятностью порядка одной миллионной или даже одной миллиардной. В этом случае одновременно на Земле может жить всего лишь несколько телепатов (в лучшем случае — несколько десятков) и поставить телепатию «на поток» никогда не удастся. Даже установление наличия «телепатических импульсов» становится невозможным — ведь их можно выявить лишь тогда, когда настоящий, а не мнимый телепат согласится подвергнуться серии научных экспериментов. Однако поскольку настоящие телепаты таким экспериментам до сих пор не подвергались, а собрать несколько телепатов для того, чтобы эксперимент был достаточно репрезентативен, становится неразрешимой задачей, вопрос о существовании телепатии практически остается вопросом веры, а не знания. Поэтому в ряды телепатов вливаются легионы мошенников, откровенно дурачащих и публику, и некоторых доверчивых ученых. И сегодня невозможно однозначно ответить на вопрос, был ли Мессинг настоящим телепатором, способным улавливать хотя бы простейшие мыслительные образы, или просто человеком, хорошо умевшим читать идеомоторные реакции и уверовавшим, что он действительно является телепатором.

Стоит отметить, что опыты Б. Кажинского и В. Дурова вызвали немалый интерес в 1920-е годы. О них писали газеты, а в упомянутом Мессингом романе Александра Беляева «Властелин мира» выведены в роли героев не только Кажинский-Качинский, но и Дуров (Дугов). К слову сказать, после войны

Бернард Кажинский работал в Киеве, в Институте кибернетики Академии наук Украины. Его работы были закрытыми, но, без сомнения, имели отношение к телепатии, а точнее к внушению мыслей — тому, что во множестве околонуточных текстов именуется «психотронным оружием». Эту тему затрагивает и изданная посмертно в 1963 году книга Кажинского «Биологическая радиосвязь». В своей книге 1923 года ученый описал еще один важный опыт, проведенный Дуровым: «Задание состояло в том, что экспериментатор В. Л. Дуров должен передать собаке Марсу мысленный “приказ” пролаять определенное число раз. В. Л. Дуров находится вместе с другими сотрудниками в зале лаборатории. Проф. А. В. Леонтович уводит собаку в другую комнату, отделенную от зала двумя промежуточными комнатами. Двери между этими комнатами А. В. Леонтович плотно закрывает за собой, чтобы достичь полной звуковой изоляции собаки от экспериментатора.

В. Л. Дуров приступает к опыту. В. М. Бехтерев вручает ему вдвое сложенный листок бумаги, на котором написана одному Бехтереву известная цифра 14. Посмотрев на листок, В. Л. Дуров пожал плечами. Затем достал из кармана блузы карандаш, что-то написал на обороте листка и, спрятав листок и карандаш в карман, приступил к действию. Со сложенными на груди руками он устремляет взгляд перед собой.

Проходит пять минут. В. Л. Дуров в свободной позе садится на стул. Вслед за тем появляется А. В. Леонтович в сопровождении собаки и делает следующее сообщение: “Придя со мной в дальнюю комнату, Марс улегся на полу. Затем вскоре привстал на передние лапы, наострил уши, как бы прислушиваясь, и начал лаять. Пролаяв семь раз, Марс снова разлегся на полу. Я уже думал, что опыт закончен, и хотел уходить с ним из комнаты, как вдруг вижу: Марс снова приподнялся на передние лапы и опять пролаял ровно семь раз”.

Выслушав это, В. Л. Дуров торопливо достал из кармана блузы листок бумаги и подал его Леонтовичу. Все увидели на одной стороне листа цифру 14, на другой стояли дописанные рукой Дурова знаки: $7+7$. Волнуясь, великий укротитель объяснял: “Владимир Михайлович (Бехтерев) дал мне задание внушить Марсу пролаять 14 раз. Но вы ведь знаете, что передавать число лаев больше семи я сам не рекомендую. Я и решил: в уме разбить заданное число пополам — как бы на два задания, и передал ощущение лая сначала семь раз, а потом, после некоторой паузы, еще семь раз. В таком именно порядке Марс и пролаял”».

Тут стоит заметить, что число семь — это один из основных архетипов человеческого мышления, связанных с астрономи-

ей, точнее, семью известными в древности планетами Солнечной системы, а также с семидневными фазами Луны. Не исключено, что семеричность также воспринимается некоторыми животными.

Мессинг не был вполне уверен, что электромагнитное поле имеет отношение к телепатии, и не склонен был безусловно доверять опытам Кажинского. Телепат писал: «Ну а если окажется, что электромагнитное поле здесь ни при чем, как быть? Что же, тогда надо будет найти еще не известное нам поле, которое ответственно за телепатические явления. Найти и изучить его. Овладение им может открыть новые, совершенно удивительные возможности, не меньшие, чем открыло овладение электромагнитным полем. Вспомните: Генрих Герц открыл радиоволны в 1886 году. И меньше чем за сто лет стало возможно радио, телевидение, радиолокация, закалка токами высокой частоты и т. д. и т. п. Почему же не ожидать, что новое, не открытое еще сегодня поле не одарит нас еще большими чудесами?!

Что это за поле? Я, конечно, не могу ответить на этот вопрос. Известный советский ученый Козырев высказал предположение, что это могут быть волны гравитационного поля... Такое мнение разделяют и некоторые другие ученые. Они мотивируют свое предположение тождеством свойств гравитационных волн, для которых нет преград, нет непрозрачных экранов и так сказать “телепатических волн”, которые также, по некоторым опытным данным, обладают почти абсолютной способностью пронизывать любые препятствия».

Однако обнаружение гравитационного поля — еще более сложная задача, чем улавливание чрезвычайно слабых импульсов головного мозга. Поэтому теория о связи телепатии с гравитационным полем отнюдь не приближает нас к разгадке феномена Мессинга.

Что же касается выдающегося астронома-астрофизика Николая Александровича Козырева, то он утверждал, что планеты и звезды — это своеобразные машины, вырабатывающие энергию из времени. Теоретически можно, конечно, допустить, что телепаты каким-то образом черпают энергию из времени, но, во-первых, сама теория Козырева пока что не доказана, и даже если когда-нибудь будет найдено ее доказательство, очень трудно представить себе механизм, с помощью которого энергия времени может превращаться в телепатическую.

Вольф Мессинг, несомненно, обладал чрезвычайно высокой чувствительностью, развитой благодаря постоянным тренировкам. Его мозг был способен улавливать самые незаметные телесные изменения в процессе мышления. Если задание оказывалось очень сложным, Мессинг последовательно улав-

ливал всю серию мышечных изменений. Для этого ему необходимо было до предела напрячь свою нервную систему, отвлечься от посторонних раздражителей, привести окружающих, и прежде всего индуктора, в состояние повышенной нервозности, а потом выбрать только те сигналы, которые указывают правильный путь.

Академик Евгений Васильевич Золотов, математик, специалист по системам управления и автор неопубликованного при его жизни учебника телепатии, вспоминал: «В личной беседе с автором Вольф Мессинг сказал: “Знаете, иногда после выступления ко мне подходят священники и чуть ли не со слезами на глазах благодарят... Мне становится очень неудобно, вплоть до того, что я начинаю подумывать: не прекратить ли эти выступления вообще, раз уж они выставляют меня в таком неблагоприятном свете”. Действительно, “чудеса”, которые демонстрирует этот замечательный телепат, доступны восприятию каждого. В то же время их физическая интерпретация, их философское значение для очень многих еще и до сих пор остается неясной. Вполне очевидно, что такое положение как нельзя более на руку служителям любых культов: “Вы говорите, что Бога нет, стало быть нет и чуда... А Вольф Мессинг, разве не творил он чудеса, разве не делал он на глазах у всех вещи, объяснить которые наука не в состоянии?”»

Такого рода интерпретация его дара ставила Мессинга в двусмысленное положение по отношению к властям в стране государственного атеизма. С одной стороны, он как бы разоблачал все существующие религии, показывая, что то, что люди обычно считают чудом, в действительности имеет вполне научное объяснение. Однако, декларируя научную познаваемость телепатических способностей, сам Мессинг исчерпывающего рационального объяснения своим опытам дать не мог. Теория чтения идеомоторных актов всего не объясняла — по крайней мере в глазах зрителей.

Мессинг цитировал в мемуарах статью «Об опытах Вольфа Мессинга» из третьего номера журнала «Здоровье» за 1963 год. Ее автор — заведующий кафедрой физиологии 2-го Медицинского института в Москве профессор Г. И. Косицкий вспоминал: «Много лет назад я побывал на одном из выступлений Вольфа Мессинга. Ведущая объявила, что Мессинг будет выполнять любые задания, которые следует изложить в письменном виде и передать на сцену в жюри, избранному наугад из публики. Жюри должно следить за строгим соблюдением секретности и правильностью выполнения заданий. Самому же Мессингу записки не нужны: он воспримет содержание задач путем “мысленного приема”».

В аудитории наступила тишина, сопутствующая всякому таинственному акту.

И мне самому захотелось убедиться в этой чудодейственности, и я послал в жюри свою записку.

В ней был такой текст: приставное кресло из 13 ряда принести на сцену. Извлечь из кармана девушки, сидящей в 10 ряду на 16 месте, два удостоверения и сложить сумму цифр номера первого из них с числом, по которое действительно второе. Достать из другого кармана деньги в количестве, равном получившейся от сложения сумме, и положить их под переднюю левую ножку принесенного на авансцену стула.

Меня пригласили на сцену. Мессинг попросил взять его за кисть руки и сосредоточиться на задаче.

Яркий свет прожектора слепил глаза. Я держал его руку, а он стоял рядом. Вдруг он ринулся со сцены в зрительный зал, увлекая меня за собой. Подошел к 13 ряду, лихорадочно схватил стул и возвратился со мной на сцену. Зал рукоплескал...

Освоившись с необычной обстановкой, я решил начать и свой эксперимент. Я понял, что моя рука, сжимавшая запястье Мессинга, оставалась все это время бесконтрольной.

Расслабив мышцы, я сосредоточился на задании, которое старался передать ему мысленно.

Со стороны сценка с двумя персонажами выглядела забавно. Один человек с застывшим взглядом замер на месте, а другой суетится и нервно подрагивает рядом.

Казалось, будто Мессинга колотила мелкая дрожь, нервный тик переходил от одной части тела к другой. То вдруг замирал на мгновение. И снова начиналась нервная пляска. Рука моя оставалась безжизненной.

— Не думайте о себе! Не думайте о себе! — тихо произнес он, застыв неподвижно.

Он был не прав. Я совершенно не думал о себе, а сосредоточился на задании настолько, что перестал замечать все вокруг...

И мне стало понятно, что мысль моя непосредственно передаваться ему не может, что он улавливает ее только по вибрации моей руки. Произведя десятки кажущихся беспорядочными движений, он мгновенно оценивает мою реакцию на каждое из них.

Понятно, что если он случайно движется в нужном направлении, я реагирую на это по-особому. Он продолжает нужное по смыслу движение и снова следит за мной.

Это не передача мысли, а угадывание ее.

Я понял, что Мессинг воспринимает движения моей руки.

Так ли это?

Я очень легонько стал сжимать ему запястье всякий раз, когда направление его движений по смыслу задания оказывалось верным.

Мессинг ожил. Я же повторял легкое пожатие в каждое мгновение, когда он продвигался в нужном направлении.

И он нашел девушку в 10 ряду, вывел ее на сцену (хотя в задании и не было такой просьбы), и вновь начал делать многочисленные пассы. Когда его руки оказались около карманов, я вновь слегка сжал руку, а он в тот же миг извлек из карманов все, что там находилось, и положил на стол. В мгновение ока он умудрился прикоснуться по очереди к каждому предмету, и вновь моя рука сжалась в тот момент, когда он дотронулся до удостоверений. Секунда на раздумье — и удостоверения отложены в сторону.

Он раскрыл их и начал водить карандашом по строчкам...

Я не видел других опытов телепатов и не берусь авторитетно судить о них. Что касается Мессинга, то нужно со всей решительностью подчеркнуть — ничего таинственного и непонятного в его экспериментах нет. К телепатии они никакого отношения не имеют.

Наша мысль — продукт мозга и не может существовать в отрыве от него или материи как таковой.

Природа с избытком наградила каждого из нас огромными возможностями и способностями, но не все они нами реализуются и не всеми развиваются. Но человек, который сполна бы воспользовался этими удивительными возможностями, вполне смог бы делать то, что делает Вольф Мессинг...

...Благодаря длительным, настойчивым упражнениям, напряженному кропотливому труду, Мессинг данные от природы возможности отшлифовал до совершенного и чистейшего блеска. И этот огромный труд его покоряет нас. Ведь мы не можем оставаться равнодушными, когда слышим игру Давида Ойстраха или Вана Клиберна. Такова сила подлинного искусства и таланта».

В своих мемуарах Мессинг так прокомментировал эту статью:

«Эта статья — квинтэссенция той убежденности, что я не телепат и что все объясняется обостренностью моих чувств. Я готов даже согласиться с этим, если только уважаемый мною профессор скажет, как он мне подал знак сложить цифры номера первого удостоверения и числа, обозначающего срок действия второго удостоверения? К этому могу прибавить, что Г. И. Косицкий, конечно, не первый, ставящий на мне опыты. Их ставили и официально, например, в Институте психиатрии Академии медицинских наук СССР. И всегда, во всяком слу-

чае, всегда в своих отчетах, ученые старались обойти вопросы, которые не укладываются в гипотезу о чисто идеомоторном механизме моей работы.

Смею уверить профессора Косицкого в другом: все попытки не подавать мне никаких сигналов были безрезультатными. Конечно, мне мешало то, что ученый думал не о том, какое задание я должен выполнять, а о том, чтобы не двигать рукой. Эти мысли и воспринимал я от индуктора. И поэтому, стремясь заставить его отвлечься и вернуться к заданию, я и попросил его: «Не думайте о себе». Пожатий руки последнего я, видимо, вовсе не замечал. Я весь погружен в это время в стремление понять мысли собеседника и мало что замечаю вокруг.

Помешать в работе мне скорее может другое. Дело в том, что я не всех людей одинаково хорошо «слышу» телепатически — пусть простят мне этот глагол «слышать», абсолютно не передающий сущности явления. Суть в том, что чужое желание я ощущаю как бы собственным желанием. Ощущение появляется во мне ощущением же. Если мой индуктор представит, что он хочет пить, и я стану ощущать жажду. Если он представит себе, что гладит пушистую кошку, и я почувствую у себя в руках нечто теплое и пушистое. Чужая мысль родится в моей голове, словно собственная, и мне много стоило труда научиться отделять свои мысли от мыслей индуктора. Вот в чем разница слова «слышать» в обычном понимании и в телепатическом понимании, как я его применяю здесь.

Итак, мысли и чувства не всех людей я одинаково хорошо «слышу». Одни «звучат» в мозгу моем громко, другие — приглушенно, третьи — совсем шепотом, из которого долетают только отдельные слова. Но индукторов во время выступления не выбираешь. И если попадает индуктор с тихим «голосом» (все эти термины в моем телепатическом понимании), а рядом «громко» думает другой человек, это может очень помешать в работе. Видевшие меня во время сеансов люди не раз замечали, что я бросаю реплики таким людям».

Вольф Григорьевич пытался убедить своих читателей, что профессор не по своей воле и в рамках собственного эксперимента старался дать ему знаки, как надо действовать, а делал это благодаря его, Мессинга, внушению. Индуктор, вольно или невольно, но всегда действует по принципу известной детской игры «горячо — холодно». В ходе этой игры в комнате прячется какой-нибудь предмет. Когда тот, кто его ищет, приближается к тому месту, где спрятан искомый предмет, то ему говорят: «Горячо!» — если же удаляется, то — «Холодно!».

Статью Г. И. Косицкого Мессинг прокомментировал и своей доброй знакомой Т. Л. Лунгиной. Татьяна Львовна приво-

дит этот комментарий в своих мемуарах: «Ну, что тебе сказать, Таня? Ты же знаешь, что я и сам не пытаюсь напускать мистического тумана во время демонстрации своих опытов. Только профессор подходит к проблеме совсем с другого бока... Я бы с ним согласился, если б он мог толково объяснить: каким таким макарон он подал мне знак сложить, а не вычесть и не умножить номер-число первого удостоверения с числом второго? Он сбивал меня не своим “расслаблением”, а старанием сосредоточиться на своей персоне, на своем собственном теле вместо задания. Девушку же я вывел на сцену специально: все, кто видел мои опыты, знают, что я ничего не делаю в зале, а “вытаскиваю” всех участников на сцену для всеобщего обозрения».

Здесь Мессинг утверждает, что совершил действие, отличное от того, что ему было предписано в записке, не потому, что индуктор сознательно внушил ему, что надо совершить «неправильное» действие, а всего лишь потому, что он сам, Мессинг, применил свой стандартный прием. Строго говоря, эта ошибка сама по себе не могла опровергнуть представление о его телепатических способностях. Ведь он должен был воспринимать то, о чем думает индуктор, а не то, что именно написано в записке с заданием. Но Мессингу очень неудобно было признаваться в том, что кто-то смог внушить ему свою волю и заставить ошибиться.

В мемуарах Мессинг также процитировал запись своего выступления, сделанную журналистом В. Сафроновым:

«“Это произошло осенью прошлого года в Москве, в Доме медработников, где Мессинг показывал свои способности собравшимся там врачам... Я оказался в составе жюри, и это позволило мне быть в курсе всех событий, происходивших на сцене и в публике. Предпоследним опытом Мессинга была мысленная диктовка задания без контакта за руку с индуктором. Для большей убедительности Мессинг был удален из зала под эскортом двух членов жюри. Надо было надежно запрятать какой-либо предмет, а Мессинг должен был найти его. После споров и нескольких ‘перезахоронок’ предмет (авторучка) был спрятан на обшивке стеной панели. Вводят Мессинга. В притихшем зале Мессинг быстро находит девушку, спрятавшую авторучку. Выводит ее на сцену, ставит перед собой, пристально смотрит на нее, просит: ‘Думайте! Дайте мысленный образ...’ А что, если попробовать сбить Мессинга, приходит мне в голову озорная мысль. И тут же начинаю внушать ему следующее: ‘Не слушайте девушку, ручка не там, где она думает, а на капители колонны, что слева от стены’. При этом я только бегло взглянул на профиль Мессинга (расстояние не

более трех метров) и снова повторяю внушение: ‘Ручка на капители колонны’...

Воображение живо рисует толстый слой пыли, на котором лежит черная эбонитовая самописка с золоченым пером. Вдруг происходит то, чего я, откровенно говоря, не ждал. Мессинг посмотрел в мою сторону и с нескрываемым раздражением сказал (цитирую точно, записано сразу же):

— Не надо много приказаний... Туда очень высоко... Нужна большая лестница...

Я, разумеется, смутился и пробормотал что-то вроде извинения. После этого Мессинг забыл о моем присутствии и вновь сосредоточил свое внимание на девушке. Ручка была извлечена оттуда, куда ее поместили по желанию присутствующих...”»

Вольф Григорьевич так прокомментировал эти записи: «Говорить неправду и преувеличивать у меня нет никаких причин. Чтобы “услышать” чужие мысли, мне нужна особая собранность чувств и сил. Но когда я достиг этого состояния, мне уже не представляет труда “слышать”, “читать” телепатически мысли любого человека. И практически любые мысли. Контакт за руку с индуктором мне помогает выделить из общего шума чужих мыслей те, что нужны мне. Но я могу обходиться и без этого контакта. Кстати, когда мне завязывают глаза, мне легче работать — я целиком перехожу на зрение индуктора. И легко и свободно двигаюсь я по залу с завязанными глазами не потому, что запомнил расположение ступеней и дверей, а потому, что я “вижу” в это время то, что видит индуктор. Лучшими индукторами бывают глухонемые. Вероятно, потому, что они очень четко, образно, а не в словах, представляют себе задание, которое я должен выполнить. При доброжелательном отношении зрителей работаете легко. Так же, наверное, и у виртуоза-пианиста легче летают по клавишам пальцы, когда он чувствует немой восторг зала. И наверное, у него свинцом бы налились руки, если бы он чувствовал враждебное ожидание: вот сейчас собьется... вот сейчас собьется... Но так же как музыкант может собрать силы и не сбиться до конца, так и я могу довести до конца опыт с самым скептическим индуктором».

Здесь нам важно указание Мессинга на то, что успех его выступления зависит от настроения как индуктора, так и зала. Враждебное отношение повышает вероятность ошибок, но не потому, что зрители начинают более критически относиться к способностям телепата. В данном случае мозг артиста как бы «засоряется» посторонними импульсами, либо не имеющими отношения к заданию, либо направленными на то, чтобы исказить его. Признание же в том, что лучшие индукторы — это

глухонемые, поскольку они обращают мысли в наиболее четкие зрительные образы, доказывает, что Мессинг мог читать мысли не в виде письменных текстов или голосов, которые он слышит, а в виде неких зрительных образов (скорее всего — в виде простейших геометрических фигур).

Мессингу, как мы уже убедились, неоднократно приходилось сталкиваться со скептическим отношением к своему дару. И скептики, оказавшиеся на сеансах, всегда стремились «завалить» великого телепата. Вспоминает саратовский иллюзионист Владимир Свечников: «В молодости меня очень интересовало, возможна ли передача мысли на расстояние. Когда в Саратов приехал Вольф Мессинг, который демонстрировал опыты по телепатии, я стал у него негласным экспертом и получил четкий ответ: передачи мыслей на расстояние нет.

На предварительной лекции Мессинг говорил, что читает мысли и способен выполнить любое задание зрителей. Я заранее договорился с моей спутницей, с которой пришел на его выступление. Задание было такое: “Не спускаясь в зрительный зал, пригласить на сцену девушку, которая сидит в 8 ряду на 14 месте. У нее из сумочки достать книжку, из книжки 4 карты, авторучку (она была многоцветной), черным цветом поставить автограф на черновой даме, красным на трефовой девятке”. Почему такое условие — не спускаться в зрительный зал? У меня были догадки, и они оказались верными, что Мессинг ориентировался на идеомоторные акты. Это незаметные для самого человека движения, которые указывают путь, которым нужно следовать. Если это так, телепату нужно обязательно идти, чтобы остановиться в определенном месте. Точно так же никакими идеомоторными актами нельзя передать фокуснику, чтобы он расписался сначала одним, а потом другим цветом. Так все и вышло, когда Мессинг взял меня за руку, он заметался, куда ему идти, что делать. Есть такая методика — рывками определять сопротивление человека. Я мысленно ему говорю: “Стоять на месте, 8 ряд, 14 место...” ну и так далее. Естественно, услышать мои мысли он не мог. В конце концов Мессинг сказал мне тихонько: “Не экспериментируйте, молодой человек”. Ну, раз так, артист артисту должен помогать, довел его до нужного ряда, сжал руку. Догадаться, кого из зрителей нужно вызвать, было нетрудно и без телепатии. Все места заняты, и только одно рядом с моей девушкой свободное. Потом, когда открыли сумочку и оттуда посыпались карты, Мессинг снова растерялся. Он так и не догадался, что нужно было расписываться разными чернилами, и я был вынужден сказать, что упростил задание по ходу выступления. Сам Мессинг заявил зрителям, что за последние пять лет у него еще не было такого

трудного задания, а нас потихоньку, когда мы уходили со сцены, поблагодарил».

В данном случае скептик проявил цеховую солидарность с коллегой по артистическому цеху и выручил Мессинга из сложного положения. Данный случай доказывает, что, по крайней мере, на различение цветов телепатические способности Мессинга не распространялись. Если он и видел какие-то мыслеобразы, то они, вероятно, были для него либо все одного цвета, либо вообще бесцветными.

Но скептиков было мало, преобладали восторженные поклонники и поклонницы. Одна из них, ростовчанка Виктория Галустян, вспоминала: «И вот Мессинг в Ростове. По городу расклеены афиши о его представлении под названием “Психологические опыты”. Я страстно хотела попасть на его представление. Билеты достать было сложно. Придя на работу, я с горечью сказала сотрудникам: “Уж если Мессинг действительно такой телепат, то он должен сам был бы прислать мне билет”. Через несколько минут зазвонил телефон, и мои друзья предложили мне лишний билет на вечер. Зрительный зал филармонии был переполнен. Я напряженно следила за тем, чтобы не упустить момент, когда ассистент Мессинга пригласит из зала желающих для работы в жюри. И вот нас усадили посреди сцены за стол, и Мессинг начал работать. Я пристально следила за ним и за остальными членами жюри, не очень доверяя всему предстоящему. Из зала начали поступать записки с заданиями, всего более двухсот. Надо было выбрать несколько самых интересных, чтобы уложиться в сеанс.

Записки поступали разного содержания, например: “Ув. В. Г., найдите в 6-м ряду молодого человека с серым галстуком, достаньте из правого кармана пиджака портмоне, раскройте, найдите фотографию и положите ее в левый карман пиджака”.

И вот автор этой не оглашенной пока записки вызван на сцену. Он должен продиктовать мысленно текст задания Мессингу и затем засвидетельствовать выполненные последние действия. Вольф Мессинг сосредотачивается, берет руку дающего задание и безошибочно “читает” его мысли. А вот он распознает думы другого зрителя, не дотрагиваясь до него.

Когда было выполнено несколько заданий по запискам, Вольф Григорьевич предложил удалить его из зала в сопровождении двух зрителей-свидетелей в изолированную от зала комнату, а в это время в зале спрятать предмет, который он и должен будет найти. Вернувшись на сцену, Мессинг внимательно и сосредоточенно смотрит в глаза индуктора и идет в зрительный зал. Назад он возвращается, цепко держа за руку мужчину. Ставит его напротив себя и, радостно вскрикнув: “У вас под

бортом жакета ручка, я вижу чернильное пятно”, достает ручку под бурные аплодисменты зала. И вдруг он понял, что ручка без наконечника — замысел жюри. Ее разделили на две части. Зал притих. Вольф Григорьевич повернулся в сторону жюри и негромко, но укоризненно нам сказал: “Зачем же вы так?” Ему предстояло дополнительное напряжение в поисках в зрительном зале.

Через несколько минут он вывел на сцену блондинку с красивой высокой прической. Предложив ей стул, Мессинг приблизился к ней и вдруг быстрыми движениями начал разгребать ее волосы и достал наконечник из ее прически под бурные аплодисменты зала.

О Вольфе Григорьевиче можно очень много рассказывать. И вот Мессинг снова в Ростове, и я снова на его сеансе. На этот раз я решила стать индуктором для того, чтобы еще раз убедить себя в необыкновенных способностях Вольфа Григорьевича.

Мне предстояло написать записку с заданием и передать ее в жюри. Я написала: “В.Г., в зале находится талантливый писатель Виталий Семин, прошу найти его и представить”.

Вольф Григорьевич стал напротив меня, внимательно посмотрел в глаза, предложил мне свою руку и произнес: “Думайте”.

Я мысленно скомандовала “вперед”, и он быстро повел меня в конец зала. Дальше была команда “направо”, и он подвел меня к группе писателей. И вдруг я замялась, не зная, какую команду дать.

Писатели с любопытством смотрели на нас, а я подумала, если я назову фамилию, то ведь он не знает, кому она принадлежит. Вольф Григорьевич притормозил с удивлением, почему нет команды. И тут я сообразила — “коричневый костюм”, и Мессинг рванулся к писателю Семину.

Жюри зачитало мою записку. Все выполнено точно. В зале буря аплодисментов.

А Вольф Григорьевич, обратившись к залу, сказал: “Очень прошу, у кого сильно болит голова, поднимитесь на сцену, я сниму вашу боль, а то мне трудно работать”. На сцену поднялась женщина, он предложил ей стул и на глазах притихшего зала провел руками над ее головой и заботливо спросил: “Ну как?” Она медленно и с удивлением ответила: “Не болит”. Зал восхищенно зашумел, а я окончательно уверовала в Мессинга».

Строго говоря, ничего сверхъестественного в том, что описала Виктория Галустян, нет. Мысленное пожелание о том, чтобы ей принесли билеты на вечер, и немедленное его исполнение могло быть простым совпадением, которое потому и запомнилось. Найти человека, вынуть портмоне и подойти к

конкретному писателю — все эти задания вполне можно было выполнить благодаря умению читать идеомоторные акты. Собственно телепатия здесь ни при чем. А писателя Семина Мессинг опознал отнюдь не по коричневому костюму — цветов, как мы уже убедились, телепат различать не мог. В данном же случае индуктор каким-то произвольным движением — вероятнее всего, глазами, — выделила из группы писателей человека в коричневом костюме, и Мессинг подошел именно к нему.

А вот рассказ Марины Андреевны Мартыновой о сеансе Мессинга, записанный мной 16 февраля 2010 года. Он хорошо передает атмосферу, царившую на сеансах Мессинга, где зрители ожидали чуда и, разумеется, его получали:

«Я присутствовала на выступлении Мессинга в первой половине 1960-х годов, будучи студенткой Московского экономико-статистического института (МЭСИ). Это было в каком-то зале или клубе в центре Москвы. Мессинг был в темно-сером костюме и синей водолазке. Ходил он стремительно, а черты его лица были все время напряжены. Суть задания для индуктора сводилась к тому, чтобы указать конкретного человека в зале и сообщить ему задуманную цифру. Мессинг во всех случаях был на высоте, ни одной осечки не было. В зале создавалась взволнованная атмосфера. Сеанс продолжался час — полтора. Мессинг произвел впечатление. Казалось, что он действительно читает мысли».

Комментируя этот рассказ, надо заметить, что Мессинг должен был держать и себя, и индуктора, да и весь зал в постоянном напряжении, чтобы создать идеальные условия для чтения идеомоторных актов и заставить публику бессознательно помогать ему.

Мессинг в мемуарах утверждал: «Мне доводилось присутствовать при спорах о том, что такое телепатия: атавизм, сохранившийся от наших предков, или, наоборот, свойство, которым в полной мере будут обладать люди будущего или те существа, которые придут нам на смену? Сторонники первой точки зрения приводили массу доказательств, суть которых состояла в том, что чем примитивнее устроен организм, тем нужнее ему телепатия. За счет телепатии эти люди объясняли, например, тот широко известный факт, что некоторые виды бабочек узнают о нахождении родственной особи на расстоянии до километра. На счет телепатии они записывают и другой общеизвестный акт: одновременность взмахов крыльев стайки нескольких бабочек, сидящих рядом. Телепатией объясняли удивительную одновременность и единомышленность действия рыбных косяков, рыбных стай. И так далее. Но чем выше раз-

вит организм, тем, по их мнению, меньше нужды ему в телепатии. Лев может находить другого льва по его рыку. Волк — по запаху. Тигрица заранее предупреждает тигрят о своем приходе тихим мурлыканьем. Обезьяны имеют развитую систему звуков для сообщения друг другу своих эмоций, предупреждений об опасности и т. п. Такую же систему звуков, как выяснилось в последнее время, имеют вороны и, вероятно, другие животные и птицы, живущие стадами или стаями... Еще менее нужна телепатия человеку, имеющему множество способов обмена информацией. И поэтому она почти исчезла из обихода людей, оставшись слабым рудиментом, и лишь иногда она неожиданно воскресает в полную меру у отдельных индивидуумов. Это атавистическое свойство, присущее редким людям от рождения. Ну так же, как у некоторых людей от рождения есть хвост или они от рождения покрыты волосами. Сторонником этой точки зрения в настоящее время является, например, кандидат медицинских наук В. А. Козак. Вот что пишет он по этому вопросу:

“У людей биологическая связь типа телепатической может выплывать из-под спуда эволюционных наслоений высших этажей головного мозга преимущественно в случаях, связанных с бедственным положением и вообще тяжелыми переживаниями, когда отдельные функции, находящиеся в нижних отделах головного мозга, могут выходить из-под контроля соответствующих отделов коры головного мозга...”

Характерно, что до сих пор ни в одном опыте не было передано сколько-нибудь определенной фразы. Это также косвенно свидетельствует о том, что феномен биосвязи мы получили ‘по наследству’ от животных, которым чуждо понятие о логически связанных словах, тем более фразах, а также представлениях о подробной сущности предмета. По-видимому, не случайно биологическое воздействие на расстоянии воспринимается нами чаще всего как неопределенное чувство беспокойства о близком человеке или предчувствие какого-то события. Вероятно, информация идет преимущественно на уровне первой сигнальной системы или таких ощущений, как страх, чувство опасности и т. п. Вполне естественно поэтому, что наибольшего развития способность передачи информации достигла в первую очередь у насекомых и других низших представителей животного мира. В настоящее время такая форма биологической связи, по всей вероятности, анахронизм...”

Другие утверждают: нет! Все примеры, которые вы приводите, можно объяснить и другими способами. Бабочки находят друг друга по запаху — и ничего более. Стаи рыб воспринимают команду вожака по движению струй воды и, повторяя ее,

передают дальше... Телепатия — это свойство, которое только рождается. Оно придет на смену другим способам передачи информации. Телепатия исключает возможность обмана нечеткости, поэтому она станет основным средством общения в обществе будущего, когда у людей не будет и тени мысли обмануть другого. Люди, обладающие повышенными способностями телепатии, принадлежат будущему. Это — первые вестники грядущего в наших днях...

“Нам представляется, — пишет в книге ‘Биологическая радиосвязь’ Б. Б. Кажинский, — что феноменальная способность человека мысленно на расстоянии воздействовать на других находится все еще в зачаточном состоянии. Не правы те, кто считает эту способность мозга отживающей, вырождающейся и т. п. Наоборот, она представляет собой начало, зародыш новой, более высокой ступени развития человеческого сознания на новой высшей основе, на основе биологической радиосвязи” (Кажинский Б. Б. Биологическая радиосвязь).

Не берусь спорить, кто здесь прав. Бабочками ведь тоже еще не занимались как следует ни физики, ни телепаты. Бионика как наука только начинает обретать права гражданства. Я хочу сказать о другом. О том, что телепатические свойства в той или иной мере свойственны каждому. Чаще всего они действительно проявляются в детстве. Говорят, мать чувствует все, что испытывает ее новорожденный ребенок. И опять только говорят. Я никогда не слышал и не читал научного отчета о хотя бы таком простейшем опыте, который легко провести за пару недель в любом родильном доме. Надо одному человеку находиться в помещении с новорожденными и по часам засекают, когда и кто из них начал плакать, проснулся и т. д. А другому — в палате рожениц фиксировать поведение матерей. Итоги этого опыта уже могли бы прояснить многое...

Честно говоря, меня и не очень интересует — атавизм ли телепатия или свойство человека завтрашнего дня. Меня волнует другое: ведь каждый, буквально каждый человек, порывшись добросовестно в своей памяти, может припомнить те или иные случаи, дающие повод сделать предположение о существовании телепатии».

Необходимо подчеркнуть, что ни одна из теорий телепатии, изложенных Мессингом, до сих пор не нашла своего подтверждения. У животных телепатия тоже как будто не обнаружена. Во всяком случае, все те примеры, которые приводит Мессинг, можно объяснить и без телепатии. Можно предположить, например, что звери и птицы с их более острыми, чем у человека, чувствами каким-то образом улавливают идеомоторные акты или что они передают друг другу сигналы на часто-

тах, которые не воспринимаются человеческим ухом. Известны опыты с самыми различными животными, когда воздействие ультразвука вызывало чувство тревоги у грызунов, собак, а также у ряда насекомых. Несомненно, ультразвук в общении между многими видами животных используется достаточно широко. Например, этот вид связи обнаружен у дельфинов и летучих мышей. Вероятно, в большинстве случаев, когда говорят о телепатии у животных, в действительности мы имеем дело с ультразвуком.

Есть интересный аргумент против телепатии среди людей и животных, приведенный знаменитым польским писателем-фантастом Станиславом Лемом. Он утверждал, что «количество людей, видевших, слышавших или переживавших “телепатические явления”, каким бы оно ни было, близко к нулю по сравнению с количеством “экспериментов”, какие провела естественная эволюция за время существования видов, на протяжении миллиардов лет. И если эволюции не удалось “накопить” телепатических признаков, то это значит, что нечего было накапливать, отсеивать и сгущать». В принципе, на это можно возразить, что телепатия сама по себе могла не оказывать решающее влияние на вероятность выживания особи, поскольку играла очень слабую роль по сравнению с другими органами чувств. Главное же, наличие телепатии может не сочетаться с теми признаками, которые обеспечивают взаимное половое влечение особей, обладающих «геном телепатии». В этом случае не может включиться основной механизм эволюции — половой отбор. В этом случае вид живых существ, обладающих телепатическими способностями, в принципе не мог возникнуть на Земле, что, однако, не исключает наличия телепатических способностей у отдельных людей. Кстати сказать, Мессинг отнюдь не был донжуаном и никогда не воспринимался женщинами в качестве привлекательного сексуального партнера. Не исключено, что природа позаботилась о том, чтобы в мире не могло быть слишком большого числа телепатов, и наделила животных (и людей), обладающих соответствующими генами, непривлекательной внешностью, чтобы тем самым гарантировать, что данный признак не будет накапливаться и вид телепатов на Земле никогда не появится.

По свидетельству Татьяны Лунгиной, «с середины 50-х годов в научно-популярных журналах и периодической печати все чаще стали появляться публикации о дельфинах. Причем преобладали статьи не развлекательного характера, а серьезные попытки привлечь внимание ученых к этому удивительному животному. Вольф Григорьевич живо заинтересовался “дельфиньей тематикой” и просил меня делать вырезки из га-

зетных и журнальных сообщений о любых экспериментах, проводящихся в лабораториях с дельфинами, о каждом случае столкновения человека с дельфином в открытой стихии.

Кроме того, нами были просмотрены десятки произведений античной литературы, где хотя бы вскользь упоминалось о них, и выписки складывались в специальную папку. Мы отыскивали сказки и легенды разных народов с дельфинами-персонажами, некоторые Мессинг просил меня перечитывать вслух по нескольку раз. Особенно умиляло его предание о дружбе древнегреческого мальчишки и дельфина, невольню заученное мной наизусть. Каждое утро, идя в школу, мальчик приносил своему морскому другу какое-нибудь лакомство и угощал его. В благодарность тот подставлял свою мокрую спину, мальчишка усаживался на нее, и дельфин отвозил его на противоположный берег бухты, разрезавший городок на две части. А в урочный час приплывал к берегу, чтобы переправить школьника назад, домой.

Но толчком к замыслу Мессинга поэкспериментировать с этими удивительными существами послужили довольно частые сообщения о спасении дельфинами в открытом море обессиленных или раненых людей — при кораблекрушениях или опрометчивых дальних заплывах во время купания.

Ход рассуждений Мессинга был таков. Как существо чрезвычайно умное и ласковое, дельфин может играть с человеком в воде и резвиться как малое дитя: катать на спине, подталкивать на отмель, подпрыгивать и нырять, состязаясь в ловкости. Так играют с человеком и его домашние животные — собака и кошка.

Но каким образом дельфин понимает, что плывущий даже сравнительно близко от берега человек ранен или обессилен, если нет даже следа крови, что как-то могло бы объяснить его догадливость? Почему он не вступает с ним в игру, а уверенно, как медсестра на поле боя, уводит его от опасности!

Очевидно, струсившая с человеком беду дельфин понимает не визуально и не другими известными органами чувств. Можно предположить, что он “перехватывает” импульсы страха, улавливает чувство смертельной опасности, обуревающие в такую минуту человека. Ведь бедствие прежде всего осознается, о возможной гибели человек думает, и эти мысли улавливаются дельфином — вот что поражает!

И тогда Мессинг задался вопросом: а нельзя ли проверить возможность понимания дельфином человека не в критической ситуации, когда все-таки можно себе представить “радар” инстинкта, а в самых благоприятных условиях, и главное — в решении качественно разных задач и без использования условных рефлексов животного...

Предполагалось, что, по завершении “внутренней готовности” к проведению опытов, Мессинг получит если не командировку, то хотя бы разрешение Академии наук поработать некоторое время в дельфинарии на черноморском побережье Грузии. Поэтому он под разными предлогами отклонял гастрольные поездки в те края, пока не представится возможность отправиться туда, сочетая приятное с полезным. Ему хотелось соединить отпускное время с гастрольной поездкой, чтобы подольше поработать с дельфинами.

В чем видел он смысл этой пробной работы? Какие возможности — свои и дельфинов — хотел проверить? Полный ответ теперь уже никто дать не может. Не будут весомыми и мои сведения, так как идею свою Мессинг не опробовал экспериментально. Я лишь укажу направление, в котором он двигался.

Желание у него было “скромное”: общаясь несколько недель с одной и той же особью, попытаться давать приказания дельфину тоже телепатически, не отработывая с животным никаких опытов, основанных на запоминании команд при помощи условного рефлекса. Только мысленное внушение, как и в зрительном зале: направиться к правому барьеру аквариума, подплыть к служащему дельфинария в зеленом комбинезоне, проскочить в среднее из трех колец, опущенных в воду, и так дальше. Но, повторяю, все это — без единого знака и звука. Расчет был на то, что диковинный спектр дельфина близок к человеческому. Мессинг допускал, что во время такого сеанса ему придется себя доводить до невероятно высокой степени нервного накала — выше того, которым он лихорадит публику в зрительном зале. Нужно будет посылать дельфину своего рода “лазерный” пучок мысли — вот в какой теоретической плоскости лежал замысел Мессинга. К нему он шел и готовился годами, изгрыз массу научных и любительских сведений о дельфинах, “вживаясь” в их образ. К сожалению, свалившиеся на него в последние годы недуги выбивали его из седла, мешая планомерной подготовке к фантастическому, небывалому опыту. И не оборви смерть все замыслы, кто знает, какой величественный памятник можно было бы поставить этим морским интеллектуалам».

Боюсь, что восторженная поклонница Мессинга вольно или невольно преувеличивает степень увлечения Вольфа Григорьевича дельфинами. Ведь в мемуарах Мессинга о дельфинах нет ни слова. Как-то странно, согласитесь, если на эксперименты с дельфинами он смотрел как на дело всей жизни. Впрочем, нельзя исключить, что дельфинами Мессинг увлекся уже после написания мемуаров, то есть не ранее 1964 года. В том, что они его все-таки интересовали, трудно сомневаться.

Лунгина могла преувеличить степень этого увлечения, но вряд ли она его полностью выдумала. Тем более что дельфинов издавна подозревали в телепатии и это обстоятельство вряд ли прошло мимо внимания Мессинга.

Мессинг заинтересовался дельфинами, очевидно, потому, что у них подозревали наличие разума, а также сложных сигнальных систем, в том числе телепатических. Совсем недавно, в 2006 году, коллектив американских исследователей установил, что дельфины способны к присваиванию и распознаванию имен. Имя дается дельфину еще при рождении — оно представляет собой специфический свист, уникальный для каждого имени. В июне 2005 года группа австралийских, американских и канадских исследователей показала, что дельфины могут использовать орудия труда. Некоторые ученые полагают, что навыки использования орудий труда у дельфинов передаются из поколения в поколение на культурном уровне. Но споры о том, есть ли у дельфинов язык, продолжаются до сих пор. Спорят также о том, что именно можно называть языком дельфинов.

Дельфинам нередко приписывают и телепатические способности — потому-то ими и заинтересовался Мессинг. Так, исследовательницы Н. Л. Крушинская и Т. Ю. Лисицына утверждают, что «нельзя исключить из рассмотрения возможность существования у дельфинов систем кодирования информации, принципиально отличающихся от привычных представлений человека. Например, сложная информация может кодироваться не последовательностью символов во времени, как принято в языке человека (и, видимо, в системах общения у обезьян), а одновременной передачей набора составляющих частотного спектра звуков или каким-либо другим необычным для человека и пока нераскрытым способом. Очевидно, в этом случае навязываемая дельфину экспериментатором “человеческая” система символов может для него оказаться совершенно непривычной.

Наконец, возможность установления двусторонней связи человека и дельфина на основе “языковой” символизации зависит от того, обладают ли дельфины уровнем развития умственных способностей, необходимым для оперирования отвлеченными символами». Мозг взрослого дельфина даже больше человеческого. В среднем он весит около 1700 граммов, тогда как у человека — около 1400. Однако важен не размер мозга, а его структурированность. Но и здесь не все так просто. У дельфина в два раза больше извилин в коре головного мозга, чем у человека. В то же время в кубическом миллиметре серого вещества у дельфинов довольно мало нейронов (меньше даже,

чем у приматов). Вероятно, это обстоятельство ограничивает их способность мыслить. По поводу интеллекта дельфинов существуют разноречивые мнения. Некоторые ученые полагают, что дельфинов можно научить примерно тому же, чему можно научить собаку, а вот до шимпанзе им очень далеко. Другие утверждают, что мы просто до сих пор не смогли освоить язык дельфинов и потому не можем адекватно сравнивать их интеллект не только с интеллектом приматов, но даже с интеллектом человека.

В мемуарах Мессинг утверждал: «Все, о чем я писал раньше, я, материалист, могу объяснить пусть не в деталях, но достаточно четко. И если иной раз не совпадала моя точка зрения с точкой зрения того или иного ученого, это не меняло сути дела: то ли, иное ли объяснение механизма моего искусства будет в конце концов принято наукой в качестве объективной истины, мне не очень важно. Важно для меня другое: убежденность, что этот материальный механизм будет найден...

Второй случай произошел несколько лет назад. Я показывал свои «психологические опыты» в редакции одной газеты. После сеанса меня пригласили в кабинет главного редактора. Присутствовали человек 10 журналистов. Разговор зашел о возможностях телепатии. Кто-то выразил сомнение в моих возможностях. Слегка возбужденный после только что окончившегося сеанса, еще не вошедший в «нормальное состояние», да еще подзадоренный разговором, я сказал:

— Хорошо... Я вам дам возможность убедиться в силе телепатии... Вы все журналисты. Возьмите свои блокноты...

Одни с интересом, другие со скептической улыбкой, но блокноты вытащили все. Те, у кого блокнотов не оказалось, взяли чистые листы бумаги со стола главного редактора. Вооружились вечными перьями...

— Теперь пишите, — скомандовал я весело, — сегодня — пятое июня... Между двадцатым и двадцать пятым июня... простите, как ваша фамилия? — обратился я к одному из присутствующих.

— Иванов Иван Иванович, — с готовностью ответил тот.

— Так вот, между двадцатым и двадцать пятым июня вы, Иванов, получите очень крупное повышение по служебной линии. Новое назначение... У меня просьба ко всем: когда это случится, позвоните мне... Все записали? Ну вот, через несколько недель и выясните, прав я был или нет.

Двадцать второго числа мне позвонили в разное время четыре человека. Иванова назначили главным редактором одной из крупнейших газет...

Свидетели этого случая все живы, и я думаю, все помнят

этот день — пятое июня. Только фамилию Иванова не ищите в списках главных редакторов: я не знаю, будет ли ему приятно широкое обнародование этого случая, и поэтому не назвал ни редакции газеты, ни его настоящей фамилии.

Не надо спрашивать, как мне это удалось. Скажу честно и откровенно: не знаю сам. Точно так же, как не знаю механизма телепатии...»

Боюсь, однако, что телепатия здесь ни при чем. Можно с большой долей уверенности предположить, что под именем Ивана Ивановича Иванова скрывался уже упомянутый Алексей Иванович Аджубей, который в 1957—1959 годах был редактором «Комсомольской правды», а в 1959—1964 годах — главным редактором «Известий». Не знаю, к какому из назначений относится пророчество Мессинга, но для того, чтобы догадаться, что зять Хрущева, в 33 года ставший редактором «Комсомольской правды», далеко пойдет, телепатии не требовалось, тем более что слухи о предстоящем высоком назначении наверняка были широко распространены в журналистских кругах, а Мессинг был знаком с многими журналистами.

Мессинг писал в мемуарах: «Очень часто я ловлю мысли людей, завидующих мне:

— Вот бы мне такие способности... Я бы...

А мне хочется сказать этим людям:

— Не завидуйте!

И действительно, чему завидовать? Свойство телепата позволяет мне иной раз услышать о себе такое, что, как говорится, уши вянут. Увы! Так много рождается у людей мыслей, которые совсем ни к чему слышать другим и которые обычно не высказывают вслух... Приятно ли слышать о себе бесцеремонные, грубые, лукавые мнения?

Так, может быть, способность гипнотического воздействия — завидная вещь?

О нет! И в доказательство этого могу сослаться на тот факт, что я и сам к этой способности прибегаю крайне редко. Считанное количество раз в своей жизни. Ну, наверное, самое завидное — умение видеть будущее? Да тоже нет! Кстати, я никогда не сообщаю людям, что они должны скоро умереть. Стараюсь не сообщать и другие печальные вести. Зачем? Пусть лучше они не ожидают бед и несчастий. Пусть будут счастливы.

Нет, ни одна из этих способностей не дает никаких особенных преимуществ. Если, конечно, их обладатель честный человек и не собирается использовать свое умение в целях личной наживы, обмана, преступлений... Но и в этом случае он не достигнет успеха. Он будет в конце концов обнаружен и, попросту говоря, наказан... обязательно! Так что не завидуйте!»

Здесь Вольф Григорьевич рисует нам тяготы жизни беспредельно великого телепата, способного слышать поток мыслей целой толпы. Действительно, постоянно слышать такой поток — это всё равно, что постоянно находиться на переполненном футбольном стадионе, где непрерывно вопят фанаты. Мессинг также говорил друзьям, что когда он находится с ними, то свою «машинку» выключает, так что они могут свободно думать о чем угодно. Но в данном случае Мессинг сам себе противоречит. Ведь в другом месте своих мемуаров он утверждал, что воспринимает мысли других людей прежде всего в виде зрительных образов. А в таком виде, разумеется, нельзя читать мысли буквально. Для этого потребовалось бы, чтобы перед мысленным взором телепата мысли других людей представляли бы в виде написанных текстов. Однако Мессинг никогда не говорил, что он читает мысли как тексты на бумаге. Думаю, что этот и другие пассажи в мемуарах Мессинга о чтении мыслей толпы придуманы им для саморекламы и привлечения зрителей.

Вольф Григорьевич не раз честно признавался, что легче всего выполнять задание тогда, когда индуктор возбужден необычностью обстановки и своей ролью. Поэтому он всячески стремился привести индуктора в нервное состояние — ведь тогда идеомоторные акты у него становились более различимы. Чтобы добиться этого, Мессингу приходилось самому приходиться в возбуждение, так что каждое выступление требовало от него большого расхода душевных сил.

Как отмечает уже знакомый нам психолог В. С. Матвеев, «опыт не удастся или удастся с трудом лишь в тех случаях, когда индуктор находится в состоянии опьянения или сосредоточивает внимание на своих движениях, сознательно задерживая идеомоторные акты, но в этих последних случаях нарушается условие опыта — сосредоточение мысли только на приказании экспериментатору о выполнении задуманных действий». Мессинг нередко определял направление движения по идеомоторным актам рук, ног, всего тела индуктора. Тогда не было нужды держать его за руку. Если же индуктор был настроен по отношению к феномену телепатии скептически и стремился контролировать свою идеомоторику, то Мессинг начинал нервировать и провоцировать индуктора, что побуждало его, пусть подсознательно, но помочь телепату.

Однако идеомоторные акты не помогают, если задание включает в себя чтение достаточно сложного текста. Здесь даже Мессинг был бессилён. Зрители вспоминали, что ему не удалось найти девушку в зале, достать из ее сумки ручку и тетрадь, попросить, чтобы девушка написала в тетрадке интег-

рал. Не смог он и взять из рук девушки книгу и посмотреть дату издания. Задание же продекламировать три слова из стихотворения Лермонтова «Белеет парус одинокий» привело Мессинга в полное замешательство. Но такое случалось крайне редко.

В. С. Матвеев подметил, что «профессиональные артисты-экспериментаторы... нередко прибегают к специальным приемам, чтобы воздействовать на чувства индуктора и вызвать у него идеомоторные движения в яркой форме. Так, В. Мессинг, например, во время опытов проявляет излишнюю суетливость, руки его дрожат, дыхание делается тяжелым, иногда он позволяет себе раздраженно покрикивать на индуктора: “Думайте! Думайте! Вы совсем не думаете!” Все это приводит индуктора в состояние столь большой взволнованности, что он, не осознавая этого, чуть не силой ведет экспериментатора... в соответствии со своим мысленным приказанием».

Аналогичным образом описывал выступления Мессинга академик Ю. Б. Кобзарев: «Я был на его сеансах, наблюдая за особенно трудными — даже для Мессинга — опытами, когда идущий сзади человек направлял его движение без какого-либо сенсорного контакта. Он страшно нервничал, на лице была написана мука. Резко бросался из стороны в сторону, влево, вправо, все время сердясь на идущего сзади: “Вы плохо представляете, куда я должен идти! Вы плохо меня направляете, вы не думаете об этом! Вы должны ясно представить себе, как я иду в нужном вам направлении. Тогда я восприму ваш образ”. В конце концов индуктор как-то обучался, и Мессинг шел туда, куда надо».

Как уже говорилось, подвергать свой дар проверке в условиях строго научного эксперимента Мессинг решительно отказывался. Друг телепата Рем Щербаков сообщает о размолвке, которая произошла между Хвастуновым и Мессингом. Михаил Васильевич настаивал, чтобы Вольф Григорьевич раскрыл науке тайны своей психики, но последний не проявлял желания становиться подопытным кроликом. Их встречи становились все реже и реже, а потом и вовсе прекратились. Это произошло еще в ту пору, когда Мессинг жил на Песчаной улице. Кстати сказать, в мемуарах Мессинга есть эпизод, когда один студент говорит другому: «Было бы интересно поработать с самим Мессингом! Посадить его в заземленную медную клетку... Смог ли бы он оттуда читать мысли? Это сразу бы исключило возможность участия здесь любых лучей электромагнитного спектра...

— Превратить Мессинга в подопытного кролика? Неприлично.

Они проходят в зал. Жаль... Умные ребята! И я бы не отказался от почетной, с моей точки зрения, роли подопытного кролика посидеть в заземленной медной клетке... Мне самому было бы интересно узнать, участвует ли в моих психологических опытах электромагнитное поле? Или надо искать новые виды поля, которые не регистрируются и не отмечаются существующими сегодня приборами физиков». Но в реальной жизни он так и не позволил поставить над собой какие-либо эксперименты.

Мессинг утверждал в мемуарах: «Это труднейшие в моей жизни часы и в то же время самые счастливые в моей жизни часы. Это — часы творчества!.. Наверное, так же счастлив поэт, поймавший, наконец, ускользнувшую рифму, художник, схвативший и на века пригвоздивший к полотну мимолетное дыхание прибрежного ветерка... Жизнь была бы пустой и ненужной без этих труднейших и счастливейших часов творчества». Вероятно, он искренне верил в собственные телепатические способности и подсознательно боялся, что эксперименты могут опровергнуть эту веру. Тогда для него исчез бы смысл существования. Поэтому Вольф Григорьевич предпочитал не рисковать.

Мессинг писал в мемуарах и о знаменитом ясновидящем Эрике Хануссене (настоящее имя Гершель-Хаим или Герман Штайншнейдер), который был близок к вождям национал-социалистической партии и заплатил за эту близость жизнью. Мессинг якобы познакомился с ним в Варшаве в 1931 году. Вольф Григорьевич утверждал, будто Хануссен был одним из немногих известных ему телепатов, который действительно обладал способностью к чтению мыслей. Однако для того, чтобы телепатические способности проявились в полной мере, «ему нужен был душевный подъем, взвинченность сил, нужно было восхищение и восторг публики. Я это знаю и по себе: когда аудитория завоевана, работать становится несравненно легче. Поэтому в начале выступления Хануссен прибегал к нечестному приему: первые два номера он проводил с подставными людьми. Едва он вышел на сцену, встреченный жиденькими аплодисментами, и произнес несколько вступительных слов, из глубины зала раздался выкрик: “Шарлатан!” Хануссен “сыграл” чисто по-артистически оскорбленную невинность и пригласил на сцену своего обидчика. С ним он показывал первый номер. Надо ли говорить, что “оскорбитель” мгновенно “перевоспитался”, уверовав в телепатию, и что в действительности этот человек ездил из города в город в свите Ханусена. Я это понял сразу. Но аудитория приняла все это за чистую монету, и аплодисменты стали более дружными.

Начиная с третьего номера, Ганусен работал честно, с любым человеком из зала. Очень артистично, стремясь как можно эффектнее подать свою работу. Однако использование им вначале подставных лиц не могло уже потом до конца вечера изгладить во мне какого-то невольного чувства недоверия.

Мне кажется, что человек, наделенный от рождения такими способностями, как Ганусен, не имеет права быть непорочным, морально нечестным. Это мое глубокое убеждение.

В 1933—1934 годах Ганусена приблизил к себе Гитлер, хотя Ганусен был чистокровный еврей, дед его работал старостой синагоги... Вращаясь в окружении Гитлера, шагая от успеха к успеху, Ганусен узнал слишком много того, что знать ему не следовало. Определенные круги использовали его для того, чтобы под видом «астральных откровений» дать фюреру тот или иной совет. И когда он оказался уже слишком рискованной фигурой в большой политической игре, его просто убрали. Завезли в лес и застрелили. В общем, его судьба довольно точно и подробно рассказана в романе Лиона Фейхтвангера «Братя Лаутензак».

Теоретически Мессинг мог видаться с Хануссеном во время гастролей последнего в Польше. Но тут возникает вопрос, почему Мессинг пишет о близости Хануссена к Гитлеру в 1933—1934 годах, если хорошо известно, что «ясновидец фюрера» был убит штурмовиками в ночь с 24 на 25 марта 1933 года. Тут сказались как заинтересованность ряда нацистских лидеров в устранении Хануссена, у которого они взяли в долг значительные суммы, так и опасение, что он может своими предсказаниями влиять на политику пришедших к власти нацистов в интересах тех или иных групп. К тому же незадолго до смерти нацисты совершенно справедливо обвинили Хануссена в том, что он подделал документы, чтобы вступить в НСДАП, и с позором изгнали его из партии. К тому же Хануссен нередко применял действительно мошеннические приемы. Например, на заре своей карьеры он держал аттракцион с «первой в мире электрической цепной каруселью», которую на самом деле приводили в движение спрятанные внутри дети. Хануссен перепробовал множество амплуа — был цирковым наездником, акробатом, фокусником, гипнотизером, телепатом и ясновидящим. При этом Хануссен не брезговал всеми описанными Мессингом трюками — и «подсадными утками» среди зрителей, и кодовыми словами-подсказками.

Между прочим, Хануссен сознался в мошенничестве в своей книге «Моя линия жизни» и раскрыл свои трюки, от которых якобы отказался тогда, когда в 1910-е годы окончательно почувствовал себя телепатом и ясновидцем. Ему больше не

требовалось зеркальце, чтобы подглядывать за картами Таро, которые он будто бы угадывал. В этой книге много явно фантастических историй, вроде той, когда Хануссен выдавал себя за известного певца, вовсе не умея петь. Здесь же Хануссен утверждает, что ощутил в себе способность читать поток мыслей других людей: «Вы, сударь, больны сифилисом и вот сейчас, сию минуту, заражаете свою даму, угощая ее пивом из своей кружки. Ваша дочь, сударыня, беременна, но она еще не знает об этом, как и не знает, от кого. А этот солидный господин был сегодня утром у гадалки и спрашивал у нее, как скоро умрет его жена». Еще Хануссен придумал предсказателя Ойгена де Рубини, который якобы читал людские мысли. Хануссен понял, что тот читает не собственно мысли, а идеомоторику, и одолел его в поединке перед зрителями. Стоит добавить, что имя и фамилия телепата и прорицателя контаминированы из двух известных оперных певцов XIX века — немецкого баритона Ойгена Гуры и итальянского тенора Джованни Рубини. У этого Рубини Хануссен будто бы был ассистентом и они отправились в большое европейское турне как раз тогда, когда началась Первая мировая война. Точно так же и Мессинг, как он утверждает в мемуарах, отправился в турне прямо перед началом Первой мировой войны.

Хануссену, в отличие от Мессинга, не удалось избежать службы в австрийской армии — он был направлен на русский фронт, но в окопах не засиделся, поскольку вскоре получил ранение, оказался в госпитале, а после выздоровления его назначили старшим похоронной команды. Желая облегчить свою армейскую жизнь, он предложил командованию устроить благотворительный сеанс телепатии. Представление имело бурный успех. Командира горлицкого гарнизона особенно поразило известие о том, что у него только что родился сын. Спустя несколько дней он получил письмо из дома, подтвердившее слова провидца. На радостях командир присвоил Хануссену звание младшего капрала и вручил денежную премию, которой тот не преминул поделить со своим «ассистентом». Им был военный цензор, вскрывавший по долгу службы всю почту, — именно он и сообщил ясновидцу о прибавлении в семействе командира.

В апреле 1918 года Хануссену удалось демобилизоваться и начать с успехом выступать в Вене. Здесь он и принял псевдоним, под которым и обрел всемирную известность. Телепат стал зваться Эриком Яном Хануссеном, выходцем из Дании. Не исключено, что в датчанина он предпочел превратиться потому, что не вполне легально покинул ряды австрийской армии, а главное, чтобы у венской публики не возникло вопросов, почему он не на фронте.

В этом смысле мемуарная книга Хануссена вполне под стать мемуарам Мессинга. Хануссен, родившийся в семье актера, утверждал в автобиографии, что он узнал, что обладает даром предвидения событий, уже в возрасте трех лет, когда, проснувшись ночью, почувствовал неизъяснимую тревогу: «Мы жили рядом с кладбищем. С раннего утра и до позднего вечера мне пришлось наблюдать траурные процессии. Поэтому моими первыми впечатлениями были повозки с гробами и погребальная музыка. Однажды ночью я неожиданно проснулся. Словно чья-то рука подняла меня с постели, вывела на улицу и направила к дому аптекаря. Там я поднял с постели его дочь Эрну, взял ее за руку и, ни слова не говоря, повел на кладбище. Там мы присели за большим каменным надгробием. И в это время раздался взрыв и дом аптекаря охватило яркое пламя. Это было моим первым спасительным предвидением. Моим лучшим другом был кучер Мартин. Ежедневно он выезжал на своей телеге в поле, чтобы разгрузить там навоз. На верхней куче этого добра восседал я, трехлетний малыш. Однажды мы попали в грозу. Телега стояла под деревом, где Мартин хотел спрятаться от дождя. Но в этот момент на небе сверкнула молния, я от страха схватил поводья, дернул их, крикнул: “Пошел!” Лошадь рванула вперед, на небе снова сверкнуло, а сзади в этот момент раздался оглушительный треск. Мы обернулись — молния ударила в дерево, и оно вспыхнуло, объятые пламенем».

В мае 1930 года Хануссен выступал в Берлине. Здесь состоялся один из самых серьезных научных экспериментов с целью проверки его «паранормальных» способностей. Эксперимент провел глава берлинского Института метафизических исследований доктор Кристоф Шрёдер, крупнейший авторитет в области изучения подобных явлений. Шрёдер пригласил для участия в опыте нескольких своих коллег. Каждый из них заранее написал на листе бумаги дату и географическое название — в этот день и в этом месте произошло некое событие, сыгравшее значительную роль в жизни написавшего записку. На стол перед Хануссеном легли восемь одинаковых конвертов. Для начала он совершенно точно атрибутировал записки. Правильно назвал пять событий. Дважды ошибся. Оставался последний конверт — самого Шрёдера. В записке значилось: «3 апреля 1916 года. 11 часов. Улица Говем. Персия». Хануссен откинулся на спинку стула, прикрыл глаза, выдержал паузу и заговорил. В этот день, сказал он, доктор Шрёдер подвергся величайшей опасности. Он был ранен. Он вскочил верхом на лошадь или мула, пытаясь спастись. Доктор Шрёдер носил в то время небольшую бородку. Парапсихолог был потрясен. Ха-

нуссен описал случай, приключившийся со Шрёдером в Ширазе, когда на него напали бандиты. Самое поразительное заключалось в том, что профессор находился в Персии с секретной миссией и никогда никому о ней не рассказывал. Во второй записке Шрёдера была дата сафари 1912 года у подножия Килиманджаро. И этот эпизод Хануссен описал в мельчайших деталях. В итоге Кристоф Шрёдер опубликовал заключение о том, что Эрик Хануссен действительно обладает экстрасенсорными способностями. Впрочем, Шрёдер был сам убежденным парапсихологом и очень хотел верить в способности Хануссена, так что вполне мог пойти и на сознательный подлог. Шрёдер был убежден, «что материализм падёт под ударами научного спиритуализма и что тем самым будет положен конец всемогуществу капитала». К тому же Хануссен, судя по всему, финансировал исследования Шрёдера, и тому совсем не с руки было убивать курицу, несущую золотые яйца. Хануссен открыл санаторий и изобрел и усиленно рекламировал гормональный крем, который будто бы резко повышает сексуальные возможности как мужчин, так и женщин. На самом деле крем этот был совершенно бесполезен, но люди верили великому телепату, и вполне возможно, что благодаря большей уверенности в своих силах их сексуальные возможности действительно повышались.

Предсказания же Хануссена, по крайней мере те, которым суждено было сбыться, были достаточно общими и включали те варианты развития событий, которые современники активно обсуждали. Например, он предсказал, что будущая мировая война вспыхнет как в Европе, так и на Тихом океане. Зная о вынашиваемых Гитлером планах реванша за поражение Германии в Первой мировой войне, равно как и об остроте американо-японских противоречий, сделать такой прогноз было не так уж трудно и вполне по силам любому политологу средней руки. Хануссен даже издавал еженедельную газету «Берлинер вохоншау» (Берлинское еженедельное обозрение), которая 25 марта 1932 года вышла с шапкой «Хануссен предрекает Гитлеру большое будущее». Ясновидец утверждал, что менее чем через год Гитлер станет рейхсканцлером, а сформировать правительство ему поручит президент Пауль фон Гинденбург. В то время Гитлер как раз баллотировался в президенты, но популярность у него была все-таки ниже, чем у фельдмаршала — героя Первой мировой войны. В первом туре, прошедшем 13 марта, фельдмаршалу до 50 процентов голосов не хватило лишь 0,4 процента. Так что нетрудно было угадать, что Гинденбург останется президентом. В то же время НСДАП была сильнейшей партией в рейхстаге и ее приход к власти был весьма

вероятен. Кстати сказать, в своей газете Хануссен печатал «астрологические советы биржевикам», которые оказывали реальное влияние на курсы акций. Практически публикациями своих пророчеств Хануссен серьезно влиял на общественное мнение в пользу нацистов.

Ясновидец также неплохо зарабатывал на индивидуальных консультациях бизнесменам и политикам. Его газета имела огромный тираж. Выступления также приносили большие доходы. Хануссен стал настоящим миллионером, имел яхту класса люкс. Его выступления в знаменитом берлинском варьете «Скала» собирали аншлаги дважды в день. В дальнейшем Хануссен, пытаясь найти оккультное обоснование своего дара, построил огромный «Дворец оккультизма» в центре Берлина, открытый 26 февраля 1933 года, всего за месяц до его гибели. За три дня до поджога рейхстага газета Хануссена писала о предстоящей «гибели рейхстага». Однако здесь все-таки речь скорее идет о гибели рейхстага как института, который, как вполне мог полагать Хануссен, нацистам после прихода к власти не будет нужен. Здесь, кстати сказать, он не ошибся. Гитлер сохранил игравший уже чисто декоративную роль рейхстаг, но выхолостил его суть. Окончательно рейхстаг упразднили только союзные державы после капитуляции Германии.

О несбывшихся же прогнозах Хануссена, как и других ясновидцев, история, как обычно, умалчивает. Можно согласиться с директором института судебно-медицинской экспертизы Отто Прокопом, выходящем из Вены, расследовавшим дело об убийстве Хануссена и так оценившим его деятельность: «Он выделял судьбы других, а с другой — показал свою ограниченность, не сумел предвидеть собственный печальный конец. Его предупреждал секретарь, многие говорили, что ему надо было бежать, земля горела у него под ногами. Ему, еврею, скрывавшему свое происхождение, оставаться в Германии было крайне опасно... Но он в ответ только смеялся... Хануссена погубила жажда денег. И стремление приобщиться к власти имущим. Великий провидец не разглядел в Гитлере параноика и убийцу. Хануссен был человеком с двойным дном. И в нем в период гитлеризма в большей степени проявился не ясновидец, а шарлатан...»

После смерти Хануссена демонизировали, представив его ближайшим советником и учителем Гитлера. Так, американский психиатр Уолтер Лангер, составивший в годы Второй мировой войны секретный отчет для правительства США о личности фюрера, утверждал: «В начале 20-х годов Гитлер брал регулярные уроки ораторского искусства и психологии масс у некоего Хануссена — астролога и предсказателя судьбы. Это

был чрезвычайно умный и знающий человек, научивший Гитлера умению драматического воздействия на публику... Возможно, что у Хануссена имелись контакты с группой астрологов, которая проявляла в то время повышенную активность в Мюнхене. Через Хануссена Гитлер также мог знать этих людей...» В действительности в 1920-е годы Гитлер вообще не знал о существовании Хануссена, да и астрологов, как известно, не жаловал.

Один из вождей оппозиции Гитлеру в НСДАП Отто Штрасер, которому, в отличие от его брата Георга, удалось уцелеть и написать в 1940 году книгу «Гитлер и я», утверждал: «Одним из самых любопытных феноменов послевоенного периода, несомненно, был знаменитый ясновидец Хануссен, который оказывал услуги другому ясновидцу — Адольфу Гитлеру. Принято считать, что Гитлер расправился с Хануссеном, как расправлялся с остальными своими друзьями, едва только они переставали его устраивать. В действительности это совсем не так. Хануссен был евреем и хорошо понимал, что рано или поздно расистские взгляды Гитлера сыграют свою роль в отношениях между ними. Чтобы избежать этого, он постарался заручиться поддержкой графа Гельдорфа, примкнувшего к нацистам ренегата, который постоянно нуждался в деньгах, и ссудил ему значительную сумму. Расписки о получении денег Хануссен постоянно носил в своем бумажнике. Но у Гельдорфа вовсе не было намерения расплачиваться со своим назойливым кредитором. Вскоре после прихода Гитлера к власти он стал начальником полиции Берлина и приказал убить Хануссена. Астролог предвидел все, кроме такого поворота событий. Долговые же расписки Гельдорфа так никогда и не были найдены».

История Хануссена также помогает нам критически взглянуть на то, что сообщает о себе Мессинг в своих мемуарах. Ведь он пытается создать у читателей впечатление, что он был артистом, не менее знаменитым, чем Хануссен. Но тогда он должен был бы получать и соответствующие доходы. Может быть, на собственную газету и яхту класса люкс средств и не хватило бы, но уж приобрести виллу в окрестностях Варшавы Мессингу должно было быть по силам. Однако он признается, что даже в начале Второй мировой войны «жил в родном местечке, у отца». Неужели Мессинг не построил своему отцу приличной виллы, если уж сам жил скромно? Почему ничего не пишет, что помогал братьям, почему не вкладывал деньги в благотворительность, что делал даже в Советском Союзе? Единственное объяснение заключается в том, что у Мессинга в межвоенный период и близко не было такой известности и доходов, как у Хануссена, и его достаточно умеренная слава не выходила за

пределы польской провинции. Но свою придуманную биографию он во многом ориентировал на те представления о Хануссене, которые были распространены среди широкой публики. Раз были слухи, будто Хануссен составляет гороскопы для Гитлера (хотя, повторим, на самом деле фюрер не верил в астрологию и лично с Хануссеном не был знаком), а также для других бонз Третьего рейха, то ему, Мессингу, необходимо было заявить о своем личном знакомстве со Сталиным, Берией, другими знаменитостями. Если Хануссен, несмотря на свои большие телепатические способности, порой прибегал к обману и трюкам, то он, Мессинг — честный телепат, демонстрирующий публике только свои уникальные способности.

Судьба Хануссена также помогает понять, почему Мессинг никак не мог оказаться полезен Сталину или Берии. Гитлер и другие вожди нацистской партии довольно успешно использовали Хануссена в пропагандистских целях в тот период, когда рвались к власти. Однако в момент, когда Гитлер стал рейхсканцлером, нужда в услугах Хануссена для него отпала. Более того, для нацистов, начинавших строить тоталитарное государство, великий маг и телепат стал попросту опасен, причем совершенно независимо от того, верили ли нацистские бонзы в его сверхъестественные способности или просто считали его ловким мошенником (Гитлер наверняка придерживался последней точки зрения). Ведь его прогнозы оказывали существенное влияние на общественное мнение, причем это влияние не могло контролироваться нацистами. А оставлять вне своего контроля такой мощный источник влияния на общественность, в распоряжении которого к тому же были собственные печатные издания, Гитлер не мог. Нежелательна была и эмиграция Хануссена, поскольку за границей он из чувства мести и по причине своего явно неарийского происхождения наверняка делал бы прогнозы, направленные против нацистов. Поэтому мавр должен был уйти в небытие.

Мессинг же попал в СССР через много лет после того, как Сталин укрепил свою единоличную власть и построил тоталитарное государство. В рамках такого государства правители не только не нуждались в помощи телепатов, гипнотизеров и ясновидцев, но и видели в них определенную угрозу для себя, причем независимо от того, верили ли они в их уникальные способности или считали обычными шарлатанами. Ведь если Мессинг, допустим, действительно обладал способностью предсказывать будущее или гипнотически внушать людям, например, подследственным, свои мысли, то где гарантия, что он будет говорить Сталину, Берии или другим вождям именно то, что он действительно предвидит, а не вести свою собственную

игру и предсказывать не то, что будет на самом деле, а то, что по каким-либо причинам будет выгодно либо ему самому, либо каким-то связанным с ним группировкам внутри страны или за рубежом? По счастью, у Сталина не было возможности использовать Мессинга в целях пропаганды в тот период, когда он вел ожесточенную борьбу с внутрипартийной оппозицией в 1920-е годы. Иначе бы телепат Наверняка разделил печальную судьбу Хануссена.

Мессинг, на свое счастье, интересовал советскую власть исключительно как артист оригинального жанра телепатии или «чтения мыслей», прежде почти не появлявшегося на советской эстраде. Зрители на мага и телепата валили валом, и выступления Мессинга проходили с неизменным аншлагом не только в Москве и Ленинграде, но во множестве городов и поселков на всей обширной территории Советской страны. Тем самым решалась важная с государственной точки зрения задача — изъятие у населения излишков денег. В стране всеобщего дефицита эта задача была далеко не последней. Но это было отнюдь не главной функцией Мессинга. Еще важнее было то, что он позволял людям заполнять свой досуг «идеологически правильным» развлечением.

Человеку всегда свойственно мечтать о том, чтобы заглянуть в прошлое или в будущее, точно узнать, как всё было когда-то и как всё будет через десять, сто или тысячу лет. Ясновидцы и телепаты удовлетворяют эту потребность тем, что предсказывают будущее или, якобы читая мысли людей, сообщают о том, как происходили те или иные события прошлого. Последние, правда, обычно оказываются связаны с теми или иными преступлениями, но это только подогревает интерес публики. Поэтому, сколько бы ни говорили ученые о том, что телепатии нет, а есть только способность улавливать идеомоторные реакции, люди ходили и будут ходить на выступления телепатов, подобных Вольфу Мессингу.

Кроме того, у «психологических опытов» Мессинга была важная идеологическая составляющая. Он дарил публике чудо, но чудо научное, призванное укрепить веру в могущество науки и материалистической философии и в то же время отвратить от веры в чудеса религии. Неважно, что телепатия для зрителей была по сути той же верой. Главное, что в ней до поры до времени не видели серьезного конкурента коммунистической идеологии. Только под конец жизни Мессинга, во второй половине 1960-х годов, на телепатию в СССР в официальных кругах стали смотреть с подозрением, как на какую-то лженауку. Мессингу было по-прежнему разрешено выступать с его сеансами «психологических опытов», но его мемуары «Я — те-

лепат» так и не вышли отдельным изданием. Не было издано и еще несколько книг по данной теме, в том числе подготовленный в 1967 году учебник академика Евгения Васильевича Золотова «Телепатия».

Такая политика объяснялась просто. Пусть Мессинг и немногие его последователи продолжают выступать со своими опытами. Они по-прежнему собирают аншлаги, а деньги в казну нужны. Пусть его выступления отвлекают людей от мыслей о скудости советской жизни, дарят им иллюзию свободы. Но вот издание книг о телепатии и телепатах надо прекратить. Ведь любая научно-популярная книга, вышедшая в советском государственном издательстве (а в СССР после 1930 года негосударственных издательств не существовало), сразу обретала в глазах широкой общественности статус высочайше одобренной научной истины. Таким образом, телепатия могла обрести статус подлинной науки. Изданные же книги по телепатии могли стать учебниками для десятков и сотен доморожденных последователей Мессинга. Если бы практикующих телепатов стало слишком много, они бы поневоле превратились в некий фактор общественной жизни. И данное обстоятельство вовсе не зависело от того, были ли большинство из них «настоящими телепатами», то есть лицами, умеющими хорошо читать идеомоторные реакции, или простыми шарлатанами-мошенниками, работающими с «подсадными утками» и кодовыми словами. В совокупности они могли создать, образно говоря, некое поле, под более или менее постоянным воздействием которого могли оказаться сотни тысяч или даже миллионы людей. Телепатия могла превратиться в род религиозной секты, с которыми коммунисты вели беспощадную борьбу. Какой смысл имело бы тогда сохранять запрет на публичные сеансы гипноза в СССР, если бы едва ли не в каждом областном центре был бы свой Мессинг, завораживающий аудиторию искусством чтения мыслей и подчиняющий ее себе хотя бы на полтора-два часа?

Ведь в сущности одна из причин совершенно беспрецедентной популярности сеансов Мессинга заключалась в том, что они были абсолютно лишены какой-либо политической или открытой идеологической составляющей (скрытая идеологическая составляющая, как мы убедились, в них имелась). В принципе его выступления ничем не отличались от аналогичных выступлений его коллег на Западе. Правда, для тех, кто выступал на сценах Западной Европы и Америки, совсем не требовалось, в отличие от Мессинга, декларировать свою приверженность атеизму и марксистской философии. Наоборот, порой они намекали или прямо говорили о своей привержен-

ности оккультизму и даже о том, что свой дар получили от неких потусторонних сил. Однако иной раз, если требовала конъюнктура, западные телепаты тоже оказывались не чужды атеизму или настаивали на исключительно научной природе своего дара. Мессинг же давал своим советским зрителям непередаваемое ощущение, пусть всего лишь на пару часов, погружения в волшебный мир чудес, разительно отличающийся от серой советской жизни, дарил им иллюзию свободы, внушал веру в могущество человеческого разума, не ограниченно директивами партии.

В заключение этой главы коротко расскажем, как обстоит дело с телепатией в наши дни. В феврале 2006 года американские нейрофизиологи порадовали человечество очередной сенсационной новостью: они раскрыли механизм чтения мыслей и могут обучить этой методике любого желающего. С помощью ультразвуковых сканеров мозга ученые установили: людям свойственно извлекать со дна памяти воспоминания, подсознательно воспроизводя при этом ассоциируемые с ними действия. Таким образом, удалось создать своеобразную «карту памяти», отражающую связь между мыслью испытуемого и его произвольными движениями. Впоследствии нейрофизиологи смогли предсказывать, о чем человек подумает, еще до того, как он сам мог это сказать. «Это и есть феномен телепатии, который поддается расшифровке, а значит, им можно управлять, использовать в науке и медицине», — утверждал руководитель исследований, доктор биологии Шон Полин из университета Пенсильвании.

Один из экспериментов проходил так. Шон Полин просил девятирых участников эксперимента вспомнить 90 самых разных объектов от знаменитых памятников архитектуры, вроде Тадж-Махала в Индии и не менее знаменитых голливудских звезд вроде актера Джима Керри, до самых обыденных предметов, вроде пинцета или столовой тарелки. При этом каждому демонстрировались соответствующие изображения. Одновременно ученые задавали испытуемым связанный с изображением вопрос, например: «Вам нравится Джим Керри?» или «Вы пользуетесь пинцетом?» В это время электронные датчики регистрировали мозговую деятельность обследуемого. На следующем этапе эксперимента ученые попросили испытуемых вспомнить как можно больше из тех 90 объектов, которые им недавно показали.

«Нам почти в буквальном смысле удалось увидеть, как мысли всплывают на поверхность, — пояснил доктор Полин. — Стало ясно, почему одни воспоминания труднее уловить, чем другие. Люди обычно ничего не забывают: информация обо

всех без исключения событиях, как важных, так и не очень, надежно записана «катушки памяти». Однако некоторые воспоминания «спят» на протяжении длительного времени, а затем, когда возникает нужная ассоциация, внезапно всплывают. Поняв, как люди восстанавливают в памяти прошлое, мы надеемся разобраться, где нарушается этот процесс, например у больных, страдающих болезнью Альцгеймера». Исследование поможет лучше контролировать свои мысли рассеянными и забывчивыми людям, а также тем, кто просто хочет использовать возможности памяти по полной программе.

В будущем, как надеются ученые, им удастся обучить пациентов настоящей телепатии, то есть чтению мыслей без помощи слов. И тогда телепатия, как новый уровень развития цивилизации, станет одним из основных способов общения между людьми. Как считает доктор Полин, телепат отличается от обычного человека тем, что значительно шире использует резервы собственного мозга. Ему легче дается освоение новой информации, запоминание незнакомых языков, для него короче путь к пониманию других людей. Он даже предрекает, что уже в нынешнем столетии немалая часть человечества станет мыслить телепатически. Но такой прогноз кажется слишком смелым.

Фактически методика, разрабатываемая Шоном Полином и его коллегами, — это дальнейшее развитие техники чтения идеомоторных актов. Чисто теоретически можно предположить, что когда-нибудь, с помощью некоего суперкомпьютера, действительно удастся создать полную «карту памяти», в которой каждая мысль (или мыслиемпульс) будет соотнесена с определенным мышечным движением. Однако совершенно невероятно, чтобы такое количество информации (многие триллионы мыслиемпульсов, а вполне возможно, что речь должна идти о квадрильонах или секстильонах) удалось бы сохранить в активной части человеческой памяти даже у тех людей, которые, подобно Мессингу, обладают повышенными способностями к чтению идеомоторных актов, данными от природы и развитыми посредством регулярных тренировок. Поэтому мечта о всеобщей телепатии или о том, что когда-нибудь кому-нибудь удастся прочесть все мысли человека, так и останется мечтой. Возможно, с помощью методики, предложенной доктором Шоном Полином, и удастся победить болезнь Альцгеймера, проявляющуюся в потере памяти, но обрести благодаря ей телепатические способности, думаю, не удастся никогда.

Глава третья

**НАЧАЛО АРТИСТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ:
ПОДЛИННОЕ И МНИМОЕ**

В мемуарах Мессинг утверждал, что в одиннадцатилетнем возрасте сбежал из дома и оказался в поезде, шедшем в Берлин. Тогда будто бы впервые и проявились его необыкновенные способности, но для этого ему пришлось совершить три преступления: «Сломав кружку, в которую верующие евреи опускали свои трудовые деньги “на Палестину”, и твердя про себя извечные слова всех обиженных и угнетенных: “Вот вам за это!..”, я пересыпал себе в карман все ее содержимое: раз Бога нет, значит, теперь все можно... К счастью, оказалось, что это не так, что есть и помимо угрозы божьего наказания мотивы, удерживающие человека от дурных поступков. Но в те годы я еще не знал, что обманывать, совершать непорядочные поступки — это, прежде всего, терять уважение к самому себе. Я присел на холодных ступеньках молельного дома и пересчитал украденные деньги. Оказалось, как сейчас помню, восемнадцать грошей, которые составляли девять копеек. И вот с этим “капиталом”, с опустошенной душой и сердцем я отправился навстречу неизвестности.

Пошел на ближайшую станцию железной дороги. По дороге очень захотелось есть — путь был неблизкий. Накопал на чужом поле картошки (второе преступление за одну ночь!). Разжег костер, испек ее в золе. Для меня и теперь нет лучшего лакомства, чем печеный картофель — рассыпчатый, пахнущий дымом, с неизбежной добавкой солоноватой золы...

Вошел в полупустой вагон первого попавшегося поезда. Оказалось, что он шел в Берлин. Залез под скамейку, ибо билета у меня не было (третье преступление), и заснул безмятежным сном праведника. Было мне в ту ночь одиннадцать лет. Но на этом дело не закончилось. Случилось то, что неизбежно должно было случиться: в вагон вошел контролер. Он будил заснувших пассажиров и проверял билеты.

— Молодой человек, — у меня в ушах и сегодня еще звучит его голос, — твой билет...

Нервы мои были напряжены до предела. Я протянул руку и схватил какую-то валявшуюся на полу бумажку, кажется, обрывок газеты. Наши взгляды встретились. Всей силой чувств мне захотелось, чтобы он принял эту грязную бумажку за билет. Контролер взял ее, как-то странно повертел в руках. Я сжался, сжигаемый неистовым желанием. Он сунул газетный обрывок в тяжелые челюсти компостера и щелкнул ими. Протянув мне назад «билет», он подобранным голосом сказал:

— Зачем же ты с билетом — и под лавкой едешь? Вылезай! Через два часа будем в Берлине...

Так впервые неожиданно появилась у меня способность внушения».

Число «три» — самый древний архетип человеческого мышления. Без него само наше мышление бы не возникло. Ведь три — это простейшее выражение асимметрии по формуле $3=2+1$. Если бы мышление наше было двоичным (а число «два» — это простейшее выражение симметрии по формуле $2=1+1$), каким оно является у животных (симметрия вообще царит в природе), то мы ничем бы не отличались от животных, поскольку были бы лишены важнейшего свойства разума — свободы воли. Человек бы вечно находился тогда в положении буриданова осла, который, обладая абсолютной свободой воли и находясь на абсолютно одинаковом расстоянии от двух вязанок хвороста, должен будет умереть с голоду, так как не сможет предпочесть одну вязанку другой. Троищность мышления означает его асимметрию, а асимметрия как раз и позволяет делать осознанный выбор при наличии свободы воли. Троищность мышления отражается в наличии троичного архетипа в различных продуктах человеческого мышления, прежде всего в мифологии и фольклоре.

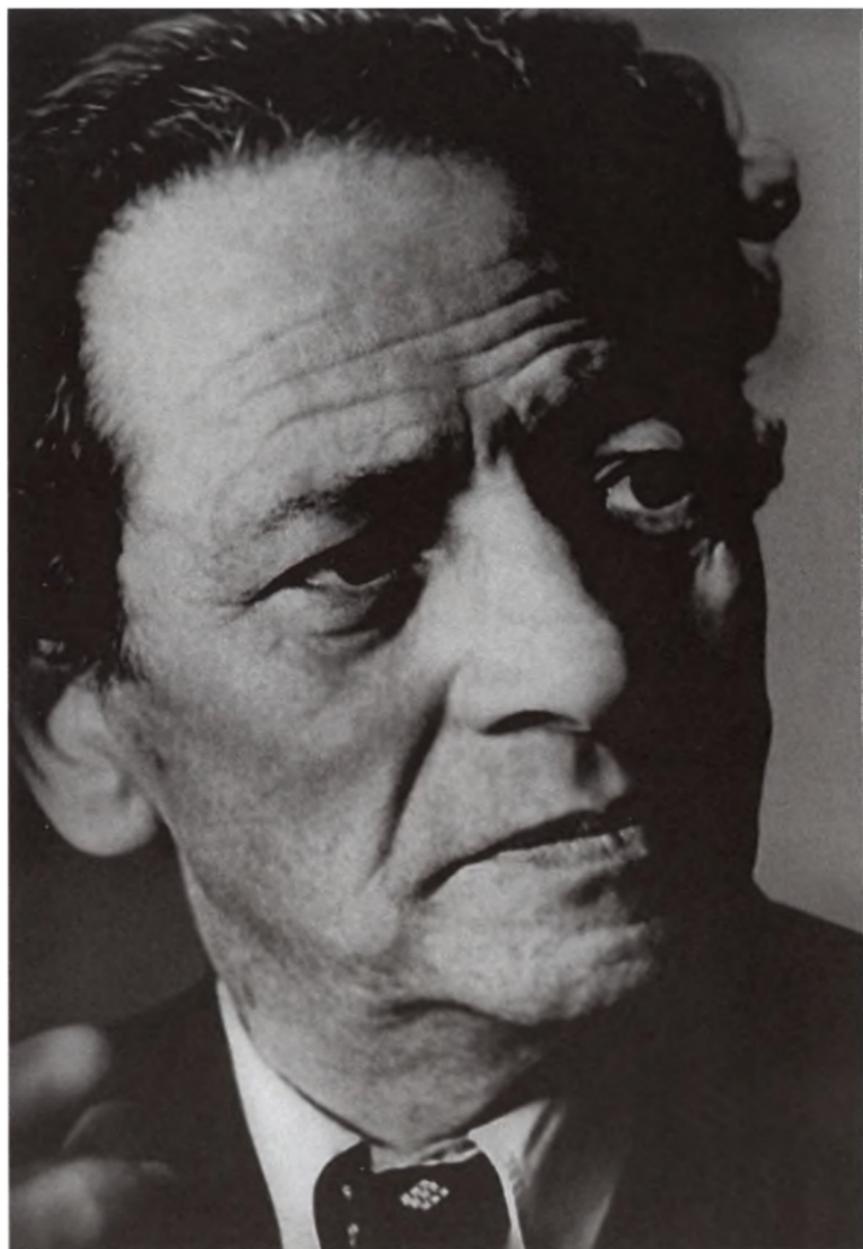
Как мы помним, апостол Петр трижды отрекся от Христа, как Им и было предсказано. Мессингу же, чтобы отречься от обычной скучной жизни в маленьком еврейском местечке, полной нудной зубрежки в иешивоте, пришлось свершить три преступления, правда, куда менее тяжких, чем отречение от Христа.

В параллель к истории с контролером, добросовестно проштамповавшим обрывок газеты, существует еще одна, более жуткая. В ней речь идет о том, как Мессинг случайно убил человека. Эту историю поведал журналист и писатель Михаил Владимирович Михалков, родной брат творца советского и российского гимнов и друг Мессинга. Он утверждал, будто Вольф Григорьевич «в минуты откровения... рассказывал мне разные истории из своей жизни. Вот одна печальная, когда он, четырехлетний малыш, убил человека. Его послали в соседний город к бабушке, и двум старухам поручили за ним следить.

Вольф был страшный шалун, и отец предупредил его, что если в вагоне он будет баловаться, войдет контролер и посадит его в мешок. Малыш, конечно, баловался, и старухи, беседуя, о нем забыли. Появился контролер. Мессинг испугался и выбежал в тамбур. Там спрятался в углу. Вошел контролер, осветил фонариком угол и спросил: “А ты что здесь делаешь, зайчик? Иди-ка в вагон”, а сам повернулся и встал у двери. Малыш был так доволен, что его не посадили в мешок, что в шутку, по-детски, подумал: “Какой хороший дядя. Пусть он откроет ключом дверь и выпрыгнет из поезда”. Контролер открыл дверь, выпрыгнул из вагона и разбился насмерть».

Провести двух железнодорожных контролеров с помощью одного и того же гипнотического трюка — это, пожалуй, перебор. Эпизод с контролером в мемуарах скорее всего был Мессингом придуман, да и сам побег великого телепата вызывает большие сомнения. Эпизод же с четырехлетним Мессингом-гипнотизером, ставшим невольным убийцей, вполне возможно, сочинил сам Михаил Михалков, отталкиваясь от того, что писал Мессинг в мемуарах. Кстати сказать, в другом интервью Михалков излагал этот эпизод несколько иначе, без всякого старика с мешком: «Мне одному в минуту откровенности Мессинг рассказал, как он в возрасте четырех лет убил человека. Его послали в соседний город к бабушке в сопровождении двух старух. Ехали на поезде, провожатые задремали, маленький Вольф пошел погулять и в тамбуре натолкнулся на контролера. Тот в шутку потребовал билет. Впечатлительный мальчик от растерянности выхватил конфетный фантик и протянул его контролеру, страстно желая, чтобы это был билет. Контролер то ли в шутку, то ли всерьез прокомпостировал бумажку. Но власть над человеком так потрясла Мессинга, что он сразу захотел проверить свою силу еще раз. И не нашел ничего лучшего, как внушить ему, что поезд стоит и надо выйти на перрон. Контролер открыл дверь и разбился насмерть».

Михаил Михалков был фантазером не хуже самого Мессинга, который имел свойство буквально притягивать к себе фантазеров самого разного рода. И Михаил Владимирович придумал себе боевую фронтową биографию. Будто бы до войны он окончил школу пограничников, затем служил в Особом отделе Юго-Западного фронта, под Киевом в сентябре 1941 года попал в плен, бежал, затем работал разведчиком-незаконником под маской капитана (гауптштурмфюрера) войск СС, а в феврале 1945 года вернулся к своим через линию фронта. Затем был несправедливо осужден по обвинению в шпионаже в пользу Германии, провел пять лет в тюрьмах и лагерях и только в 1956 году был реабилитирован. Правда, по утвержде-

5

Гура-Кальвария в начале XX века

В одном из этих домов находился хедер — еврейская школа, где учился Вольф Мессинг

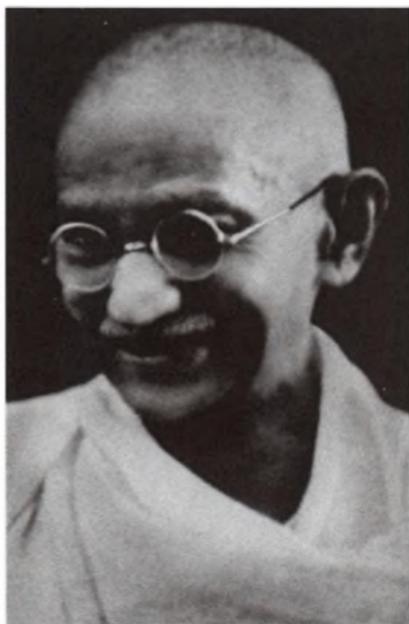

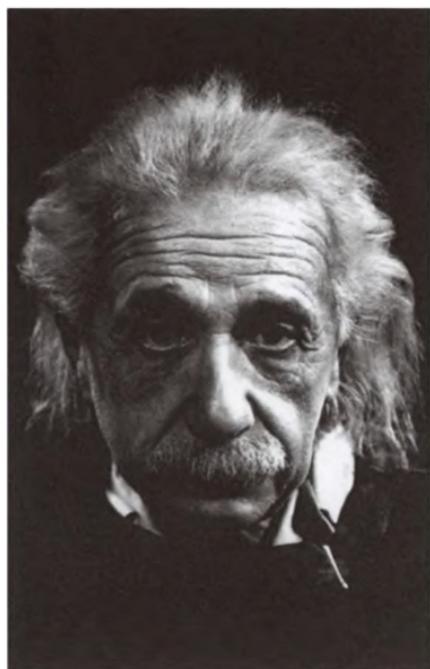
Евреев
Гура-Кальварии
угоняют
в Варшавское гетто.
Где-то
в этой скорбной
процессии —
семья Мессинга

Это фото сделано
в Польше
в 1920-е годы,
когда Мессинг
только начинал
выступать
с «психологическими
опытами»

Зигмунд Фрейд, Махатма Ганди, Альберт Эйнштейн, Иосиф Сталин.
По утверждениям Мессинга, все они высоко ценили его дар

Маршалу Пилсудскому
Мессинг якобы предсказал
карьеру диктатора Польши...

...а Адольф Гитлер —
опять же якобы —
объявил телепата
своим личным врагом

Мессинг рядом с построенным на его деньги боевым самолетом и его пилотом — Героем Советского Союза К. Ф. Ковалевым

Телеграмма Сталина, ставшая для Мессинга «охранной грамотой»

Выступая перед переполненным залом, Мессинг всегда сосредоточивал внимание на одном человеке — том, чьи мысли он старался угадать

Важной составляющей сценического облика телепата стал его «гипнотический взгляд»

Мессинг с женой и Татьяной Лунгиной

Удостоверение, выданное артисту в Министерстве культуры СССР

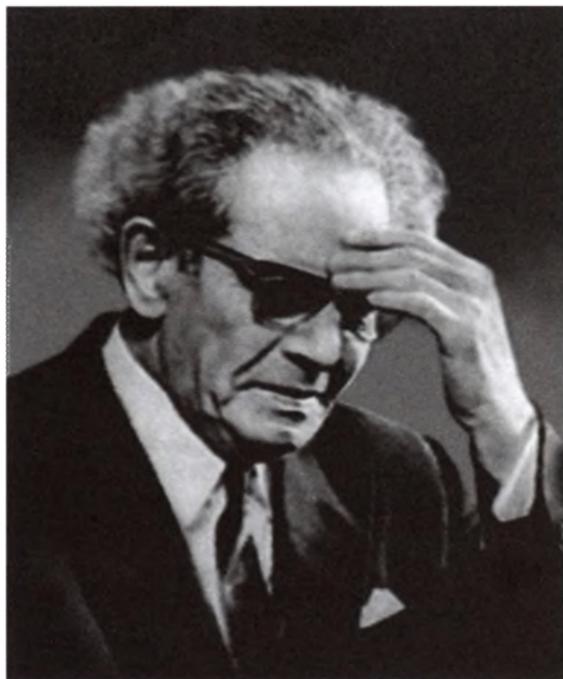

Много лет ассистенткой Мессинга была Валентина Ивановская (в центре)

Несмотря на нелюдимый характер, Мессинг нередко ходил в гости к своим почитателям. Здесь мы видим его на Камчатке у журналиста З. Балаяна

«Думай, думай!» —
напряженно
приказывает
себе телепат

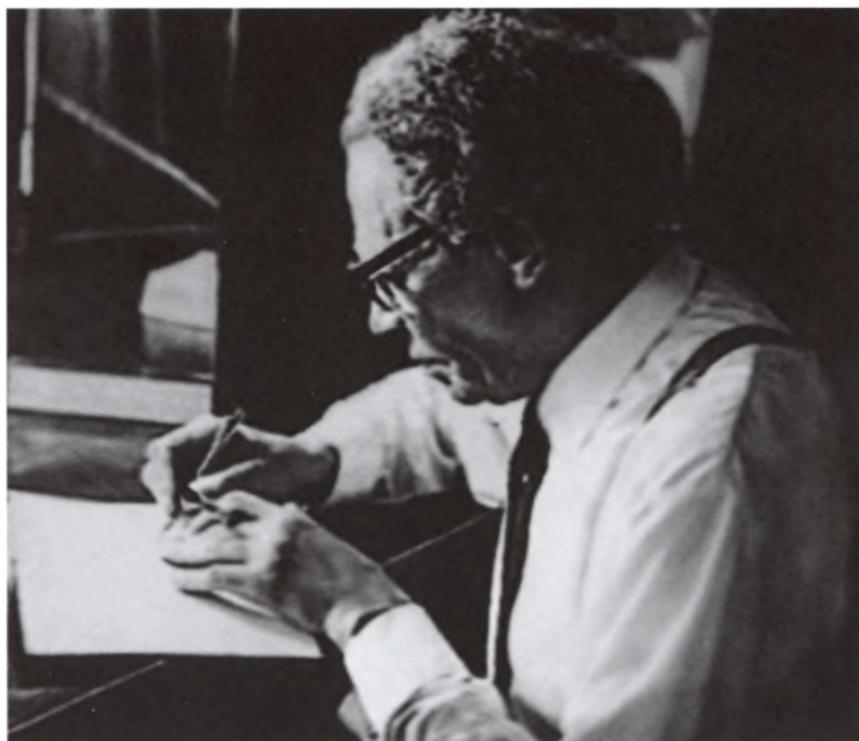
Мессинг указывает
в дальнем ряду
человека, о котором
думает вышедший
на сцену зритель

Забавный эпизод одного из выступлений

Вольф Григорьевич часто записывал на ходу свои мысли.
Однако эти записи так и не были найдены

Загадочное фото Мессинга с его племянницей Мартой. Как известно, все родные телепата погибли во время Холокоста. Или не все?

С любимыми собаками

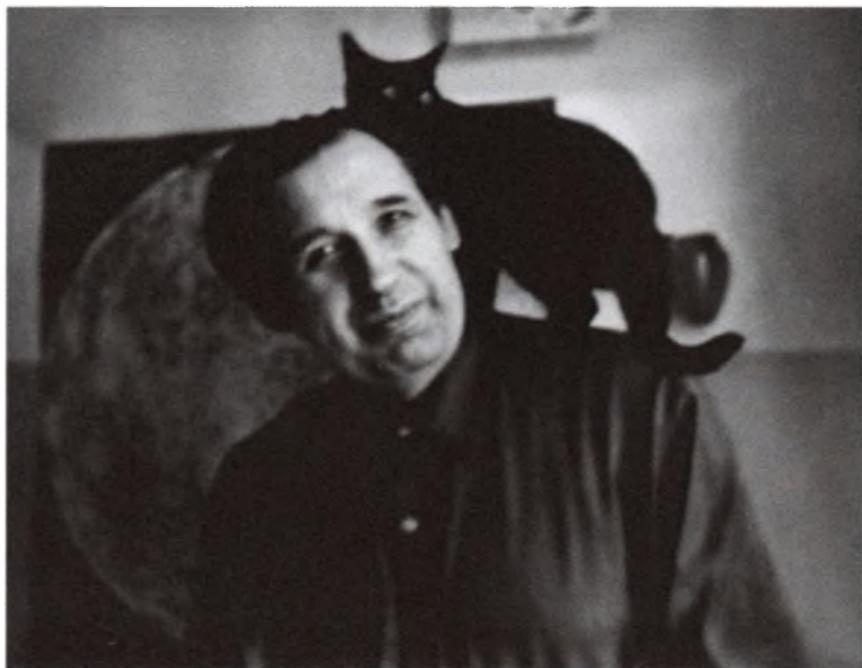

Верная спутница —
Аида Михайловна
Мессинг-Рапопорт

Мессинг на могиле жены

Журналист Михаил Хвастунов

Комната на даче в Барыбине, где велась работа
над мемуарами Мессинга

В телесериале
«Вольф Мессинг.
Видевший
сквозь время»
образ телепата
воплотил актер
Евгений Князев

Кто он — пророк, гениальный артист или беззастенчивый мистификатор?
Эта тайна не разгадана до сих пор

нию милейшего Михаила Владимировича, службу он проходил в дивизии СС «Великая Германия», которая сроду к войскам СС не относилась, и человек, действительно служивший в этой дивизии, да еще офицером, такой ошибки никогда бы не допустил. Однако среди советских военачальников и последующих историков войны почему-то укоренилось мнение, что дивизия «Великая Германия» принадлежала к войскам СС, вот Михаил Михалков и повторил расхожее мнение, не соответствующее истине. Надеюсь, читатели уже поняли, что никаким разведчиком-нелегалом он не был и в войсках СС никогда не служил. Единственные факты его биографии, соответствующие истине — это то, что он был в плену, а потом в советской тюрьме. Если ему и пришлось служить немцам, то, возможно, только в качестве «добровольного помощника» (хи-ви), которых набирали в вермахт и войска СС на Восточном фронте из числа добровольцев-военнопленных для замещения нестроевых должностей. История же про разведчика-нелегала, работавшего под маской офицера СС — это расхожий сюжет советского тюремного фольклора. Мне уже доводилось заниматься делом одного такого героя-самозванца — художника-мультипликатора Авенира Михайловича Хускивадзе, героя книги израильского историка Арона Шнеера «Перчатки без пальцев и драный цилиндр». Он тоже утверждал, что был разведчиком-нелегалом в Германии, причем еще со времени гражданской войны в Испании, дослужился до штурмбанфюрера и майора войск СС, а после войны был резидентом советской разведки во Франции. В реальной же биографии Хускивадзе были только немецкий плен и послевоенный ГУЛАГ, в котором и родилась легенда о разведчике-штурмбанфюрере.

Следует подчеркнуть, что сюжет с обманутым железнодорожным контролером, в свою очередь, является очень распространенным в фольклоре гипнотизеров. Столь же фольклорен и эпизод с «воскрешением» Мессинга в Берлине, изложенный в мемуарах: «Берлин... Много позже я полюбил этот своеобразный, чуть сумрачный город. Конечно, я имею в виду довоенный Берлин; в последние десятилетия я не был в нем. А тогда, в мой первый приезд, он не мог не ошеломить меня, не потрясти своей огромностью, людностью, шумом и абсолютным, как казалось, равнодушием ко мне... Я знал, что на Драгунштрассе (правильнее — Драгонштрассе. — Б. С.) останавливаются люди, приезжавшие из нашего городка, и нашел эту улицу. Вскоре я устроился посыльным в доме приезжих. Носил вещи, пакеты, мыл посуду, чистил обувь.

Это были, пожалуй, самые трудные дни в моей нелегкой жизни. Конечно, голодать я умел и до этого, и поэтому хлеб,

зарабатываемый своим трудом, был особенно сладок. Но уж очень мало было этого хлеба! Все кончилось бы, вероятно, весьма трагически, если бы не случай...

Однажды меня послали с пакетом в один из пригородов. Это случилось примерно на пятый месяц после того, как я ушел из дома. Прямо на берлинской мостовой я упал в голодном обмороке. Привезли в больницу. Обморок не проходит. Пульса нет, дыхания нет... Тело холодное... Особенно это никого не взволновало и никого не беспокоило. Перенесли меня в морг... И могли бы легко похоронить в общей могиле, если бы какой-то студент не заметил, что сердце у меня все-таки бьется. Почти неуловимо, очень редко, но бьется...

Привел меня в сознание на третьи сутки профессор Абель. Это был талантливый психиатр и невропатолог, пользовавшийся известностью в своих кругах. Ему было лет 45. Был он невысокого роста. Помню хорошо его полное лицо с внимательными глазами, обрамленное пышными бакенбардами. Видимо, ему я обязан не только жизнью, но и открытием своих способностей и их развитием.

Абель объяснил мне, что я находился в состоянии летаргии, вызванной малокровием, истощением, нервными потрясениями. Его очень удивила открывавшаяся у меня способность полностью управлять своим организмом. От него я впервые услышал слово “медиум”. Он сказал:

— Вы — удивительный медиум...

Тогда я еще не знал значения этого слова. Абель начал ставить со мной опыты. Прежде всего он старался привить мне чувство уверенности в себе, в свои силы. Он сказал, что я могу приказывать себе все, что только мне захочется.

Вместе со своим другом и коллегой профессором-психиатром Шмиттом Абель проводил со мной опыты внушения. Жена Шмитта отдавала мне мысленные приказания, я выполнял их. Эта дама, я даже не помню ее имени, была моим первым индуктором.

Первый опыт был таким. В печку спрятали серебряную монету, но достать я должен был ее не через дверцу, а выломав молотком один кафель в стенке. Это было задумано специально, чтобы не было сомнений в том, что я принял мысленно приказ, а не догадался о нем. И мне пришлось взять молоток, разбить кафель и достать через образовавшееся отверстие монету.

Мне кажется, с этих людей, с улыбки Абеля начала мне улыбаться жизнь. Абель познакомил меня и с первым моим импресарио господином Цельмейстером.

Это был очень высокий, стройный и красивый мужчина лет 35 от роду — представительность не менее важная сторона

в работе импресарио, чем талантливость его подопечных актеров. Господин Цельмейстер любил повторять фразу: “Надо работать и жить!..” Понимал он ее своеобразно. Обязанность работать он предоставлял своим подопечным. Себе он оставлял право жить, понимаемое весьма узко. Он любил хороший стол, марочные вина, красивых женщин... И имел все это в течение длительного ряда лет за мой счет. Он сразу же продал меня в берлинский паноптикум. Еженедельно в пятницу утром, до того как раскрывались ворота паноптикума, я ложился в хрустальный гроб и приводил себя в каталептическое состояние. Я буду дальше говорить об этом состоянии, сейчас же ограничусь сообщением, что в течение трех суток — с утра до вечера — я должен был лежать совершенно неподвижно. И по внешнему виду меня нельзя было отличить от покойника.

Берлинский паноптикум был своеобразным зрелищным предприятием: в нем демонстрировались живые экспонаты. Попав туда в первый раз, я сам попросту испугался. В одном помещении стояли сросшиеся боками девушки-сестры. Они перебрасывались веселыми и не всегда невинными шутками с проходившими мимо молодыми людьми. В другом помещении стояла толстая женщина, обнаженная до пояса, с огромной пышной бородой. Кое-кому из публики разрешалось подергать за эту бороду, чтобы убедиться в ее естественном происхождении. В третьем помещении сидел безрукий в трусиках, умевший удивительно ловко одними ногами тасовать и сдавать игральные карты, сворачивать самокрутку или козью ножку, зажигать спичку. Около него всегда стояла толпа зевак. Удивительно ловко он также рисовал ногами. Цветными карандашами он набрасывал портреты желающих, и эти рисунки приносили ему дополнительный заработок... А в четвертом павильоне три дня в неделю лежал на грани жизни и смерти “чудо-мальчик” Вольф Мессинг.

В паноптикуме я проработал более полугода. Значит, около трех месяцев жизни пролежал я в прозрачном холодном гробу. Платили мне целых пять марок в сутки! Для меня, привыкшего к постоянной голодовке, это казалось баснословно большой суммой. Во всяком случае, вполне достаточной не только для того, чтобы прожить самому, но даже и кое-чем помочь родителям. Тогда-то я и послал им первую весть о себе...»

Странно, но Мессинг не упоминает, что берлинский паноптикум был прежде всего собранием восковых фигур различных исторических личностей, а отнюдь не местом, где демонстрировались живые уродцы и разного рода гипнотизеры и маги. И не исключено, что весь номер с гробом пародирует известные слова Гитлера, произнесенные перед самоубийством,

когда он распорядился сжечь их с Евой Браун трупы: «Я не хочу, чтобы враги выставили мой труп в паноптикум» (другой вариант этой фразы: «Я не хочу, чтобы после смерти русские показывали меня в паноптикуме, как Ленина»).

Бросается в глаза, что географии Берлина Мессинг не знает, не описывает архитектуры и расположения конкретных зданий. О том, что Драгонштрассе — еврейская улица Берлина, Мессинг мог свободно узнать из литературы, например, из романа Альфреда Дёблина «Берлин, Александерплац», вышедшего в 1929 году. В этом романе главный герой Франц Биберкопф по выходе из тюрьмы Тегель дважды останавливается у евреев на Драгонштрассе. Характерно, что в своих воспоминаниях Мессинг прямо не подчеркивает, что Драгонштрассе — это улица, где жили евреи. Он лишь указывает, что туда часто приезжали жители Гуры-Кальварии, которые, как читатель уже знает, в подавляющем большинстве были евреями. В условиях замалчивания в СССР «еврейского вопроса» в момент первой публикации мемуаров о еврействе надо было говорить по возможности меньше.

В целом от чтения мемуаров Мессинга создается впечатление, что в Берлине он никогда не бывал, точно так же как не бывал в Риме, Париже, Вене, в Америке и в Азии, где, если верить его мемуарам, он с успехом гастролировал до того, как перебрался в Советский Союз. А ведь Мессинг прямо писал: «Вообще надо сказать, что в некоторых странах очень распространены так называемые “окультичные науки”. Я видел разрисованные пестрыми красками домики гадалок, магов, волшебников, хиромантов на Елисейских полях и Больших бульварах в Париже, на Унтер-ден-Линден в Берлине, встречал их в Лондоне, в Стокгольме, в Буэнос-Айресе, в Токио. И ничего не изменял в сути дела национальный колорит, который накладывал свой отпечаток на внешнее оформление балаганов, на одежду предсказателей». Однако конкретных деталей этих улиц он не привел.

Вероятно, Шенфельд был прав — Мессинг со своими выступлениями в межвоенный период не выбирался за границы Польши. Но остается вопрос, действительно ли Мессинг признался ему в 1942-м в Ташкенте, что никогда до 1939 года не покидал пределов Польши, или сам Шенфельд, проанализировав его мемуары, пришел к такому выводу, а потом для большей убедительности облек этот вывод в форму признания самого Мессинга.

Кто же такой Игнатий Шенфельд, написавший документальную повесть о Вольфе Мессинге, к которой нам еще придется не раз обращаться? Служба национальной безопасности

Узбекистана сообщила Н. Н. Китаеву: «Установлено, что Шенфельд Игнатий Нотанович, 1915 года рождения, уроженец г. Львова, образование высшее, холост, до ареста 28 января 1943 года работавший экспедитором эвакогоспиталя № 1977 на ст. Бараш, Южно-Казахстанской области, постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 16 августа 1943 года признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 57-1 Узбекской ССР — шпионаж (в редакции 1926 года) и осужден к 10 годам лишения свободы. На основании протеста военной прокуратуры Туркестанского военного округа от 15 октября 1966 года, определением военного трибунала ТуркВО от 4 ноября 1966 года постановление Особого совещания при НКВД СССР от 16 августа 1943 года в отношении Шенфельда Игнатия Нотановича было отменено, а уголовное дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, то есть он реабилитирован по данному уголовному делу».

Получив документальное подтверждение того, что Шенфельд в начале 1943 года действительно сидел в ташкентской тюрьме, Китаев был склонен полностью доверять «документальной повести» Шенфельда «Раввин с горы Кальвария», поскольку обстоятельства дела самого Шенфельда изложены там вполне верно. На этом основании Николай Николаевич полагает, что автор документальной повести «стремится к максимальной объективности изложения фактов в отношении себя и других лиц».

Однако, строго говоря, то, что Шенфельд в основном верно изложил обстоятельства своего дела, вовсе не означает, что он был столь же правдив и по поводу своих отношений с Мессингом. Можно лишь с большой долей вероятности предположить, что Шенфельд и Мессинг действительно встречались в 1942 году или в начале 1943 года либо в Ташкенте, либо в другом месте советской Центральной Азии, но совсем не обязательно — в ташкентской тюрьме.

Шенфельд работал экспедитором эвакогоспиталя, а Мессинг во время войны часто выступал в госпиталях. И вполне возможно, что начинающий поэт наблюдал выступление Мессинга не в довоенном Львове, как он пишет в своей повести, а на станции Бараш в Казахстане, где Мессинг мог выступать перед ранеными и персоналом госпиталя. Там же могло состояться и их знакомство. Кроме того, по служебным делам Шенфельд наверняка часто бывал в Ташкенте, где также гастролировал Мессинг. Знакомство могло произойти и там. Кстати сказать, Игнатий создает у читателей своей повести впечатление, что он сам все время в 1942 году жил в Ташкенте и что именно в Ташкент был эвакуирован Мессинг. Но, если верить

материалам уголовного дела, Шенфельд работал не в Ташкенте, а на станции Бараш, расположенной, правда, недалеко от Ташкента. Между тем в мемуарах Мессинг пишет, что он был эвакуирован в Новосибирск, а совсем не в Ташкент. Упоминает он и о своем аресте, но совсем не при тех обстоятельствах, что в повести Шенфельда.

Создается впечатление, что Шенфельд поместил Мессинга в тюрьму в чисто художественных целях, чтобы создать для главного героя своей повести «пограничную ситуацию» и оправдать его откровенную исповедь перед, в сущности, незнакомым человеком. Вот как Мессинг, по утверждению Игнатия Шенфельда, излагал ему обстоятельства своего бегства из дома: «Мне было тринадцать лет, когда внезапно скончалась блаженной памяти мать моя. Как бывает у бедняков, внешне она ко мне большой нежности не проявляла, но была настоящей идише маме, и ее широкий передник не раз служил мне надежной защитой от отцовского гнева. Я помню слезы в ее глазах, когда вечером в шабас она зажигала свечи и, положив нам, детям, на головы свои натруженные шершавые руки, благословляла нас. Руки ее дрожали, а губы нашептывали заклинания от дурного глаза.

Я смутно помню, как пришли старухи из хевра кадиша (похоронной службы при синагоге. — Б. С.), чтобы обмыть мать и одеть в смертный саван. Четверо евреев несли на плечах носилки с телом через все местечко, а мы плелись сзади, слушая, как женщины нараспев причитали, восхваляя покойницу, которая жила как ребцин (праведница. — Б. С.) и должна за свои добродетели удостоиться вечного упокоения в геннадим с праведниками. Над могилой я прочел кадиш, потому что после бармицвы считался уже мужчиной.

Во время тех семи дней, когда вся семья горевала, сидя на низеньких скамейках, я все думал, как теперь быть. Шехель, здравый смысл подсказывал, что в Гуре меня уже ничто не держит и что надо уходить и отыскивать себе место под солнцем. Я ведь еще нигде не был и ничего не видел, кроме Мировских торговых рядов в Варшаве. Но я молчал, затаив мысли, и ждал подходящего случая. В Гуру-Кальварию иногда заезжали бродячие балаганы, а в храмовые католические праздники даже третьеразрядные цирки... при одном слове “цирк” я начинал дрожать от восторга.

Цирк “Корделло”, как я сегодня понимаю, был скорее на-меком на цирк. Но тем не менее, я совсем потерял голову, когда у монастырского вала у излучины Вислы забелело его шапито. Это было скорее семейное предприятие. Отец, пан Антон Кордонек, был директором, дрессировщиком, эквилибрис-

том, мастером всех цирковых искусств в одном лице. Пани Розалия, его жена, тоже умела проделывать все, что демонстрируют цирковые артистки в манеже. Двое сыновей, силачей и акробатов, две малолетние дочки-наездницы, да дядя Конрад, один заменявший целый оркестр — вот и вся труппа. Чуть ли не членами семьи считались две пары лошадей, работавших в манеже и ходивших в упряжке, любимец детей пони Цуцик, вислоухий ослик Яцек, бодливый козел Егомощ, да шкодливая и озорная обезьянка Муська. Были еще две собачонки из породы шпицов и пятнистый дог.

Хотя денег у меня не было, я ухитрялся попасть на все спектакли, пролезая прямо между ног у зрителей.

Из-за ремонта цирку пришлось задержаться у нас довольно долго — и все это время я дни напролет вертелся вокруг жилого фургончика, двух фургонов побольше и палатки, огораживавших стоянку цирка. Привлекали меня запах конюшни, отзвуки тренировки и будни иной, увлекательной жизни. Я был счастлив, если мог помочь: принести воды, дров, охапку сена или соломы. Циркачи постепенно привыкали к моему молчаливому присутствию и добровольной помощи. И когда меня в один прекрасный день дружелюбно пригласили: “Эй, жидэк, садись с нами к столу!” — я понял, что стал у них почти своим человеком.

В ермолке, в четырехугольной накидке с вырезом для шеи, с мотающимися внизу арбе-каифес, я сидел молча. Не только потому, что невероятно стеснялся: я ведь по-польски знал всего несколько слов. Не сразу смог я прикоснуться к трэфной гойской еде. Хозяева меня ободряли, добродушно посмеиваясь. Трудней всего было, конечно, проглотить свинину. Господь наш, элохейну, прости мне, блудному сыну, который первым из рода Мессингов опоганил свой рот этой нечистой едой!

Когда цирк стал собираться в путь, я прямо впал в отчаяние. Впервые я приобрел друзей и сразу же терял их. Я проворочался всю ночь, а под утро взял свой тефилим для утренней молитвы, завязал в узел краюху хлеба и луковицу и вышел из спящего еще местечка по направлению на Гроец. Отойдя шесть-семь верст, я сел на бугорок у дороги. Вскоре раздался топот копыт и громохание фургонов. Когда они поровнялись со мной, пан Кордонек увидел мою зарванную физиономию, он натянул вожжи и произнес: “Тпру-у!” Потом немного подумал — и не говоря ни слова, показал большим пальцем назад, на фургон... Залезай, мол! Так началась моя артистическая карьера.

За оказанную мне доброту я изо всех сил старался быть полезным членом труппы. Преодолев страх, я научился обхаживать и запрягать лошадей и ходить за другими животными.

Пейсы свои я обрезал и напялил на себя что-то вроде ливреи. Нашлась для меня и обувь.

Я был хилым малым, и хотя уже вкусил премудрости Талмуда и мог кое-как комментировать Мишну и Гемару, но к жизни был еще не очень приспособлен, — в особенности к цирковой. Но со временем я научился стоять на руках, ходить колесом и даже крутить солнце на турнике, делать сальто-мортале. Я мог даже выступить клоуном у ковра. Первый мой самостоятельный номер был с осликом: я пытался его оседлать, а он меня сбрасывал и волочил по манежу. В другом номере меня преследовал козел, а обезьянка дергала за уши.

Кордонки относились ко мне как к члену семьи, и я не жалел, что ушел из штетеле (местечко. — Б. С.). В свободное время мама Кордонкова обучала своих дочек и меня польскому языку и грамоте. Папа Кордонек показывал мне секреты иллюзионистских трюков. Моя невзрачность и невесомость очень подходили для факирских выступлений. Я научился ложиться на утыканную гвоздями доску, глотать шпагу, поглощать и извергать огонь...

Я тогда действительно радовался жизни, как птица, вырвавшаяся из клетки. Может быть, это и были самые лучшие годы моей жизни. Я потом уже никогда не мог без волнения смотреть на бродячие цирки, встречая их на своем пути».

По Шенфельду получается, что главным событием, заставившим Мессинга покинуть родной дом, стало не разочарование в религии, а смерть матери, которая, в отличие от сурового отца, относилась к нему с заботой и лаской. Мессинг в мемуарах с нежностью вспоминает мать: «Отец не баловал нас, детей, лаской и нежностью. Я помню ласковые руки матери и жесткую, беспощадную руку отца. Он не стеснялся задать любому из нас самую беспощадную трепку». О судьбе своих родителей и братьев он пишет очень скупое: «Отец, братья, все родственники погибли в Майданеке, в варшавском гетто в годы, когда фашизм объявил войну человечеству. Мать, к счастью, умерла раньше от разрыва сердца. И у меня не осталось даже фотокарточки от тех лет жизни... Ни отца... ни матери... ни братьев...»

Бросается в глаза, что в мемуарах Мессинг ничего не говорит о том, что именно смерть матери побудила его уйти из дома. Наоборот, из его мемуаров создается впечатление, что смерть матери хотя и произошла до начала Второй мировой войны, но случилась значительное время спустя после того, как ее сын стал выступать в цирке (или, что более вероятно, в кабаре и на эстраде, где обычно и демонстрировались психологические опыты). Точную дату смерти матери Мессинг не

приводит. Можно быть уверенным лишь в том, что это печальное событие случилось до начала войны. Однако он нигде не упоминает, что именно смерть матери побудила его уйти из дома, а скрывать такой важный мотив ему, казалось бы, не было никакого смысла. Вполне возможно, что Мессинг до осени 1939 года вообще не покидал родного дома, хотя в 1920—1930-е годы большую часть времени проводил на гастролях. Что же касается выступлений Мессинга в качестве акробата, то это внушает большие сомнения. Никаких акробатических способностей в СССР Мессинг не демонстрировал, хотя способностью к катаlepsии он, возможно, и обладал.

По признанию Мессинга, будто бы сделанному в тюрьме Шенфельду, цирк Кордонека в теплое время года гастролировал только по русской Польше, которую тогда называли Привислинским краем, и нигде за границей ему бывать не довелось. Более того, цирк Кордонека никогда не бывал и в остальной части Российской империи. В семье циркачей Вольф якобы выучил польский разговорный язык и худо-бедно научился читать и писать по-польски.

Можно не сомневаться в том, что вся история с Кордонеками выдумана Шенфельдом с начала и до конца. По всей видимости, Антона Кордонека Шенфельд придумал в качестве пародии на главного теоретика спиритизма, малоизвестного французского писателя маркиза Ривайля, в качестве спирита выступавшего под псевдонимом Алан Кардек (1804—1869). Его книги были переведены на все европейские языки. Например, «Книга медиумов», написанная Кардеком, была издана в Петербурге в 1904 году. Но то, что до войны Мессинг не покидал пределы Польши со своими психологическими опытами, кажется весьма вероятным. Сказывался языковой барьер — ведь представления шли на польском языке, которым, очевидно, Мессинг в достаточной мере владел. Но прилично овладел он им, скорее всего, не в семействе мифического Кордонека, а во время службы в польской армии, которой ему вряд ли удалось избежать.

По утверждению Шенфельда, после начала Первой мировой войны молодых Кордонеков мобилизовали в императорскую армию и цирковые гастроли прекратились. Но в родных пенатах Вольф, познавший прелесть бродячей жизни, долго не засиделся. Он отправился в Варшаву искать антрепренера-посредника Кобака, которого порекомендовал ему Кордонек. Тот использовал его в качестве факира. Мессингу также пришлось лежать в стеклянном гробу, изображая человека, который будто бы голодает сорок дней. Выступал он также вместе с лилипутами, великанами и бородатыми женщинами.

Вероятно, таким образом Шенфельд спародировал рассказ Мессинга в мемуарах о том, как он выступал в берлинском паноптикуме. В мемуарах Мессинг также утверждал, что свою цирковую карьеру начал с роли оживающего мертвеца в паноптикуме, затем освоил амплу факира, а уже с 1915 года стал выступать с психологическими опытами. Мессинг утверждал, что активно занимался самообразованием и даже работал в университете: «В Берлине в те годы я посещал частных учителей и занимался с ними общеобразовательными предметами. Особенно интересовала меня психология. Поэтому позже я длительное время работал в Виленском университете на кафедре психологии, стремясь разобраться в сути и своих собственных способностей. Помню моих учителей и коллег — профессоров Владычко, Кульбышевского, Орловского, Регенсбурга и других... Систематического образования мне получить так и не удалось, но я внимательно слежу за развитием современной науки, в курсе современной политической жизни мира, интересуюсь русской и польской литературой. Знаю русский, польский, немецкий, древнееврейский... Читаю на этих языках и продолжаю пополнять свои знания, насколько позволяют мне мои силы».

Перечень языков, который приводит в мемуарах Мессинг, достаточно характерен. Раз он владел ивритом, то, скорее всего, успел закончить не только хедер, но и иешибот, где этот язык изучали весьма тщательно. Не вызывает сомнения также, что он достаточно хорошо владел немецким, диалектом которого является идиш, равно как и польским, поскольку прожил в Польше первые сорок лет своей жизни. Достаточно быстро Мессинг освоил и русский язык. В первые месяцы своего пребывания в СССР он гастролировал в Западной Белоруссии, ранее входившей в состав Польши; там практически все население знало польский язык. Но уже в середине 1940 года он гастролировал в Минске, Гомеле и других городах Восточной Белоруссии, где население польского языка не знало и выступать надо было на русском. Белорусского языка Мессинг не знал, к тому же перед войной этот язык в Восточной Белоруссии все более вытеснялся русским.

А вот то, что никаких европейских языков, кроме немецкого и польского, Мессинг в мемуарах не назвал, полностью развенчивает миф о его всемирной известности в межвоенный период. Ведь для того, чтобы гастролировать по всей Европе, Америке и Индии, надо было, кроме немецкого и польского, более или менее свободно владеть как минимум английским, французским и испанским языками. Искусство телепатии, которым будто бы владел Мессинг, предполагало умение читать

мысли на языке той страны, где проходило выступление. Вероятно, незнание основных европейских языков стало главным препятствием для того, чтобы известность Мессинга в межвоенный период вышла за пределы Польши. Можно предположить, что отсутствие светского образования хотя бы на уровне полной средней школы (гимназии) препятствовало изучению европейских языков. Да и способности к языкам, как и вообще способности за пределами его дара, у Мессинга были весьма средними. К тому же ни на одном языке Мессинг не смог избавиться от сильного еврейского акцента, что также не способствовало росту популярности артиста. Может быть, по этой причине он не выступал даже в соседней Германии. А по своим языковым возможностям Мессинг мог гастролировать, кроме Польши, только в Германии, Австрии и Швейцарии. Однако, кроме утверждений, содержащихся в воспоминаниях Мессинга, нет никаких данных о том, что он действительно когда-либо бывал в названных странах. Что же касается советского периода жизни Мессинга, то здесь сыграло свою роль то, что для советской жизни, бедной на развлечения, его феномен был явлением уникальным и совершенно неординарным. Поэтому благодарные советские зрители готовы были простить своему кумиру и ярко выраженный акцент, и не слишком твердое, на первых порах, владение русским языком.

То, что Мессинг в Польше мог посещать частных учителей, чтобы хотя бы частично восполнить пробелы в образовании, кажется вполне вероятным. Доходы наверняка позволяли ему это делать. А вот насчет университета он, скорее всего, присочинил. Ведь для того, чтобы работать в университете, требовалось высшее светское образование. Иешибота, даже если Мессинг, вопреки тому, что он утверждает в мемуарах, все-таки его окончил, для работы в университете и даже для поступления туда простым студентом было явно мало. Перечисленные Мессингом профессора Виленского университета имени польского короля Стефана Батория были известными психологами, авторами ряда научных исследований, с которыми начинающий телепат наверняка был знаком. Так, Станислав-Карл Владычко написал фундаментальный труд «Душевные заболевания в Порт-Артуре во время осады», впервые изданный в 1907 году на русском языке в Киеве. А то, что Мессинг прочел много литературы по психологии и психоанализу, не вызывает сомнений. В Польше он читал книги на польском и немецком, а после бегства в СССР — преимущественно на русском языке.

Можно предположить, что Мессинг в мемуарах сделал начало своей артистической карьеры более ранним, чем это случилось в действительности. Скорее всего, весь период Первой

мировой войны он оставался на территории Польши и в цирке еще не выступал, а продолжал грызть гранит талмудической науки в иешиботе.

Вскоре после начала войны фронт приблизился к родному городу Мессинга. В октябре 1914 года в районе Гуры-Кальварии и Варшавы шли тяжелые бои между 9-й немецкой армией генерала Пауля фон Гинденбурга и 2-й русской армией генерала Сергея Михайловича Шейдемана, в которых обе стороны понесли большие потери. В тот момент более 260 тысяч беженцев покинули район Варшавы, которой угрожали немцы, и бежали в восточные районы Польши. «Первоначально как приближающаяся канонада и взрывы бомб с аэропланов, так и усиленное движение по направлению к Праге воинских обозов и беженцев вызвали среди жителей переполох, и многие из них стали выезжать из Варшавы по железным дорогам и на лошадях, но затем население остановилось, постепенно успокоилось и восторженно приветствовало вновь прибывающие войска», — отмечал в докладе варшавский обер-полицеймейстер генерал-майор П. П. Мейер. Среди беженцев мог быть и Мессинг. Правда, почти 200 тысяч беженцев вернулись обратно к концу октября, когда бои прекратились и немцы вынуждены были отойти от Варшавы. Следует также отметить, что еще с августа 1914 года проводилось планомерное выселение евреев и немцев из прифронтовой полосы, в которую сразу же попала и Гура-Кальвария. Большинство выселенных скопились в Варшаве. Варшавский губернатор действительный статский советник барон С. Н. Корф 27 октября (9 ноября) испрашивал у командующего 2-й армией генерала от кавалерии Шейдемана разрешение вернуть на прежнее место жительства «выселенных из окрестностей Варшавы жителей колонистов и евреев ввиду бедственного положения». Резолюция генерала гласила: «Можно вернуть до скорой высылки».

В последующем предполагалось эти народы, считавшиеся в условиях войны неблагонадежными, принудительно выселить вглубь Российской империи. Однако такую высылку так и не осуществили вплоть до оставления русскими войсками летом 1915 года территории Царства Польского. С ними ушли только те жители, которые не захотели оставаться под австро-германской оккупацией, и прежде всего семьи русских чиновников. Принудительно эвакуировались только лица призывных возрастов, причем независимо от национальности. Мессинг, которому в 1915 году исполнилось только 16 лет, призыву еще не подлежал (призывной возраст тогда был 20—21 год). Нет сомнений, что Мессинг, как и его родители, в 1915 году остался на территории Польши. В тот момент ни австрийские, ни гер-

манские власти не проявляли враждебности к евреям. Наоборот, они старались использовать определенную культурную общность евреев с германскими народами из-за близости идиша к немецкому языку и привлекали евреев к сотрудничеству с оккупационной администрацией.

В мемуарах Мессинг утверждал, что встречался со многими знаменитыми учеными — Абелем, Фрейдом, самим Эйнштейном. Это должно было доказать, что его способности — это научный феномен, и потому на него еще в ранней юности обратили внимание светила науки. Мессинг писал: «Наконец в 1915 году он (импресарио Цельмейстер. — Б. С.) повез меня в первое турне — в Вену. Теперь уже не с цирковыми номерами, а с программой психологических опытов. С цирком было покончено навсегда. Выступить пришлось в Луна-парке. Гастроли длились три месяца. Мои выступления привлекли всеобщее внимание. Я стал “гвоздем сезона”. И здесь, в Вене, выпало мне счастье встретиться с великим Альбертом Эйнштейном.

Шел 1915 год. Эйнштейн был в апогее своего творческого взлета. Я не знал, конечно, тогда ни о его исследованиях броуновского движения, ни о смелых идеях квантования электромагнитного поля, позволивших ему объяснить целый ряд непонятных явлений в физике, идеях, которые тогда, кстати, разделяли лишь очень немногие физики. Не знал я и того, что он уже завершил, по существу, общую теорию относительности, устанавливающую удивительные для меня и сегодня связи между веществом, временем, пространством. Это великое открытие Эйнштейна было опубликовано через год — в 1916 году. Но хотя я всего этого тогда не знал и знать не мог, имя Эйнштейна — знаменитого физика — я уже слышал.

Вероятно, Эйнштейн посетил одно из моих выступлений и заинтересовался им, потому что в один прекрасный день он пригласил меня к себе. Естественно, я был очень взволнован предстоящей встречей.

На квартире Эйнштейна меня в первую очередь поразило обилие книг. Они были всюду, начиная с передней. Меня провели в кабинет. Здесь находились двое — сам Эйнштейн и Зигмунд Фрейд, знаменитый австрийский врач и психолог, создатель теории психоанализа. Не знаю, кто тогда был более знаменитым, наверное, Фрейд, да это и непринципиально. Фрейд — пятидесятилетний, строгий, — смотрел на собеседника исподлобья тяжелым, неподвижным взглядом. Он был, как всегда, в черном сюртуке. Жестко накрахмаленный воротник словно подпирал жилистую, уже в морщинах шею. Эйнштейна я запомнил меньше. Помню только, что одет он был просто, по-домашнему, в вязаном джемпере, без галстука и пи-

джака. Фрейд предложил приступить сразу к опытам. Он и стал моим индуктором».

В интервью 1971 года Мессинг вообще утверждал: «Эйнштейн — необыкновенный человек. Он первым сказал, что я буду “вундерманом” (в буквальном переводе с немецкого «чудо-человек». — Б. С.). Я прожил у него в доме несколько месяцев...»

Дальше цитировать мемуары Мессинга по поводу будто бы состоявшейся встречи с Эйнштейном и Фрейдом не имеет смысла, поскольку весь этот эпизод вымышлен мемуаристом с начала и до конца. Михаил Голубков передал мне рассказ своего отца о встрече Мессинга с Эйнштейном и Фрейдом: «Мессинг рассказывал ему о своей встрече с Эйнштейном и Фрейдом. Но он не мог толком рассказать, о чем они конкретно говорили, какие вопросы поднимались в ходе беседы. Вспомнил только, что оба были его индукторами, а также утверждал, что Фрейд был одет в строгий черный костюм, а Эйнштейн — в свитере. Оба они восхищались способностями Мессинга. Фрейд попросил разрешения отрезать у него прядь волос, и Мессинг разрешил».

Тут я должен заметить, что наиболее известная фотография Эйнштейна — Эйнштейн в свитере, а Фрейда — Фрейд в строгом черном костюме. То, что именно таким образом Мессинг описал двух великих людей Михаилу Хвастунову, доказывает, что ни Эйнштейна, ни Фрейда он никогда в глаза не видел, а судил о их облике по известным фотографиям.

Советский биограф Альберта Эйнштейна журналист Владимир Львов отметил, что сообщение Мессинга о том, что он в 1915 году навестил Альберта Эйнштейна в его квартире в Вене, где заодно встретился и с Зигмундом Фрейдом, абсолютно недостоверно: «Как давно установлено биографами Эйнштейна, он никогда не имел квартиры в Вене и в промежуток времени с 1913 по 1925 год вообще не приезжал в Вену. Кроме того, Эйнштейн никогда не держал в своих квартирах “обилия книг” и говорил своим друзьям, что ему “достаточно нескольких справочников” и что он хранит у себя лишь “оттиски наиболее важных журнальных статей”...»

Когда говорят, ссылаясь на Мессинга, что его уникальные способности не могли объяснить ни Эйнштейн, ни Фрейд, то это святая истинная правда. Ни создатель теории относительности, ни творец психоанализа никак не могли объяснить уникальные способности Мессинга просто потому, что понятия не имели о его существовании.

Шенфельд дает альтернативную версию биографии Мессинга в годы Первой мировой войны. По его мнению, ни в ка-

кое зарубежное турне Мессинг не ездил, а вынужден был из-за начавшихся боевых действий сидеть дома и вернуться к нелюбимому труду садовода. Он будто бы говорил Шенфельду: «Немцы наступали, русские отступали, фронты передвигались, людям было не до зрелищ. Молодых Кордонеков призвали в армию, и наш цирк распался. Пришлось мне возвращаться домой. Гнев отца я смягчил, отдав ему почти все, что заработал. Отец в мое отсутствие вторично женился, и хотя мачеха была добрым человеком, я не мог смириться с мыслью, что она занимает место мамы. Товарищей у меня не было, все от меня шарахались: я был одет как шайгец, курил, редко бывал в си-нагоге. Я был апикорец — отрезанный ломоть. Отцу я еще более неохотно помогал и в своем штетеле прямо задыхался».

Замечу, что Мессинг в мемуарах ничего не пишет о том, что у него появилась мачеха. Поэтому вполне возможно, что отец его до самой смерти оставался вдовцом. Также вполне вероятно, что в действительности Вольф из дома не убежал и никогда не покидал Польши вплоть до начала Второй мировой войны, а цирковую карьеру, возможно, начал только после службы в польской армии. В русскую армию в Первой мировой войне, как мы уже убедились, его призвать не могли.

Глава четвертая

ЯСНОВИДЕЦ ИЗ ГУРЫ-КАЛЬВАРИИ

В начале 1920-х годов Мессинг служил в польской армии. О точном времени, когда это происходило, имеются разно-речивые свидетельства. Так, Шенфельду Мессинг будто бы рассказывал: «Мировая война окончилась, и новое польское правительство сразу призвало меня на военную службу. Тут вспыхнула и другая война, польско-советская. Я был здоров, хотя и хил; меня зачислили в санитарную часть. Я там показал несколько фокусов, прогремел “магиком” и вскоре меня стали приглашать для выступлений в разных воинских частях».

Мессинг же утверждал в мемуарах, что поступил на службу в польскую армию уже после завершения советско-польской войны 1920 года: «В 1921 году я вернулся в Варшаву. За те годы, что я провел за океаном, многое изменилось в Европе. В России произошла Октябрьская революция. На перекроенной карте Европы обозначилось новое государство — Польша. Местечко, где я родился и где жили мои родители, оказалось на территории этой страны. Мне исполнилось 23 года, и меня призвали в польскую армию».

Мне не удалось получить из Польского военного архива каких-либо сведений о службе Вольфа Мессинга в польской армии. Картотеки на всех служивших в армии в этом архиве нет, есть только картотека награжденных, но маловероятно, что Мессинг успел получить какую-нибудь награду. Поскольку мы до сих пор не знаем, в какой именно части он служил, архивный поиск чрезвычайно затруднен.

Представляется, однако, более вероятным, что Мессинг служил в польской армии как раз в период советско-польской войны, продолжавшейся с весны до осени 1920 года. Именно тогда численность армии была наибольшей и в нее старались мобилизовать как можно больше людей. Кроме того, многие жители Польши, поддавшись патриотическому порыву, при приближении Красной армии к Варшаве добровольно вступали в ряды польской армии. Этот порыв захватил и евреев —

были сформированы добровольческие еврейские дружины. Не исключено, что в одну из них вступил и Мессинг. А уже к концу 1920 года, в связи с прекращением боевых действий, численность польской армии была значительно сокращена. Так что у Мессинга было гораздо больше шансов быть призванным в польскую армию в 1920 году (тем более что к началу этого года ему было уже 20 лет), чем в 1921-м или 1922-м. Поэтому я склонен больше доверять версии Шенфельда. Неизвестно только, действительно ли Мессинг рассказывал ему о своей службе в польской армии именно в период советско-польской войны, или Шенфельд чисто логически пришел к выводу, что Мессинг служил там как раз в этот период. Если верно первое предположение — насчет того, что Шенфельд опирался на рассказ Мессинга, — то весьма вероятно, что Мессинг действительно служил в санитарной части. Если же Шенфельд опирался только на собственные логические построения, то службу в санитарной части он мог и придумать, сообразуясь с тем, что Мессинг не отличался крепким здоровьем, в связи с чем он должен был нести какую-то нестроевую службу. Сам же Мессинг в мемуарах о службе санитаром ничего не говорит.

То, что он относит свою службу в польской армии к 1921—1922 годам, после возвращения из многолетнего зарубежного турне, легко объяснимо. Сама по себе советско-польская война 1920 года была событием, о котором советские историки и журналисты в те времена, когда Мессинг жил в СССР, не любили вспоминать. Причина заключалась в тяжелом поражении, которое Красная армия потерпела под Варшавой. А уж признаться в том, что он вместе с «белополяками» сражался против советской России, которая стала его второй родиной, Мессингу и вовсе было неудобно. Вот он и предпочел выдумать зарубежное турне, которое пришлось как раз на годы Первой мировой войны, русской революции и Гражданской войны в России. На самом деле, как мы убедимся дальше, в 1930-е годы Мессинг был не слишком известен даже в Польше и совершенно неизвестен за ее пределами. Поэтому о зарубежных гастролях он мог только мечтать. И на эти придуманные гастроли, как до 1921 года, так и после, приходится выдуманные Мессингом встречи с различными великими людьми, будь то Эйнштейн, Фрейд или Ганди. В Польше же, по утверждению Мессинга, произошла его столь же легендарная встреча с самым известным польским государственным деятелем.

Во время службы в польской армии телепата и ясновидца будто бы захотел видеть сам «начальник Польского государства» маршал Юзеф Пилсудский. После того как Мессинг смог

найти спрятанный за портьерой серебряный портсигар в присутствии «высшего придворного общества», маршал проникся к нему доверием и будто бы обратился к нему с некоей просьбой личного характера, которую он выполнил. Тут следует добавить, что все биографы Пилсудского о его встрече с Мессингом молчат.

Мессинг утверждал в мемуарах: «По окончании военной службы я вновь вернулся к опытам. Моему новому импресарио господину Кобаку было лет пятьдесят. Это был очень деловой человек нового склада. Вместе с ним я совершил множество турне по различным странам Европы. Я выступал со своими опытами в Париже, Лондоне, Риме, снова в Берлине, Стокгольме. По возможности я стремился разнообразить и расширять программу своих выступлений. Так, помню, в Риге я ездил по улицам на автомобиле, сидя на месте водителя. Глаза у меня были накрепко завязаны черным полотенцем, руки лежали на руле, ноги стояли на педалях. Диктовал мне мысленно, по существу, управляя автомобилем с помощью моих рук и ног, настоящий водитель, сидевший рядом. Этот опыт, поставленный на глазах у тысяч зрителей с чисто рекламной целью, был, однако, очень интересен. Второго управления автомобиль не имел. Ни до этого, ни после этого за баранку автомобиля я даже не держался...

Посетил я в эти годы также и другие континенты — Южную Америку, Австралию, страны Азии. Из бесчисленного калейдоскопа встреч не могу хотя бы в нескольких строчках не остановиться на происшедшей в 1927 году встрече с выдающимся политическим деятелем Индии Мохандасом Карамчандом Ганди. В его учении, как известно, причудливо переплелись отдельные положения древней индийской философии, толстовства и разнообразнейших социалистических учений.

Ганди меня глубоко потряс. Удивительная простота, всегда соседствующая с подлинной гениальностью, исходила от этого человека. Запомнилось его лицо мыслителя, тихий голос, неторопливость и плавность движений, мягкость обращения со всеми окружающими. Одевался Ганди аскетически просто и употреблял самую простую пищу.

Во время опыта, который я демонстрировал в его присутствии, Ганди был моим индуктором».

Получается, что все великие люди, с которыми якобы встречался Мессинг, считали за счастье стать его индукторами. При этом Мессинг не сообщает, на каком языке он общался с Ганди. А ведь тот не знал немецкого, а Мессинг — английского. Так что рассказ Мессинга о встрече с Махатмой Ганди не более достоверен, чем рассказ о его встрече с Фрейдом и Эйнштейном.

Есть и альтернативная версия межвоенной жизни Мессинга, критичная по отношению к его мемуарам. Вольф будто бы признавался Шенфельду: «Выдающимся артистом я не сделался, мыкался по балаганам и луна-паркам. Жил неважно, но не возвращаться же в Гору, копаться в отцовских гнилых яблоках? Я начал подумывать о чем-то более подходящем. В это время из Германии и Чехословакии пришла к нам мода на публичные выступления разных ясновидцев и телепатов. Газеты много писали о чешском еврее Лаутензаке, который под псевдонимом Эрика Хануссена проделывал удивительные эксперименты в кабаре Берлина, Вены и Праги (Лаутензак — это имя, которое носит герой романа Фейхтвангера «Братья Лаутензак» Оскар. Он имеет своим узнаваемым прототипом Хануссена, однако сам Хануссен под именем Лаутензак никогда не выступал. Здесь Шенфельд случайно или намеренно спутал. — Б. С.). Вскоре и в Польше заговорили о своих медиумах: Гузике (Ян Гузик вообще-то был чехом, а славу телепата приобрел еще в Петербурге в начале XX века. Вот что пишет о Гузике русский писатель-эмигрант барон Иван фон Нолькен в книге «Быль и быт», вышедшей в 1931 году: «Имя Яна Гузика опять всплыло в газетах после Великой войны. В качестве медиума он стал с большим успехом выступать во Франции, Англии и Америке. Попался на его удочку и знаменитый английский писатель Конан Дойль. В 1923 г. в Париже трюками Гузика занялась специальная комиссия из профессоров Сорбонны, а в 1924 г. фокусы его были тщательно исследованы Краковским Метапсихическим обществом. И в Париже, и в Кракове пришли к заключению, что Гузик просто-напросто ловкий шарлатан и его “материализованные духи” — продукт ловкости рук: они упорно отказывались появляться, когда его держали за руки, когда ему надевали на голову капюшон или же завязывали глаза, — наконец, что все духи — поскольку их вообще можно было разглядывать — были удивительно похожи на самого медиума или его помощника. Заключение людей науки Конан Дойля, однако, не убедили, и он до конца своей жизни поддерживал с Гузиком близкие отношения и слепо верил в его таинственные связи с загробным миром». Умер Гузик в 1930 году. — Б. С.), Осовецком (польский ясновидец инженер Стефан Осовецкий (1877—1944) был откровенным шарлатаном, заявлявшим, что, получая в качестве индуктора письмо, он не заботится о его содержании. «Я беру конверт в руки и, крепко сжимая его, выражаю желание вступить в контакт с человеком, написавшим письмо. В какой-то момент мне начинает казаться, будто я сам становлюсь этим человеком; потом у меня появляется информация о мыслях этого человека, о содержании написанного

текста, подписи под письмом — как будто это мои собственные воспоминания... Важнее всего войти в контакт с данным человеком. Есть люди, с которыми я легко налаживаю контакт, но есть и такие, с кем мне это не удается. Само же письмо не имеет значения. Мне необходимо войти в контакт с автором письма. Конверт с его содержимым — это лишь средство, помогающее установить контакт с отсутствующим лицом». Утверждая, что обладает способностью к психометрии (снятию информации с артефактов), Осовецкий, держа в руках археологические находки, давал описания образа жизни гомо сапиенс многие тысячи лет назад. Естественно, проверить его было невозможно. В конце 1930-х годов по фотографиям и личным вещам потерпевших Осовецкий определял судьбы без вести пропавших людей. Но никакой статистики удачных и неудачных предсказаний в этой сфере после него не осталось. — Б. С.), Клюско. В тяжелое время инфляции, кризиса и безработицы людям хотелось какого-то чуда, хотелось узнать, что принесет будущее. Когда подводил здравый шехель (рассудок. — Б. С.), искали необычайного. Я понятия не имел об этих вещах, и меня эти бубы майсес, бабушкины сказки, не волновали. Другое дело знать те трюки, при помощи которых все это проделывалось. И я решил постараться узнать, что нового в мире иллюзионистов.

Жил я тогда скромно, снимал угол у одной вдовы в еврейской части Варшавы. И как-то решил в первый раз пойти в модное варьете на улице Новый Свят. Шик и блеск этого заведения меня ошеломили. В полуподвальном, отделанном со вкусом помещении, освещенном неярким светом вращающихся цветных люстр, за богато накрытыми столиками в ложах сидели господа в смокингах и дамы в декольтированных нарядах. Бесшумно сновали официанты во фраках. Боже мой, куда тут мне в моем потрепанном “лучшем” костюме? Я забился в темный угол возле стойки бара и оттуда наслаждался новой для меня атмосферой. На небольших подмостках с задником в виде раковины выступали поочередно шансонье, танцевальные дуэты и комики. Потом вышел артист в безукоризненном фраке, четко выделявшемся на красном плюшевом фоне. Этот напудренный и напомаженный хлыщ игриво кокетничал с публикой и в такт нежной музыке демонстрировал иллюзионистские номера с игральными картами, зажженными сигаретками, платочками и шариками. Сами по себе номера были простенькие — но надо было видеть, как этот хлыщ их подавал! Он шаркал ножкой, грациозно изгибался, посылал в публику воздушные поцелуи. Я смотрел, как зачарованный, и думал: ну, куда мне, горемыке, до него! Нет, никогда бы я не

сумел так выпячивать тухес (зад. — Б. С.) и так им вилять! Да и рылом я не вышел...

Но вот конференсье объявил, что теперь выступит известный телепат и ясновидец Арно Леони, который читает человеческие мысли как открытую книгу. Вышел солидный дядька с хорошенькой ассистенткой и начал проделывать захватывающий номер. Этот с публикой не кокетничал, голос его был внушительен, а тон повелителен. Он держал зал в напряжении, работал в темпе, подгоняя свою ассистентку и публику, заставляя их действовать по своему внушению. Он угадывал, где запрятаны предметы, объявлял, что находится в карманах господ и сумочках дам, прочитывал цифры сквозь запечатанные конверты. Это были фокусы самого высокого класса.

Я понимал, что это держится на трюках, но на каких точно, — не соображал. Однако я сделал два важных вывода: что главная роль тут принадлежит ассистентке и что такие штуки мог бы не без успеха проделывать и я. И, вдобавок, что это не так уж сложно: публика любит, чтобы ее обманывали. Словом, я загорелся новым амплуа.

Я начал донимать пана Кобака: где можно обучиться этим телепатическим хитростям и доходное ли это дело, дает оно парнусе или нет? Пан Кобак об этом не имел никакого понятия и направил меня к некому пану Циглеру, антрепренеру артистов варьете. Тот со мной, лапсердаком, сперва и говорить не захотел. Куда ты, мол, Мессинг, прешь? Телепатия, мол, не твоего ума дело, тут требуется солидное образование и изучение психологии. Но я не сдавался и твердо решил освоить все эти тонкости. Оказалось, что эстрадных телепатов уже не так мало, но котировались они по-разному. Но вообще-то это новое искусство прочного места себе еще не завоевало.

Я перестал морочить голову Циглеру, но мысль овладеть новой специальностью засела прочно — надоели дешевые ярмарочные балаганы и дурацкие факирские штучки. Не буду же я всю жизнь жечь себе огнем глотку и тыкать в нее шпагу!

Я долго искал и, наконец, мне удалось познакомиться с неким паном Залесским. Это был телепат не крупного разряда, но ремесло знал хорошо. К сожалению, он был горький шикер и иногда напивался до потери сознания. Он долго ломался, но наконец взял меня, с условием, что не только ничего мне не будет платить, а что я должен внести за учебу ребегельд. Я отдал ему почти все мои более чем скромные сбережения и снова стал жить впроголодь, словно факир в стеклянном гробу.

Старый пропойца не торопился посвящать меня в тайны телепатии, но ведь и я не лыком шит. Я начал копать в букинистических лавках на улице Свентокшижской и разыскивать

книги о телепатических экспериментах. Читать я, как вы уже знаете, был не очень горазд, к тому же плохо понимал терминологию и мне пришлось пробиваться как сквозь китайскую грамоту. Но я все же одолел книги Охоровича, Манчарского и Рише в переводе с французского. Через некоторое время я уже мог с грехом пополам ассистировать маэстро Залесскому.

Он стоял на сцене с плотно завязанными глазами, и любой из публики мог убедиться, что повязка непрозрачна и плотно облегает голову. Вдобавок он еще демонстративно поворачивался спиной к залу, где я в это время шнырял между рядами. Я обращался к одному из зрителей и просил его вручить мне какой-нибудь предмет. Ну, что может быть в карманах у человека в такой обстановке? Чаще всего мне подавали часы. И тогда я показывал их зрителям, а затем таинственно, как бы стараясь направить телепатический ток на маэстро, спрашивал:

— Что у меня в правой руке?

Маэстро корчился, как пораженный электрическим током, а затем глухо выдавливал:

— Ча-сы...

После того как гром аплодисментов стихал, я спрашивал:

— А что у меня в левой руке?

Это означало — очки.

— А что у меня теперь в левой руке?

Здесь речь шла о расческе.

Существовала подробно разработанная система обозначений для всех предметов, которые люди носят при себе. Надо было только очень остерегаться детей, — и я их потом всегда страшно боялся: у них в кармане могла оказаться стреляная гильза, ракушка или живой воробей...

Еще проще был номер со словами или цифрами в запечатанном конверте: в шляпу или коробку, куда собирали записки из публики, надо было только незаметно подбросить свой собственный листок, а затем его ловко оттуда извлечь.

Я тут никаких секретов вам не выдаю, их почти все знают. Так можно одурачить только какого-нибудь простофилю из глухомани. Но должен сказать, что со временем телепатические номера все более усложнялись и за изобретениями выдающихся телепатов угнаться было нелегко. Вскоре были введены теперь широко применяемые, так называемые “контакты через руку”, где при сноровке и соответственном предрасположении можно добиться удивительных успехов.

Через полгода я решил выступить самостоятельно. С Музей, бывшей ассистенткой моего маэстро, мы отправились в клуб железнодорожников под Варшавой — там я и дебютировал. Обливаясь потом от волнения, я метался по эстраде и нес

какую-то словесную чушь. Выручила опытная ассистентка, умная шикса, которая меня так хорошо вела, что я счастливо дотянул до конца. Хотя бурных аплодисментов не было, я благодарил Всевышнего уже за то, что меня не освистали. Знаете, что я вам скажу? Я этого волнения перед выступлением так никогда и не смог преодолеть. Как выступать, так у меня сразу такое начинается в животе! С годами это даже усилилось.

Плохо ли, хорошо ли, но я овладел новой специальностью и стал с грехом пополам выступать — хотя и не в шикарных вареете с красным плюшем. Нашелся и антрепренер, рискнувший организовать турне по Польше. Втроем мы объезжали города и местечки, находили помещения, расклеивали афиши и выступали по два-три раза в день. Публика была, слава Богу, не очень взыскательна, а со сборами было как когда. Но расходы мы покрывали и у нас в карманах кое-что оставалось. Только это была снова та же жизнь на колесах...

Почти пять лет эти гастрольные поездки обеспечивали мне довольно состоятельную жизнь, — продолжал Мессинг, похлебав баланды. — Я смог кое-что отложить, позволить себе сделать перерыв. Но нельзя сказать, чтобы я был доволен этой работой: бесконечные поездки, мерзкие меблированные комнаты, тошнотворная вонь дешевых столовых. И никак не мог я освободиться от волнения перед выступлениями — каждый раз я робел, боялся скандала, провала и разоблачения. Я решил снова искать что-то новое, что-то более спокойное и надежное.

Я знал многих гадалок, ворожей, предсказателей будущего, выступавших на ярмарках и в луна-парках. Большинство из них жило хуже моего, но были среди них и свои звезды. В бульварных газетах ежедневно бросались в глаза объявления: психо-астролог Шиллер-Школьник — или графолог-хиромант Ян Шаржа-Дежбицкий — предсказывают будущее. Просили они за свои услуги недорого. Но ведь регулярные объявления влетают в копеечку — значит, гешефт давал свой навар.

Неплохо было бы этим заняться. Но сперва надо хорошо обмозговать. Техника ведь у всех одна и та же, но большинство едва сводит концы с концами, а у этих немногих — успех. В чем секрет? Я познакомился со всем, что было мне доступно в области астрологии, оккультизма, кабалистики, особенно со знаками Зодиака и влиянием конфигурации звезд на человеческие судьбы. Снова пришлось взяться за книги, будь они неладны...

Но ведь в книжке не найдешь отгадку, почему Шиллер-Школьник на этом деле делает гешефт, а другие едва держатся на поверхности? Как составить объявление так, чтобы читатель обратил на него внимание, не пробежал равнодушно ми-

мо? Я понял, что любой гороскоп составить куда легче, чем это чертово объявление — я уже правильно сообразил, что именно в нем главная загвоздка. В объявлении Шиллера-Школьника был всегда портретик: сосредоточенное, излучающее энергию лицо, искусно намотанная чалма, а в ней брошь с крупным камнем, густые брови, жгучий взгляд. Ян Шаржа-Дежбицкий был знатным шляхтичем, и в его объявлениях красовался старинный родовой герб: ясновельможный пан изволят снисходить, приподымая тонкими аристократическими пальцами за весу твоего будущего...

Ну, а чем я могу ошарашить клиентуру? Поместить свою морду с крючковатым носищем и оттопыренными ушами? Любуйтесь, мол, вот Вольф Мессинг с Горы Кальвария... Стоп! А ведь “Гора Кальвария” — это совсем неплохо. Священный город, праведники, паломники, густой мистический соус. А если вот так: раввин Вольф Мессинг с Горы Кальвария предсказывает, угадывает — и так далее?

Я снял комнату на улице Новолипки в еврейском квартале Варшавы, нанял старичка-пенсионера для переписки, заказал в типографии варианты гороскопов и начал давать объявления, которые вы сами читали — и, заметьте, очень хорошо запомнили! Колесо закрутилось. Начали поступать письма. “Достопочтенный пан Раввин, помогите, не знаю, как быть...” Люди просили совета по делам любви, семейного счастья, имущественных отношений. Даже хотели, чтобы я угадывал для них счастливые номера лотерейных билетов! Это я-то, человек, который на четвертом десятке не сумел еще наладить свою собственную жизнь, был горьким кабцаном, никому не нужным бобылем... О, если бы я умел угадывать номера лотерейных билетов, которые выигрывают! Я показал бы тогда всем, как жить! Пока же я ходил в соседний ларек и обменивал на злоты почтовые марки, приложенные к письмам.

Лотерея не лотерея, а я, кажется, впервые поставил на хорошего коня. Письма поступали регулярно, я смог снять отдельную квартиру, стал даже ездить отдыхать в еврейский пансион в Сродборове под Варшавой. Я уже стал кем-то: стоило назвать свое имя и фамилию, как люди сразу величали меня раввином и заискивающе улыбались. Когда я приезжал в наше штетеле на праздники к отцу, которому, конечно, помогал деньгами, то даже наши евреи стали ко мне относиться с уважением, приглашали в гости, спрашивали совета. Местные польские интеллигенты — ксендз, директор школы, аптекарь охотно со мной беседовали, даже на политические темы. Я стал хорошо одеваться, посещать лучшие рестораны, ездить на извозчиках. Вокруг меня стали увиваться шахдены, предлагая за-

манчивые партии: девиц из обедневших семейств, состоятельных вдовушек, соблазнительных разведенных красоток. Но я уже привык к холостяцкой жизни и в ближайшем будущем жениться не собирался. Не возьму греха на душу: несколько лет мне жилось хорошо, никаких забот.

Вот, говорят, что в Польше царил антисемитизм. Оно так, наверное, и было, но я этого никогда не чувствовал. Кордонки помогли мне начать новую жизнь. Я ездил к ним в деревню, когда они состарились. Там меня принимали как члена семьи. И во всей деревне ко мне никто плохо не относился, хотя моя национальность написана на моем лице. Да я ее и не думал никогда скрывать. Я старался ничем не выделяться, всегда жил своим трудом, развлекал людей, предоставлял им иллюзии, — а ведь в этом нуждается каждый...»

Не приходится сомневаться, что всё изложенное выше — плод творческой фантазии Шенфельда. Единственное, что здесь верно относительно Мессинга, это, скорее всего, то, что импресарио Мессинга действительно звали Кобак. Но эту деталь Шенфельд наверняка почерпнул из мемуаров Мессинга. Имена великих ясновидцев частью были взяты Шенфельдом из общедоступных источников, а частью просто придуманы.

Даже если на мгновение принять на веру версию Шенфельда о том, что они вместе с Мессингом сидели в ташкентской тюрьме, то и тогда кажется совершенно невероятным, чтобы он так подробно запомнил разговоры с телепатом, что сорок с лишним лет спустя смог воспроизвести их разговоры в виде пространных диалогов с множеством названий и фамилий. То, что Шенфельд в тюрьме вел дневник, представляется невероятным. А если бы все-таки вел, то не преминул бы сослаться на него в своей документальной повести. Однако Шенфельд ссылается лишь на собственную память. Впрочем, можно допустить, что никаких разговоров с артистом Шенфельд вообще не вел, а целиком их выдумал, отталкиваясь от прочитанных им позже мемуаров Мессинга.

Совершенно непонятно, зачем было Мессингу признаваться в обмане зрителей случайному сокамернику, даже если маг всерьез опасался, что из тюрьмы уже не выйдет. Можно спорить о том, насколько сильно верующим человеком был Мессинг, но одно не вызывает сомнений: он был верующим иудеем, а не христианином, и понятие христианского покаяния было ему чуждо. Тем более сомнительными кажутся признания Вольфа Григорьевича в том, что ассистентки подсказывали ему с помощью заранее обговоренных слов, что именно и где надо искать. Ведь в мемуарах Мессинг подробно описал метод кодовых слов и категорически заявил, что никогда этим

методом не пользовался. Очевидно, Шенфельд просто хотел представить Мессинга лжецом.

Что забавно, Шенфельд приписывает Мессингу нелюбовь к книгам. Однако московские друзья Вольфа Григорьевича свидетельствуют, что он много читал, особенно книги по психологии, детективы, фантастику и книги о животных. Да и сам Мессинг в мемуарах отмечает, что в его квартире «несколько сотен любимых книг». Характерно, что Шенфельд заставляет Мессинга признаваться в том, что, помимо идеомоторных способностей, он использовал банальный обман зрителей, с помощью кодовых слов, обозначающих различные предметы. Мессинг в мемуарах приводит примеры использования артистами метода кодовых слов, однако при этом категорически заявил, что он такими методами никогда не пользовался.

Вот как запомнилось Игнатию Шенфельду, тогда гимназисту третьего класса, выступление Мессинга во Львове в 1928 году: «На подмостках суетился человек с торчащим крючком носом и лохматой головой; взгляд у него был пронзительный. Голос был скрипуч, а речь хотя и невнятна, но повелительна. В своем темном костюме он был удивительно похож на нашего преподавателя математики по прозвищу Галка. Не все его номера захватывали юных зрителей, но были и интересные. Вот он хватает кого-то за руку, стремится из зала и находит в уборной спрятанную шапку. Bravo! Bravo! Но Антек Мерский и Метек Барш, два наших озорника, перемигнулись — и когда один из них в присутствии ассистентки спрятал в коридоре перчатку, другой ее тут же потихоньку перепрятал. Напрасно метался озадаченный телепат, выкрикивая свои заклинания! В конце концов он сник и плаксиво пожаловался, что кто-то в зале хулиганит и не дает ему сосредоточиться».

Нисколько не сомневаюсь, что именно это выступление Мессинга с последующим разоблачением Шенфельд выдумал с начала и до конца, просто для того, чтобы еще раз доказать, что «раввин с горы Кальвария» никаким телепатом не был, а был обыкновенным мошенником. Хотя вполне возможно, что какое-то выступление Мессинга в межвоенной Польше он действительно видел, причем совсем не обязательно во Львове.

Иркутский следователь Николай Китаев доказал, что Шенфельд в своей повести прав по крайней мере насчет того, что в межвоенной Польше Вольф Мессинг отнюдь не был известным артистом, хотя на основании этого сделал и более глобальный и, как мне кажется, ошибочный вывод о том, что документальная повесть Шенфельда достоверна во всем, что касается Мессинга. Руководитель отдела научной информа-

ции национальной библиотеки Польши, доктор Мирослава Зыгмунт сообщила Китаеву:

«1. Мы просмотрели шесть журналов межвоенного периода, занимавшихся парапсихологией, оккультизмом, тайными знаниями — “Обэим”, “Подсолнечники”, “Мир духа”, “Мир сверхчувственный (не постигаемый чувствами)”, “Духовные Знания”, “Свет”. Ни в одном из них не появлялась фамилия Вольф Мессинг, хотя упоминались другие, известные в то время ясновидцы.

2. Также “Библиография Варшавы. Издания за 1921—1939 гг.” не упоминает ни одной статьи на тему В. Мессинга.

3. В книге Юзефа Свитковского “Оккультизм и магия в свете парапсихологии” (Краков, 1990. Перепечатка книги, изданной редакцией ежемесячного журнала “Лотос” во Львове в 1939 г.) также не появляется фамилия В. Мессинга. Автор описывает гороскоп маршала Юзефа Пилсудского, но просчитанный и нарисованный другим ясновидцем — Ю. Старжэ-Джежицким. Юзеф Свитковский был выдающимся польским парапсихологом, проводил собственные исследования во Львовском университете, собрал и описал деятельность многих медиумов, телепатов, польских и иностранных ясновидцев.

4. Из содержания вышеперечисленных работ можно сделать вывод, что В. Мессинг не был в Польше широко известным и признанным медиумом. В междувоенный период было очень много “чародеев”, магов, прорицателей, выступающих на многочисленных встречах и в цирках, но они всерьез не воспринимались в среде парапсихологов, поэтому их деятельность не была описана.

5. В доступных изданиях, афишах, проскрипционных немецких письмах, а также в “Подробной книге слежки (наблюдений) в Польше” — *Sonderfahndungsbuch Polen*, изданной криминальной полицией в июне 1940 г., фамилия В. Мессинг также не упоминается».

Из этого следует, что Мессинг был далеко не самым известным ясновидцем и телепатов в Польше. И выступал он, по всей вероятности, не в Варшаве или Кракове, а в польской провинции. Неслучайно единственная статья межвоенного периода, которую Мессинг цитирует в своих мемуарах, появилась в одной из провинциальных польских газет. Кстати сказать, отсутствие известности для артиста в условиях рыночной экономики, как правило, означает и отсутствие денег. Можно предположить, что Мессинг все предвоенные годы вел достаточно скромное существование.

Не вызывает сомнения, что после окончания военной службы он продолжил (или, вернее, начал) успешную эстрад-

ную карьеру. При этом он выступал исключительно в качестве телепата, не опускаясь до простых фокусов. Можно предположить, что после гастролей он возвращался в родную Гуру-Кальварию. Ее описание, относящееся к 1930 году, оставил нам архиепископ Аргентинский Русской православной церкви за границей Афанасий (Мартос): «Проезжая в автобусе по пути в Благодатное через город Гура-Кальвария, с любопытством и удивлением я видел старых евреев и молодых, жителей этого города, которые носили на голове ермолки и длинные пейсы-волосы и особые сюртуки до пят. Это были жида-хасиды. В городе их было много». Но Вольф Мессинг, как можно предположить, благодаря своей профессии и частым разъездам по Польше во многом выбился из родной еврейской среды и стал настоящим космополитом.

Мессинг в мемуарах приводит целый ряд случаев, когда телепатические способности якобы помогли ему раскрыть ряд серьезных преступлений. Правда, истории эти выглядят слишком уж фантастическими и содержат совершенно неправдоподобные детали. Вольф Григорьевич утверждал: «Ко мне нередко обращались и с личными просьбами самого разного характера: урегулировать семейные отношения, обнаружить похитителей ценностей и т. д. Как и всю свою жизнь, я руководствовался тогда только одним принципом: вне зависимости от того, богатый это человек или бедный, занимает ли он в обществе высокое положение или низкое, стоять только на стороне правды, делать людям только добро». Он, в частности, рассказал, что помог семье графа Чарторыйского найти пропавшую очень дорогую бриллиантовую брошь: «По мнению видевших ее ювелиров, она стоила не менее 800 тысяч злотых — сумма поистине огромная. Все попытки отыскать ее были безрезультатными. Никаких подозрений против кого бы то ни было у графа Чарторыйского не было: чужой человек пройти в хорошо охраняемый замок практически не мог, а в своей многочисленной прислуге граф был уверен. Это были люди, преданные семье графа, работавшие у него десятками лет и очень ценившие свое место. Приглашенные частные детективы не смогли распутать дела.

Граф Чарторыйский прилетел ко мне на своем самолете — я тогда выступал в Кракове, — рассказал все это и предложил заняться этим делом. На другой день на самолете графа мы вылетели в Варшаву и через несколько часов оказались в его замке.

Надо сказать, в те годы у меня был классический вид художника: длинные до плеч, иссиня-черные вьющиеся волосы, бледное лицо. Носил я черный костюм с широкой черной на-

кидкой и шляпу. И графу нетрудно было выдать меня за художника, приглашенного в замок поработать.

С утра я приступил к выбору “натуры”. Передо мной прошли по одному все служащие графа до последнего человека. И я убедился, что хозяин замка был прав: все эти люди абсолютно честные. Я познакомился и со всеми владельцами замка — среди них тоже не было похитителя. И лишь об одном человеке я не мог сказать ничего определенного. Я не чувствовал не только его мыслей, но даже и его настроения. Впечатление было такое, словно он закрыт от меня непрозрачным экраном.

Это был слабоумный мальчик лет одиннадцати, сын одного из слуг, давно работающих в замке. Он пользовался в огромном доме, хозяева которого жили здесь далеко не всегда, полной свободой, мог заходить во все комнаты. Ни в чем плохом он замечен не был и поэтому и внимания на него не обращали. Даже если это и он совершил похищение, то без всякого умысла, совершенно неосмысленно, бездумно. Это было единственное, что я мог предположить. Надо было проверить свое предположение.

Я остался с ним вдвоем в детской комнате, полной разнообразнейших игрушек. Сделал вид, что рисую что-то в своем блокноте. Затем вынул из кармана золотые часы и покачал их в воздухе на цепочке, чтобы заинтересовать беднягу. Отцепив часы, положил их на стол, вышел из комнаты и стал наблюдать.

Как я и ожидал, мальчик подошел к моим часам, покачал их на цепочке, как я, и сунул в рот... Он забавлялся ими не менее получаса. Потом подошел к чучелу гигантского медведя, стоявшему в углу, и с удивительной ловкостью залез к нему на голову. Еще миг — и мои часы, последний раз сверкнув золотом в его руках, исчезли в широко открытой пасти зверя... Да, я не ошибся. Вот этот невольный похититель. А вот и его безмолвный сообщник, хранитель краденого — чучело медведя.

Горло и шею чучела медведя пришлось разрезать. Оттуда в руки изумленных “хирургов”, вершивших эту операцию, высыпалась целая куча блестящих предметов — позолоченных чайных ложечек, елочных украшений, кусочков цветного стекла от разбитых бутылок. Была там и фамильная драгоценность графа Чарторыйского, из-за пропажи которой он вынужден был обратиться ко мне.

По договору граф должен был заплатить мне 25 процентов стоимости найденных сокровищ — всего около 250 тысяч злотых, ибо общая стоимость всех найденных в злополучном “Мишке” вещей превосходила миллион злотых. Я отказался от этой суммы, но обратился к графу с просьбой взамен проявить свое влияние в сейме так, чтобы было отменено незадолго до

этого принятое польским правительством постановление, ущемляющее права евреев. Не слишком щедрый владелец бриллиантовой броши, граф согласился на мое предложение. Через две недели это постановление было отменено».

Разумеется, эта история выдумана Мессингом с начала и до конца. Его слава была слишком умеренна, чтобы о нем узнал один из богатейших людей Польши. К тому же Чарторыйские — это княжеский, а не графский род, ведущий начало от жившего в XIV веке Константина (Коригаило), третьего сына великого князя Литовского Ольгерда и Марии Витебской. Здесь Мессинг явно ошибся, и эта ошибка лишний раз доказывает, что он никогда не был вхож в высший свет польского общества. Замечу попутно, что из современников Мессинга наиболее известен один представитель рода Чарторыйских. Это — Михал (в миру — Ян Францишек) Чарторыйский, родившийся в 1897 году и ставший монахом ордена кармелитов: во время Варшавского восстания работал в госпитале повстанцев, был захвачен немцами и расстрелян. В 1999 году он был причислен католической церковью к лику святых.

Сам же прием, с помощью которого Мессинг якобы нашел похищенное, на самом деле ничего общего с телепатией (чтением мыслей) не имеет. Мессинг в этом рассказе выступает как хороший психолог, способный также логически мыслить. Он применяет дедуктивный метод Артура Конан Дойля, выдвигает версию, что «преступление» неосознанно совершил слабый мальчик, внимательно наблюдает за ним, и версия находит блестящее подтверждение. Да, Вольф Григорьевич был замечательным рассказчиком, это отмечают все его знавшие. А знавшие его в Советском Союзе вспоминают, что он очень любил читать детективы и фантастику. Не исключено, что в отдельных случаях Мессинг, хорошо владея дедуктивным методом, действительно помогал раскрывать отдельные преступления. Только вот документальных свидетельств этого, к сожалению, не осталось.

Глава пятая
НА НОВУЮ РОДИНУ

Вторая мировая война в одночасье перевернула жизнь сотен миллионов людей. Особенно несладко было евреям, оказавшимся в странах, оккупированных нацистской Германией. Сначала на них нашили желтые шестиконечные звезды и загнали в гетто, а после нападения Гитлера на Советский Союз началось «окончательное решение еврейского вопроса» — физическое истребление евреев Германии и оккупированных стран Европы.

Мессинг не был мобилизован в польскую армию — по возрасту и состоянию здоровья. Он писал в мемуарах: «Когда 1 сентября 1939 года бронированная немецкая армия перекачалась через границы Польши, государство это, несравненно более слабое в индустриальном и военном отношении, да к тому же фактически преданное своим правительством, было обречено. Я знал: мне оставаться на оккупированной немцами территории нельзя. Голова моя была оценена в 200 000 марок. Это было следствием того, что еще в 1937 году, выступая в одном из театров Варшавы в присутствии тысяч людей, я предсказал гибель Гитлера, если он повернет на Восток. Об этом моем предсказании Гитлер знал: его в тот же день подхватили все польские газеты — аншлагами на первой полосе. Фашистский фюрер был чувствителен к такого рода предсказаниям и вообще к мистике всякого рода. Не зря при нем состоял собственный “ясновидящий” — тот самый Ганусен, о котором я уже вскользь упоминал. Эта премия в 200 000 марок тому, кто укажет мое местонахождение, и была следствием моего предсказания».

Что ж, теоретически Мессинг во время одного из своих представлений подобное предсказание сделать мог. Только никаким ясновидением для этого обладать не надо было. Еще Бисмарк, как известно, предостерегал Германию от войны против России, поскольку это означало бы затяжную войну на два фронта, которую Германская империя не могла выдержать.

Мессинг вполне мог повторить эту мысль, но как предсказание грядущих событий ее могли бы воспринимать только после поражения Германии во Второй мировой войне. Поскольку такое поражение случилось, данное Мессингом предсказание могло бы запомниться (если оно, конечно, было в действительности). Но если маг его и сделал, то вряд ли в многолюдной варшавской аудитории, а скорее всего, в каком-то небольшом провинциальном зале. И до Гитлера, как и вообще до Германии, это предсказание Мессинга дойти никак не могло. Да и насчет того, что Мессинг действительно произнес это пророчество еще до Второй мировой войны, да еще перед несколькими тысячами зрителей в Варшаве, мы знаем только из мемуаров самого Мессинга. Из независимых источников же можно сделать вывод, что столь многочисленных аудиторий в Польше Мессинг никогда не собирал. Да и был ли где-нибудь в Варшаве, да, пожалуй, и вообще в Европе зал, способный вместить несколько тысяч людей? А на стадионах Мессинг точно не выступал.

Заметим, что это, как и многие другие предсказания Мессинга, похоже на предсказание Дельфийского оракула лидийскому царю: «Если Крёз начнет войну, он погубит великое царство». Примерно таким же было и предсказание Мессинга. Под Востоком в 1937 году можно было понимать не только советскую Россию, но и Польшу, Чехословакию или вообще страны Азии.

В романе Михаила Голубкова «Миусская площадь» приводится афиша его гастролей, будто бы состоявшихся в Берлине в 1933 году. В предисловии к роману Михаил Михайлович отмечает, что сознательно перенес события, связанные с предсказанием Мессинга, из Варшавы 1937 года в Берлин 1933 года, что казалось автору более подходящим для логики развития действия. В действительности, как мы вскоре убедимся, никакого предсказания Мессинга, вызвавшего такой гнев фюрера, что тот приказал его любой ценой схватить и доставить пред свои светлые очи, на самом деле не было. Но писатель конечно же имеет право на художественный вымысел. Давайте познакомимся с этой любопытной вариацией на тему мессинговских мемуаров. При этом надо принять во внимание, что Голубков опирался не только на мемуары, но также и на рассказы своих родителей, одно время довольно тесно общавшихся с Мессингом. Так что писатель, вполне возможно, обладал и неким уникальным знанием о личности Мессинга:

«В глаза бросалось объявление, напечатанное крупным и жирным шрифтом:

ГАСТРОЛИ ВОЛЬФА МЕССИНГА.

Сегодня, 27 сентября, в семь часов вечера в варьете “Зимний сад” состоятся **ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ** всемирно известного медиума, гипнотизера и иллюзиониста Вольфа Мессинга. В программе сеансы гипноза, чтение мыслей, предсказания будущего. Билеты в кассе варьете “Зимний сад”».

Разумеется, эта афиша — не документ, а плод фантазии писателя. Стоит только заметить, что в варьете могло быть в лучшем случае несколько сотен зрителей, но никак не тысячи. Здесь писатель подправил Мессинга в сторону реализма.

А вот как передано в романе впечатление зрителей от выступления Мессинга. Оговорюсь, что сам Михаил Голубков выступлений Мессинга ни разу не видел. По его собственному признанию, он писал эту сцену, опираясь в первую очередь на рассказы матери и отца, и в меньшей степени — на текст мессинговских мемуаров:

«Привычной театральной сцены не было, в круглом зале под углом друг к другу стояли столики, между которыми бесшумно сновали официанты, а в центре возвышалось нечто вроде подиума. Там сидели пять музыкантов и настраивали инструменты. Начало концерта ознаменовалось тем, что свет лишь немного приглушили, шум в зале сразу стих. На подиуме показался импресарио.

— Дамы и господа! — начал он. — Сегодня в Берлине мы приветствуем всемирно знаменитого медиума, телепата, гипнотизера Вольфа Мессинга. Он прибыл к нам в ходе своего турне из Варшавы. Всего три концерта в Берлине, и вы пришли на первый, мои дамы и господа! Мы увидим психологические опыты — удивительные примеры чтения мыслей на расстоянии! И другие невероятные способности этого человека! Приветствуем! Ваши аплодисменты Вольфу Мессингу!

На подиум вышел небольшого роста средних лет весьма невзрачный человек, в мешковатом черном костюме, в штиблетах, которые казались великоваты, ссутуленный, взволнованный. Во всей его маленькой фигурке чувствовалась какая-то обида и затравленность, как будто он ждал удара. Мессинг нервно и с недоверием смотрел на благополучных и довольных людей, сидящих в зале. Да и вообще, в его облике было нечто нервическое, как будто болевой порог у этого человека был слишком низок, и боль могло доставить что угодно: резкий звук, яркий свет, слово, и он все время ждал очередного болезненного укола действительности. Он подошел к самому краю подиума, приложил пальцы правой руки к щеке, потом за ухо к голове, как будто там в кость было вмонтировано колесико радионастройки, и стал пристально вглядываться в людей, сидящих за столиками, как будто искал или знакомого, или очень

важного для него человека, которого он не знает, но старается угадать среди сидящих. Во всем этом не было ничего наигранного — ни в нервности, ни в ожидании боли, ни в поиске кого-то. Константину Алексеевичу стало жаль его. Именно в этот момент их глаза встретились, показалось, что артист даже кивнул — и успокоился. Движения стали менее суетливы, рука опустилась вниз, как будто голова уже была настроена на нужную радиостанцию. Мессинг поклонился в разные стороны и как-то успокоенно ушел за кулисы.

— Первый психологический опыт будет самым простым, господа! — воскликнул импресарио. — Вы видите этот цилиндр? Я пройду по залу и, прошу прощения, ограблю вас, мои дамы и господа! Я попрошу самых красивых женщин (а сегодня — он внимательно оглядел зал — красивы все!) снять свои драгоценности и положить в цилиндр! И мужчин: вы сдадите кольца, перстни, золотые и серебряные портсигары — я не уйду из зала, пока цилиндр не будет полон золота. А потом... А потом будет самое невероятное и фантастическое! Вольф Мессинг выйдет на сцену и раздаст драгоценности, при этом каждый получит именно свою вещь!

Зал загудел — с волнением, но одобрительно. Импресарио пошел между столиками, подходя то к одной даме, то к другой, прося снять колье или кольцо. Если кто-то отказывался, импресарио прикладывал руку к груди и с поклоном извинялся, шествовал к следующей жертве. Все это заняло довольно много времени, цилиндр был велик и наполнялся не так быстро. Наконец он поравнялся со столиком, где сидели друзья, взял со стола портсигар Константина Алексеевича — тот уже успел закурить — и, спросив взглядом разрешения, положил его в цилиндр, — Косте оставалось лишь улыбнуться и, не то разведя руки, не то вздымая их к небу, показать таким жестом полную покорность судьбе. Наконец импресарио вернулся на эстраду:

— Итак, господа, первый сегодня психологический опыт. Артист сделает то, что сейчас никто кроме него не может сделать — даже я не вспомню, чьи вещи я взял, и, конечно, вернуть все хозяевам не смогу. А Мессинг сможет! Ваши аплодисменты, мои дамы и господа! — и он театрально воздел вверх руки, взывая к магу и чародею, который не замедлил появиться из-за кулисы. Ярко вспыхнули люстры.

Мессинг взял в руку цилиндр — и чуть не уронил его, подержав второй. Спустился в зал, поставил цилиндр на столик — и пришел в еще более нервическое состояние, чем был в первый раз: рука вновь оказалась прижата к голове и ерошила черные волосы за ухом, другую он то подносил к подбородку, то ко лбу, то нервно сжимал обе руки до хруста пальцев. По-

том он вдруг запустил руку в цилиндр и достал едва ли не с самого дна красивейшее кольцо с тремя бриллиантами, сверкавшими в переливах яркого света. Он поднял это кольцо, посмотрел в зал с испугом затравленного зверя и вдруг рванулся к самому дальнему столику, остановился не добежав, резко изменил направление и оказался у соседнего столика, за которым сидела дама с солидным господином в синем в полоску костюме, по виду промышленником или банкиром.

— Это ваше... — произнес Мессинг на плохом немецком, и было не очень понятно, это вопрос, утверждение или просто мольба принять кольцо. Господин, сидящий рядом, ударил несколько раз в ладоши, обозначив аплодисменты, потом взял из рук Мессинга кольцо, встал, обошел столик и надел его на обнаженную шею своей спутницы. Зал аплодировал.

Так продолжалось около четверти часа. Мессинг метался между столиками, мчался к одному, затем резко менял направления раз, и два, и три, иногда повторял негромко: “Не мешайте мне! Не мешайте! Зачем вы мне мешаете?” и наконец подошел к восхищенному человеку, принимавшему из его рук свое украшение. При этом на сами вещи он практически не смотрел, казалось, даже не отличал, что было у него в руках — брошь, кольцо, женское колечко или мужской перстень, — было ясно, что ему важно не видеть вещь, а осязать. Но весь этот опыт давался огромным трудом: глаза были безумны, густые черные волосы слиплись и потускнели, с лица капал пот. После того, как он вернул золотые часы на цепочке немецкому офицеру в черной форме, в руке артиста оказался Костин портсигар. Пальцы нервно забарабанили по крышке, он ринулся в одну сторону, в другую, а потом подскочил к их столу и на секунду остановился в нерешительности, рука дернулась к Косте, потом замерла, рванулась к Вальтеру, чтобы отдать ему портсигар, потом опять к Косте, вновь замерла в воздухе... Это длилось мгновение — Мессинг обернулся всем корпусом к Вальтеру и сказал: “Это ваша вещь! Это ваша вещь! Зачем вы мне мешаете? Я же вижу — ваша! Возьмите!” Невероятное напряжение, исходившее от артиста, передалось Константину Алексеевичу и, он почувствовал, Вальтеру. Взглянув на друга, он поразился: лицо его было совершенно белым, глаза широко открылись, губы подрагивали, но в чертах помимо страха отражалась еще и железная воля, как будто бы ему предстояло принять из рук гипнотизера не изящную вещицу, а знак судьбы. Борьба длилась секунду, и все же воля победила. Глаза опустились вниз, на лицо вернулось обычное выражение любезности и дружелюбия. Вальтер с легким поклоном головы принял портсигар.

— Ошибся! Чуть-чуть ошибся! — шепотом сказал Костя. — Столик определил, а хозяина — нет. Но портить представления не будем, верно?

— Не знаю. Может, и не ошибся... — сказал Вальтер. Он встряхнул головой, как будто сбрасывал какое-то оцепенение, и уже весело произнес: — А знаете, Константин Алексеевич, мой так мой! Давайте-ка в знак нашей дружбы обменяемся: ваш будет у меня, коли артист так распорядился, а мой — у вас? Все же не случайно мы с вами встретились, а? Дружить — так дружить, и табачок не будет врозь, так? — и он достал из брючного кармана свой портсигар, со свастикой и рысаками. — Угощаю напоследок из своего!»

Этот обмен портсигарами, фактически осуществленный Мессингом, приводит к тому, что вместо Константина Алексеевича по ошибке убивают Вальтера. Далее следует сеанс каталепсии, в ходе которого Мессинг делает свое знаменитое предсказание, что Гитлер сломает себе шею, если начнет поход на Восток. Стоит сказать, что под каталепсией понимают «восковую гибкость», патологически длительное сохранение приданной позы; обычно наблюдается при кататонической форме шизофрении, сопровождающейся двигательными расстройствами. В мемуарах Мессинг писал: «Советский физиолог Иван Павлов объясняет это состояние так: обычно оно наступает у нервных людей при внезапном сильном волнении, при истерии или под влиянием гипноза изолированным выключением коры головного мозга без угнетения деятельности нижележащих отделов нервно-двигательного аппарата. Я вхожу в это состояние самопроизвольно, правда, после длительной, в течение нескольких часов, самоподготовки, заключающейся в собирании в единый комок всей своей воли, видимо, с помощью самогипноза. В последние годы во время сеансов “Психологических опытов” этого своего умения я не демонстрирую. Но когда я жил в Польше, самопроизвольная каталепсия была почти обязательным номером выступлений. И мне не раз приходилось встречать там своих подражателей, которые демонстрировали такое же умение с помощью чисто механических приспособлений.

Помню, такое состояние демонстрировал на полузакрытом сеансе в Варшаве один доморощенный факир. Я пришел на этот сеанс со своим доктором. Было все, как и при моих выступлениях. Плечистый дяденька глубоко вздохнул, протянул руки по швам и упал в кресло, вытянувшись, как струна. Помощники взяли и положили его затылком и пятками на стулья. Уселся на него и один из самых полных людей, присутствовавших в зале. Доктор взял руку человека, висящую между стуль-

ями, и попытался прощупать пульс. Его не было. Полная иллюзия каталепсии! Но я-то видел, что это не так.

К “каталептику” подошел мой друг — доктор. Он пощупал пульс на обеих руках. Действительно, пульса не было. Тогда он взял стетоскоп и послушал сердце. Это заняло две секунды. Он поднялся, сунул стетоскоп в карман и сказал:

— Сердце бьется отчетливо... Еще на сто лет хватит... Вставайте, чудотворец...

Веки “каталептика” дрогнули. Доктор дернул его за руку. И из подмышки в оттопырившийся мешком фрак выкатился стальной шар. Прижимая такие шары руками к телу, “каталептик” пережимал кровеносные сосуды, и пульс в кистях рук прослушивать было действительно невозможно. Кровь переставала поступать в руки... Конечно, ни о каком лежании в таком положении в течение нескольких суток и даже нескольких часов не могло бы быть и речи: в руках от застоя крови просто началась бы гангрена... После разоблачения “каталептик” снял с себя и продемонстрировал остальной своей довольно хитроумный инвентарь: систему металлических стержней и корсетов с замками, которые начинались за высоким воротником у затылка и кончались у пяток. Эти стержни и корсеты и выдерживали всю тяжесть и его собственного тела, и тела сидящего на нем человека...»

Как мы уже убедились, в интервью одной польской газете Мессинг утверждал, что однажды в Лодзи в состоянии каталепсии предсказал победу Мосьцицкого на президентских выборах. Но нет данных, что Мессинг впадал в состояние каталепсии во время выступлений в СССР. Да и то, что в Польше он на самом деле демонстрировал публике это состояние, вызывает большие сомнения. Ведь явление истинной, а не ложной самопроизвольной каталепсии было столь редким, что об этом не могли бы не написать польские газеты, а сам Мессинг, как обладатель столь уникального дара, прославился бы на всю Польшу и наверняка попал бы в солидные книги и журналы по парапсихологии. Истинная каталепсия — это такая, которая поддается проверке специалистов. Рассказ же провинциальной газете о том, как он впадал в состояние каталепсии в Лодзи, вполне мог быть и выдумкой. Небольшая газета вряд ли имела возможность проверить справедливость его слов, да и наверняка не стала бы это делать.

В романе «Миусская площадь» сцена с впадением Мессинга в состояние каталепсии дана следующим образом:

«— А теперь, мои дамы и господа, кульминация нашего сегодняшнего представления: Вольф Мессинг и сеанс каталепсии!

На подиуме появился Мессинг, но это был уже совсем другой

человек — ни нервозности, ни вслушивания каким-то десятым чувством в зал, он даже шел медленно, как будто с трудом, и был выше ростом и шире, сильнее. Он встал посредине подиума — оркестр заиграл какую-то мелкую дробь, — напрягся, вытянулся, задрожал от напряжения, как если бы на руках и плечах у него лежала невыносимая тяжесть... и вдруг одеревенел, стал неживым телом, превратился в деревянную куклу, в искусно выполненный манекен. Какое-то время он простоял не двигаясь, и вдруг на прямых ногах стал заваливаться навзничь, именно как кукла, в членах которой не было ни одного шарнира. Зал замер в ожидании грохота, который произведет падение манекена, только что бывшего человеком, несколько женщин ахнули, — и прямое тело действительно свалилось бы навзничь, если бы не два дюжих служителя в черных костюмах с атласными лацканами, выросших чуть ли не из земли, которые подхватили падающее тело и аккуратно положили его на пол — было очевидно, что оно совершенно одеревеневшее, жизнь изошла из него. Служители подняли на подиум два стула, поставили их напротив друг друга. Оркестр продолжал дробно играть. Под эту музыку служители с большим трудом подняли тело и положили его пятками на кончик одного стула, затылком — на другой стул — тело не прогнулось, оно не могло быть живым!

— Дамы и господа, это и есть катаlepsия! — воскликнул ведущий. — Наш друг сейчас без сознания, и его тело не слушается его, но оно абсолютно утратило гибкость, оно невероятно твердое, тверже бетона и стали! И мы сейчас покажем и докажем это!

Он оглядел зал и пригласил на подиум самого крупного и полного господина в темно-синем полосатом костюме. Тот, не с первой попытки, преодолел высоту ступени.

— Сейчас мы попросим нашего гостя присесть посредине... прямо на живот Вольфу Мессингу!

Приглашенный хотел было отказаться и даже сделал попытку покинуть подиум, но умоляющие жесты импресарио удержали его. Он с опаской посмотрел на неподвижное тело, потом вновь на ведущего и уступил, пытаясь как можно легче сесть на указанное место. Поняв, что под ним нечто близкое по твердости к бетонному монолиту, он расположился уже посвободнее — видно, что неожиданный эксперимент увлек и его самого — потом даже поджал ноги... Тело не пошевелилось. Господин, сидя на нем уже в полный вес, потрясенно развел руками и остался на месте. Но на сей раз импресарио уже его поторавливал, мягко выпроваживая с подиума и поддерживая при этом под талию.

— Кто еще, мои дамы и господа?

Еще несколько человек, правда, менее тучных, решили последовать примеру первого, а номер закончился тем, что двое служителей сами уселись на неподвижно висящее между двумя стульями тело.

— А теперь — самый трудный момент номера: выход из состояния каталепсии! Мы попросим поднять нашего друга и привести его, так сказать, в вертикальное положение. Прошу вас! — служители тут же убрали стулья, недвижимое мертвое тело было поднято и поставлено на негнущиеся деревянные ноги. — Маэстро, музыка! Сейчас я постараюсь вернуть нашего друга к жизни, к нам, сюда, в этот мир! Это очень трудно! Если вы увидите судороги, припадки как при эпилепсии, не беспокойтесь — это жизнь возвращается в тело! — Повернувшись спиной к публике и глядя прямо в лицо Мессинга, импресарио трижды хлопнул в ладоши, каждый хлопок сопровождая счетом: “Раз! Два! Три!” — и отошел.

Какое-то время тело, поддерживаемое сзади служителями, не двигалось, потом резко дернулось, стремясь еще более выпрямиться, потом его стали сотрясать судороги, конвульсивные движения как бы расслабляли члены, возвращая им подвижность, но стоять Мессинг еще не мог. Глаза открылись, но он явно не понимал, где он и перед кем. Судорога вновь прошла по всему телу, повторилось движение как бы распрямляющее и без того вытянутое в струнку тело, и артист встал на непослушные ноги, еще более вытягиваясь. Вдруг лицо исказила страшная гримаса, судорога повторялась вновь и вновь, он оттолкнул зрителей, пытавшихся его удержать, и стоя на неверных ногах, вытянув руки и чуть разведя их в стороны, сжав кулаки до костного хруста, вдруг попытался что-то сказать. Судорога лица отступила, оно было измучено нечеловеческим напряжением, которое не хотело уходить, глаза смотрели в одну точку и не видели ни зала, ни гостей. Казалось, что безумный взгляд устремлен куда-то за пределы зала, а может быть, и времени... Вдруг Мессинг замер — ноги расставлены, руки со сжатыми кулаками опущены вниз и чуть-чуть разведены, голова закинута — и из горла донесся уже не хрип, не стон, а внятные громкие слова, почти переходящие в крик, как будто кричал не он сам, а кто-то, живший в нем, помимо его воли, которой он сейчас не имел:

— Русские танки будут в Берлине! — и замер, обводя зал невидящими глазами.

Музыка стихла, за столиками воцарилась полная тишина. Мессинг мелко-мелко задрожал, потом судорога вновь прокатилась по телу, голова запрокинулась, вены на горле вздулись и из горла опять вырвался хриплый крик:

— Гитлер сломает шею на Востоке! Русские танки будут в Берлине! В Берлине! — и свалился, с грохотом рухнул без сознания на деревянные доски подиума.

Зал зашумел, многие повскакивали с мест. Во всеобщей суматохе Константин Алексеевич почему-то выделил неуклюжую длинную фигуру офицера в черной форме с двумя блестящими зигзагами в петличках, который беспомощно озирался, поправляя нарукавную повязку со свастикой. Двое служителей наконец пришли в себя и унесли безвольно обвисшее в их руках тело за кулису.

Костя, потрясенный увиденным, еще раз вспомнил цыганку в Бресте, предрекшую то же самое. Неужели действительно можно узнать то, что будет через десять или двадцать лет? И неужели есть люди, наделенные этим страшным даром — знать наперед и предупреждать? И чем же платят они за этот дар? И ведь как дорого платят!»

В романе Вальтер перед своей смертью успевает организовать убийство Хануссена, который настраивает Гитлера на войну на Востоке, но это убийство уже не может предотвратить рокового советско-германского столкновения. Отметим, что в романе воедино слиты два предсказания, будто бы сделанных Мессингом — о том, что Гитлер сломает себе шею, если двинется на Восток, которое Мессинг в мемуарах отнес к 1937 году, и о том, что советские танки будут в Берлине. О последнем предсказании сам Мессинг ничего в мемуарах не говорит. Однако люди, знавшие его, утверждают, что в 1943 или 1944 году он предсказал, что в мае 1945 года советские танки будут в Берлине. Об этом предсказании мы еще поговорим.

Николай Китаев в своей книге пытался определить, обладал ли Вольф Григорьевич какими-либо сверхнормальными способностями, которые можно было бы использовать для раскрытия особо сложных преступлений. И пришел к неутешительному выводу: никаких таких способностей у Мессинга не было. Китаев попытался проверить наиболее сенсационные утверждения, содержащиеся в мемуарах Мессинга. Естественно, прежде всего его внимание привлекло сообщение о том, что за голову дерзкого ясновидца Гитлер назначил солидную награду в 200 тысяч рейхсмарок. И если Мессинг был признан столь опасным для интересов Германии, после оккупации Польши вермахтом его должны были объявить в розыск и расклеить в польских городах объявления о том, что за содействие в поимке ясновидца будет выплачена награда. Документы о розыске Вольфа Мессинга должны были наверняка отложиться в сравнительно хорошо сохранившихся архивах германских оккупационных и полицейских органов в Польше. Но Китаев

выяснил, что имя Мессинга ни разу не упоминается в трофейных немецких документах, хранящихся в Российском государственном военном архиве. А в ответе из Государственного архива Федеративной Республики Германии, датированном 7 февраля 2002 года, отмечалось, что ни в фондах Генерал-губернаторства, ни в фондах рейхсканцелярии «не обнаружены никакие документы о реакциях Адольфа Гитлера в отношении публичного выступления Вольфа Мессинга со своими парapsихологическими сеансами».

Данное обстоятельство наводит на мысль, что о существовании Вольфа Мессинга Адольф Гитлер не имел никакого понятия. И никто Мессинга специально арестовывать не собирался. Другое дело, что евреи в Польше сразу же подверглись преследованиям, их ограничили в правах, заставили носить желтые звезды на одежде и загнали в гетто, куда были ограничены поставки продовольствия. А с начала 1942 года, после печально знаменитой конференции в Ванзее, началось их планомерное уничтожение.

Осенью 1939 года физическое истребление евреев в Третьем рейхе еще не началось. Но Мессинг наверняка знал, что евреям в нацистской Германии и на оккупированных ею территориях жилось несладко. Поэтому у него были все основания бежать из тех районов Польши, которые занимали германские войска, на восток, навстречу Красной армии. О жизни в Советском Союзе он не имел сколько-нибудь подробных представлений. Строго говоря, мы вообще не можем судить, что именно знал Вольф Григорьевич о той стране, которой предстояло стать его второй родиной и где ему удалось по-настоящему прославиться. Но даже если до Мессинга дошли сведения о жутком голоде 1930-х годов, связанном с насильственной коллективизацией крестьянства, или о Большом терроре, он, по крайней мере, твердо знал: евреев в Советском Союзе не притесняют, они пользуются теми же правами, что и остальные граждане страны.

В 60-е годы XX века, когда публиковались мемуары Мессинга, тема холокоста в СССР всячески замалчивалась. Поэтому просто сказать, что Мессинг бежал от нацистов потому, что они преследовали евреев, было не совсем удобно. Зато как красиво смотрелось утверждение, будто великий телепат и ясновидец вынужден был бежать в Советский Союз потому, что предсказал Гитлеру гибель в случае, если он повернет на восток, и превратился в личного врага фюрера!

Но раз не было приказа Гитлера об аресте Мессинга, то можно быть уверенным, что не было и самого ареста. Этот не имевший места арест и свой совершенно фантастический по-

бег Мессинг красочно описал в мемуарах как доказательство того, что он обладал выдающимися гипнотическими способностями: «Я в это время жил в родном местечке, у отца. Вскоре это местечко было оккупировано фашистской армией. Мгновенно было организовано гетто. Мне удалось бежать в Варшаву. Некоторое время я скрывался в подвале у одного торговца мясом. Однажды вечером, когда я вышел на улицу пройтись, меня схватили. Офицер, остановивший меня, долго вглядывался в мое лицо, потом вынул из кармана обрывок бумаги с моим портретом. Я узнал афишу, расклеивавшуюся гитлеровцами по городу, где сообщалось о награде за мое обнаружение.

— Ты кто? — спросил офицер и больно дернул меня за длинные до плеч волосы.

— Я художник...

— Врешь! Ты — Вольф Мессинг! Это ты предсказывал смерть фюрера...

Он отступил на шаг назад, продолжая держать меня левой рукой за волосы. Затем резко взмахнул правой и нанес мне страшной силы удар по челюсти. Это был удар большого мастера заплочных дел. Я выплюнул вместе с кровью шесть зубов...

Сидя в карцере полицейского участка, я понял: или я уйду сейчас, или я погиб... Я напряг все свои силы и заставил собраться у себя в камере тех полицейских, которые в это время были в помещении участка. Всех, включая начальника и кончая тем, который должен был стоять на часах у выхода. Когда они все, повинувшись моей воле, собрались в камере, я, лежавший совершенно неподвижно, как мертвый, быстро встал и вышел в коридор. Мгновенно, пока они не опомнились, задвинул засов окованной железом двери. Клетка была надежной, птички не могли вылететь из нее без посторонней помощи. Но ведь она могла подоспеть... В участок мог зайти просто случайный человек. Мне надо было спешить...»

Мессинг ничего не сообщает о том, был ли он мобилизован в польскую армию в сентябре 1939 года. Можно предположить, что он избежал мобилизации по состоянию здоровья, в том числе из-за заболевания сосудов ног. Мессинг утверждал, что это заболевание было следствием того, что при побеге из немецкой тюрьмы выпрыгнул из окна и отбил при прыжке ноги. Такое объяснение само по себе подрывает версию побега из камеры полицейского участка в Варшаве. Если Мессинг действительно был столь выдающимся гипнотизером, то что ему стоило загипнотизировать еще и часового и спокойно выйти через дверь?

В мемуарах Мессинг утверждал, что он нелегально перешел советско-германскую демаркационную линию, таясь от гер-

манских солдат: «Из Варшавы меня вывезли в телеге, заваленной сеном. Я знал одно: мне надо идти на восток. Только на восток. К той единственной в мире стране, которая одна — я знал это — сможет остановить распространение “коричневой чумы” фашизма по земному шару. Проводники вели и везли меня только по ночам. И вот наконец темной ноябрьской ночью впереди тускло блеснули холодные волны Западного Буга. Там, на том берегу, была Советская страна.

Небольшая лодчонка-плоскодонка ткнулась в песок смутно белевшей отмели. Я выскочил из лодки и протянул рыбаку, который перевез меня, последнюю оставшуюся у меня пачку денег Речи Посполитой:

— Возьми, отец! Спас ты меня...

— Оставь себе, пан, — возразил рыбак. — Тебе самому пригодится... Эх, и я бы пошел с тобой, если бы не дети!.. Чемоданчик не забудь...

Я пожал протянутую мне руку и пошел по влажному песку. Пошел по земле моей новой родины. Пошел прямо на восток».

Если мы предположим, что ареста Мессинга в Варшаве на самом деле не было, то уместно предположить, что он покинул окрестности польской столицы еще в первой декаде сентября. Ведь уже 8 сентября германские войска заняли Гуру-Кальварию. Скорее всего, первоначально он бежал в Варшаву, которую покинул еще до 14 сентября, когда город был окружен немцами. Тогда можно предположить, что в районе Бреста Мессинг мог оказаться уже в середине октября. В начале ноября Западная Белоруссия вместе с Брестом была официально объявлена частью Советского Союза. Чтобы избежать в своих мемуарах обсуждения того, как и почему советские войска оказались в Западной Белоруссии (тема секретных протоколов к пакту Молотова—Риббентропа в советской прессе тогда была абсолютным табу), Мессинг, скорее всего, предпочел сдвинуть свое прибытие на советскую территорию с октября на ноябрь.

Немецкие войска в первые недели после окончания войны не только не препятствовали переходу беженцев из Польши в занятую СССР Западную Белоруссию и Западную Украину, но даже насильственно изгоняли их на советскую территорию. Например, в «Справке управления пограничных войск НКВД Киевского округа о задержаниях на границах Западной Украины частями погранохраны за период с 14 по 28 октября 1939 г.» отмечалось: «В настоящее время на границе с Германией в пограничных городах Западной Украины скопилось несколько десятков тысяч человек; так, например, в Перемышле на 28 октября 1939 г. было 11 000 человек, которые ожидают организованной отправки их через границу из Западной Украины. За-

тяжка вопроса обмена с Германией беженцами порождает стремление скопившихся на границе так называемых беженцев перейти границу нелегально.

Большое скопление беженцев в пограничных городах создает угрозу эпидемических заболеваний, жилищный кризис и недостаток продуктов питания.

Необходимо ускорить работу комиссии СНК УССР по обмену с Германией беженцами.

Задержано при переходе в СССР:

на границе с Германией — 5731 человек;

на границе с Венгрией — 733 человека;

на границе с Румынией — 618 человек.

Всего — 7082 человека.

Основная масса нарушителей из Германии — жители, имевшие постоянное местожительство на территории, занятой Германией, но не желающие там оставаться (крестьяне, рабочие, интеллигенция), а также выдворяемые немцами принудительно на нашу территорию евреи...

Переходят границу зачастую целыми семьями, с малыми детьми, не имея средств для питания.

Такое скопление нарушителей загружает погранчасти. Ввиду отсутствия специальных помещений для содержания нарушителей таковые размещены скученно, с вытекающими отсюда последствиями.

Считаем необходимым всех нарушителей типа беженцев после соответствующей проверки освобождать и направлять в районы, где есть потребность в трудовой силе».

Кстати сказать, обратный поток беженцев, из зоны советской в зону германской оккупации, был на порядок меньше. За указанный период советские пограничники задержали 465 человек, пытавшихся бежать в оккупированную Германией Польшу, 41 — в Венгрию и 30 — в Румынию. В основном это были те, кто имел родственников в Польше.

Как пишет российский историк Илья Альтман, «Начальник Переселенческого управления при СНК СССР Е. М. Чекушева 9 февраля 1940 г. информировала В. М. Молотова об отказе принять еврейских беженцев. Решение мотивировалось сугубо формальными обстоятельствами: евреи не входят в число народов и этнических групп, подлежащих “эвакуации”... Главный мотив был очевиден: советская система была пронизана шпиономанией и опасением получить “пятую колонну”. 10 апреля 1940 г. СНК утвердил особую инструкцию НКВД, дававшую право переселять всех людей, не принявших советское гражданство, в качестве спецпереселенцев в отдаленные районы страны. Еще более ужесточился контроль за пересечением

границы еврейскими беженцами. Осенью 1940 г. по погранза-
ставам был разослан циркуляр НКВД, в котором называлось
несколько категорий беженцев — потенциальных немецких
шпионов. Среди них были названы и польские евреи, “ис-
пользовавшиеся немцами на принудительных работах”. По-
скольку только люди моложе 14 и старше 60 лет не привлека-
лись нацистами к принудительным работам, то практически
любой взрослый еврей мог подозреваться в шпионаже».

Мессинг, разумеется, не стал писать, что немцы насильно
выселяли евреев из Польши на советскую территорию, а совет-
ские власти, наоборот, думали о том, как бы вернуть их обратно.
И уж конечно никак не мог признаться, что в ноябре 1939 года
ему надо было опасаться не немецких, а советских погранич-
ников.

Больше Мессингу не довелось увидеть своего отца. В фев-
рале 1941 года 2949 евреев из Гуры-Кальварии были депорти-
рованы в Варшавское гетто — в музее Яд-Вашем есть фото их
печальной процессии, бредущей по главной улице с узлами и
чемоданами. Два года спустя их вместе с варшавскими еврея-
ми отправили в Освенцим. После войны в городок вернулось
только 20 человек, вскоре покинувших Польшу. Вероятно,
число выживших было несколько больше, поскольку некото-
рые гурские евреи могли быть освобождены из концлагерей
на территории Германии и в Польшу не возвращались. Между
прочим, синагога в Гуре-Кальварии действует и сегодня, но в
городе проживает всего один еврей.

Не исключено, что отец Мессинга умер еще до войны или
вскоре после прихода германских войск. Если Вольф Григорь-
евич был арестован немцами и чудом сбежал из участка, он,
конечно, никак не мог захватить отца вместе с собой в СССР.
Однако, как мы уже знаем, Мессинг аресту не подвергался.
Поэтому встает вопрос — почему же он все-таки не взял отца с
собой? Тут могут быть три объяснения. Возможно, на самом
деле старый Герш к началу войны уже умер и Вольфа в родном
местечке ничто не удерживало, поэтому он сразу же после втор-
жения германской армии в Польшу подался на восток. В даль-
нейшем же Мессинг предпочел объявить отца жертвой холо-
коста, чтобы вызвать еще большее сочувствие со стороны
читателей. Возможно также, что отец Мессинга осенью 1939 го-
да был тяжело болен и поэтому не мог уехать из Гуры-Кальва-
рии. Наконец, можно предположить, что старик просто отка-
зался покидать родной дом, предпочитая умереть там, несмотря
на все надвигающиеся опасности.

По утверждению Шенфельда, сначала Мессинг прибыл в
Брест, откуда направился в Белосток, где у него были знако-

мые. Польские деньги, которые у него были, превратились в ничего не значащие бумажки. К тому же Вольф не знал ни русского, ни белорусского языка, которые в одночасье стали государственными. Мессинг признавался Шенфельду: «Особенно обидно было, что я не знаю русского: ведь до восемнадцатилетнего возраста я жил в Привислинском крае, то есть в Российской империи. Но мой отец считал, что русский язык мне ни к чему. Ох, темнота наша!» Он понял, что гороскопами на жизнь в Советском Союзе никак не заработаешь, а вот угодить за занятия астрологией в места не столь отдаленные можно легко.

В Белостоке Мессинг вступил в профсоюз работников зрелищных искусств, но работу давать ему не спешили. А голод — не тетка. Вольф подумывал уже переквалифицироваться в уличного фокусника-факира, собирающего в шляпу трудовую медь. Но тут он узнал, что в областном Доме культуры набирают артистов для агитбригад. Что такое агитбригада, Мессинг не знал, но на всякий случай записался. И удача улыбнулась ему.

Партийные лекторы, прибывшие из Минска, разъяснили свежеепеченным агитбригадовцам, что надо будет делать. Лекторы должны были разъяснять населению, как плохо ему жилось в панской Польше, сколь миролюбива сталинская внешняя политика и как здорово им будет жить в Стране Советов. Чтобы загнать народ на такого рода лекции, требовалась приманка в виде концерта артистов популярных жанров. Мессинг сразу же сообразил, что он может стать очень полезной приманкой, поскольку опыты с телепатией для белорусской глубинки были делом невиданным. И на вопрос суровых людей в гимнастерках, каким жанром он владеет, Вольф радостно объявил: «Я телепат!»

Некто товарищ Прокопюк, которому Мессинг попытался объяснить по-польски, что такое телепат, да еще с добавлением научных немецких слов, ровным счетом ничего не понял и уже собирался отбраковать Вольфа, но тут миловидная белокурая девушка-еврейка Соня Каниш из числа уже отобранных артистов любезно перевела сбивчивый монолог Мессинга. Она была родом с Волыни и потому русский знала. Прокопюк был заинтригован и велел Вольфу прийти в клуб вечером и показать на деле, что такое телепатия. В довоенной жизни Соня была певицей в еврейской театральной студии в Варшаве, и Вольф попросил ее быть своей ассистенткой.

Вечером на выступление Мессинга собрался весь местный партхозактив с женами. Эти зрители приехали из советской, восточной Белоруссии, и для них трюки с телепатией были вообще невиданным зрелищем. Несмотря на многомесячный

перерыв, Мессинг с успехом находил спрятанные в зале предметы, читал адреса и цифры. Он выложился сполна, понимая, что от этих «смотрин» зависит его будущее. К концу представления Мессинг едва стоял на ногах. Хорошо, что Соня догадалась подать ему стакан воды.

После сеанса в зале воцарилось молчание. Робкие аплодисменты сразу же стихли. Чувствовалось, что номенклатурные зрители поражены, но хлопать, а тем более высказываться опасаются — ждут, что скажут старшие товарищи. Директор Дома культуры, родом из Гомеля, первым нарушил молчание. Он сказал, что выступление было интересным и необычным, но вот беда, он не знает, есть ли под ним научное обоснование, или Мессинг просто ловкач, обманывающий почтенную публику. Тут свое веское слово сказал авторитет из Минска, товарищ Прокопюк. Он назвал артиста человеком удивительных способностей и необыкновенным явлением. Мессинг говорил Шенфельду: «Он обратил внимание присутствующих на мою нервную дрожь и запинаящуюся речь. “Ведь это нервное возбуждение, чуть ли не эпилептический припадок, типичный транс с помрачением и экстазом! А ведь у нас на Руси, — добавил значительно товарищ Прокопюк, — в древние века наши юродивые пользовались большим уважением. Наш народ чтит их и верил, что они обладают даром прорицать будущее...” Ему попробовал возражать секретарь партячейки, обвинивший Мессинга в мистицизме и подрыве марксистской диалектики, заодно призвав к борьбе за чистоту советской эстрады. Однако верх одержал Прокопюк, предложивший: “Пусть товарищ Мессинг выступит на показательном концерте, а мы понаблюдаем за реакцией публики. Если его выступление будет успешно и принесет пользу нашему делу — очень хорошо”. Зрители телепатические фокусы приняли хорошо. Немногочисленные советские зрители, в большинстве — военные, непривычные к подобному, с благоговением и страхом шептали: “Кудесник, ну прямо кудесник!” Один командир даже пришел к Вольфу за кулисы и, смущаясь, сообщил, что его жена сбежала с любовником, и просил мага и ясновидца сообщить, где она сейчас. Пришлось мягко убеждать беднягу, что он, Мессинг, не всесилен».

В мемуарах Мессинг несколько иначе описывает первые дни своего пребывания в СССР. Он подчеркивает, что начал свою артистическую карьеру в Брестской области, а про Белосток даже не упоминает:

«Я вступил на Советскую землю вместе с тысячами других беженцев, ищущих спасения от фашистского нашествия. Пришел я в гостиницу в Бресте:

— Мне нужен номер.

— Свободных номеров нет.

— Я заплачу вдвое против обычной цены.

— Вам сказано, гражданин, свободных номеров нет! — Окно с треском захлопывается...

Я смотрю на счастливых, берущих и сдающих портые ключи, на людей, нашедших место в гостинице. Нет, это совсем не такие люди, каких я привык видеть в вестибюлях европейских гостиниц. Простые трудовые люди, служащие с озабоченными лицами, с толстыми портфелями в руках. Кепи, а не шляпы. Пестрые рабочие пальто вместо роскошных плащей — макинтошей.

Первую ночь среди других беженцев я провел в синагоге на полу. С трудом отыскал свободное место.

Куда податься? На другой день меня надоумили: я пошел в отдел искусств горкома. Меня встретили вежливо, но сдержанно. В Советском Союзе, борясь против суеверий в сознании людей, не жаловали ни гадалок, ни волшебников, ни хиромантов... К числу таких же непоощряемых занятий относили и телепатию. Ох как часто мне потом мешало это!

Пришлось переубеждать... пришлось демонстрировать свои способности тысячу раз. Пришлось доказывать, что в этом нет никакого фокуса, обмана, мошенничества. Но об этом позже.

И вот наконец нашелся человек, который поверил. Это был заведующий отделом искусств Абрахимов Петр Андреевич. На свой страх и риск он включил меня в бригаду артистов, обслуживающих Брестский район. Жизнь начала налаживаться...

В эти первые дни было немало забавных казусов, вызванных тем, что я очень плохо знал русский язык.

Заведующий отделом искусств говорит мне после выступления:

— Здорово работаешь!

— Да, я здоров... Никогда не болею...

В другой раз говорят:

— Вас примет секретарь ЦК.

— Я с секретарем не хочу говорить... Пусть со мной сам этот Цека поговорит...

Несмотря на неизбежные сложности первых дней жизни в чужой стране, мне было удивительно радостно, интересно. Мир расцвел новыми красками. Мне было ново и приятно жить в среде простых людей, провинциальных артистов, живущих в простых номерах, работающих с вдохновением, довольных тем, что они живут одним ритмом со всей страной, помогают ей. И я был с ними...»

По утверждению журналиста Владимира Ключарьянца, «крестным отцом» Мессинга, «первым чиновником, с кото-

рым он встретился, стал Петр Абраимов. Мессинг мысленно заклинал его: “Поверь и помоги мне!” Затем вдруг сказал: “Вы станете послом в большой стране”. Так и случилось. Абраимов не раз занимал должность посла. В ГДР, в Польше, в Японии. “Большой” же страной оказалась Франция... Но тогда Абраимов, конечно, не принял всерьез пророчество этого странного, испуганного человека. Однако разрешил ему выступать на сценах Белоруссии».

То, что Мессинг действительно встретил в Бресте Петра Абраимова и тот принял живейшее участие в его дальнейшей судьбе, сомнений не вызывает. Ведь Петр Андреевич Абраимов в сентябре 1939 года действительно участвовал в «освободительном походе» Красной армии в Западную Белоруссию в качестве политработника, и даже присутствовал на совместном советско-германском параде в Бресте по случаю передачи города вермахтом Красной армии. Затем он стал заместителем председателя Брестского облисполкома. В начале 1930-х годов Абраимов был директором клуба, уполномоченным филармонии и директором картинной галереи в Витебске, так что с эстрадой тоже был знаком.

Главное же, в момент публикации мемуаров Мессинга, в 1965 году, Абраимов, в отличие от Сталина, Гитлера, Фрейда и Эйнштейна, был жив и здоров, состоял членом ЦК КПСС и занимал достаточно важный пост посла в ГДР. Придумать факт знакомства было делом рискованным. Абраимов мог прочесть мемуары и во всеуслышание заявить, что он знать не знает никакого Вольфа Мессинга.

Судя по всему, Абраимов был неплохим человеком, далеко не худшим представителем советской номенклатуры, сумевшим и на высоких постах сохранить добрые свойства души. Земляк Абраимова Лев Овсищер, отца которого несправедливо пытались привлечь к уголовной ответственности, вспоминал: «Это решение райкома поступило в ЦК, где секретарем по промышленности был в то время наш земляк из Богушевска некий Петр Абраимов, хорошо знавший всю нашу семью. С моим двоюродным братом Айзиком Петя учился в одном классе, и они были большими друзьями. Отца, как и другие наши соседи из молодых, называл “дядя Перец”. Вообще все окружение и друзья были у молодого Абраимова из еврейских парней местечка. Он бегло говорил на идише и пел еврейские песни. Его первой любовью была еврейская девушка. Человек он был честный, обаятельный, с пытливым и острым умом, благодаря чему сумел продвинуться и стать одним из руководителей республики... (Абраимов добился того, что «дядя Перец» из обвиняемых был переведен в свидетели. — Б. С.)

Во время нашей борьбы за выезд в Израиль многолетних отказников навещали поддерживавшие нас евреи разных стран. Однажды в Минске меня навестили евреи из Парижа.

Они рассказали, что передали чрезвычайному послу СССР в Париже петицию евреев Франции с требованием выпустить старых отказников. К петиции был приложен список.

— Между прочим, — рассказали они, — посол не только принял нашу петицию, но даже устроил делегатам прием, на котором вместе с евреями пел на идише еврейские песни.

Этим послом в Париже был Петр Абраимов. Гости из Парижа утверждали, что советский посол во Франции вел себя как еврей».

Из этого рассказа видно, что Абраимов к евреям и еврейской культуре относился вполне толерантно. Этим во многом объясняется его покровительство Мессингу.

В интервью Владимиру Шахиджаняну, данному в 1971 году, но впервые опубликованному только в 1995 году, Мессинг будто бы заявил: «Первым чиновником, с которым прошла беседа, оказался заведующий отделом искусства Петр Андреевич Абраимов. Я смотрел на него, слушал его рассуждения, а сам внушал ему: помогите мне, поверьте в меня, вы же хороший человек. Я смотрел на него и все ждал паузы. Наступила пауза. Тогда я произнес: “У вас большое будущее. Вы станете послом в большой стране”. И он поверил в меня и включил меня в число артистов, обслуживающих Брестский район». Правда, не исключено, что эту деталь, насчет предсказания Абраимову, что он будет послом в большой стране (в 1973 году Абраимов был уже послом во Франции. — Б. С.), Шахиджанян придумал сам. В предисловии к публикации интервью он утверждает, что интервью готовилось к публикации в «Неделе» в 1973 году, и тогда он, по требованию редакции, еще раз завизировал его у Мессинга, который, впрочем, будто бы предсказал, что в последний момент интервью снимут с номера. Но в любом случае Мессинг вряд ли рискнул бы говорить неправду про Абраимова. А в 1995 году Шахиджанян, возможно, полагал, что Абраимова уже нет в живых. На самом-то деле Петр Андреевич умер только 16 февраля 2009 года, на 97-м году жизни. Но в 1995 году было маловероятно, что он стал бы протестовать, заявляя, что Мессинг ничего подобного ему не предсказывал. К тому же всегда можно было сослаться на преклонный возраст посла, на то, что его подвела память.

Характерно еще то, что предсказание, данное Мессингом Абраимову, совпадает в интервью, будто бы данных им как Кючарьянцу, так и Шахиджаняну. Скорее остается предположить, что здесь перед нами легенда. Хотя, строго говоря, пред-

положение, что рано или поздно Абрасимов будет служить по дипломатической линии, не было в конце 1939 года таким уж невероятным. В беседе с Абрасимовым Мессинг наверняка убедился, что тот знает польский и идиш, а значит, наверняка знает и немецкий. Подобные полиглоты среди советской и партийной номенклатуры были редкостью, а значит, существовала большая вероятность того, что Петра Андреевича рано или поздно используют на дипломатической работе, на которой функционеру его уровня со временем наверняка предоставили бы должность посла.

Мессинг вспоминал в мемуарах: «1 Мая праздновал в Бресте. Вместе со всеми пошел на демонстрацию. Это был очень радостный день в моей жизни. А вскоре после этого меня направили в Минск. Здесь я встретился с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко — одним из видных деятелей Советского государства. Я благодарен судьбе за встречу с этим человеком, которому я очень многим обязан».

Эти сведения тоже, скорее всего, соответствуют действительности. Карьера Пономаренко, известного советского деятеля, одного из руководителей партизанского движения в годы войны, к 1965 году давно уже пошла под откос — он был всего лишь преподавателем в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Однако он был жив, здоров, находился в Москве и наверняка опроверг бы факт своего знакомства с Мессингом, если бы данный эпизод был вымышлен мемуаристом. Скорее всего, именно Пономаренко порекомендовал использовать талант Мессинга во всесоюзном масштабе.

Кстати сказать, в отличие от Абрасимова, Пономаренко к евреям относился, мягко говоря, прохладно. Впрочем, и белорусская культура была для Пантелеймона Кондратьевича чужой. Украинец с Кубани, он был послан в Белоруссию как проводник сталинской централизаторской политики и в деятелях как белорусской, так и еврейской национальной культуры подозревал «буржуазных националистов». Вскоре после окончания войны к Пономаренко пришли писатель и поэт Айзик Платнер и еще несколько видных представителей еврейской литературы, в том числе поэт Гирш Каменецкий и журналист Гирш Смоляр, первым написавший о Минском гетто. Они просили возобновить работу еврейской секции Союза писателей Белоруссии. Однако Пантелеймон Кондратьевич в грубой форме заявил, что не позволит возродить в Белоруссии еврейскую культуру и рассчитывать им не на что. После этой встречи некоторые из ее участников, воспользовавшись своим польским гражданством, покинули Советский Союз навсегда. Тем не менее Мессинга Пономаренко поддержал. Очевидно,

прежде всего он ориентировался на доклад своего подчиненного Абрашимова, указывавшего на несомненную полезность выступлений Мессинга как в плане антирелигиозной пропаганды, так и с чисто коммерческой стороны. Кроме того, выступления Мессинга, лишенные всякого политического содержания, были хорошим средством отвлечения масс от унылой повседневности.

Друг Мессинга журналист Рем Щербаков приводит рассказ телепата о том, как он был задержан после перехода германо-советской демаркационной линии в Польше. И в этом эпизоде тоже фигурирует Пономаренко: «Выглядел Вольф Григорьевич подозрительно, а потому был задержан соответствующими органами». Чекисты пытались вывести авантюриста, утверждающего, что он может читать чужие мысли, на чистую воду. Но когда Мессинг точно угадал, что именно думали следователи, те поразились и сплывали его вверх по инстанции. Дело дошло до главы коммунистов Белоруссии Пономаренко: «Ввели его в кабинет, где Вольфа Григорьевича встретил хозяин и пригласил присесть. В беседе должен был принять участие еще один человек — нарком республиканского НКВД. Вскоре он появился в штатской одежде и направился к посетителю. Тот посмотрел внимательно на чекиста и сказал: “Так вот кто хочет меня расстрелять!” Нарком опешил, такое предложение он уже делал первому секретарю. Было решено отправить Вольфа Григорьевича в Москву. Через некоторое время после того, как мне довелось услышать эту историю, Мессинг отмечал свой день рождения. На нем присутствовал бывший член Президиума ЦК КПСС Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Он подтвердил правдивость рассказа, именно в его кабинете все и происходило».

Предисловие к книге Мессинга Щербаков написал в 1990 году, когда Пономаренко уже шесть лет не было в живых. Значительно раньше, 12 октября 1955 года, умер бывший глава белорусских чекистов Лаврентий Фомич Цанава (Джанджгава). Он был арестован в апреле 1953 года по распоряжению своего тезки Лаврентия Берии за организацию убийства Соломона Михоэлса. Находясь под следствием, он то ли покончил с собой, то ли просто умер в тюремной больнице от сердечного приступа. В рассказе Щербакова подозрительно уже то, что Цанава сразу же предложил Пономаренко расстрелять Мессинга. Ведь Лаврентий Фомич был опытным чекистом и уж наверняка начал бы с того, что просто предложил бы задержать подозрительного иностранца — а уж что с ним делать, расстрелять или выпустить, можно было решить позже. Тем более осенью 1939 года еще не закончилась «бериевская оттепель»,

когда арестованных расстреливали гораздо меньше, чем во времена Ежова. Так что сам эпизод с «угадыванием» мыслей Цанавы выглядит не слишком убедительно, тем более что далее следуют явно недостоверные эпизоды встреч Мессинга со Сталиным и успешного проникновения в кабинет Берии.

Можно с уверенностью сказать, что все то, что написано о первых месяцах пребывания Мессинга в СССР в документальной повести Шенфельда, является вымыслом. Ни с каким «товарищем Прокопюком» Мессинг ни в Бресте, ни в Белостоке не встречался просто потому, что этого товарища в природе не существовало. Зато реальных партийных и советских функционеров, с которыми Мессинг и в самом деле тесно общался в Бресте и Минске, Мессинг, в рассказе, приведенном Шенфельдом, ни словом не упоминает. Данное обстоятельство является доказательством того, что рассказ Мессинга Шенфельдом выдуман и ничего подобного Вольф Григорьевич ему никогда не говорил.

Согласно Шенфельду, в течение месяца Мессинг колесил по районам Белостокской области, и всюду его психологические опыты принимали на ура. У Мессинга тогда завязался роман с Симой, которой было уже за тридцать, но она была не замужем. Мессинг будто бы говорил Шенфельду, что это была его первая настоящая любовь. Но как только он собрался сделать своей возлюбленной серьезное предложение, его внезапно забрали в Минск. Сима осталась в Белостоке. Вольф жалел, что не настоял, чтобы ему дали взять ее с собой — ведь он остался буквально без языка. Думаю, что вся это мелодраматическая история придумана автором «документальной повести», которому Мессинг никаких признаний насчет своих бывших романов, скорее всего, не делал. О том, что в Польше он был женат, мы никакими сведениями не располагаем. Наверное, любовницы у него были, как у большинства странствующих артистов, но ни об одной из них он своим знакомым не рассказывал. Непонятно, почему Шенфельд должен был стать исключением.

Мессинг будто бы рассказывал ему: «В Минске меня поместили в лучшую гостиницу, в такой номер люкс, какого я в жизни не видел (тут уж сочинитель Шенфельд, как кажется, немного переборщил. Ведь Мессинг не раз бывал и в Варшаве, и в Кракове. Неужели там гостиницы были много хуже, чем в провинциальном Минске? — Б. С.). Выступать пришлось перед какими-то высокими чинами и спешно искать себе индуктора с русским и польским языками — благо в Белоруссии это не проблема. После выступления меня приглашали в какие-то кабинеты, о чем-то много со мною говорили, но до меня дохо-

дило только “прямо кудесник” и “колоссальный успех”. И все это происходило настолько молниеносно, что я очухаться не успел, как мне сунули на подпись договор. Договор был, оказывается, с Госконцертом, и надо было тут же выезжать в гастрольное турне по самым большим городам Советского Союза. Москва прикрепила ко мне администратора, который всем заворачивал, а по договору мне была гарантирована самая высокая ставка. Когда я впервые увидел расчетную ведомость, то даже не мог поверить, что это все — мое, и спросил, не ошиблась ли бухгалтерия? Ну что я стану делать с такими тысячами? (Неужели Мессинг в первые же недели своего пребывания в СССР не убедился, что деньги здесь не так уж много значат, поскольку основные жизненные блага не покупаются, а распределяются? Да и ставка высшей категории отнюдь не давала актеру золотых гор. — Б. С.)

Но я быстро научился ничему не удивляться. А главное — не показывать своего невежества. Если я чего-то не знал или не понимал, я помалкивал и многозначительно улыбался. Всем хотелось знать, как меня принимали на Западе в столицах и других больших городах, что писала обо мне пресса. Прямо врать я не хотел, а вертел вокруг да около. Да ведь они и не поверили бы, что я до сих пор кроме Польши нигде не был, а с прессой сталкивался, только когда давал свои объявления в газетах». Но, как свидетельствуют материалы, приведенные в мемуарах Мессинга, в Польше ему случалось давать интервью — еще одна неувязка.

За Симой в Белосток Мессинг, окунувшийся в омут небывалой славы и богатства, так и не приехал, зато поверил в собственную исключительность. Шенфельд якобы услышал такую исповедь сокамерника: «Я уже и сам поверил, что я не такой, как все, а особенный. А что, если меня Господь действительно наделил сверхчеловеческими силами? Ведь не может же такое количество людей во мне ошибаться? Я и сам чувствовал, как во мне развиваются и проявляются гипнотические силы. Чем чёрт не шутит, когда Бог спит! Приятно было видеть во всех городах этой необъятной страны афиши, на которых крупными буквами стояло: “К вам едет Вольф Мессинг”. Сейчас, в этой вонючей камере, я очень хорошо понимаю, что главное богатство — свобода. Не надо мне было тогда слишком выделяться, лучше было оставаться посерединке: не совсем в тени, но и не на самом ярком свете.

По правде сказать, меня через некоторое время начала подавлять эта суета сует. И среди великого множества людей я вдруг понимал, как я снова одинок. И сразу приходила мысль: надо съездить в Белосток, отыскать Симу. Но потом все откла-

дывалось. План выступлений заслонял собою всю личную жизнь...»

С началом войны Белосток был вскоре занят немцами. Сима пропала без вести. Аккордеонист белостокской агитбригады позднее рассказал Мессингу, что она успела покинуть Белосток в первые часы войны и хотела пробраться в родное местечко Клевань на Волыни. Мессинг так никогда и не узнал, стала ли она одной из миллионов жертв холокоста или благополучно пережила войну. Думается, Вольф Григорьевич о Симе вообще не имел никакого понятия, поскольку существовала она исключительно в воображении Шенфельда. И в мемуарах Мессинг не говорит о Симе ни слова, а наоборот, подчеркивает, что первой и единственной любовью для него стала его жена Аида Михайловна, о знакомстве с которой мы расскажем в следующей главе.

Куда интереснее для нас встречи телепата не с выдуманной Симой, а с реальным и весьма могущественным человеком — Иосифом Сталиным. Мессинг утверждал, что таких встреч у него было несколько. Первая будто бы произошла вскоре после первомайской демонстрации 1940 года: «Мы гастролировали по всей Белоруссии. И однажды, когда я работал на одной из клубных сцен Гомеля, ко мне подошли два человека в форменных фуражках. Прервав опыт, они извинились перед залом и увели меня. Посадили в автомобиль. Я чувствовал, что ничего злого по отношению ко мне они не замышляют. Говорю:

— В гостинице за номер заплатить надо...

Смеются:

— Не волнуйтесь, заплатят...

— Чемоданчик мой прихватить бы...

— И чемоданчик никуда не денется.

Действительно: с чемоданом я встретился в первую же ночь, проведенную не в дороге. И счета мне администрация не прислала, видно, кто-то заплатил за меня.

Приехали — куда не знаю. Позже выяснилось, что это гостиница. И оставили одного.

Через некоторое время снова повезли куда-то. И опять незнакомая комната.

Входит какой-то человек с усами. Здоровается. Я его узнал сразу. Отвечаю:

— Здравствуйте. А я вас на руках носил...

— Как это на руках? — удивился Сталин.

— Первого мая... На демонстрации...

Сталина интересовало положение в Польше, мои встречи с Пилсудским и другими руководителями Речи Посполитой. Индуктором моим он не был.

После довольно продолжительного разговора, отпуская меня, Сталин сказал:

— Ох и хитрец вы, Мессинг.

— Это не я хитрец, — ответил я. — Вот вы так действительно хитрец!

М. И. Калинин незаметно потянул меня за рукав. Со Сталиным я встречался и позже. Вероятно, по его поручению были всесторонне проверены мои способности. Помню такие проверки: мне было дано задание получить 100 000 рублей в Госбанке по чистой бумажке. Опыт этот чуть не кончился трагически.

Я подошел к кассиру, сунул ему вырванный из школьной тетради листок. Раскрыл чемодан, поставил у окошечка на барьер.

Пожилой кассир посмотрел на бумажку. Раскрыл кассу. Отсчитал сто тысяч... Для меня это было повторением того случая с железнодорожным кондуктором, которого я заставил принять бумажку за билет. Только теперь это не представляло для меня, по существу, никакого труда.

Закрыв чемодан, я отошел к середине зала. Подошли свидетели, которые должны были подписать акт о проведенном опыте. Когда эта формальность была закончена, с тем же чемоданчиком я вернулся к кассиру.

Он взглянул на меня, перевел взгляд на чистый тетрадный листок, насаженный им на один гвоздик с погашенными чеками, на чемодан, из которого я начал вынимать тугие нераспечатанные пачки денег... Затем неожиданно откинулся на спинку стула и захрипел... Инфаркт!.. К счастью, он потом выздоровел.

Другое задание состояло в том, чтобы пройти в кабинет очень высокопоставленного лица, тщательно охраняемый (под «очень высокопоставленным лицом» подразумевался тогдашний шеф НКВД Лаврентий Берия, чье имя в середине 1960-х годов еще нельзя было называть в советской печати. Однако в устных рассказах Мессинга в этом эпизоде оно фигурировало. В некоторых же вариантах рассказа, в частности, у М. В. Михалкова, в качестве владельца тщательно охраняемого кабинета назывался не Берия, а сам Сталин. — Б. С.). Пройти, разумеется, без пропуска... Я выполнил без труда и это задание. Уйти из карцера в полицейском участке, о чем я рассказывал выше, было куда труднее.

Рассказы об этих весьма своеобразных «психологических опытах» широко разошлись по Москве. А меня продолжали «прошупывать», «проверять». Меня считали «опасным человеком».

Но ведь я не совершил в жизни ни одного непорядочного поступка.

“А вдруг сделаешь? Можно ли доверять тебе?” — в лучшем случае думал в ответ мой собеседник. А очень часто и еще хуже: “Врешь ты все... Только выпусти тебя из глаз! С такими способностями, да чтобы их для себя не использовать”.

Наконец “проверки” кончились. Видимо, не без вмешательства сверхвысокой инстанции».

Однако в журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина в 1939—1953 годах имя Мессинга ни разу не встречается. Теоретически можно предположить, что Сталин принимал Мессинга на своей даче в Кунцево — после войны большую часть времени он проводил именно там и там же принимал основную массу посетителей. Но в 1940 году на дачу приглашались только очень близкие Сталину лица, в число которых заезжий ясновидец никак не мог входить. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что Сталин и Мессинг ни разу в жизни не встречались. Столь же маловероятной представляется встреча Мессинга с Берией, поскольку проверку способностей Мессинга глава НКВД проводил якобы по приказу Сталина.

Столь же фантастическим выглядит желание Сталина услышать впечатления Мессинга о Юзефе Пилсудском и других представителях польской элиты. Пилсудский уже пять лет как был в могиле, Польша в тот момент как государство уже не существовала, и мало кто из соратников Пилсудского играл в 1940 году хоть какую-то политическую роль, даже если им и посчастливилось эмигрировать. К тому же на самом деле Мессинг польскую элиту вообще не знал, что доказывает казус с «графом Чарторыйским», случившийся в его мемуарах.

Что же касается проверки способностей Мессинга посредством получения ста тысяч рублей в банке с помощью чистого листа бумаги, то украинский журналист К. Невский убедительно доказал, что эта история абсолютно фантастична, поскольку Мессинг не имел никакого понятия о том, как в действительности выдаются крупные суммы денег в советских банках. Журналист обратился к управляющему Харьковской областной конторой Госбанка А. П. Найдену, главному кассиру указанной конторы В. Д. Босотону и главному ревизору Я. М. Прядку с просьбой прокомментировать эпизод с получением ста тысяч рублей. Они сообщили, что порядок получения крупных сумм оставался неизменным в течение нескольких десятилетий. Таким он был и в 1940 году, когда Мессинг якобы получил сто тысяч по клочку бумаги: «Чек подают бухгалтеру, у которого никаких денег нет. Потом этот документ

проходит уже внутренними каналами банка. Чек проверяют ревизоры, если сумма велика, то их не меньше двух. Дальше оформленный чек поступает к кассиру, который готовит документы, отсчитывает деньги и лишь потом вызывает клиента. Он (кассир) спрашивает у клиента его фамилию, какую сумму денег он должен получить и другие сведения (для какой организации и т.п.). Таков порядок». Таким образом, тот человек, которого будто бы гипнотизировал Мессинг, сам при всем желании взять сто тысяч рублей из хранилища не мог. Для этого ему потребовалось бы каким-то образом загипнотизировать еще несколько человек, а Мессинг никогда не говорил, что способен был передавать собственные гипнотические способности другим лицам.

Биография Мессинга, как мы уже отмечали, получила свое художественное воплощение в романе Михаила Голубкова. Понятно, что в романе не мог не отразиться, может быть, самый драматический момент в жизни великого телепата — переход советско-германской демаркационной линии в Польше. Ведь Мессинг вступил в совсем новый, незнакомый мир, где его ждала невиданная прежде слава. Он понимал, что старый мир, в котором прошли первые четыре десятилетия его жизни, гибнет безвозвратно. Если Польша и уцелеет, то после войны она в любом случае будет совсем другой страной, где возвращению уцелевших евреев далеко не все будут рады. Что ждет его в СССР, Мессинг не знал. Наверное, ему приходилось читать польские, а быть может, и немецкие газеты, где Советскому Союзу чаще всего давались самые нелестные характеристики. Но Вольф твердо знал, что евреев в СССР не притесняют. Значит, там можно было рассчитывать на защиту от захвативших Польшу немцев. Хотя многое на новой родине человеку, привыкшему к спокойной буржуазной жизни, вряд ли могло понравиться.

Вот как размышления Мессинга в связи с переходом советской границы воспроизведены в романе Михаила Голубкова «Миусская площадь»: «Мессингу казалось, что вся его жизнь в СССР состоит из одних сплошных проверок, каждая из которых могла закончиться самым плачевным образом, если бы не его удивительная способность внушать. Ее называли телепатией; что это такое, он не очень знал, да, наверное, и никто не знал. Проверки начались с первого же встретившегося советского человека, когда он в тридцать девятом перешел через подготовленное “окно” в СССР. Это был русский сержант, веселый, молодой, подозрительный и, как ему самому казалось, очень проникательный. Стоя между двумя своими солдатами, на полном серьезе державшими его на мушках допотопных

“трехлинеек”, он потребовал паспорт. Скажите пожалуйста, какой паспорт, не смешите меня! Какой паспорт? Аусвайс? Или советский? Никаких документов у него не было, переход не то границы, не то странной какой-то линии фронта между немцами и русскими (собственно Польша уже не было, над нею сомкнулись волны двух оккупаций, немецкой и советской) был нелегальным. Его организовал тот милый молодой человек, кажется, Константин, и он же сказал, что будут встречать. Встретили, как же! С винтовками! Мессинг достал из внутреннего кармана лист немецкой оккупационной газетенки и протянул сержанту: вот мой паспорт, господин офицер, все законно, не извольте беспокоиться. Тот взял газету, немного почитал, отдал обратно, козырнул и направился дальше патрулировать со своими солдатами новую государственную границу Союза ССР. А ему, Вольфу Мессингу, куда прикажете податься? Где его ждут?

На самом деле, ждали, конечно же, но не в том месте и не в то время. Тогда он еще не знал нравов своей новой родины и был крайне удивлен. Сейчас и не подумал бы удивляться! Благодарю покорно, что не расстреляли, просто так, по ошибке!

Тут и подумаешь: и зачем нужно было бежать из Польши? Скажите на милость! Да что тут скажешь, тут нет никакого вопроса. Потому что ее оккупировали немцы и стали уничтожать евреев, или сгонять в гетто. А лично на него открыл охоту Гитлер. Издал, видите ли, приказ, по которому любой немецкий солдат или офицер, обнаруживший его, должен был арестовать и доставить в штаб, откуда напрямик — в Рейхсканцелярию. И как вам это понравится? Зачем он был нужен Гитлеру, Мессинг не знал, но и совершенно не интересовался узнать, поэтому и произошла его встреча с русскими солдатами, вошедшими в Польшу с другой стороны, с восточной. Во-первых, русские не истребляли евреев, во-вторых, на него не охотился Сталин».

Далее в романе Голубкова следует известная история о том, как Мессинг предсказал появление советских танков в Берлине, а также история его ареста и побега из гестапо. Излагаются и другие испытания, которым телепата подвергли в Советском Союзе, в том числе задание выйти без пропуска из кабинета Берии, и проверка с получением ста тысяч рублей в банке, будто бы устроенная Мессингу Абакумовым уже после войны. Всё это Мессинг рассказывает редактору «Культполитпросвета» Антонине Грачевой: «А потом, уже у русских, только и делали, что его проверяли, и каждая проверка была ступенькой вверх по лестнице МГБ. Первой ступенькой был тот самый сержантик, который его чуть было не арестовал, а то и, чего доброго,

ухлопал, последней — Берия и Абакумов. И при этом никто из них не верил в его телепатические опыты!

Вы не поверите, Антонина, ну никто! Ну ни один из них! Я вам расскажу об этом тихонько, раз уж мы с вами вдвоем и теперь никто не слышит, но расскажу по секрету, и это не для широкой пропаганды, вы понимаете, да? Вот, к примеру, Берия. Лаврентий Павлович мне не верил вообще! А потом сказал: “Выйди из моего кабинета без пропуска! Тогда поверю, что ты не шпионишь!” И я вышел. Нет, я не скажу, что это было просто — выйти из этого дома. Небольшой такой двухэтажный дом, угловой. Там, насколько я сумел понять, Лаврентий Павлович живет и иногда даже работает. Вспольный переулок, если не ошибаюсь. Первый этаж — так, скорее, полуподвал. Угловой такой дом, довольно-таки старый, вы знаете. Кабинет рабочий на втором этаже. И на каждом изгибе коридора — пост. Военная охрана. Миновать его невозможно. Но я просто представил себе, что это не я иду, а идет Лаврентий Павлович. И что вы думаете? — в конце коридора сидит офицер. Видит меня, вскакивает с места, вытягивается, отдает честь. И так ваш Вольф Мессинг миновал несколько постов! На улице отдышался, перешел на другую сторону переулочка, вижу в окне... представляете себе, Тоня, совершенно ошарашенное и перепуганное лицо. Просто вжавшееся в стекло. И пенсне набок съехало... Помахал ему рукой, а у него пенсне свалилось с носа!

Или же вот Абакумов — его недавно арестовали, по-моему, нет? Такой большой и солидный мужчина, и форма ему была очень к лицу. Он, мне кажется, очень суровый и недоверчивый. И вы знаете, какую проверку он мне устроил? Ты пойдешь в банк, сказал он мне, и без всяких документов получишь в кассе сто тысяч рублей. И принесешь их мне. Сюда, в мой кабинет. Как вам такое понравится? Ну что же мне оставалось делать, я вышел из здания МГБ, пересек улицу — там как раз сберкасса — и получил эти несчастные сто тысяч. По трамвайному билету. Я дал его кассиру, такой, знаете, щуплый пожилой уже человек с пушистыми и достаточно седыми уже усами, худое такое лицо усталое, и сказал ему, что это моя сберкнижка. И что я снимаю сто тысяч рублей. Ровно сто тысяч, не больше и не меньше. Я сложил пачки банкнот в небольшой чемоданчик, опять перешел улицу и принес его Абакумову. И вы знаете, по-моему, деньги он взял себе. Но зато поверил мне и отпустил. А когда я опять вышел на улицу, то около сберкассы стояла карета скорой помощи. Тот кассир, когда увидел, что отпустил такую сумму по трамвайному билету, да к тому же еще и прокомпостированному, по-моему, умер. От разрыва сердца. Очень обидно, да...»

Конечно, тут тоже всё не соответствует действительности, даже если принять, что деньги Мессинг получал не в конторе Госбанка, где деньги давали представителям организаций, а в обычной сберкассе. В сберкассах, если речь идет о такой большой сумме, деньги заказывают заранее по ордеру клиента и выдают только на следующий день или даже позже. Клиент же, отдав ордер, должен был бы покинуть помещение сберкассы и прийти в назначенное ему время. Таким образом, Мессинг был бы лишен возможности гипнотизировать тех людей, которые подписали бы его ордер на требуемую сумму денег (очевидно, это должен был делать заведующий сберкассой).

Мессинг в романе убеждает Антонину: «Нет, Тоня, конечно же, не я убил его, а Абакумов убил. Но Абакумов мной не интересовался, вы правы, его волновали больше всего деньги. А вот Лаврентий Павлович даже очень интересовался моей скромной персоной! Особенно во время войны и сразу после. Деньги ему вовсе не были нужны. Вы знаете, он очень умный человек и придумывал интереснейшие штуки. По большей части в операциях контрразведки. Да, признаться, я ему немного помог пару раз, может быть, чуть больше, чем пару раз, но ведь кто же считает? А потом меня поздравил сам Иосиф Виссарионович с окончанием войны. Это было ровно 9 мая! Правительственная телеграмма! А что до того кассира — Тоня, мне бы не пришлось в голову брать деньги, зачем, я честный человек! И у меня достаточно денег. Я зарабатываю концертами. Эстрадой. И я вижу, что сейчас поздно и все уже ушли домой ужинать, а я пришел к вам и поэтому вы задерживаетесь на работе и тоже хотите ужинать, как все ваши друзья. И у меня нету ста тысяч, я отдал их Абакумову, но есть вполне достаточно денег, чтобы пригласить вас в ресторан поужинать. Как вы рассматриваете мое предложение?»

Слава богу, настоящий, а не романский Мессинг никого в своей жизни не убил, хотя в рассказах о нем не раз говорится о невольном убийстве людей, подвергшихся гипнозу. Но искусством гипноза он, судя по всему, вообще не владел. И в мемуарах ничего о подобных невольных убийствах, разумеется, не писал. Даже если бы такие убийства действительно имели место, то он все равно об этом бы никогда не написал, чтобы не разрушать свой идеальный образ и не отпугивать потенциальных зрителей.

Существует легенда, что Мессинг предсказал точное время начала Великой Отечественной войны. Его горячая поклонница Татьяна Лунгина вспоминала свою встречу с Мессингом незадолго до начала этой войны, на которой, как она полагала, он предсказал ее скорое начало: «Этот довольно примечательный

мужчина гипнотически притягивал к себе взгляд. Он был в дорогом сером костюме, сорочка цвета морской волны, большие роговые очки. Лохматая, словно распотрошенный кочан капусты, голова. Нос, казавшийся ему “не по мерке” — слишком широкий. Из-за слегка согнутого в пояснице туловища взъерошенная эта голова клонилась вперед с “экраном” большого квадратного лба. Руки его расслабленно свисали к бедрам, а кулаки, словно в нервном тике, то сжимались, то разжимались. Был он средних лет, не очень высокий, худощавый. Шел медленно, поминутно оглядываясь, с усилием отрывая ноги от пола. Казалось, что он кого-то ищет, но двигался неизменно к моему креслу. Приостановился, заметил меня и, уже не оглядываясь, направился в мою сторону.

Подошел ко мне, и я увидела его глаза: пронзительные, ироничные, с бесовскими искорками и чуть усталые.

Мужчина, мягко улыбаясь, сказал:

— А шейн мейделе... (Красивая девочка).

Я смутилась от похвалы. А он на плохом русском языке спросил, как меня зовут. Я ответила, что настоящее мое имя Тауба (что значит “голубь”), но обычно зовут меня Таней.

— Тайболе..? — переспросил он. — Голубушка..? Ты кого-то ждешь? Зачем ты тут сидишь?

Полузакрыв глаза и еще ниже опустив голову, слушал мой ответ... Нижняя губа его полуоткрытого рта нервно вздрагивала, брови сдвинулись к переносице, и в глазах — щемящая сердце тоска.

— Нет! — сказал он громко, почти выкрикнул. — Нет! Ничего этого уже не будет!

— Чего не будет? — спросила я незнакомца испуганно.

— Ничего: ни фильма, ни поездки, НИ-ЧЕ-ГО!.. И надолго!

Произнес он свою краткую тираду тоном пророка — внушая мне мистический страх своей безапелляционностью.

Так, видимо, волхвы и кудесники предсказывали людям беды... Ничего больше не добавив, той же медленной тяжелой походкой он ушел к лифту, а я осталась, ошарашенная и неожиданным его появлением, и таким же мгновенным исчезновением, напуганная этим апокалиптическим “НИ-ЧЕ-ГО!”.

Эту фразу, если, конечно, Лунгина ее не придумала, она интерпретирует как предсказание скорого начала войны. Однако при ближайшем рассмотрении под нее можно подвести множество событий — и войну, и тюрьму, и тяжелую болезнь. Словом, опытный ясновидящий должен уметь предсказывать коротко и неясно — именно так, как в свое время Наполеон инструктировал юристов, писавших конституцию его империи: «Пишите коротко и неясно».

А вот портрет Мессинга, судя по сохранившимся фотографиям, Лунгина запомнила и нарисовала в своих мемуарах довольно точно. Великий телепат отнюдь не выглядел красавчиком-сердеедом. Если он и привлекал внимание публики, в том числе женщин, то не красотой, а скорее даже уродством. И еще — некой старорежимной внешностью, стремлением одеваться не броско, но элегантно, в дорогие, хотя и не самые модные костюмы. Одетый по последней моде Мессинг наверняка смотрелся бы диковато, а вкус, как художественный, так и применительно к одежде, чисто бытовой, у Вольфа Григорьевича, несомненно, был.

Глава шестая
ЧТО ТАКОЕ ГИПНОЗ?

Среди восторженных эпитетов, которыми Мессинга наделила молва — телепат, ясновидец, чародей, — встречается и слово «гипнотизер». Многим оно кажется особенно притягательным; ведь если телепатия предполагает, так сказать, пассивное воздействие на людей, то гипноз — воздействие активное. По расхожему мнению, с его помощью можно полностью подчинить себе человека, превратив его в пассивное орудие своей воли. К тому же телепатом можно стать, лишь имея врожденные способности, а владение гипнозом — результат определенных методик. Сегодня подобными методиками пытаются воспользоваться в своих целях спецслужбы, политики, криминальные круги и даже пиарщики, навязывающие населению всевозможные товары и услуги. Особенно популярно в наши дни нейролингвистическое программирование (НЛП), которое не является гипнозом в прямом смысле, но использует для оказания влияния на людей вполне гипнотические методы. Всё это еще больше увеличивает интерес к гипнозу, а заодно и к личности Вольфа Мессинга, которого многие считают выдающимся гипнотизером.

При этом сам Мессинг никогда так себя не называл. В Советском Союзе он не мог выступать с сеансами гипноза, поскольку они были запрещены. К тому же психологические опыты с чтением мыслей смотрелись на сцене куда эффектнее, чем обыкновенный гипноз. У нас нет данных, что Мессинг когда-либо выступал с сеансами гипноза и в Польше. В единственном известном сегодня интервью Мессинга польской газете в 1930-е годы он довольно много говорил о гипнозе, однако ни он сам, ни интервьюер гипнотизером его не называют. Наоборот, Мессинга именуют «известным телепатом». Хотя в том же интервью Мессинг утверждает, что выступал с демонстрацией каталепсии, а это одна из разновидностей самогипноза.

В своих мемуарах Мессинг много рассуждает о гипнозе. Он указывает, в частности, что порой гипнотизеры превращаются

в настоящих шарлатанов. Таковыми, например, Мессинг считал спиритов и многих других ясновидцев, которые гипнотизировали публику, а затем убеждали ее, что действительно разговаривали с душами умерших.

А что же говорит о гипнозе современная наука?

Научная литература по этой теме существует с XVIII века. Она практически необозрима и растет в геометрической прогрессии.

По-гречески слово «гипноз» означает «сон». Под этим явлением понимают временное состояние сознания, в котором оно фокусируется на объекте внушения. Состояние гипноза является следствием либо специального воздействия со стороны гипнотизера, либо целенаправленного самовнушения. Под гипнозом также понимают методы целенаправленного словесно-звукового воздействия на психику человека через заторможенное определенным способом сознание, приводящее к бессознательному выполнению различных команд и реакций. Человек при этом погружается в гипнотический псевдосон.

Гипноз — это одновременно и сон, и внушение. Для наступления такого сна необходимо, чтобы человек расслабился и уснул, добровольно подчиняясь словесным командам гипнотизера. Гипноз — это способность внушать свои мысли окружающим и подчинять их своей воле.

До сих пор среди ученых нет единого мнения, может ли искусство гипноза при определенной тренировке освоить каждый желающий, или для того, чтобы стать гипнотизером, надо обладать особыми гипнотическими способностями. Большинство исследователей склоняются к последней точке зрения.

Физиологическое объяснение явления гипноза заключается в следующем. В состоянии бодрствования в коре головного мозга преобладает процесс возбуждения, в состоянии сна — процесс торможения, а гипноз — это очаг возбуждения в заторможенной коре. Вся кора спит, но команды гипнотизера поступают в мозг через этот очаг. Спящий мозг не в состоянии критически осмыслить их и поэтому гипнотизируемый выполняет эти команды, тут же забывая об этом. Теория достаточно удобная для объяснения, но она сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, гипноз по Павлову — это всегда сон. Следовательно, для того чтобы привести человека в гипнотическое состояние (торможение коры головного мозга с очагом возбуждения в ней) и начать им управлять, его надо сначала усыпить. Во-вторых, далеко не всякий человек засыпает под действием словесных увещаний и пассов гипнотизера. Поэтому используются такие понятия, как «гипнабельность» (способность человека погружаться в гипнотический сон) и

«внушаемость» (способность человека некритично выполнять приказы гипнотизера).

Мозг уснувшего воспринимает только словесные приказы гипнотизера и беспрекословно выполняет их. Человек не может в таком состоянии мыслить критически, поскольку сознание спящего заторможено и в значительной части отключено.

В науку понятие гипноза вошло после опытов австрийского психолога Франца Антона Месмера (1734—1815). Он увлекался мистикой и лечил своих пациентов магнитами. Однажды он обнаружил, что пациенты излечиваются от истерии, даже не прикасаясь к магнитам. Тогда Месмер выдвинул гипотезу «животного магнетизма», который берет свое начало на других планетах. Заряжаясь этим магнетизмом от планет и излучая его на других людей, человек воздействует на течение физиологических процессов и изменение поведения. Впоследствии эта гипотеза оказалась ошибочной — исцеление невротических больных происходило не благодаря мифическому «животному магнетизму», а вследствие их веры в могущество врача, который гипнотизирует при помощи плавных и медленных пассов.

Месмер, несомненно, обладал даром внушения. Он утверждал, что животный магнетизм «должен передаваться прежде всего посредством чувства. Только чувство позволяет постигнуть эту теорию. Так, например, больной, привыкший к воздействию, которое я на него оказываю, способен понять меня лучше, чем кто-то другой». При этом Месмер избегал каких-либо эмоциональных отношений с пациентами и старался с ними не разговаривать, лишь наблюдая за их телодвижениями. Но все равно между ним и пациентом неизбежно возникала психологическая связь. Со времен Месмера гипноз использовали прежде всего для лечения невротических больных.

Первые собственно научные попытки гипноза относятся к 40-м годам XIX века. Их провел английский хирург Джеймс Брэд. Он полагал, что гипноз — это тот же человеческий сон, только вызванный искусственно, поэтому сначала назвал его «искусственным сном». Позднее он ввел ныне широко известный термин — гипноз.

Человек, находящийся в гипнотическом сне, безучастен к большинству внешних раздражителей. В этом он подобен обычному спящему. Но у загипнотизированного остаются отдельные бодрствующие участки мозга, через которые он поддерживает тесную словесную связь с гипнотизером. При этом он и в состоянии гипноза не способен совершить поступок, который противоречит его морально-нравственным убеждениям. Каждое слово действует как беспрекословный приказ и принимается на веру без подтверждения. В частности, загип-

нотизированный человек может петь, даже если ранее он никогда не пел. Доверяя гипнотизеру, он открывает глаза (не выходя из гипнотического сна), принимает чужого человека за своего брата (отца, сына, жену, дочь, старого друга и т. д.).

Гипнотизер также вызывает у гипнотизируемого мнимые болезни, которые называют психогенными. С этим связано использование гипноза в качестве важного терапевтического средства. Так, гипнотизер может вызвать паралич ног, единственной причиной которого служит то, что в мозгу больного образовался стойкий очаг торможения, который выключил из работы нервные клетки, руководящие движением ног.

Обладая такой силой внушения, врач-гипнотизер может простым словом лечить самые разные заболевания, но только те, которые имеют невротическое происхождение и тесно связаны с расстройством нервной системы. Ведь тот же самый паралич ног может вызываться тем, что в мозгу больного и без всякого участия гипнотизера возник стойкий очаг торможения, который выключил из работы нервные клетки, отвечающие за движение нижних конечностей. Такой паралич только гипнотическим внушением и можно по-настоящему излечить.

Немало подобных случаев приведено в книге известного советского и российского психотерапевта Владимира Евгеньевича Рожнова «Гипноз и чудесные исцеления». Здесь известный врач рассказывает о случае из своей практики. Например, женщина после нервного потрясения перестала ходить. В ходе лечебного гипноза, в глубоком гипнотическом сне ей внушалось: «Вы поправились. Вы можете и будете ходить. Вы уверены в себе. Вы здоровы». Уже после четвертого сеанса больная, пробудившись, самостоятельно встала на ноги и без посторонней помощи вышла из кабинета. Разумеется, лечить с помощью гипноза можно только тех людей, которые поддаются гипнотическому внушению. Однако только такие люди обычно и страдают неврозами.

Мессинг тоже врачевал пациентов с помощью внушения. Об этом вспоминали люди, хорошо знавшие Вольфа Григорьевича. Излечить ему удавалось либо паралитиков, либо лиц, страдающих частыми головными или иными болями. Однако точно неизвестно, использовал ли он методы гипноза или иные методы внушения.

Различают три степени глубины гипнотического сна: сонливость, гипотаксия (подчинение) и сомнамбулизм (снохождение). При гипотаксии подвергшийся гипнозу человек не способен делать произвольные движения. В этом состоянии ему можно, например, придать необычную позу, которую он никогда не сумеет принять в обычном состоянии. Например,

поднять его ногу и завести ее за голову. В таком положении он может оставаться в течение многих часов, пока гипнотизер не даст команду изменить положение. В обычном состоянии подобные чудеса акробатики обычному человеку оказываются не под силу. А вот при третьей ступени гипноза, самой глубокой, человеку-сомнамбуле можно внушить самые различные образы-галлюцинации, в том числе зрительные, слуховые и обонятельные.

По приказу гипнотизера сомнамбула может ходить по комнате с открытыми глазами, выполнять разнообразные задания. Он способен перевоплощаться в других людей, не чувствовать боли. По некоторым оценкам, эта степень гипноза достижима лишь у четверти людей. Врачи-гипнологи утверждают, что при глубоком гипнозе человек может вспомнить то, что, казалось бы, навсегда им забыто. Так, немецкий врач Левенфельд наблюдал, как пожилая женщина в состоянии глубокого гипноза с легкостью танцевала бальные танцы, которыми увлекалась в молодости и не пробовала танцевать уже два десятилетия. После пробуждения она отказывалась верить, что с легкостью проделывала все давно забытые па и чувствовала себя юной, полной сил девушкой.

В состоянии глубокого гипноза человека можно убедить в том, он не тридцатилетний взрослый мужчина, а всего лишь маленький пятилетний мальчик, или что он вообще не мужчина, а женщина.

Гипноз широко используется в медицинских целях. С помощью гипноза лечат разного рода неврозы, а также избыточный вес и ожирение, заикание, депрессии, страхи, отсутствие аппетита, перепады настроения, ощущение одиночества, паники и тревоги, алкогольную и никотиновую зависимость, а также зависимость от телевизора или Интернета и игроманию — то есть практически все заболевания или состояния, которые вызываются изменениями человеческой психики. Гипноз может применяться и для обезболивания во время операций. В апреле 2008 года уникальную хирургическую операцию на правой руке без анестезии перенес 61-летний англичанин Алекс Ленкей, работающий гипнотизером. Он сам обезболит себя. Во время операции, продолжавшейся 83 минуты, гипнотизер, по его собственным словам, прекрасно осознавал, что происходит, но совершенно не испытывал неприятных ощущений. Между тем операция, проведенная в городе Уэртинг на юге Англии, была достаточно сложной и без наркоза должна была причинить острую боль: Ленкею извлекли одну из костей из основания большого пальца правой руки и поработали с суставами с целью уменьшить последствия артрита.

Хирург-ортопед Дэвид Хлевелин-Кларк заявил, что легко согласился на самоанестезию пациента, который официально практикует гипноз с шестнадцатилетнего возраста. А сам Ленкей заявил, что операция «прошла невероятно успешно». «У меня ушло от 30 секунд до минуты на то, чтобы погрузить самого себя в состояние гипноза — и с этого момента я почувствовал очень глубокую расслабленность, — рассказывал гипнотизер. — Я понимал, что происходит вокруг: люди разговаривали, а в какой-то момент стали применять долото и молоток и хирургическую пилу, но я боли не чувствовал». Во время операции под рукой у медперсонала были анестетики — на случай, если что-то пойдет не так. Но применять их не пришлось.

От классического гипноза отличают так называемый эриксоновский гипноз — по имени американского врача Милтона Эриксона, который вводил человека в транс (а это, в отличие от классического гипноза, можно сделать практически с каждым). В состоянии транса человек смещает фокус внимания «внутри себя», концентрируется на своих внутренних переживаниях и на время перестает воспринимать окружающую реальность. В этот момент дыхание пациента замедлено, тело расслаблено и личность наиболее восприимчива к любому внушению. Эриксоновский гипноз — это тоже способ неосознаваемого внушения. Однако, в отличие от классического гипноза, эффективность эриксоновского гипноза никогда не проверялась специальными экспериментальными исследованиями, поэтому сама возможность гипноза в состоянии транса остается под большим вопросом. Скорее можно сказать, что Эриксон и его последователи работали и работают примерно так же, как психоаналитики, внушая пациентам веру в себя, а также в то, что они могут объяснить и тем самым излечить их недуг. Сам Эриксон, например, лечил больных рассказами и притчами, в которые вкладывал убеждение. Эриксон утверждал, что горькую пилюлю легче проглотить, если она заключена в сладкую облатку. Прямое морализаторство чаще всего вызывает отторжение, тогда как рассказ, сказка, притча или миф воздействуют на подсознание. А перед тем как рассказывать историю, Эриксон приводил пациента в состояние гипнотического транса.

Когда сеанс заканчивался, пациенты чувствовали облегчение. Они впадали в состояние катарсиса (по-гречески — «очищение»), освобождаясь от негативных эмоций, чувства тревоги, получая эмоциональную разрядку. Можно сказать, что и Мессинг на своих сеансах добивался катарсиса, по крайней мере, у значительной части зрителей. И в этом был один из секретов необычайной популярности его психологических опытов.

Помимо применения для врачебных целей, гипноз издавна стремились использовать для раскрытия особо сложных преступлений. Однако за последние сто лет никаких осязаемых результатов это не принесло.

В 1923 году немецкий врач Вальтер Якоби опубликовал статью, где доказывал, что в большинстве случаев применение гипноза для того, чтобы получить от подозреваемого или свидетеля правдивые показания, является бесполезным, так как загипнотизированные могут лгать столь же целесообразно, как и в бодрствующем состоянии. По мнению Якоби, «известные защитные механизмы индивидуума, обнимающие самое сокровенное ядро его личности, не могут быть разрушены подобным путем».

Другой немец, Ганс Шнейкерт, выпустил в 1924 году в Берлине монографию «Тайна преступника и пути к ее раскрытию», посвященную технике получения признания от обвиняемого. Он писал: «Обвиняемые сами неоднократно изъявляли готовность подвергнуться гипнотизированию и быть допрошенными в состоянии гипноза, желая этим создать доказательство того, что у них на душе нет ничего затаенного. Но и такой прием едва ли мог бы быть признан допустимым с юридической точки зрения, не только потому, что трудно установить, не было ли симуляции гипнотического состояния, но и потому, что лицо, лишенное свободного волеопределения, хотя бы искусственным путем, не может рассматриваться как допустимый свидетель на суде».

В 1951 году ООН провела в Брюсселе семинар, посвященный возможностям применения гипноза в криминалистике. Его выводы сводились к следующему: «Абсолютно необходимо, чтобы во всех системах права закон предусматривал, что органы, производящие расследование, не должны прибегать к каким бы то ни было методам, могущим ослабить волю преступника или его способность разбираться в происходящем, как, например, обману или гипнозу, применяемым хотя бы с согласия испытуемого...» К тем же выводам пришли участники двух других семинаров на ту же тему, организованных ООН в 1958 и 1960 годах.

В СССР применение гипноза регламентировалось тремя нормативными актами. Так, в статье 18 Постановления ВЦИКа и ЦО РСФСР от 1 декабря 1924 года «О профессиональной работе и правах медицинских работников», не отмененной до сих пор, указывалось: «Применение гипноза разрешается только врачам и в соответствующих государственных лечебных и научных учреждениях... на основании особой инструкции, издаваемой Народным Комиссариатом Здравоохранения по соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции».

Инструкция по «применению гипноза», утвержденная Наркомздравом и Наркоматом юстиции РСФСР 30 декабря 1924 года, разрешала гипнотизирование только с лечебной целью и только врачам-специалистам, с подробным отражением всех действий и результатов в истории болезни пациента и в специальной книге сведений о сеансе. При гипнотизировании на дому обязательным было присутствие второго медицинского работника либо близкого родственника больного, чтобы исключить любые злоупотребления со стороны гипнотизера.

Циркуляр Наркомздрава РСФСР № 90 от 19 апреля 1923 года «О запрещении публичных демонстраций гипнотических сеансов» предусматривал: «Нельзя публично гипнотизировать больных и еще менее позволительно производство эксперимента на здоровых людях без врачебных к тому показаний... Публичные демонстрации явлений гипнотизма никому не должны быть разрешаемы; чтение же популярных лекций по гипнозу может быть дозволено лишь врачам-специалистам, посвятившим себя изучению и работе в области психотерапии вообще».

Министерство здравоохранения СССР в 1989 году, в обход этих норм, дало согласие на проведение психотерапевтом Анатолием Кашпировским психопрофилактических бесед по телевидению. Однако через год эти сеансы были запрещены, поскольку на практике являлись неконтролируемым гипнотическим внушением на многомиллионную аудиторию, среди которой было немало людей, которым гипноз вреден. Ведь гипноз категорически противопоказан лицам, страдающим шизофренией, маниакально-депрессивным расстройством и рядом других разновидностей психозов. Сеансы Кашпировского провоцировали у таких людей обострение болезни.

Применение гипноза в современной России регламентируется приказом № 245 министра здравоохранения и медицинской промышленности РФ от 13 июня 1996 года «Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия». В приказе, в частности, говорится:

«1. Руководителям органов здравоохранения субъектов Российской Федерации, руководителям учреждений здравоохранения федерального подчинения, включая научно-исследовательские, лечебно-профилактические и образовательные, не допускать пропаганды и использования в целях оздоровления, профилактики, лечения и реабилитации:

1) не разрешенных Министерством здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации методов и методик психологического и психотерапевтического воздействия;

2) методов и средств оккультно-мистического и религиозного происхождения.

2. Руководителям органов здравоохранения субъектов Российской Федерации обеспечить строгий контроль за соблюдением части шестой статьи 57 Основ законодательства об охране здоровья граждан о запрещении проведения сеансов массового целительства, в том числе с использованием средств массовой информации; принимать все предусмотренные законом меры при выявлении нарушителей.

3. Применение разрешенных Министерством здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации методов и методик психологического и психотерапевтического воздействия допускается только при наличии лицензии на данный вид деятельности в учреждениях здравоохранения, при условии тщательного отбора пациентов на индивидуальном приеме.

4. К работе по указанным методам и методикам допускаются специалисты, имеющие соответствующую подготовку по психиатрии, наркологии, психотерапии, медицинской психологии и получившие в установленном порядке сертификат специалиста по указанным специальностям».

Таким образом, применение гипноза разрешено только врачам-специалистам, лишь в медицинских целях и только в стенах медицинских учреждений.

Н. Н. Китаев в своей книге о Мессинге приводит случай, когда сам следователь был привлечен к уголовной ответственности за использование гипноза в процессе дознания. Некто Л. И. Захаров, следователь 12-го участка военного трибунала Южного округа путей сообщения, занимавшийся делом о получении угля посредством подложных чеков в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск), «с целью всестороннего исследования дела и ввиду того, что обвиняемые отказывались назвать своих соучастников», в сентябре 1923 года подверг гипнотическому усыплению обвиняемых Максима Похалюка и Александра Ходушкина. В приговоре Екатеринославского окружного суда ход событий изложен следующим образом: «Следователь Захаров, пригласив для производства гипнотического усыпления гастролировавшего в то время в Екатеринославе специалиста по гипнотизму врача Котковского, предложил следователю Павловскому и врачу Михштейнштейну быть понятыми при гипнотическом сеансе. При этом врач Котковский перед началом сеанса предупредил обвиняемых, что усыпление возможно лишь при условии их полного согласия, которое они дали. Когда обвиняемый Похалюк стал впадать в сонное состояние, с ним произошел истерический при-

падок, выразившийся в сильном душевном волнении и сопровождавшийся отдельными выкриками: “я не виноват”, “губят мою молодость и честь”... При этом Похалюк судорожно бился всем телом о нары, на которых он лежал во время сеанса».

В результате был составлен акт о том, что «явления эти вызваны действием гипноза на психику Похалюка, действовавшего в силу отсутствия внутренней воли при даче согласия подвергнуться гипнотическому усыплению, и так как продолжение сеанса усыпления могло отразиться и в его дальнейшей жизни тяжелыми психическими осложнениями, сеанс был прерван и Похалюк был приведен в нормальное состояние». Аналогичные явления стали происходить и при усыплении обвиняемого Ходушкина, чья гипнотизация была немедленно прервана.

Суд, «имея в виду, что такое применение способа допроса подследственных является явно незаконным и противоречащим нашим уголовно-процессуальным нормам и всей нашей уголовной политике, признал Льва Иосифовича Захарова виновным в том, что, будучи следователем, допустил незаконный допрос подследственных путем их гипнотического усыпления, чем причинил им душевную и физическую боль, то есть виновным в преступлении, предусмотренном 112 ст. УК» (эта статья карает за принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер. — Б. С.). Захаров получил один год лишения свободы условно.

Сторонником использования методов гипноза в интересах следствия был профессор М. В. Гаккебуш, который в 1920-е годы возглавлял секцию криминально-психологических и психопатологических исследований киевского Института научно-судебной экспертизы. Он утверждал: «Наши эксперименты не являются новыми. Литература весьма богата подобными опытами. Но я считаю необходимым вновь вернуться к ним, так как мы в настоящее время подходим вплотную к вопросу о применении гипноза в следствии для обнаружения истины. Я лично считаю возможным утвердительно отвечать на данный вопрос».

Гаккебуш описал несколько случаев, когда от пациентов, погруженных в глубокий гипноз, врачи смогли получить сведения компрометирующие их (в том числе признание в гомосексуальных наклонностях, перечисление фамилий тех, кто нарушал режим в больнице, признания, что героические эпизоды их биографии вымышлены, и т. д.). Профессор так аргументировал применение методов гипноза при ведении следствия: «Выдвигавшиеся некоторыми принципиальные возражения против применения гипноза в целях следствия по мотивам будто бы неэтичности такого применения едва ли заслужива-

ют внимания. Почему этично определить наличность, допустим, в легком или мышце потерпевшего пули, всаженной ему туда напавшим бандитом, и неэтично прибегать к гипнозу для того, чтобы помочь выяснению вопроса, кто из двух подозреваемых совершил то или иное убийство?

Говорят, что гипноз недопустим, потому что, допрашивая человека в гипнотическом состоянии, мы лишаем его права не отвечать вовсе на задаваемые ему вопросы (право, даваемое судом). Полагаю, что и с этим едва ли можно согласиться. Нельзя же ставить в зависимость от желанья или нежеланья правонарушителя самую возможность открытия истины. Наконец, возьмем тот перекрестный допрос, которым подвергают следователи, а потом и стороны подозреваемого, допрос, во время которого нередко удается уличить во лжи обвиняемого или свидетеля. Ведь если бы было возможно прислушиваться к желанью допрашиваемого, то нет никакого сомнения, что это согласие ведущий следствие получал бы очень редко. Тут невольно напрашивается сравнение с мастерским изображением следствия, данным Достоевским в “Преступлении и наказании”. Вспомните Порфирия, этого талантливейшего следователя. Его манера доискиваться правды, вызывающая у нас восхищение, едва ли свободна от тех упреков, которые, как я только что указал, высказываются в отношении гипноза».

Гаккебуш пытался использовать гипноз тайно, чтобы лица, подвергающиеся гипнотическому воздействию, не знали об этом. Тогда «не должно и не может быть еще никакого подозрения у испытуемых, что такое исследование может послужить материалом для следствия». Однако его аргументы не были приняты ни советскими, ни зарубежными криминалистами. И главным было здесь даже не явное нарушение гражданских прав подследственных и свидетелей — это советских следователей никогда не смущало. Главное было в другом: не было никаких гарантий, что даже в состоянии глубокого гипноза гипнотизируемый будет говорить правду. Наоборот, существовала очень большая вероятность того, что в таком состоянии подозреваемый или свидетель будет легко подвержен галлюцинациям или подсознательному внушению допрашивающего. Поэтому его ответы чаще всего оказываются весьма далеки от истины. Речь ведь идет о расследовании обычных уголовных преступлений. В этой сфере в СССР в 1920-е годы прошлого века, в отличие от сегодняшней России, фальсификации еще не были широко распространены. Да и фальсифицировать доказательства можно было и без применения гипноза, например, путем давления на свидетелей. В поимке же настоящих преступников гипноз никак не помогал.

После того как его взгляды подверглись резкой критике в стране и за рубежом, В. М. Гаккебуш в 1928 году изменил позицию. Теперь в учебнике, предназначенном для медицинских и социально-экономических вузов, он уже гораздо более осторожно оценивал возможности гипноза в криминалистике: «Возникает вопрос — можно ли полагаться на показания в состоянии гипноза и стоит ли прибегать к гипнозу в тех случаях, когда нужные показания нельзя получить другим путем?.. Полагаться на такого рода показания нельзя». В итоге Гаккебуш пришел к вполне обоснованному выводу: «Применение гипноза в целях установления судебной истины практически мало применимо. Там, где оно и осуществимо, оно дает результаты сомнительные, в смысле своей достоверности».

Столь же упорно ходят слухи, что гипноз активно используют для получения конфиденциальной информации разведки и другие спецслужбы во всем мире. Однако никаких убедительных доказательств этому до сих пор получено не было. Впрочем, спецслужбы умеют хранить свои секреты.

Тогда же, в 1920-е и 1930-е годы, в СССР выступал с сеансами эстрадного массового гипноза московский врач Н. А. Смирнов, использовавший сценический псевдоним «Орнальдо». Ходили упорные слухи, что он является сексотом НКВД. Справедливы ли эти слухи, не выяснено до сих пор. Зато хорошо известно, что дочь Смирнова Антонина была замужем за Виктором Абакумовым, возглавлявшим Министерство государственной безопасности СССР, и вместе с ним была арестована в 1951 году. Интересно, что их сын, известный психиатр Игорь Смирнов, вплоть до своей внезапной смерти в 2005 году активно занимался проблемами гипноза и, в частности, нейролингвистического программирования.

Возможно, единственный хорошо задокументированный случай попытки использования гипноза спецслужбами связан с именем академика Андрея Дмитриевича Сахарова. В 1993 году в «Независимом психиатрическом журнале» было опубликовано интервью В. Е. Рожнова, посвященное его встрече с А. Д. Сахаровым в 1984 году в Горьком, куда академик был сослан за критику советского вторжения в Афганистан. Рожнов честно признался, что в Горький был направлен Министерством здравоохранения СССР, чтобы добиться изменения «средствами психотерапии» установки академика на продолжение голодовки, которую Сахаров объявил в связи с отказом выпустить в США членов его семьи. Психиатр рассказывал: «Обсуждая в больнице возможность применения методов психотерапии — гипноза и аутогенной тренировки, я сказал, что для этого необходимо неременное согласие пациента. По сообра-

жениям этическим в первую очередь. К тому же нельзя воздействовать на человека каким-то образом со стороны, для достижения эффекта требуется его желание подвергнуться воздействию. Если бы какой-то врач и решился проводить гипноз без согласия пациента, — это было бы только безответственной халтурой...

Когда меня познакомили с пациентом и мы провели несколько бесед, я спросил его — согласен ли он на применение гипноза. Получив категорический отказ Сахарова от гипнотерапии, я никаких сеансов гипноза с ним, естественно, не проводил. Была сделана попытка предложить Андрею Дмитриевичу обучиться методу психической саморегуляции, самовнушения, что лежит в основе аутогенной тренировки, поскольку он страдал бессонницами. Методики широко известны и применяются не только в медицине, но и в спорте, педагогике и т. д. Я надеялся, что это поможет устранить нарушения сна. Для обучения была предложена кандидатура ассистента нашей кафедры (теперь доцента) Ю. Л. Покровского, который тоже был приглашен в Горький. Но и от этого А. Д. Сахаров отказался».

По прошествии многих лет не все участники описываемых событий были живы или расположены к откровенности. Однако доцент Ю. Л. Покровский охотно пошел на сотрудничество с Н. Н. Китаевым и не только выслал ему ксерокопию интервью В. Е. Рожнова «Независимому психиатрическому журналу», но и согласился рассказать о встречах с Сахаровым. Юрий Львович вспоминал: «Первая моя поездка была весной 1984 года, когда А. Сахаров объявил голодовку и находился в областной больнице. В. Рожнов был там уже 2—3 дня, он вызвал меня для его замены. Задача действительно стояла, чтобы с помощью психического воздействия заставить А. Сахарова прекратить голодовку. В день моего приезда В. Рожнов уезжал. Он посвятил меня в проблему и сказал, что несколько раз только беседовал с А. Сахаровым и что гипнозом здесь ничего не сделаешь, так как в такой обстановке ввести в трансовое состояние человека невозможно (следовательно, Ю. Л. Покровский предполагал провести с А. Д. Сахаровым эриксоновский гипноз. — Б. С.). И хотя прямо о гипнотизации А. Сахарова он не говорил, я понял, что он этого не делал. В. Рожнов предложил попробовать позаниматься с А. Сахаровым аутогенной тренировкой и, может быть, внушить ему прекратить голодовку.

В палате у А. Сахарова я был всего четыре раза. Первый раз в составе группы врачей, где меня представили А. Сахарову невропатологом. Затем еще раз я был в его палате при обследовании врачом-терапевтом А. Сахарова. Только третий раз я был с

ним один на один, проверил его рефлексы (я ведь был представлен невропатологом) и, чтобы лучше войти в контакт, поговорил с ним на философские темы, в частности, о сложности строения головного мозга (от этого разговора получил огромное удовольствие). Идея о проведении занятий по аутогенной тренировке с А. Сахаровым отпала, так как в таких условиях и с таким настроем самого А. Сахарова это делать было невозможно, как и проводить гипноз. На совещаниях у главного врача обсуждалась возможность других приемов психологического воздействия — внушение А. Сахарову при обследовании различными специалистами о уже начавшихся необратимых нарушениях в различных органах и т. п. Четвертый раз присутствовал в палате с главным врачом, другими врачами и группой медицинских сестер, когда А. Сахарову предложили прекратить голодовку и принять пищу... Летом этого же года А. Сахаров вновь объявил голодовку. Меня опять направили в г. Горький на неделю, но никаких контактов с А. Сахаровым не было. Таким образом, с А. Сахаровым никаких сеансов гипноза мною не проводилось, и, по-моему, В. Рожновым тоже».

Случай с академиком Сахаровым доказывает, что ни классический, ни эриксоновский гипноз невозможно применять против воли гипнотизируемого. Практически это делает гипноз бесполезным не только при расследовании преступлений, но и для получения какой-либо разведывательной или контрразведывательной информации. Ведь источник такой информации практически невозможно будет уговорить добровольно подвергнуться гипнозу. А гипноз, проводимый тайно от гипнотизируемого, без его ведома и согласия, никакого эффекта дать не может, поскольку ни в транс, ни в гипнотический сон человека ввести не удастся.

Весьма распространенным является мнение, что во время сеанса гипноза гипнотизер нередко принуждает пациенток к сексуальной близости. На практике дело обстоит не так просто. В частности, в апреле 1928 года в Ленинграде состоялся громкий судебный процесс над доктором Удальцовым из клиники Военно-медицинской академии. Пациентка К., страдавшая истерическим неврозом, приводилась Удальцовым в состояние гипнотического сна. Впоследствии она забеременела и сделала аборт. К. уверяла, что первоначально врач имел с ней сексуальную близость «под гипнозом», а затем она продолжала эту связь во время неоднократных встреч уже без гипноза. Удальцов же, признавая «некоторое этическое нарушение», настаивал, что не пользовался гипнозом, когда склонил К. к сексуальной близости.

В качестве экспертов суд привлек восьмерых крупнейших невропатологов Ленинграда, которые после трехчасового совещания пришли к выводу: пациентка только в том случае могла не почувствовать в гипнотическом сне, что с ней вступают в сексуальный контакт, если бы сон достиг летаргической стадии. Однако экспериментами, проведенными еще во время предварительного следствия, было надежно установлено, что такой стадии сон пациентки К. не достигал. Удальцов получил два года лишения свободы не за изнасилование с применением гипноза, а всего лишь за должностное преступление, то есть за использование своего должностного положения для того, чтобы склонить пациентку к сексуальной близости.

В том же 1928 году в Ростове-на-Дону была опубликована статья немецкого профессора Рекке «Изнасилование в гипнозе». Некая Анна Н. после серии гипнотических сеансов обвинила врача Х. в том, что в состоянии гипноза он уводил ее в безлюдную местность, где изнасиловал. В своих показаниях пациентка очень подробно описала свою сексуальную связь с доктором и сообщила, что вынуждена была сделать аборт. Доктор Х. не отрицал, что имел сексуальную связь с пациенткой, но утверждал, что это происходило добровольно и без всякого гипноза. Расследование доказало, что Анна страдает истерией и склонна ко лжи, а ее связь с врачом была добровольной. Заявление же о беременности и последующем аборте является плодом ее большого воображения.

Профессор Рекке в связи с этим сделал вывод о том, что «при обвинениях в преступлениях в гипнозе необходимо предполагаемую жертву подвергать психиатрическому исследованию... Гипнотическим внушением нельзя заставить субъекта совершить такие поступки, которые противоречат основному складу его личности; в тех же случаях, когда внушаемое гармонирует с личностью, оно достигается без особого труда и без гипноза».

Профессор Н. Проппер так объясняет живучесть слухов об изнасилованиях под гипнозом: «Самый сеанс гипноза, обстановка, в которой гипноз происходит, очень часто у различного рода лиц с психопатическими чертами, у истерических субъектов вызывают ряд фантазий, иногда и сексуального порядка, которые затем могут быть представлены после гипнотического состояния как реализованный акт. Подобные случаи в литературе описаны, и поэтому даже установилось такое правило, что у лиц с психопатическими чертами и особенно у истеричек гипноз должен производиться не иначе, как в присутствии свидетелей».

Столь же распространено мнение, будто к гипнозу широко прибегают лидеры различных религиозных сект. Однако, как

отмечает Николай Китаев, «до нынешнего дня в России нет ни одного достоверно установленного случая применения гипноза в деятельности религиозных групп».

Различают три стадии, или фазы, гипноза:

1. Каталептическая фаза, когда гипнотизируемый неподвижен, глаза у него открыты, а взгляд устремлен в одну точку. Конечноности на этой стадии сохраняют придаваемое им положение, часто такое, которое данный человек никогда бы не смог им придать в обычном состоянии.

2. Летаргическая фаза, когда гипнотизируемый теряет чувствительность, мускулатура у него расслабляется и он впадает в глубокий сон.

3. Сомнамбулическая фаза, когда гипнотизируемый приходит в вялое состояние, но сохраняет мышечную активность. Мыслительные способности на этой стадии самостоятельно проявляться не могут. Человек превращается в сомнамбулу. Он становится похож на автомат, выполняющий любые, даже самые невероятные, приказы гипнотизера, но после пробуждения ничего об этом не помнит.

В мемуарах Мессинг утверждал: «Я... владею умением приводить себя в состояние катаlepsии. Это древнее искусство, которым превосходно владеют индийские йоги. Катаlepsия — это состояние полной неподвижности с абсолютно застывшими членами и абсолютной одеревенелостью всех мышц. Когда я вхожу в состояние катаlepsии, меня можно положить затылком на один стул, пятками на другой, так, чтобы образовался своеобразный мост. На меня при этом может сесть весьма солидный человек. Мне не приподнять и на миллиметр над землей этого человека в обычном состоянии. А в состоянии катаlepsии он может сидеть на мне столько, сколько ему вздумается. Я даже не почувствую тяжести его тела. Вообще, я в это время почти ничего не чувствую. Перестает прощупываться пульс, исчезает дыхание, почти неуловимо биение сердца.

Советский физиолог Иван Павлов объясняет это состояние так: обычно оно наступает у нервных людей при внезапном сильном волнении, при истерии или под влиянием гипноза изолированным выключением коры головного мозга без угнетения деятельности нижележащих отделов нервно-двигательного аппарата. Я вхожу в это состояние самопроизвольно, правда, после длительной, в течение нескольких часов, самоподготовки, заключающейся в собирании в единый комок всей своей воли, видимо, с помощью самогипноза. В последние годы во время сеансов «Психологических опытов» этого своего умения я не демонстрирую. Но когда я жил в Польше, самопроизвольная катаlepsия была почти обязательным но-

мером выступлений. И мне не раз приходилось встречать там своих подражателей, которые демонстрировали такое же умение с помощью чисто механических приспособлений».

Действительно ли Мессинг владел искусством катаlepsии? Вероятно, да. Как мы помним, в одном из тех интервью, что он дал в Польше в межвоенный период, он прямо говорит, что одно из своих удавшихся предсказаний — о переизбрании президента Мосьцицкого — он сделал как раз в состоянии катаlepsии. При этом Мессинг ссылался на свое выступление в конкретном городе — Лодзи. Вряд ли бы он приписывал себе катаlepsию, если бы действительно не владел соответствующим искусством. Ведь интервью предвзяло выступления Мессинга в каком-то польском городе (не исключено, что это были Львов или Вильно, которые к моменту публикации мемуаров Мессинга давно уже были советскими, и их неудобно было называть в качестве польских городов; поэтому Мессинг предпочел не указывать, в каком именно городе он дал интервью и в какой именно газете оно было опубликовано), и зрители наверняка ожидали от него, среди прочего, и номера с катаlepsией. По всей вероятности, Мессинг был настоящим катаlepsитиком.

В Советском Союзе номера с катаlepsией, как с разновидностью гипноза, фактически были под запретом. Тем не менее Михаил Владимирович Михалков так описывал состояние катаlepsии, в которое приводил себя великий телепат: «На сцене Мессинг мог окостенеть — затылок и пятки клал на стулья, из зала вызывался тучный мужчина, которого заставляли садиться на Мессинга. Маг даже не прогибался. Мессинг лечил людей от алкоголя и курения. Он мог парализовать мозг любого человека, мог даже давать задания собаке, находящейся в соседней комнате».

Трудно сказать, описал ли Михалков один из публичных сеансов Мессинга или речь шла о демонстрации катаlepsии в близком кругу друзей. Нельзя также исключить, что Михаил Владимирович, обладавший, как мы уже убедились, богатой фантазией, весь эпизод с демонстрацией Мессингом катаlepsии выдумал.

Приведем для развлечения читателей еще один занимательный эпизод из воспоминаний Михалкова — о том, как они с телепатом ходили в ресторан «Националь»: «Мессинг сел за стол, где сидели американец, японец и чех. Я отсел за соседний столик. Они обедали, и Мессинг под столом записывал, кто о чем думает во время обеденной трапезы.

Американец, увидев недалеко от себя негра, подумал: “Ну, если бы эта вонючая тварь села бы в Чикаго в моем рестора-

не — где бы он был”. Японец подумал: “Опять хек. Неужели в самом фешенебельном ресторане Москвы не могут поджарить хотя бы акулье мясо или приготовить что-либо вкусное из черпахи. Сколько у нас в Токио рыбных блюд... А здесь даже и морской капусты нет”. Чех, посмотрев вслед уходящей официантке, подумал: “А я бы ее трахнул”. Потом я спросил у Мессинга: “А если бы я подсел к столу?” “Нет, — ответил Мессинг, я могу брать только трех человек. Если же будет за столом четвертый, у меня в голове все перемешается и я не смогу улавливать мысли каждого”».

В другой раз Михалков спросил у Мессинга: «Вы считаете себя уникальным феноменом с особой эрудицией ясновидца?» На это телепат — опять-таки если верить склонному приврать мемуаристу — ответил: «Дело в том, что у каждого простого гражданина есть ну, предположим, 20 процентов интуиции, то есть чувства самосохранения: выходит на улицу, смотрит налево, направо, перед машинами дорогу не перебегает, если пьет, то старается не быть пьяным, и т. д. У вас, — обратился он ко мне, — человека, пробывшего 4 года в тылу врага в экстремальных условиях, выработалась интуиция на 100 процентов, у кого-то она на 300, а у меня — 1000 процентов».

Татьяна Лунгина свидетельствует, что в декабре 1963 года Вольфу Григорьевичу было предложено провести один сеанс каталепсии «в Центральном доме литераторов, так сказать, для избранной публики. Ибо в этом больше было научного интереса, чем зрелищного мастерства. В зале присутствовало чуть более ста человек: медицинские работники и среди них директор Института мозга профессор Сергеев, ради которого Мессинг и согласился на демонстрацию каталептического состояния. Немало было журналистов.

Внешне это выглядело так: маститый хирург проводит сложнейшую показательную операцию для студентов-практикантов.

Предварительно согласовали важный момент сеанса: нужен врач-ассистент, который мог бы вернуть Мессинга из объятий Морфея в нормальное состояние. Сам он после такого огромного перерыва на собственные силы не надеялся. Да и было ему уже 64 года (к тому времени, по словам Лунгиной, перерыв в проведении сеансов каталепсии составлял для Мессинга 26 лет. Таким образом, получается, что последний сеанс каталепсии он провел в Польше в 1938 году. — Б. С.).

И в помощники пригласили врача-психиатра, молодую женщину, посвященную в “оперативный план” действий, на случай, если сам Мессинг не сможет вернуться в бодрствующее состояние.

Особых эффективных препаратов доктор Пахомова не имела. Всего лишь медицинский ширпотреб: кофеин, строфантин, кислород. Ну, еще она могла провести массаж на сердце, что тогда уже широко практиковалось.

Вольф Григорьевич вышел на сцену, по-восточному сложил руки на груди и низко поклонился. Сказал, что долгое отсутствие практики не дает ему уверенности в успехе, и заранее просил извинения.

Постояв несколько минут молча, он застыл на месте, словно погрузился в раздумье — минут 7—10 он так стоял. Было видно, что жизнь нормально пульсирует в нем.

Прошло 30—40 минут, и стало ясно, что стоящий на сцене уже отрешен от внешнего мира, будто перед вами скульптурное изваяние, мраморный двойник известного человека. Мессинг впал в оцепенение.

Врач проверила пульс и объявила присутствующим, что таковой не прощупывается. Из зала вышли ее помощники и поставили друг против друга два стула спинками вовнутрь. Мужчины подняли безжизненное тело Мессинга и положили на две спинки стульев: пятками на одну, а на другую — затылком. Зрелище, надо сказать, не из приятных, но наука, как и искусство, требует жертв. Тело совершенно не повисало, словно уложили деревянную фигуру.

Самый грузный из мужчин, встав на приставной стул, сел на живот Мессинга. Тело и тогда не прогнулось. Тогда врач-психиатр вынула из пробирки с дезинфекционным раствором большую иглу и проколола мышцы шеи Мессинга насквозь.

Никакой реакции и ни капли крови.

Профессор Сергеев предложил кому-нибудь из присутствующих выйти на сцену и спросить что-либо у Мессинга.

Тогда как раз бушевали политические страсти из-за опасного противоборства с Китаем, и у Мессинга спросили, выльется ли накал в военные действия глобального масштаба. Несколько раз повторяли один и тот же вопрос, но ответа не последовало. Кто-то из присутствующих предложил попробовать получить ответ в письменном виде. Тогда положили на живот Мессингу альбом, в руку вложили ручку и снова задали тот же вопрос. Мессинг рывком, как робот, поднял руку и на альбоме написал два слова: мир будет!

На том сеанс и кончился. Несколько врачебных манипуляций, и имевшиеся под рукой лекарства вернули Мессинга в “сей” мир. Однако заметно было, как истощил его этот сеанс каталепсии.

Через несколько дней после этого сеанса, когда Вольф Григорьевич приехал ко мне встречать Новый год в кругу нашей

семьи, еще видно было, как тяжело дался ему тот вечер. Таким насупленным и неразговорчивым, да еще в такой праздник, мы Мессинга видели впервые».

Вероятно, и Лунгина, и Михалков рассказывали об одном и том же сеансе каталепсии, проведенном Мессингом в ЦДЛ в конце 1967 года.

Мессинг полагал, что состояние гипнотического сна можно вызвать не только у людей, но и у животных. Упомянутый Мессингом в интервью немецкий физиолог Рудольф Гейденгайн, профессор университета в Бреслау (ныне Вроцлав), изучал гипноз и с помощью экспериментов доказал, что, хотя одним из наиболее употребительных способов, с помощью которого можно вызвать гипноз, является словесное внушение, а само гипнотическое состояние значительно повышает эффективность внушения и его восприимчивость, гипноз и внушение — это разные явления. Ввести в гипнотический сон можно и животных. А вот словесное внушение в состоянии гипнотического сна можно сделать только человеку, причем далеко не всякому. Гейденгайн рассматривал гипноз как сон разума, во время которого подавлено сознание. Он возникает из-за утомления корковых клеток монотонными раздражителями (звуковыми, зрительными, тактильными). Гейденгайн подчеркивал, что в трансе (гипнотическом сне) человек действует как автомат, бессознательно, не замечая окружающую действительность. Слова воспринимаются без анализа и понимания. Испытуемый ничего не помнит в трансе, но это связано не с ослаблением памяти, а с тем, что бессознательные действия не запоминаются. Память тесно связана с сознанием. Гейденгайн также заметил, что если намекнуть испытуемому на то, что именно происходило во время гипноза, он либо сразу, либо постепенно, но вспомнит все. В глубоком гипнозе сознание подавлено, и потому зрительные впечатления, получаемые испытуемым, непосредственно побуждают к деятельности его двигательный аппарат. Точно так же словесные приказания порождают слуховые впечатления, которые непосредственно влияют на двигательный аппарат.

19 января 1880 года, выступая с лекцией о гипнозе, Гейденгайн, в частности, заявил: «Милостивые государи! Мне кажется, это есть дело общественного интереса заботиться о том, чтобы из действительно поразительных явлений, свидетелями которых было большинство из вас, не были выведены ложные заключения, заключения о каких-то таинственных, новых чудесных силах, сущность которых до сих пор неизвестна. Есть основание опасаться, что это и в самом деле может случиться. Ведь сбивает же с толку так называемый спиритизм не только

обыкновенную публику, но даже серьезных, выдающихся в своей области ученых, несмотря на все естественно-научное просвещение нашего времени. Ведь цитировал же духов и фотографировал их следы один из этих ученых с помощью американца Слэда. Ведь выдумали же наряду с известными нам тремя видимыми измерениями еще четвертое невидимое, где предметы с тремя измерениями, например столы и т. п., исчезают из глаз, а над головами испуганных зрителей бросаемые невидимыми руками летают куски угля, появляются члены без туловища и тому подобные фокусы. Ведь объявил же один известный философ все эти сказки за новое откровение божественного всемогущества, направленное к тому, чтобы снова пробудить к вере неверующее человечество! В такое время, когда возможны подобные вещи, следует опасаться, что и явления, воспроизводимые господином Ганзенем, подадут повод к какой-нибудь новой форме суеверия».

Упомянув в польском интервью некоего Гаркота, Мессинг имел в виду известного французского врача-психиатра Жана-Мартена Шарко. Он провел ряд клинических исследований с использованием гипноза. Шарко утверждал, что вера, или внушение, играет важную роль при исцелении больных истерией. Тем самым он предвосхитил терапевтический эффект метода психоанализа Фрейда, который находился под сильным влиянием Шарко. Шарко утверждал, что «целительная вера религиозная и мирская не может быть раздвоенной; это один и тот же мозговой процесс, производящий одинаковые действия». Вера больного в будущее излечение — это главное лекарство в исцелении; а создание у человека такого убеждения — задача целителя. Шарко полагал, что известные религиозные целители, такие как Франциск Ассизский, святая Тереза Авильская и т. д., сами «страдали такой же болезнью, проявления которой затем они стали исцелять», то есть истерией.

Иногда гипнотическое воздействие сопровождается применением фармацевтических препаратов. Такой гипноз называют наркоанализом. Начало ему положил немецкий врач Пауль Шильдер, обнаруживший в 1920-е годы, что многие больные сопротивляются психотерапевтическим приемам. Пациенты, безусловно, хотели вылечиться, но внутренние запреты и установки мешали им полностью раскрыться перед психиатром. Шильдер решил подавить это сопротивление с помощью препаратов, попытавшись таким образом снять контроль интеллекта. Для этой цели использовались лекарства, широко применяемые при наркозе, лечении бессонницы и т. д.

Неоднократно предпринимались попытки разработать так называемую «сыворотку правды» — препарат, который помо-

гал бы получать информацию у человека даже против его воли, как вместе с параллельным использованием гипноза, так и самостоятельно, с помощью одной только «сыворотки».

Наиболее известным случаем применения «сыворотки правды» в СССР стал допрос в конце мая 1985 года сотрудниками КГБ полковника Олега Гордиевского, тогдашнего резидента КГБ в Лондоне, с 1974 года работавшего на британскую разведку. В 1985 году его вызвали в Москву, заподозрив в предательстве. В мемуарах Гордиевский вспоминал, как его угостили коньяком на служебной даче КГБ, после чего несколько часов допрашивали, почему он изменил Родине. В напиток, как полагал Гордиевский, было подмешано какое-то вещество, подавляющее волю, но Гордиевский все равно не признался в измене. Прямых улик против него не было, а после проверки с «сывороткой правды» наблюдение за Гордиевским было значительно ослаблено. Через две недели после памятного допроса Гордиевский смог уйти от наружного наблюдения и связаться с британским посольством в Москве, которое организовало его побег в Англию.

Трудно сказать, действительно ли при допросе Гордиевского применялась «сыворотка правды». Олег Антонович, естественно, очень волновался — ведь разоблачение грозило ему расстрелом. Поэтому Гордиевскому действительно могло показаться, что против него применяют «сыворотку правды», тогда как на самом деле его просто постарались подпойть коньяком, в надежде, что он опьянеет, утратит самоконтроль и как-нибудь выдаст себя.

Существует еще одна версия, почему Гордиевскому удалось избежать неминуемого, казалось бы, разоблачения и сравнительно легко уйти в Англию. Как раз в 1984—1985 годах последовало разоблачение целого ряда «кротов» в структурах КГБ, оказавшихся двойными агентами американских и британских спецслужб. Это значительно уронило престиж КГБ в глазах высшего политического руководства. Тогдашний глава КГБ Виктор Крючков мог сознательно допустить побег Гордиевского, поскольку побег мог быть меньшим ударом по нему, чем закрытый процесс над Гордиевским, на котором разоблаченный предатель, которому было бы нечего терять, вполне мог огласить какую-нибудь компрометирующую Крючкова информацию, что в свою очередь могло послужить поводом к отставке главы КГБ. Напомню, что аналогичным образом руководство британской разведки и контрразведки предпочло дать уйти знаменитому советскому шпиону Киму Филби, одному из руководителей «Сикрет интеллидженс сервис». Против него имелись весомые улики, однако судебный процесс

над ним грозил еще больше дискредитировать британскую разведку, чем его бегство в Москву.

Относительно же «наркоанализа» можно сослаться на советского исследователя В. М. Николайчика, который еще в 1973 году утверждал: «Многие американские криминалисты считают, что подозреваемый, способный противостоять умелому и продолжительному допросу, обычно может противостоять и допросу под наркотиком». С этим мнением вполне солидарен один из создателей российской юридической психологии профессор А. Р. Ратинов: «Снижая или выключая волевой контроль со стороны участвующих лиц, следователь всегда рискует толкнуть их на объективно неправильный образ действий, который в силу увлеченности или предубеждения может представляться ему соответствующим истине, не являясь в действительности таковым. Именно поэтому должна быть решительно отвергнута идея о возможности применения гипноза в процессе расследования».

По поводу гипноза Мессинг утверждал в мемуарах: «То, как я владею искусством гипноза, значительно выходит за рамки общеизвестного, и, значит, я не имею права не говорить об этом... Приводят себя в гипнотическое состояние и верующие, многократно произнося принятые во многих религиях простые, короткие молитвы, вроде “Святой боже, помилуй мя”. Когда это повторяется сотни и тысячи раз, наступает гипнотическое состояние.

К этому же приводят бесчисленные поклоны, отбиваемые перед иконами.

Современная наука различает три стадии гипноза. Первая из них — сонливость. Человек, находящийся в этой стадии гипноза, испытывает потребность покоя, необычайную тяжесть тела, ему трудно открыть глаза. Именно в этом состоянии прослушивают длинные церковные службы большинство верующих.

Когда я видел в соборах людей, часами в неудобной позе стоящих на камнях, распростертых на ступенях, прижимавшихся лбом к подножиям распятий, я не мог отделаться от мысли, что эти люди находятся во второй стадии гипноза — в состоянии так называемой гипотаксии.

При гипотаксии отмечается состояние восковой гибкости тела. Любому его члену и всему телу можно придать сложное положение, которое крайне трудно было бы сохранять в нормальном состоянии, но которое совершенно необременительно, практически незаметно в состоянии гипотаксии.

Третья стадия гипноза — сомнамбулизм. В этом состоянии загипнотизированный полностью отрешен от всех внешних

раздражений, кроме команды человека, приведшего его в это состояние.

В состоянии гипноза огромную власть над психикой человека и над его телом приобретает слово гипнотизера. Власть, совершенно объективную, такую, какой не имеет в большинстве случаев над своим телом сам испытуемый человек. Заставьте себя, скажем, не чувствовать ожога, когда к вашей руке прислонят огонек зажженной папиросы! А мне приходилось видеть этот бесчеловечный опыт, в свое время нередко демонстрировавшийся в цирках в Польше. Или, наоборот, попробуйте внушить себе, что обыкновенный карандаш — это раскаленный в огне прут, которым жгут ваше тело. А на руке загипнотизированного человека, когда к ней прикасаются таким карандашом, возникает язва от ожога.

Загипнотизированному алкоголику внушали отвращение к водке. Я видел в этот момент его желудок на экране рентгеновского аппарата. Он сокращался самым недвусмысленным образом, яростно стремясь вышвырнуть якобы находящуюся в нем отраву, хотя в нем ничего не было. Попробуйте скомандовать своему желудку хоть какие-нибудь движения! Загипнотизированному говорят:

— Вот перед вами сосуд с ледяной водой. Опустите в нее руку. Вашей руке нестерпимо холодно...

И хотя вода в сосуде имеет температуру на 45 градусов выше нуля, рука загипнотизированного покрывается крупными мурашками, кровеносные сосуды резко сужаются. Это неоспоримо свидетельствуют объективные показания приборов... Попробуйте скомандовать сосудам вашей руки самопроизвольно сжаться или расшириться!

В загипнотизированном состоянии у многих людей обостряются их телепатические способности (интересно, что Мессинг искренне верил в связь между телепатией и гипнозом. — Б. С.). Внушение от гипнотизера к загипнотизированному человеку может передаваться прямо из мозга в мозг. Такие опыты делались неоднократно многими гипнотизерами в разные времена и в разных странах. Собственно с открытия этого явления и началась телепатия.

Общее объяснение гипнозу найдено. Оно заключается в большем или меньшем торможении коры больших полушарий головного мозга. Торможение отдельных участков или всей коры может происходить по разным причинам — и естественным и искусственным.

Ну, скажем, под влиянием сильного испуга человек потерял дар речи. Он не может произнести ни слова. Он давным-давно понял, что бояться было нечего, но язык и гортань не повинуются ему.

Произошло мгновенное торможение того участка коры головного мозга, который заведует речью. Под влиянием нового сильного возбуждения этот участок мозга может растормозиться. Такое сильное возбуждение в силах вызвать гипнотизер. На этом основано большинство случаев “чудесных исцелений”, а также и лечение гипнозом, довольно широко применяемое во многих странах.

И все же гипноз — еще очень малоизученное явление. Множество проявлений его не так-то просто объяснить только торможением участков коры больших полушарий...

Я считаю очень правильным, что в Советской стране право заниматься гипнозом ограничено специальными постановлениями. Но считаю, что правду о гипнозе должны знать все. А ученым надо как можно подробнее изучать это интересное явление».

Впрочем, иногда Мессинг все же рисковал выступать с ансамбами публичного гипноза, но делал это в достаточно глухих местах. Так, житель Алтайского края Эрвин Дмитриевич Гофман вспоминал: «Я видел выступление Мессинга в конце 40-х, в поселке Лебяжье Егорьевского района. Помню, как он внушил нескольким зрительницам, что сцена — это луг, усеянный цветами, и они стали их “срывать”, блуждая по сцене на корточках. Помню, как Мессинг внушил плотнику Паше Чуванову, что он, Паша, будет сейчас дирижировать большим ансамблем музыкантов, но должен иметь в виду, что его брюки без ремня. И Паша заправски дирижировал, то и дело брюки подтягивая — к восторгу зала...»

Одной из разновидностей гипноза Мессинг считал и так называемую «народную медицину»:

«Наверное, и вам приходилось читать или слышать, как знахари “заговаривают кровь”. Вот льется она из глубокой раны, прямой пульсирующей струйкой бьет. Явно перерезана какая-нибудь крупная артерия... Над ранкой склоняется знахарь. Шепчет какие-то непонятные слова. Ранка — вытрите ее — суха. Кровь останавливается...

...Наверное, вам приходилось слышать и такое выражение — “заговаривать зубы”. Чаще, впрочем, говорят “не заговаривай мне зубы”. Пошло это выражение из польских и белорусских да, наверное, и из российских деревень, где в старые времена и помину не было о зубных врачах. Но зубы — убежден в этом — у людей болели всегда. Как же их там лечили?

Заговорами. Та же знахарка, тот же знахарь приходил к больному, шептал какие-то слова, делал какие-то телодвижения — и зубы болеть переставали. Точнее, человек переставал ощущать эту боль.

И то и другое — и “кровь заговорить” и “зубы заговорить” — занимает всего несколько секунд.

Удивительно? Да. Но ничего чудесного, во всяком случае, здесь нет. Нет никакого вмешательства “потусторонних сил” — ни злых, ни добрых. Это тоже одна из форм гипноза.

Я говорю об этом с такой убежденностью и знанием дела потому, что я и сам умею “заговаривать” зубы и изгонять головную боль не хуже самых знаменитых знахарей. Я делал это тысячи раз. И, как принято говорить, всегда без осечки.

Конечно, я обхожусь без заклинаний и нашептываний. Они не нужны. Я просто смотрю на моего пациента и представляю при этом свою абсолютно не беспокоящую меня челюсть, свой абсолютно здоровый зуб. И разговариваю при этом с пациентом о его болезни. И зуб у него перестает болеть. Занимает это столько же времени, сколько вы затратили, чтобы прочитать этот абзац.

Аналогичным способом я прекращаю головную боль. Вероятно, так же излечивают и среднеазиатские табибы («табиб» в переводе с тюркских языков означает «лекарь». — Б. С.) и знахарки укушенных змеей. Я говорю “вероятно”, потому что лично с такими случаями не сталкивался.

Не надо, конечно, обращаться ни ко мне, ни к знахарям ни с зубной, ни с головной болью. Сняв боль, я могу заставить вас забыть о необходимости обратиться к врачу. И вы потеряете зуб, который можно было бы своевременно запломбировать. Знахарь заставляет больного не чувствовать боль, врач излечивает радикально, устраняет причину появления боли. А боль нужна: боль — это сигнал о том, что в организме что-то не в порядке...

Я тоже умею внушить свою волю человеку, скажем, глядя ему в затылок. Или вовсе на него не глядя.

Очень редко я пользуюсь этим. Но, листая страницы памяти, чтобы привести пример из своей жизни, вспоминаю...

Вспоминаю небольшой, но уютный зал в одном из министерств Москвы.

Все идет хорошо. Зрители добросовестно и дружелюбно пытаются разобраться в том, что я им показываю. Я не менее дружелюбно и добросовестно пытаюсь помочь им в этом...

И вдруг в конце зала появляется почти шарообразная фигура самого большого здесь начальника. Все встают, приветствуя. А начальник, не отвечая на приветствия, кривит рот и скептически смотрит на меня.

“Ах так, — мысленно говорю я, — не верите, ну так я заставлю вас поверить — будете балериной”. А вслух добавляю: — Вот вы и будете моим индуктором.

И толстый начальник, по моему мысленному приказанию, вдруг нелепо начинает прыгать между рядами стульев, мимо своих опешивших подчиненных ко мне на сцену».

Мессинг действовал теми же методами, которые использовали как народные целители, так и профессиональные врачи-гипнотизеры. Он мог силой внушения лечить невроты и приносить временное облегчение от боли другим больным. Точно так же в булгаковском романе «Мастер и Маргарита» Иешуа Га-Ноцри исцеляет от невыносимой головной боли прокуратора Понтия Пилата. Но головная боль у прокуратора — явно невротического происхождения. Он подсознательно чувствует, что сейчас ему предстоит сделать нечто ужасное, и это вызывает у него приступ боли.

Эпизод, как с помощью гипноза Мессинг наказал начальника, усомнившегося в его даре, с его слов гораздо более колоритно изложен в книге Татьяны Лунгиной. В устном рассказе, в отличие от предназначенных для подцензурной публикации мемуаров, Вольф Григорьевич дал ясно понять, что выступал перед сотрудниками одного из силовых министерств, скорее всего — Министерства обороны. Он также подробно описал, как позволил себе поиздеваться над неким неназванным генерал-полковником:

«...Я умею внушать волю человеку, глядя ему даже в затылок. Или вовсе не подвергая его зрительной локации. Потому я редко пользовался “перекрестным взглядом”, так как этот способ внушения хоть и производит эффект, но не такой сильный, как “слепой” метод...

Перелистывая странички памяти, вспоминаю...

...Небольшой уютный зал в одном из министерских особняков Москвы. Мои зрители — работники учреждения, которому и принадлежит зал. У большинства на плечах погоны старших офицеров, и не редкость — генеральские.

Я на сцене, и все идет по программе. Зрители добросовестно и благожелательно пытаются вникнуть в суть того, что я им показываю. Я, со своей стороны, стараюсь особой таинственности не допускать и помогаю им разобраться в экспериментах...

Вдруг в конце зала вырастает фигура человека с погонами генерал-полковника. Все встают, подобострастно приветствуя его. А он направляется к первому ряду и с нескрываемым скепсисом и иронией басит:

— Ну, давайте посмотрим ваши фокусы.

Я разозлился на этого чванливого чинушу с его предвзятым презрением к моему “шарлатанству”.

“Фокусы?! Вот и хорошо, вы и будете моим индуктором!” — приказал я ему мысленно. И пошел сзади него, за-

ставляя совершить несолидные для его положения действия: он направился к сцене, пританцовывая — три шага вперед, один назад, как в хороводе. Зал замер, наблюдая за выкрутасами своего великого начальника и догадываясь, что за этим стоит Вольф Мессинг. Все закончилось хорошо, так как сам генерал не знал, что он выделывал, а никто из подчиненных так никогда и не решился ему об этом напомнить...

Гипноз? Да, безусловно, но это сложнее, чем заставить человека проделать то же самое, совершая размеренные пассы в тихой обстановке врачебного кабинета, при благожелательном отношении пациента к гипнотизеру.

Я нередко использовал свои гипнотические возможности для лечения психических заболеваний, как в среде сильных мира сего, так и в семьях “простых смертных”.

В мемуарах Мессинг рассказал, как лечил от тяжелого невроза одного польского графа: «Будет неправильно, если я умолчу в этой книге о том, что гипноз я нередко использовал для лечения психических болезней. Делал я это и в те далекие времена, когда абсолютно не знал ничего о сущности гипноза, не знал научных рекомендаций, руководствуясь лишь здравым смыслом. Возможно, что рассказанное мной встретит возражения специалистов, возможно, меня упрекнут в неправильных действиях, но что было, то было.

У одного польского графа началось неприятное для окружающих и очень странное заболевание. Ему представилось, что в голове свили себе гнездо... голуби. Да, обыкновенные голуби, сизари...

Одна из форм сумасшествия? Да. Навязчивая идея: “У меня в голове голубиное гнездо...”

Обращались к врачам. Но у графа был трудный характер, и лечиться он отказывался: ему казалось, что его любимыми средствами стремятся заманить на операцию, во время которой разрежут голову пополам. Тогда обратились ко мне.

Я не стал убеждать больного, обращаясь к его здравому смыслу, что в голове голуби жить не могут. Наоборот, я принес с собой на первую же встречу длинную блестящую трубу на треноге — вроде переносного телескопа — с какими-то колесиками и винтиками. Установил ее и посмотрел сквозь эту трубу на голову больного.

— Да, граф, — сказал я, — вы правы. У вас в голове — голубиное гнездо. И — преогромное. Целая голубятня!

— А разве я сомневаюсь в этом? И день и ночь крыльями хлопают... А тут как-то к ним кошка забралась! Вот переполох был. Я думал, у меня голова лопнет...

— Могу выгнать ваших ненормальных жильцов, и притом так, что они не вернутся.

— Буду весьма обязан...

Еще раз посмотрев в трубу, “пересчитав голубей”, “прикинув”, как лучше их выгнать, я вернулся домой. На другой день граф прислал за мной с раннего утра.

— Вывелись птенцы — голубята! — объявил он почти радостно.

Снова пошла в ход труба — кстати, в ней не было даже оптического стеклышка. Выведение птенцов было подтверждено. На другой день была назначена решительная “чистка” графской головы-голубятни...

Заранее договорившись с родственниками графа, я провел в сад трех моих помощников с живыми голубями в руках. Завязав больному глаза, свел и его вниз. По моему знаку один из помощников выпустил голубя — я выстрелил перед лицом больного из пистолета. Затем, достав из кармана заранее подстреленного голубя, сунул ему в руку.

— Один готов, — сказал я. — Если бы я его не застрелил в воздухе, он мог бы вернуться. А теперь — шалишь! Все кончено...

Так повторялось еще два раза. Затем “выскочили” — просто от страха перед выстрелами — и новорожденные голуби...

Потом я позволил больному снять с лица повязку и открыть глаза.

Он собственноручно в моем присутствии закопал трупки бедных птичек под гигантским развесистым дубом в своем парке.

Голова у него оставалась “чистой” в течение нескольких лет, пока суть происходившего не раскрыл ему один близкий знакомый, полагая, что граф излечился навсегда. Узнав истину, тот с криком схватился за голову... Голуби с тех пор “жили” в ней у него до самой смерти. Думаю, средств вторично излечить его уже не было...

Что это? Шарлатанство? Нет, гипноз. Внушение. Просто я опустил до умственных способностей моего больного и средствами, доступными его пониманию, уничтожил его болезнь. Точнее, внушил ему, что он не болен... Человек поверил мне и мог бы оставаться здоровым до самой смерти...

Гипнозом же внушаю я отвращение к алкоголю, к папиросам и вообще к табачному дыму, к другим наркотикам.

Только должен сказать сразу: профессионально я этим не занимаюсь — обращаться ко мне с просьбами об излечении не следует. Если у вас не хватает сил и воли бросить пить — обратитесь к врачам. У них есть сейчас великолепные, многократ-

но проверенные средства лечения самых застарелых алкоголиков... Если вы хотите бросить курить — не курите, и все. Не верю, что есть на свете хотя бы один человек, который, собрав всю волю свою в кулак, не мог бы в течение года ни разу не взять в рот папиросу. А после этого, даже если он и возьмет ее, она не доставит ему удовольствия. Только не надо снова приобретать эту привычку.

Лечил же от алкоголизма и от курения я, большей частью случайно, близких мне людей.

Когда я внушал своим больным отвращение к алкоголю, я сам — месяцами! — не мог выносить даже слабых запахов спиртных напитков. Это отвращение к ним сначала охватывало всего меня. И уже после этого мог я его передать моим подопечным.

Когда назначенный мной период лечения кончается, я теряю отвращение к вину. Но излеченный мной человек его сохраняет на долгие годы. А там — все зависит от него самого.

Я много курю. Но, когда идут сеансы внушения отвращения к табаку, я сам бросаю курить и без судорог в теле не могу переносить самого слабого запаха папиросного дыма. Снова я закурываю, только закончив цикл внушений...»

Эпизод с польским графом, может быть, придуман Мессингом, стремившимся показать, что он был вхож в высший свет довоенного польского общества. Но этот эпизод вполне точно отражает особенности психоаналитической методики лечения. Важно внушить больному, что источник его фобии обнаружен и сейчас будет уничтожен психоаналитиком. Здесь не имеет значения, соответствует ли данное объяснение истине, необходимо только убедить пациента в истинности данного объяснения.

А вот еще один случай проведенного Мессингом чудесного исцеления, на этот раз не имевшего неблагоприятного рецидива. На юбилейном вечере в Центральном доме медработников в 1967 году, по словам Лунгиной, «в самом начале к нему поднялась женщина и во всеуслышание сказала, что вот уже более полугода страдает от нестерпимой головной боли. Мессинг попросил подать стакан воды, и кто-то налил из хрустального графина, который стоял на столе почетного президента».

Вольф Григорьевич что-то тихо сказал женщине на ухо, несколько секунд подержал за запястье и велел выпить несколько глотков воды. И почти сразу же, радостная, она заявила, что боль исчезла.

Прямо-таки евангельская сцена: «Встань и иди!» — сказал Христос больному Лазарю...

Прекрасный парикмахер сам себе не в состоянии сделать стрижку. И виртуоз-хирург не сможет провести на своем плече простейшую операцию по удалению, скажем, осколка стекла. Но вот почему в такой же ситуации находится и телепат, способный одним лишь внушением изгнать из организма другого тяжелый недуг? А как раз в такой западне и находился Мессинг. Свои болезни преодолеть он был не в силах».

Лунгина также приводит один вполне фрейдистский пример из психотерапевтической практики Мессинга, который он рассказал ей:

«Как-то после очередного выступления на Урале ко мне в гостиничный номер пришел двадцатидвухлетний молодой человек. И хотя я, как всегда, был предельно изнурен двухчасовым сеансом, не принять его я не смог. Уж настолько очевидно было даже по его виду, что он столкнулся с большой бедой. Отчаяние и смертельная тоска читались в его глазах.

Я с первого взгляда понял, что у молодого человека какая-то любовная трагедия, но всю глубину постиг позднее, когда увидел фотографию. А до того услышал вот такое признание.

Роковая встреча с женщиной (первой в его жизни) произошла в двадцатилетнем возрасте, когда он приехал в этот уральский город на заработки.

Почти с грудного возраста он воспитывался в детском доме и только мальчишкой узнал от воспитателей, что его родители — “враги народа”: отец после суда расстрелян, а след матери затерялся в лагерях. Не знал он и свою подлинную фамилию. В шестнадцать лет он поступил в техническое училище и вот два года назад приехал сюда на работу. В ожидании места в общежитии завода, куда его приняли механиком, он жил в местной гостинице.

В этой же гостинице проездом — что-то около недели — жила и неизвестная ему женщина. Они познакомились. Женщина была значительно старше его, но с виду лет на семь-восемь.

Начался бурный роман, продолжавшийся все дни, пока женщина жила в гостинице. И так же внезапно прервался: ей нужно было ехать в столицу, чтобы восстанавливать документы и доброе имя после освобождения из лагеря и реабилитации. Они даже не смогли проститься, да она и не очень этого хотела. Женская мудрость правильно подсказала ей, что из этого ничего не может выйти. Слишком велика возрастная пропасть. И, как он заметил, она даже обрадовалась, что поезд Томск—Москва будет проходить через их станцию как раз в его вечернюю смену. Ни адреса, ни каких-либо ориентиров она не оставила.

В те несколько бурных дней они все его свободное время проводили вместе, а однажды в городском парке и сфотографировались “на память”. И вот только и есть у него эта сладко-грустная память...

Парень трясущейся рукой полез во внутренний карман куртки и вынул бумажник. Он протянул мне черно-белую фотографию... Я обомлел. Я увидел очень красивое женское лицо, действительно даже не молодежавое, а молодое, хотя ей шел тридцать восьмой год... Я был настолько потрясен, что и сам испугался своего долгого молчания, словно молодой человек мог обладать телепатическими способностями и “прочесть” в моем молчании страшное открытие, которое я сделал.

Я держал в своих руках явное свидетельство повторения трагедии царя Эдипа. А передо мной стоял живой пример “эдипова комплекса” — чуткий, честный и психически тонко организованный юноша, которому я должен помочь.

Нет, на фотографии он не был похож на нее, никакие видимые приметы не говорили мне о родстве. Но я ни на секунду не сомневался, что на фотографии — мать и сын...

Будучи наслышан о моих способностях и нескольких случаях нашумевших предсказаний, он хотел узнать, могу ли я определить ее местонахождение, а главное, не будет ли она матерью его ребенка.

Чудовищные сцены пронеслись в моем воображении: истосковавшаяся за полтора десятка лет в тюрьмах и лагерях по мужской ласке женщина в объятиях своего сына...

Открыть ему эту тайну — значит неминуемо обречь его на тяжкое и неизлечимое безумие. Нет, нужна спасительная ложь! И на ум приходят строки знаменитого “Белого покрывала” Шандора Петефи.

Мне, действительно, ничего не “виделось” в направлении его матери, лишь кошмарная явь свершившегося. И я решился на обман, ища поддержку в поэме Петефи.

Кратко сюжет ее таков. Накануне казни сына мать приходит к нему на последнее свидание и обещает, что в то его роковое утро она предпримет попытку добиться у короля-деспота отмены казни. Любой ценой, даже потерей женского достоинства... И пусть он завтра утром, когда его поведут на казнь, взглянет на балкон своего дома, где она будет стоять.

Если она будет в черной траурной накидке — что ж, значит, ничего нельзя изменить, “...знай, неизбежна смерть твоя”. А если она выйдет на балкон в белом покрывале, значит, тиран смилостивился и в последнюю минуту казнь отменят.

Утром его выводят в последний путь. Толпа пылко приветствует мученика, но он неотрывно смотрит вдаль, где вскоре должна появиться мать — со знаком жизни или смерти.

И когда процессия поравнялась с домом графини, он увидел ее, спокойную и полную величия и гордости, в белом покрывале... И сердце его ликует от счастья! Его выводят на плаху... Поэма заканчивается так:

Он даже в петле улыбался...
О, лож святая! Так могла
Солгать лишь мать, полна боязни,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью!

Я собрал свою волю, стараясь ничем не выдать себя, и сказал ему:

— Вы должны верить мне и прислушаться к моим словам и совету. Ваша добрая знакомая вышла замуж за иностранца и сейчас за пределами России. У нее есть ребенок, но не от вас. Забудьте ее... У вас нет негатива этой фотографии? Нет, ну и отлично. Я оставлю ее себе, разрешаете? Ну, как память о нашей встрече... Так что ваши тревоги напрасны, хоть я и понимаю вас.

Молодой человек долго колебался, пока согласился отдать мне фотографию. Я попросил его еще раз как-нибудь зайти ко мне, пока мои гастролы будут продолжаться в его городе.

Дней через пять он снова наведлся ко мне в номер, и я с радостью отметил, что выглядит он на сей раз гораздо спокойней, тревожный лихорадочный блеск в глазах исчез.

Ты, Танюша, знаешь, что мой талисман — мое кольцо с трехкратником — всегда при мне, но я возил с собой еще забавную фигурку эскимоса в национальном одеянии, вырезанную на кости, как-то в одну из поездок по Сибири подаренную мне в Магадане.

Я достал ее из шкатулки, перочинным ножиком поставил свои инициалы и вручил своему гостю.

Он горячо поблагодарил меня и ушел, как мне показалось, почти без груза недавних терзаний...»

Этот рассказ, несмотря на всю свою литературность, очень похож на правду. У Мессинга вполне могла быть в жизни такая встреча. Несмотря на то, что он рассказал Лунгиной, Вольф Григорьевич в действительности мог заметить определенное сходство в чертах лица между женщиной на фотографии и молодым человеком, который ее ему принес, и понял, что тот, подобно Эдипу, сошелся с собственной матерью. Цитируемая же поэма Петефи «Белое покрывало» является хорошей иллюстрацией к терапевтическому эффекту психоаналитических методик. Черная траурная накидка — это истинная, непознанная причина невротического заболевания, а белая — это та причина болезни, в истинности которой психоаналитик сумел уве-

рить своего пациента и которую он берется устранить, обеспечив тем самым выздоровление.

В мемуарах Мессинг писал: «Всего несколько лет назад впервые появилось в печати тогда почти неизвестное слово “гипнопедия”. Этим термином был окрещен новый метод обучения, вернее, запоминания во сне с помощью совершенно своеобразной формы гипноза. Суть его проста. Скажем, вам надо овладеть английским языком. Известно, какое это сложное и кропотливое дело — изучение языка, особенно если вы вышли из детского возраста. Самое неприятное — запоминание слов, “зубрежка”. Гипнопедия избавляет от нее. Вся зубрежка слов переносится на период сна...

Обучающемуся в период сна тихим голосом магнитофон “шепчет” содержание изучаемого урока. Шепчет один раз, второй, третий... Человек спит и обычно даже не видит снов. Но утром, к его собственному удивлению, оказывается, что он знает все те слова, которые входят в очередное задание. Я читал, что такое “ночное” задание состоит в настоящее время из 30—40 слов, но специалисты-педагоги, овладевающие методом гипнопедии, считают, что и триста слов в ночь — вполне приемлемая норма. Все, кто изучали иностранный язык, знают, какой это нелегкий труд — выучить триста новых слов. А методом гипнопедии это осуществляется фактически незаметно для изучающего.

Что такое гипнопедия? Убежден: еще один очень мало известный вид гипноза. Он начинает находить все более широкое применение и, безусловно, имеет все шансы стать важнейшим средством интенсификации процесса обучения как школьников, так и взрослых.

Кстати, и обычный гипноз следовало бы медикам применять пошире. Настало уже для этого время.

Гипноз — опасное оружие. Но, так же как энергию атома, его следует использовать разумно».

Следует отметить, что, несмотря на способности к самогипнозу, Мессинг методами гипнопедии так и не воспользовался и полиглотом не стал. Что же касается его утверждения, что гипноз — это опасное оружие, то оно представляется преувеличенным. Пока что, слава богу, не зафиксировано случаев, когда профессиональным гипнотизерам удалось бы подвигнуть толпы людей на массовые проявления насилия. Зато такое нередко удается профессиональным политикам, не владеющим никакими тайнами науки.

Глава седьмая

БЫЛ ЛИ АРЕСТ? ВОЛЬФ МЕССИНГ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Как и для подавляющего большинства советских граждан, нападение нацистской Германии, с которой менее двух лет тому назад были заключены договоры о ненападении и дружбе, стало для Мессинга полнейшей неожиданностью. В мемуарах он ничего не говорит насчет того, что предсказал 22 июня как дату германского вторжения. Иначе у читателей возник бы законный вопрос: почему же товарищ Мессинг, зная заранее о грядущем вероломном нападении Гитлера на Страну Советов, не предупредил об этом тотчас товарища Сталина, с которым он, опять-таки если верить его мемуарам, был чуть ли не на дружеской ноге? И Мессинг в мемуарах честно писал, что ничем не был встревожен накануне роковой ночи. Тревога охватила его будто бы только с утра воскресенья: «В июне 1941 года я поехал в Грузию. Как сейчас, помню это воскресенье 22 июня 1941 года. Накануне в субботу состоялось мое выступление, оно прошло очень успешно. В воскресенье утром мы поехали на фуникулере. Мне все время было почему-то не по себе. Настроение было просто скверным. И вот в 11 часов 30 минут по московскому времени — речь Молотова. Началась Великая Отечественная война.

Возвращались в Москву поездом. Затемненные станции. Почти на каждой — проверка документов. Во всеобщей бдительности мне пришлось убедиться на собственном опыте: моя несколько экстравагантная внешность, иностранный акцент привели к тому, что меня несколько раз принимали за шпиона. Выручал мой первый советский “импресарио”, ездивший со мной, писатель Виктор Финк (таким образом, ни о какой Симе в качестве импресарио Мессинг не вспоминает. — Б. С.).

По приезде в Москву, как только я остался на улице один, — Финк прямо с вокзала отправился к себе домой, — меня все-таки арестовали. А через несколько дней, когда я спросил, как пройти на такую-то улицу, меня снова арестовали — на сей раз очень миленькая девушка-дружинница.

В эти дни начала войны я пережил тяжелые минуты. Я внутренне почувствовал себя лишним. Передо мной встал вопрос: чем я могу помочь моей второй родине в борьбе с фашистской чумой? Состояние моего здоровья было таковым, что о личном участии в боях я не мог и думать (очевидно, уже тогда проявилась болезнь сосудов ног, которая в конечном счете и свела Мессинга в могилу. Возможно, эта болезнь стала следствием напряженной работы телепата во время выступлений. — Б. С.). Оставалось мое искусство, мое умение. Но кому нужен в такое время, думал я, Вольф Мессинг с его «психологическими опытами»?»

Упомянутый здесь Виктор Григорьевич Финк, еврейский советский писатель, окончивший юридический факультет Сорбонны и в Первую мировую войну сражавшийся в рядах французского Иностранного легиона, в пору написания мемуаров был еще жив — он умрет только в 1973 году. Так что насчет того, что именно он в 1941 году был импресарио Мессинга, сомневаться не приходится. Финк, много лет проживший во Франции, хорошо знал «буржуазную жизнь» и легко мог найти психологический контакт с Мессингом и облегчить ему постепенное привыкание к реалиям советской жизни.

Внезапно выяснилось, что советские руководители сочли, что искусство Мессинга может наилучшим образом служить поднятию духа советских людей, как раненых в госпиталях, так и труженников тыла. Вот только на фронт его выступать не посылали — было слишком рискованно. Мессинг вспоминал: «Меня эвакуировали в Новосибирск. Оказывается, кто-то где-то думал о гражданине СССР Вольфе Мессинге, о том, что его своеобразные способности интересны людям. Меня хотели видеть и в госпиталях, и рабочие оборонных заводов, по неделям не покидающие цехов, и бойцы формирующихся частей и подразделений. Нередко залы заполняли люди, пришедшие прямо от станков. И уходили они от меня к станкам. А бойцы иной раз держали в руках винтовки... Я делал все, что мог, чтобы вдохновить их своим искусством, дать им заряд новых сил для труда и борьбы».

В подтверждение того, чем он занимался в суровые годы войны, Мессинг процитировал следующие отзывы о своей работе:

«17 июля 1942 года в эвакогоспитале выступал Мессинг со своими “психологическими опытами” перед ранеными нашего госпиталя.

Опыты Мессинга произвели на аудиторию ошеломляющее впечатление. Все задания выполнялись точно и сопровождались бурными овациями.

Раненые бойцы, командиры, политработники и служащие госпиталя выражают большую благодарность Мессингу за его выступление в госпитале.

Нач. госпиталя в/врач 3-го ранга Сошина».

«С исключительным вниманием бойцы, сержанты и офицеры гарнизона просмотрели шесть концертов Вольфа Григорьевича Мессинга, на которых присутствовало более трех тысяч человек (значит, на каждом концерте побывало более пятисот зрителей. Если в год Мессинг давал порядка 200 концертов, то ежегодно под воздействием его психологических опытов могло оказываться более ста тысяч человек. Это уже была весьма солидная аудитория, и власти должны были обращать внимание на «благонадежность» столь популярного артиста. Однако их, несомненно, успокаивало полное отсутствие в выступлениях даже намек на политику или сатиру и отсутствие какой-либо связи с современной советской жизнью. Чиновникам Мессинг наверняка казался безобиднее любого эстрадного сатирика. Недаром «путевку в жизнь» ему дал высокопоставленный партийный функционер П. К. Пономаренко. — Б. С.).

Эти концерты на нас, зрителей, произвели очень большое впечатление. Мессинг выполнял исключительно сложные номера, заданные ему “индуктором”, и при этом с большой точностью. Он доказал, что это не фокусы, связанные с ловкостью рук человека, а исключительно сложная психологически научная работа, проводимая им в течение длительного периода лет и представляющая исключительный интерес с точки зрения развития психологии как науки.

От имени бойцов, сержантов и офицеров выношу сердечную благодарность Вольфу Григорьевичу Мессингу и желаю дальнейшей плодотворной работы на благо развития науки нашей Социалистической Родины.

Начальник гарнизона генерал-майор артиллерии Шуршин».

«Краснофлотцы, старшины и офицеры воинской части Полевая почта № 51215 искренне благодарят за представленные Вами в воскресенье 6 февраля 1944 года два шефских концерта, которые вызвали у личного состава большой интерес.

В производимых Вами опытах отсутствует что-либо загадочное и сверхъестественное. Это свидетельство — умение владеть собой и с огромной силой воли концентрировать свое внимание в исполнении того или иного задания.

Еще раз горячо благодарим и желаем Вам, Вольф Григорьевич, дальнейших творческих успехов в Вашей работе.

Заместитель командира по политической части капитан третьего ранга Норкин».

«Ваше выступление перед профессорским, преподавательским составом и студентами Магнитогорского государственного педагогического института продемонстрировало выдающуюся способность чтения мыслей (понимание внутренней речи), развитую Вами до необыкновенной высоты и точности.

Цель Ваших опытов — развитие сил, скрытых в психике человека, и воспитание воли — достойна всякого поощрения. Особенно сейчас, когда народы нашего Союза стоят на пороге завершения Великой Отечественной войны, проявляя героическое волевое напряжение, работа в этом направлении — в направлении изучения и развития воли — является весьма важной. Вот почему Ваши выступления имеют большое воспитательное значение.

От имени всего коллектива института выражаем Вам сердечную благодарность и желаем продуктивной работы на благо нашей великой Родины».

Несомненно, Мессингу было очень приятно читать эти строки. Он искренне ненавидел нацистов, развязавших Вторую мировую войну, грозивших стереть еврейский народ с лица земли, захвативших его родную Польшу и грозивших поработить и его вторую родину — Советский Союз. Он всячески желал победы советскому народу, видя в ней единственную надежду на спасение человечества от нацистской агрессии. Мессинг наверняка верил, что его «психологические опыты» укрепляют у бойцов волю к победе, а труженикам тыла помогают более стойко переносить выпавшие с войной невзгоды. Правда, часть оценок в этих отзывах были простыми цитатами из выступления, которым импресарио предварял собственно телепатические опыты Мессинга. Да и «болванки» отзывов, скорее всего, составлялись импресарио (он же — ведущий вечера). Но чувства-то аудитории были искренними! И Вольф Григорьевич не ошибался, когда верил, что его выступления укрепляют моральный дух армии и народа. Казалось бы, что общего между суровой военной действительностью и угадыванием, где именно в зале спрятаны расческа, кошелек или пилка для ногтей? Но на самом деле Мессинг дарил людям, может быть, самое важное, что им в тот момент было нужно, — веру в чудо, которая была сродни вере в победу. Ведь в 1941—1942 годах, когда судьба страны буквально висела на волоске, наша победа могла казаться чудом. Ну и конечно же подобные отзывы были для Мессинга своеобразными охранными грамотами. Ведь они наглядно свидетельствовали, что его искусство нужно и фронту, и тылу, что оно действительно укрепляет обороноспособность страны. Именно в годы войны Мессинг наверняка чувствовал наибольшую востребованность и общественную

значимость своего таланта. Он по праву считал, что своим творчеством вносит вклад в победу над фашизмом.

Правда, время от времени Мессингу приходилось вносить и вполне конкретный, осязаемый, материальный вклад в дело обороны страны. На средства, переданные Мессингом в Фонд обороны, были построены два истребителя. Строго говоря, ничего такого уж необычного в подобном поступке нет. В период войны сотни и даже тысячи советских людей, имевших большие доходы, в том числе артисты, писатели, ученые, жертвовали на нужды обороны значительные денежные суммы. Почему же Мессинг, искренне желавший победы над нацистской Германией, должен был поступать иначе? Ведь он отнюдь не был скупым человеком. Более того, все, знавшие Вольфа Григорьевича в Советском Союзе, отмечали, что к деньгам он был равнодушен. То есть не то чтобы он совсем не понимал их значения и жил как настоящий аскет — нет, это было равнодушие к материальным благам человека, у которого денег уже более чем достаточно для того, чтобы удовлетворить все те потребности, которые можно удовлетворить в советских условиях. Он всегда мог пригласить друзей в дорогой ресторан, а на гастролях останавливаться в лучших гостиницах. Он мог сшить себе на заказ роскошный костюм, мог позволить себе носить перстень с бриллиантом в три карата. Большая квартира его особенно не привлекала, поскольку почти все время он проводил в разъездах. Возможно, по этой же причине он так и не обзавелся автомобилем и никогда не умел водить его. Хотя здесь, наверно, первично именно неумение водить автомобиль и тот психологический барьер, который возникает у некоторых людей при попытке освоить автовождение. Вероятно, Мессинг был из тех людей, для которых психологически невозможно сесть за руль машины. Вспомним, как он рассказывал в мемуарах о том, как водил автомобиль в Риге, подчиняясь мысленным командам настоящего водителя, хотя ни до, ни после за баранку ни разу не сел.

Значительные суммы Мессинг жертвовал на благотворительность. Достоверно известно, что после окончания войны он до самой кончины на свои средства содержал детский дом на сто сирот. Некоторые, в том числе Игнатий Шенфельд, утверждают, будто детский дом Мессинг содержал вынужденно, под давлением властей — якобы это была своеобразная плата за то, что ему разрешали достаточно часто выступать и зарабатывать на этом деньги. Однако такого рода предположениям нельзя доверять.

Фактически Мессинг по уровню доходов сравнивался с верхушкой советской научной и артистической элиты. Он зараба-

тывал столько же, сколько крупнейшие ученые-академики, артисты, писатели, художники. Однако никто из них не содержал на свои средства целые детские дома или, допустим, больницы. Ни писатель Алексей Толстой, ни конструктор Андрей Туполев, ни всенародно любимый эстрадный сатирик Аркадий Райкин в этом замечены как будто не были. Разумеется, время от времени их призывали вносить значительные средства в Фонд обороны, в Фонд мира, для помощи пострадавшим от стихийных бедствий и т. п. Однако ни для кого из них условием получения легальных высоких доходов не было обязательство пожизненно содержать детский дом. Конечно же я не исключаю, что кто-то из этих и других весьма достойных людей время от времени или даже постоянно жертвовал на детский дом или больницу, подобно герою фильма «Берегись автомобиля», однако в печати такого рода действия практически не освещались. Из этого можно сделать вывод о том, что субсидирование детского дома Мессингом или каким-либо другим артистом никак не могло осуществляться по требованию государства, раз то же государство совершенно не собиралось «пиарить» действия такого рода.

Мессинг, разумеется, мог бы, если бы пожелал, чуть ли не каждый вечер кутить в дорогих ресторанах на широкую ногу, как это делал тот же Алексей Толстой, мог иметь десятки любовниц, мог строить роскошные дачи для себя и своей родни, мог иметь личного шофера, который возил бы его на автомобиле. Однако к кутежам и любовницам Вольф Григорьевич не проявлял никакой склонности. Вся его родня погибла в нацистских гетто и концлагерях. Женился Мессинг достаточно поздно, когда ему было 45 лет, а последние четырнадцать лет прожил вдовцом. Он содержал не только жену, но и ее сестру, а также своего импресарио Валентину Иосифовну Ивановскую, однако и после всех расходов у него на руках оставались немалые суммы. Не исключено, что, помимо детского дома, он выделял их и на другие благотворительные цели, будучи искренне благодарен своей новой родине и привязан к ее жителям, так тепло принимавшим его выступления. Весьма характерно, что он ни разу не выражал намерения эмигрировать из Советского Союза, хотя, будучи евреем и уроженцем Польши, не раз и не два имел возможность это сделать.

В то же время Мессинг, в отличие от многих других артистов, не был особо обласкан властью. Звание заслуженного артиста РСФСР он получил лишь за три года до смерти, орденов и медалей не имел, в президиумы торжественных собраний его не приглашали. Однако это его несколько не огорчало. Вольф Григорьевич был равнодушен как к материальным благам, так

и к внешним проявлениям славы. Главным для него были его искусство, его талант. Мессинг, вне всякого сомнения, верил в свои исключительные способности, и только этими способностями он, в сущности, по-настоящему жил. Он также верил, что своим талантом способен принести людям счастье, заставить их поверить в свои силы и во всемогущество науки, которая рано или поздно сделает жизнь лучше, комфортнее, безопаснее.

Единственным, кто не верил в бескорыстие Мессинга, был Игнатий Шенфельд. Он, очевидно, очень завидовал славе своего знакомого. Будучи диссидентом, обиженным советской властью, Игнатий Шенфельд не мог простить Мессингу того, что тот довольно успешно встроился в советскую систему, не допуская при этом сколько-нибудь серьезных нравственных компромиссов. Поэтому он постарался придумать негативный вариант биографии великого телепата, сделать из него эдакого Хануссена (или, если угодно, Оскара Лаутензака) мелкого пошиба. В его изображении Мессинг предстает обыкновенным мошенником, трусом, авантюристом, лгуном. Он очень любит славу, мечтает о роскошной жизни. Его бескорыстие предстает как вынужденная линия поведения в конкретных советских условиях, после того как он убедился, что в СССР происходит постоянная экспроприация даже легально заработанных денег и других ценностей. Шенфельд также прямо намекает на то, что Мессинг был завербован советскими органами государственной безопасности и стал банальным стукачом.

Вот как развивалась военная биография Мессинга, согласно Шенфельду. Начало войны телепат встретил в Тбилиси, откуда тотчас вернулся в Москву. Когда Госконцерт эвакуировали, ему предлагали на выбор Ташкент и Новосибирск, и он выбрал Ташкент, о чем вскоре пожалел. Город оказался переполнен эвакуированными, жить приходилось впроголодь. Правда, к услугам Мессинга были коммерческие магазины и рестораны, да и на черном рынке при его доходах кое-что можно было прикупить. В тюрьме он будто бы с тоской вспоминал: «Номер в приличной гостинице был для меня забронирован, мой администратор, Лазарь Семенович, все доставал на черном рынке, переплачивая в десять раз, — но денег у меня было больше, чем достаточно. Обеды нам готовила его жена, потому что даже в хороших ресторанах кормили только черепашьим мясом и крабами.

Смертельно усталый я заваливался вечерами в кровать и мечтал о том времени, когда кончится война и я вернусь в родной штетеле, в Гору Кальварию. Господи, как меня, богача, будут там встречать! Как это пелось в модной песенке: “Тэн шум,

тэн гвалт я себе выображам”! Я видел себя в смокинге, в накидке на белой шелковой подкладке, с шапокляком на голове — прямо как Гарри Пиль в кино. Я грезил о том, как въезжаю в длинном белом шевролете на наш рынок, где уже собралось все население местечка. Оркестр добровольной пожарной команды играет бравурные марши, полицейские удерживают толпу, которая ко мне так и прет, прямо как хасиды к цадику. Бургомистр с золотой цепью на груди держит речь. Отцы города, говорит он, гордятся своим славным сыном Вольфом Мессингом! Все кричат “ура” и поют “сто лят, сто лят нехай жие нам!”. А я, весь в слезах от счастья, объявляю, что за свой счет учреждаю среднюю школу, больницу и приют для престарелых. Крик восторга снова сотрясает воздух, а я бормочу себе под нос: “Нате вам Вельвеле Мессинга, который и в школу никогда не ходил и для которого не нашлось здесь в этом штетеле невесты! Вот вам кабан, кортенверфер Вольф Мессинг!”... Дурацкие, детские мечты нищего, попавшего из грязи в князи...

И еще — только, пожалуйста, не смейтесь! — была у меня глупая мечта. Не знаю, запомнили ли вы Черск, захолустье к югу от штетеле, и старый, полуразрушенный замок там? Говорят, ему шестьсот лет и принадлежал он когда-то какой-то итальянской королеве Боне. Мальчишкой я смотрел с развалин его башни или с крепостного вала на долину Вислы и окрестные сады. Когда сады цвели, это был незабываемый вид! Я давал волю фантазии и воображал себя хозяином замка. Так что же теперь помешает мне купить эти развалины и восстановить их в прежнем великолепии? Так я мечтал, позабыв мудрость отцов наших: “Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день”».

Мессинг продолжал много гастролировать. В июле 1942 года, когда он вернулся в Ташкент, ему прозрачно намекнули, что он, как честный советский патриот, должен помочь фронту. Он щедро предложил дать 30 тысяч рублей, потом поднял сумму до 40 тысяч. Партийные чиновники рассмеялись магу в лицо: «Вы, оказывается, шутник, Вольф Григорьевич. Смешно, сорок тысяч при ваших-то баснословных барышах! На днях председатель корейского рисового колхоза, товарищ Ким Цын Хен из своих личных трудовых сбережений пожертвовал миллион рублей. Вчера в “Правде Востока” было описано, как он привез нам огромный сундук с деньгами. Три кассира Госбанка пересчитывали их целый день. Вот это — пример патриотизма!»

Мессинг уверял Шенфельда, что миллион рублей — это были все его сбережения к тому времени. Отдав их, он опять стал бы нищим, о замках в Польше приходилось забыть. Однако и здесь в свидетельстве Шенфельда позволительно усом-

ниться — он ведь был профессиональным литератором, начавшим печататься как поэт и переводчик еще в 1935 году. Вольф Григорьевич как-никак был сорокалетним, умудренным жизненным опытом человеком и уже три года жил в Советском Союзе, поэтому должен был понимать, что никто замков ему здесь строить не разрешит. И надеяться, что Польша после войны избежит тяжелых советских объятий, у Мессинга не было никаких оснований. В случае, если Гитлер будет разбит, Сталин все равно захватит Восточную Европу, включая Польшу. Ну а если, не дай бог, победит Гитлер, то Мессингу в той же Польше — прямая дорога в крематорий. И миллион, как показали дальнейшие события, был у него далеко не последний: в 1944 году на его деньги был построен еще один истребитель.

Да и после войны заработки у маэстро Мессинга были более чем приличные, если, по свидетельству Татьяны Лунгиной, после смерти у него только на сберкнижках осталось более миллиона рублей — громадная сумма по тем временам. Замок бы ему, конечно, никто бы не позволил построить, но владеть роскошной кооперативной квартирой и хорошей, по советским меркам, подмосковной дачей было вполне по силам. Однако в сравнении с тем, как он мог бы жить при его доходах, Мессинг вел достаточно скромное существование — дачи и машины не заимел, ограничился двухкомнатной квартирой, да и ту купил только в 1972 году. Все это породило слухи о наличии у Мессинга уникальной коллекции бриллиантов. Однако никто этих бриллиантов, за исключением одного перстня и одной галстучной булавки, никогда в глаза не видел, и существовала ли такая коллекция в действительности — большой вопрос. Никаких ее следов так и не было найдено. Сколько всего было у Мессинга денег и ценностей, и завещал ли он их кому-нибудь, или все до копейки досталось Советскому государству, мы сегодня сказать не можем. Можно только предположить, что, в отличие от посткоммунистической России, Мессинг не хранил свои сбережения в иностранной валюте. Приобретение и продажа валюты в СССР были тяжким уголовным преступлением, а Вольф Григорьевич всегда уважал законы.

По словам Мессинга, тогда, в июле 1942-го, он расщедрился всего на 50 тысяч рублей и вскоре горячо пожалел об этом. Уже через несколько дней в ташкентском парке имени Горького к нему подошли двое в штатском, сказали, что его срочно вызывают в Комитет искусств (как раз готовилась очередная гастрольная поездка в Новосибирск), но отвезли почему-то напрямик в местный НКВД. Там его сразу подвергли жесткому допросу, заставив по-настоящему испугаться.

Заметим, что в построении этой сцены Шенфельд мог отталкиваться от сообщения самого Мессинга в мемуарах о том, что его дважды арестовывали в Москве как подозрительного иностранца. Но в мемуарах Мессинга освобождали через считанные часы. У Шенфельда же второй арест Мессинга затянулся на несколько недель. Если верить автору, телепата обвинили в том, что он тайный раввин и приехал в СССР «разыскивать своего родственничка, известного врага народа Станислава Мессинга, не зная, что он уже ликвидирован». Но с видным чекистом Станиславом Адамовичем Мессингом Вольф никогда не был знаком. Между прочим, в анкетах Станислав Мессинг писал, что родился в Варшаве, но не исключено, что, как и другие Мессинги, он родился в Гуре-Кальварии, а вскоре его родители переехали в близлежащую Варшаву. Тем не менее никакими данными о родстве двух названных Мессингов мы не располагаем. Вероятно, даже если отдаленное родство между ними и было, ни Станислав, ни Вольф не подозревали о существовании друг друга. Тем более о том, что чуть не треть населения Гуры-Кальварии составляли Мессинги, мы знаем только со слов Шенфельда, а он, как мы уже убедились, источник весьма ненадежный. Сомнительно также, что следователи в Ташкенте не знали о том, что Станислав Мессинг, бывший руководитель Ленинградского ОГПУ и разведки, к моменту ареста занимавший пост председателя советско-монгольско-тувинской торговой палаты, был расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Польши еще 2 сентября 1937 года.

Арестованного якобы допрашивали по классической методике контраста между «злым» и «добрым» следователем. В роли «злого» выступал капитан Иванов, в роли «доброго» — майор Сааков. Когда Иванов пригрозил застрелить Мессинга и положил на стол маузер, Вольф от испуга упал в обморок. Тогда в дело вступил майор Сааков, который мягко объяснил ясновидящему, что от него требуется только добровольно пожертвовать на нужды Красной армии миллион рублей, и предупредил, что НКВД располагает сведениями о размере его сбережений. Делать было нечего, и Вольф подписал все необходимые бумаги, в одночасье превратившись почти в нищего. В награду за послушание Мессингу принесли бутерброды и чай, угостили папироской.

Вольф Григорьевич будто бы говорил Шенфельду: «Полночь давно прошла, когда они привели меня в гостиницу. Я проспал чуть ли не сутки. Лазарь Семенович ходил вокруг меня на цыпочках, ничего не спрашивал и обращался со мной как с тяжело больным. Через день мы отправились в Новосибирск. Туда мы добирались долго — без конца надо было про-

пускать военные эшелоны. Я всю дорогу лежал на полке и думал о том, что произошло в кабинете капитана Иванова. Судьба опять сыграла со мной скверную шутку: я стал игрушкой в руках ихней банды и кто знает, что они еще придумают. А что они придумают, в этом я не сомневался. Они открыли мое слабое место, они поняли, что я человек совсем не геройского склада, и захотят мной помыкать как им заблагорассудится. Вряд ли ограничатся грабежом моих кровных денег. Они захотят, чтобы я стал в их руках последней проституткой, захотят использовать меня, как им вздумается!

В Новосибирске меня ожидала телеграмма от Сталина, про которую вы, вероятно, знаете. В вестибюле уже сидели корреспондент ТАСС и местный газетчик. Надо было давать интервью и выступать по радио. А еще через два дня меня повезли на военный аэродром, поставили возле истребителя, велели улыбаться и жать руку какому-то летчику. В таком виде нас сфотографировали у самолета, на котором возле лозунга “За победу над фашизмом!” было написано, что советский патриот В. Г. Мессинг подарил этот самолет летчику Балтики, — это в Новосибирске-то! — герою Советского Союза К. Ковалеву. Хоть бы для вида выкрасили тот покорябанный самолет, который я будто для них купил! Нет, никому еще так дорого не обходился советский патриотизм! — думал я.

А мой администратор, милейший Лазарь Семенович, ходил от счастья, как пьяный, и все меня обнимал и целовал.

— Вольф Григорьевич, — захлебывался он от восторга. — Вы даже себе не представляете, кто вы теперь и какие неограниченные возможности у вас в руках! Человек с телеграммой от самого Сталина в кармане может задержать на улице любого милиционера... Да что там милиционера! Он может задержать любого генерала и хлестать его по мордасам сколько душе угодно! Господи, мне бы такую силу! Да я бы их всех на колени поставил!

А мне было совсем не радостно и совсем не было желания ставить кого-то на колени и хлестать по мордасам генералов. Кое-кого из органов — другое дело. Впрочем, на такое я навряд бы решился даже с телеграммой Сталина в кармане. Я видел перед собой маузер капитана Иванова, слышал вежливый вкрадчивый голос майора Саакова и телеграмму ощущал как продолжение их коварной игры.

А жизнь шла своим чередом. Я много работал, но успехи меня не радовали. Что-то во мне надломилось. В сентябре мы вернулись в Ташкент. Я ужасно боялся этого города, мне все казалось, что именно здесь за мною все время кто-то подсматривает и меня где-то в темноте подстерегает капитан Иванов.

Два раза в месяц я расписывался в расчетной ведомости, переводил на книжки все более крупные суммы и мои сбережения снова начали расти.

Эвакуированные в Ташкент знаменитости из мира литературы и искусства искали со мной знакомства, приглашали в гости, хотели посмотреть, что я на самом деле собою представляю. Но я, если только это было возможно, избегал встреч. Я не привык к такому обществу, да и о чем мне было с ними говорить? И вообще — как можно жить в стране, где человек не может быть ни в чем уверен? Какой-то Станислав или Соломон Мессинг занимал у них высокие посты и был, вероятно, настоящим коммунистом. Разве мог он предполагать, что ему в один прекрасный день скажут, что он “враг народа”, и пристрелят, как собаку? А ведь он был у них свой человек, работал в одной шайке с ними. Но это его не спасло. Что же может спасти меня, польского еврея, человека чужого и в ихней белиберде не разбирающегося? Чувство обиды и ощущение угрожающей опасности не покидали меня. И вдруг — проблеск надежды!

В коридоре гостиницы “Узбекистан” я иногда встречал сравнительно молодого человека, прилично, на западный манер, одетого. Судя по тому, что у него в это тяжелое время был постоянный, бронированный номер, было ясно, что это какая-то шишка. Простых смертных сюда близко не подпускали. Со временем мы стали на ходу здороваться, а однажды, когда я спустился в садик во дворе гостиницы, чтобы выпить в буфете чаю, мы с ним оказались за одним столиком. Мы перебросились несколькими фразами, и было приятной неожиданностью услышать чистую еврейскую речь. Вот вы тоже говорите на идиш, но чувствуется, что это не ваш главный язык. А он говорил на хорошем мамелушен («мамина речь». — Б. С.), как в моем штетеле. Это был Абрам Калинин, и он тоже был родом из штетеле, может, чуть побольше моего, из Ломжи. Я там не раз выступал и у нас нашлись общие знакомые.

Я уже говорил, что неохотно схожусь с людьми. Но в его обществе почувствовал себя сразу хорошо. Подумал: какой добрый и чувствительный человек!

Мы стали заходить друг к другу в номера. В Ломже у его отца была фабрика мыла, говорил Калинин. Но он не пошел по стопам родителя, а стал активным коммунистом и организовывал забастовки; даже на отцовской фабрике! Поляки его в конце концов забрали и приговорили к большому сроку. Спасло его, как он сказал, родство с Львом Захаровичем... Кто такой Лев Захарович? Как же, это же Мехлис, начальник Политуправления Красной армии! Мать Калинского сообщила Льву Захаровичу, и он добился, чтобы его родственника включили в

число политзаключенных, которыми как раз обменивались Советский Союз и Польша.

В Советском Союзе Калинин, по его словам, был уже пять лет. В присоединенном Каунасе он был директором фабрики парфюмерных изделий “ТЭЖЕ” и очень подружился с Полиной Семеновной, которая и устроила ему перевод в Ташкент. Как? Полина Семеновна кто? Так это же Жемчужина! Жена Молотова, хорошая женщина с хорошим еврейским сердцем, настоящая идише маме! Ей была подчинена косметическая промышленность...

Что и говорить, связей с важными людьми было у Калининского хоть отбавляй. Здесь, в Ташкенте, он тоже знался с партийными и правительственными шишками. Бывал у Тамары Ханум, народной артистки СССР, дружил с известным певцом, бывшим кантором синагоги, крутил роман с прославленной киносценаристкой. Поскольку у него была невзрачная фигурка и довольно заурядное лицо, я думал: какой же ум и какое сердце должно быть у этого скромного на вид человека, если он пользуется таким успехом?

Иногда Калининский рассеянно вынимал из кармана какую-нибудь дорогую вещицу — кольцо с драгоценным камнем, старинную брошку, золотой портсигар. Я как-то не удержался и спросил, как ему удалось все это вывезти?

Он ответил, что большинство из этих вещей ему не принадлежит. Вокруг такое горе, война согнала людей с насиженных мест, к нему приходят несчастные эвакуированные, освобожденные из ссылки и просят помочь продать вещи, чтобы купить себе кусок хлеба. А у него есть кое-какие знакомства и иногда удается найти покупателя. Рубль с каждым днем все более обесценивается, и многие сведущие люди считают, что в это беспокойное время лучше держать капитал в золоте и драгоценностях.

Его благотворительность я, конечно, взял под сомнение, но о том, что рубль все больше и больше обесценивается, я знал. Мой Лазарь Семенович мне уши про это прожужжал. И я попросил Калининского сделать мне одолжение: достать немного золота и бриллиантов. И — о, дурак я, дурак! — какое-то количество долларов.

У Калининского времени всегда было вдоволь. Он рассказывал, что проводит вечера в хороших домах города, где якобы волочится за дамами, скучающими без мужей-фронтовиков. Играл он и в карты и говорил, что ему везет, что он всегда в выигрыше. А вообще-то — как он как-то сообщил мне, оглянувшись сперва по сторонам, — он находится в распоряжении правительства для каких-то особо важных поручений.

После моего возвращения с гастролей по Сибири, сопровождавшихся историей с подаренным армии самолетом, Калинин поздравил меня с выпавшей на мою долю честью. Но увидевши мою довольно кислую мину, быстро добавил: “А зохен вей!” («Подумаешь!»). — Б. С.) А потом еще тише, многозначительно, принятую у нас фразу: “Рука дающего не оскудеет!” И я подумал — он знает, каково у меня на душе!

Когда я через несколько недель после этого вернулся с гастролей по городам Средней Азии, то застал Калининского очень оживленным. Он похвастался, что получил лестное и очень интересное задание: содействовать укреплению советско-иранской торговли. Он в постоянном контакте со смешанной комиссией, обосновавшейся в Туркмении, в городе Мары. С подъемом рассказывал, что уже дважды ездил на перевалочный пункт в Душак на самой иранской границе и что у него там завелись друзья на той стороне, с которыми он кутил в иранском кишлаке Калезоу. Там нет даже отзвуков войны. Есть все, чего душа пожелает. А цены, цены! — все неимоверно дешево!

Мне Калинин привез в подарок коробку иранских сигарет “Хорасан”, обратив мое внимание на изящную упаковку и высокое качество табака.

Воодушевление Калининского особого впечатления на меня не произвело, но одна мысль засела крепко: если так легко перейти границу, то почему там не остаться? Но я, конечно, ничего не сказал.

И я опять много разъезжал и выступал. Совсем вымотался и решил взять двухнедельный отпуск. Тут снова на горизонте появился Калинин. Он привез мне в подарок отличной черной икры из Ирана и рассказал, как весело провел время на той стороне. Я сказал, что ему завидую.

— Но ведь у вас теперь свободное время, — заметил он. — Я обещаю, если вы, конечно, пожелаете, устроить вам поездку на ту сторону.

Мне сейчас тяжело рассказывать, как по-идиотски я попал на эту примитивную удочку. Калинин посоветовал мне сказать в конторе, что я хочу отдохнуть и подлечиться в санатории в Байрам-Али, рядом с Мары. Возражений не было. Администратор оформил путевку и достал билет на поезд. А я действовал как загипнотизированный.

Через два дня после моего приезда в санаторий ко мне явился Калинин. Сегодня, сказал он, в его распоряжении машина с шофером и мы могли бы поехать поужинать. Мы сидели в уютной чайхане, ели хороший плов и пили душистое вино. С нами были два сотрудника Калининского, один туркмен, дру-

гой русский, — очень милые, приветливые люди. Мы выпили с Калинским на брудершафт, и на обратном пути он сказал, что Душак находится в погранрайоне, куда нельзя без пропуска. Но это пустяки: пропуск он мне достанет.

Через день выяснилось, что с пропуском какая-то задержка, а у Калинского уже назначена встреча с иранцами. Но это не беда, он попросил этого его туркменского друга, и тот все за него устроит. Калинский посмотрел мне прямо в глаза и посоветовал захватить с собою деньги и все драгоценности, которые у меня есть. Я понял, что он догадывается о моем намерении покинуть эту чудовищную страну, где человек не хозяин своих, заработанных тяжелым трудом капиталов. Правда, мелькнула у меня мысль, — а не слишком ли рискованна эта затея? — но слишком уж много во мне накопилось. Обида прямо жгла.

Туркмен заехал за мной на неприметной полуторке. В поселке Теджен нас ожидал Калинский, который очень торопился на свою встречу. Он сказал, что надо дождаться вечера и тогда меня поведут в условное место. До темноты я просидел в чайхане, потом подъехал грузовичок и туркмен велел мне залезть в кузов и накрыться брезентом. Просто так — от любопытных глаз. Мы долго тряслись по ухабистой дороге, остановились на каком-то пустыре и пошли по руслу высохшего арыка. В темноте раздавался не то вой, не то душераздирающий детский плач. Это малхемувес, злой дух, охотится за моей головушкой, подумал я и в нерешительности остановился, — а стоит ли идти дальше?

— Пошли, пошли, — сказал мой спутник. — Это шакалы.

Кажется, Абрам говорил о какой-то лесной сторожке, подумал я. Какая тут может быть лесная сторожка, когда вокруг не то что леса, а и кустика не видно? Но тут мы натолкнулись на какую-то хибарку. В ней при свете “летучей мыши” я рассмотрел старика в чалме. Он поздоровался, придвинул мне скамейку и что-то залопотал.

— Он спрашивает, что вам нужно, — перевел мой спутник.

Я сказал, что хочу отправиться в иранский кишлак Калезоу, где у меня назначена встреча с друзьями. Старик опять забормотал.

— Это будет стоить сорок тысяч рублей, — перевел мой туркмен.

Я кивнул, вынул деньги и мы ударили по рукам. Я распахнул шаткую дверь — и столкнулся с капитаном Ивановым...

В грузовом отсеке небольшого транспортного самолета я лежал на полу, прикованный за руку к ножке скамьи, и без конца блевал. До самого Ташкента меня немилосердно подбрасы-

вало, как будто летчик нарочно выискивал воздушные ямы. Но боль от ушибов была ничто по сравнению с болью от обиды, что меня одурачили, как последнего идиота! Меня, олуха, водили вокруг пальца, а я только хлопал ушами. Не надо было быть телепатом, простая человеческая догадливость должна была подсказать, что тут шитая белыми нитками провокация. Слоснящейся морды капитана Иванова не сходила глумливая ухмылка:

— Попался, ясновидец? Нас, русских, на мякине не проведешь!

Я не могу пожаловаться: капитан меня не бьет и голодом в карцере не морит. Признания от меня добиваться не надо — состав преступления налицо. Мне даже дали прослушать записанный на какой-то американской машинке разговор в этой развалюхе на границе. Иногда только следователь донимает вопросами, не родственник ли я этому несчастному Станиславу Мессингу? Иной раз Иванов нажимает, чтобы я сознался, что я шпион. Во время моих сеансов я, мол, очень часто интересовался документами, находившимися в карманах военнослужащих.

Нет, нет у меня ни малейшей надежды, что я выберусь живым из этой беды. Не зря я так боялся Ташкента: тут мне суждено погибнуть. На этот раз предчувствие меня не обманывает. Господь поставил на моем пути Абрашу Калининского и затмил мой разум, чтобы я не мог его разгадать. И нет никого в мире, кто прочел бы кадиш за мою грешную душу...»

После этого Шенфельда отправили на десять дней в карцер, а по возвращении Мессинга в камере № 13 он уже не застал. Того освободили, и Шенфельд был уверен, что ценой освобождения стало его согласие стать сексотом. Доказательством было то, что в Москве Мессинг дружил с «красным графом» генералом Алексеем Игнатьевым, который якобы был засекреченным высоким чином МГБ, а его квартира — явочной квартирой для особо ценных агентов. Не исключал он и другой версии: о деле мог узнать Сталин, возмущившийся, что НКВД рискнул арестовать человека, которому он послал приветственную телеграмму.

В «документальной повести» Шенфельда всё слишком уж напоминает плохой детектив. Тут и следователи с такими фамилиями, по которым установить их практически невозможно. Ведь Иванов — одна из самых распространенных русских фамилий, а Сааков (Саакян) — армянских. Еще Шенфельд утверждал, что «летом 1942 года в “Правде Востока” появилась статья о самоотверженном и патриотическом поступке профессора Мессинга, на свои личные сбережения подарившего

Красной армии боевой самолет. А еще через день в той же газете была опубликована телеграмма:

“Товарищу Вольфу Мессингу. Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищ Вольф Мессинг, за вашу заботу о воздушных силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено.

И. Сталин”».

Текст телеграммы Сталина Мессингу Шенфельд цитирует совершенно точно, однако этот текст взят из книги Татьяны Лунгиной, где опубликован оригинал телеграммы. На бланке указано, что телеграмма была направлена во Владивосток, по всей вероятности, в Дом военно-морского флота, где тогда выступал Мессинг. Можно предположить, что выступления телепата анонсировались в газетах, из которых секретариат Сталина и мог узнать, где именно в данный момент находится Мессинг. Однако нет никаких данных о том, что эта телеграмма когда-нибудь публиковалась в печати, иначе бы Мессинг наверняка сохранил бы и соответствующую газетную вырезку. Поэтому Шенфельд никак не мог читать ее в «Правде Востока». Статья же летчика Константина Ковалева, воевавшего на самолете Мессинга, появилась не в «Правде Востока» летом 1942 года, а в газете морской авиации Балтийского флота «Летчик Балтики» от 22 мая 1944 года.

Стоит заметить, что есть еще одна фотография самолета, построенного на средства Мессинга. На ней изображены два летчика в польской военной форме, а на истребителе помещена надпись: «От польского патриота проф. Вольф-Мессинга польскому летчику». Опубликовавший этот снимок историк Леонид Александрович Любимский, полковник в отставке, утверждал, что увидел его в книге, посвященной истории польских авиасоединений в СССР, и что «в подписи кратко сообщалось, что самолет был подарен истребительному авиаполку “Варшава” в мае 1944 года». К сожалению, название книги, где изображены польские летчики на фоне советского истребителя Як-1Б с надписью о том, что это дар Мессинга, Любимский не сообщил. Добавлю только, что самолеты Як-1Б серийно выпускались с сентября 1942 года; всего до конца войны было построено 4188 машин. Неясно также, на польском или на русском языке была издана эта книга. Однако можно предположить, что вышла она в тот период, когда у власти и в Польше, и в СССР находились коммунисты. Тогда всячески поднимались на щит две армии Войска польского, сформированные в СССР в 1944—1945 годах и сражавшиеся под советским командованием против немцев. А вот об армии польского генерала Владислава Андерса, подчинявшейся польскому правительст-

ву в Лондоне и в 1942 году ушедшей из СССР в Иран, предпочитали не вспоминать. Поэтому можно было бы допустить, что на снимке были запечатлены не офицеры просоветского польского авиаполка «Варшава» в 1944 году, как это писали авторы книги, а офицеры армии Андерса в 1942-м. Ведь Мессинг сам когда-то служил в Войске польском и, скорее всего, оставался польским патриотом, несмотря на антисемитизм, процветавший в предвоенной Польше.

В мемуарах он прямо писал, что давал деньги на самолет дважды, в 1942 и 1944 годах. Можно было бы предположить, что на этом снимке запечатлен как раз первый самолет, построенный на средства Мессинга. Однако в армии Андерса авиации не было, поскольку соглашение о ее формировании, подписанное в Москве 14 августа 1941 года, не предусматривало создания авиационных и танковых частей. Первые авиационные польские части в СССР начали формироваться только после того, как 10 августа 1943 года было принято постановление о формировании в СССР польского корпуса, в состав которого был включен авиаполк. Так что, хотя средства на свой первый самолет Мессинг стал собирать еще в 1942 году, полякам он мог быть передан не ранее второй половины 1943 года. Но Мессинг мог не знать этого и ошибочно написать в мемуарах, что первый самолет передал именно в 1942 году, имея в виду, что он был передан кому-то из командиров армии Андерса.

Леониду Любимскому довелось встретиться с Вольфом Мессингом во Львове летом 1973 года. И вот что ему запомнилось: «Обрадовался: наконец-то есть возможность ознакомиться с его психологическими экспериментами, а может, даже встретиться удастся, побеседовать, расспросить о той фотографии.

Директор филармонии, уяснив цель моего визита, посоветовал:

— Пройдите к Вольфу Григорьевичу после окончания выступления за кулисы. Фотография, уверен, будет ему интересна».

Далее Любимский описал номер со своим косвенным участием: «Вскоре после начала выступления Мессинг сошел в проход между рядами, остановился у кресла, где я сидел, и, кивнув мне (очевидно, каким-то образом вычислив из трехсот-четырёхсот зрителей человека, беседовавшего о нем с директором филармонии), попросил дать что-либо. Я подал авторучку. Он ошупал ее своими тонкими пальцами, воскликнул: “О, подарок!” — и, предложив зрителям упрятать ее где вздумается, передал кому-то. После нескольких очередных номеров он прошел, напряженно вглядываясь, по залу, вывел на сцену дородную даму, попросил открыть сумочку и вернуть мне ручку.

Поговорить с маэстро после выступления не удалось: артистическая комната и подходы к ней были до предела заполнены жаждающими личного общения с магом. Протиснулся все же поближе, и он, заметив меня, дал знать, что на следующий день ждет меня в “Жорже” (так до освобождения Львова в июле 1944 г. называлась лучшая в городе гостиница “Интурист”). Прибыл в назначенное время. В просторном номере были Мессинг и приветливая его помощница Валентина Иосифовна Ивановская. Представился и сразу же показал фотографию. Рассматривая снимок, Вольф Григорьевич быстро ходил по комнате (позднее отметил, что при малейшем волнении бьющая ключом внутренняя энергия мгновенно поднимала его со стула) и скороговоркой рассказывал: “Средства в фонд обороны я начал передавать в 42-м. Деньги у меня во время войны имелись: на концертах в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке, да и везде, где выступал, залы были переполнены. Я просил использовать их для постройки самолетов. Сталин лично присылал мне благодарственные телеграммы”.

На секунду-две задумался, затем забросал меня вопросами: “Почему вас заинтересовала эта тема? Как попала к вам книга? Кто эти летчики, что на снимке? Как сложилась их судьба? Живы ли они? Что стало с моим самолетом?” Тогда я был в состоянии определенно ответить лишь на два первых вопроса. Едва начал рассказывать, как Мессинг опередил меня: “Понятно, вы собираете материал для диссертации. А о судьбе самолетов и летчиков вы не знаете”. Он произнес эти слова твердо, как бы поставил точку. И снова с неподдельным интересом всмотрелся в мои глаза: “А сможете ли вы узнать: участвовал ли мой самолет в боях? Живы ли эти юноши? Кто они, откуда? Как оказались в польском полку?”

Затем неожиданно для меня, как бы между прочим, сказал: “И не волнуйтесь, диссертацию вы вскоре защитите”. Я пообещал найти ответы на эти вопросы. А он неожиданно спросил: “Вы читали мои заметки?” Мне припомнилось, как в одной из воинских частей, где находился в командировке, библиотекарь предложила номера журнала “Наука и религия”, по ее словам, “с удивительно интересной вещью”, и я за ночь “проглотил” воспоминания и раздумья Вольфа Мессинга под названием “О самом себе”. Этот мой мысленный уход в прошлое лишь на мгновение вызвал заминку с ответом, но, похоже, Мессинг даже не заметил паузы. Он удовлетворенно кивнул и начал рассказывать о своей жизни. Эта беседа, если можно так ее назвать, ибо мое участие было минимальным, крепко “отпечаталась” в памяти. К тому же дома я записал ее».

После известного рассказа о том, как он предсказал Гитле-

ру гибель, если тот двинется на восток, был арестован гестапо, бежал и перешел через Западный Буг в СССР, Мессинг так описал своему гостю встречу с Абрагимовым: «Меня отвезли в Брест к пограничному начальству, затем — в горком партии. Там со мной беседовал приятный молодой человек — заведующий отделом культуры Абрагимов. Я, как только увидел его, сказал: “О, вы станете большим человеком!”» (Предсказание Мессинга сбылось: Петр Андреевич Абрагимов стал известным дипломатом, доктором исторических наук, автором нескольких книг. Стоит добавить, что в этой версии рассказа Мессинга нет конкретного предсказания Абрагимову о том, что он будет послом. — Б. С.)

После беседы в горкоме Мессинга освободили от проверок и включили в бригаду артистов, работавшую в западных областях Белоруссии. Его выступления неизменно вызывали у зрителей неподдельный интерес, молва о необычном артисте ширилась. «Вскоре меня привезли к первому секретарю Центрального комитета компартии Белоруссии Пономаренко, — рассказывал Мессинг. — Беседа с ним была долгой. При мне он позвонил Сталину. Интересный, сказал, человек у меня в кабинете и еще что-то о моих способностях. Мне стало ясно: впереди — встреча со Сталиным».

Одну из бесед со Сталиным Мессинг Любимскому описал следующим образом:

«Беседа со мной, Сталин подумал: “А хорошо бы этого Мессинга использовать на допросах шпионов: ничего те скрыть не смогут”. Я тут же вскричал: “Товарищ Сталин! Ради бога, не надо! Я больше пользы принесу как артист”. Сталин улыбнулся и назвал меня хитрецом. В конце концов мне разрешили продолжать выступать на эстраде».

Что ж, если бы такая беседа действительно происходила, Мессинг бы наверняка постарался всеми силами отбояриться от сомнительной чести участвовать в допросах подлинных или мнимых шпионов. Ведь его могли всегда заподозрить, что он передает следователям не всё, о чем думают подследственные, или сознательно искажает их мысли. И тогда его самого могли бы обвинить в шпионаже и расстрелять. Именно поэтому Сталин никогда не рискнул бы использовать людей, подобных Мессингу, в делах разведки и контрразведки, особенно политической. Ведь всегда была опасность, что маг и телепат начнет свою игру и под видом чтения чужих мыслей станет оказывать влияние на Сталина и других высокопоставленных лиц в нужном для себя направлении.

Леонид Любимский вспоминал: «Когда началась Великая Отечественная война, перед артистом встали вопросы: чем по-

мочь своей новой Отчизне? Нужны ли людям в эту тяжкую пору его выступления с “психологическими опытами”? Оказалось, нужны. Его эвакуировали в Новосибирск, и вскоре он начал выступать в воинских частях, домах офицеров, клубах, госпиталях, цехах оборонных заводов, силой своего дарования внушая зрителям уверенность в разгроме фашизма, в победе. Как и многие советские люди, отсылал заработанные средства в фонд обороны. С 1944 г. первый из построенных на его деньги самолет — истребитель Як-7 — участвовал в боях (скорее всего, имеется в виду фронтowej истребитель Як-7Б с форсированным двигателем М-105ПФ. Серийное производство самолетов этой модификации началось в мае 1942 года и закончено в июле 1944 года. Всего было выпущено 5120 самолетов этой модификации. Однако на новосибирском заводе № 153 этот самолет производился только с августа 1942 года по декабрь 1943 года. Следовательно, Ковалев никак не мог получить этот самолет в Новосибирске в марте 1944 года. Поэтому более вероятно, что он получил тогда самолет Як-9Т, который выпускали на новосибирском заводе № 153 с марта 1943-го по июнь 1945 года. Всего было произведено 2748 машин этой модификации. Не исключено также, что Ковалев получил истребитель с увеличенной дальностью Як-9Д; 3058 машин этой модификации было произведено в период с марта 1943-го по июнь 1946 года. — Б. С.). Его торжественно, в присутствии Мессинга, передали на аэродроме авиационного завода в Новосибирске летчику 13-го истребительного авиаполка ВВС Балтийского флота Герою Советского Союза капитану Константину Ковалеву. Самолет, на котором он ранее сражался, был к тому времени настолько исполосован фашистскими очередями, что его решили сохранить в музее как свидетельство отваги и мастерства летчика и надежности техники. На врученном новом истребителе Ковалев увеличил счет сбитых вражеских машин.

...Мессинг заметно разволновался и уже не ходил, а почти что бегал по комнате. Я вклинился в его речь: “А как родилась идея подарить самолет польскому авиаполку?” — “Ванда Василевская (польская и советская писательница, председатель созданного в 1943 году Союза польских патриотов в СССР. — Б. С.), когда узнала, что один мой самолет уже на фронте, сказала: ‘Было бы хорошо, если бы ты и польскому авиационному полку “Варшава” тоже подарил самолет’. Я так и поступил”.

“Вы упомянули о телеграмме Сталина”, — напомнил я, чтобы поддержать разговор. — “Не об одной: у меня хранятся несколько его телеграмм. Я пришлю вам фотокопии”. Вольф Григорьевич выполнил это обещание (однако в обеих статьях Любимского приведена фотокопия лишь одной телеграммы

Сталина Мессингу, адресованной во Владивосток. Поскольку речь в ней идет о вкладе в ВВС Красной армии, можно предположить, что она относится к тому самолету Мессинга, на котором летал советский летчик Ковалев. Что же касается польского самолета, то благодарственную телеграмму Мессингу за этот самолет должен был, по логике, подписывать кто-то из руководителей Союза польских патриотов или возникшего позднее просоветского Люблинского правительства, может быть, та же Ванда Василевская, но уж никак не Сталин. Если дата в книге, цитируемой Любимским, верна и летчики снялись у самолета действительно в мае 1944 года, то Мессинг в рассказе Любимскому совершенно точен: первый его самолет был передан Герою Советского Союза Константину Федотовичу Ковалеву в марте 1944 года, поскольку отправился за ним Ковалев в Новосибирск ранней весной; тогда второй самолет действительно мог быть передан польским летчикам в мае. — Б. С.).

“А летчики полка ‘Варшава’ принимали участие в боях?” — в свою очередь спросил артист. Я кратко рассказал о боевом пути этого авиаполка. Когда речь зашла об его участии в боях в Польше на Магнушевском плацдарме, Мессинг опять разволновался: “Так это же вблизи моего родного города Гура-Кальвария! Может, и мой самолет участвовал в этих боях!” — и взглянув на меня, добавил: “Жаль, что вы этого не знаете”.

Мой вопрос о том, пришлось ли побывать на родине после окончания войны, повернул направление разговора к проблеме тогдашнего времени. “У меня есть большое желание побывать в Гура-Кальварии, Варшаве, Кракове. Но пока не получается. И знаете, по какой причине? Из-за денег. Нет, денег и теперь у меня достаточно, но при выезде мне разрешают обменять на злотые всего пятьсот рублей! Вы представляете, — негодовал он, — Вольф Мессинг спустя столько лет появляется на своей родине с грошами в кармане? Нет, я поеду в Польшу только тогда, когда буду иметь столько злотых, сколько мне понадобится. Люди должны увидеть: приехал Мессинг!”

Более двух часов продолжалась беседа, пришла пора, как говорится, и честь знать. Мы обменялись адресами, договорились о встрече в Москве, Вольф Григорьевич доверительно сообщил придуманный им “код”, лишь применив который можно было услышать в трубке его голос. В полученных мной письмах он не раз упоминал о планах посетить Польшу и узнать о судьбе летчика, воевавшего на подаренном им самолете».

Интересно, что свидетельство Любимского — пожалуй, единственное, где содержится признание Мессинга о том, что он хотел бы посетить свою родину. И здесь же названа причи-

на, по которой он не может этого сделать — слишком малая сумма, которую меняют советским туристам при выезде из страны. Хотя 500 рублей по тогдашнему официальному искусственному курсу означало более 600 долларов (что конечно же не имело никакого отношения к реальной стоимости доллара на черном рынке, где за один доллар давали пять—семь рублей). На 600 долларов земляков ничем особенным удивить было нельзя. А до того времени, когда валюту из СССР, а потом и из России стало можно вывозить в значительно больших количествах, Вольф Григорьевич не дожил. Сам он валютных доходов не имел. Заграничные гастроли для него из-за незнания языков были возможны только в очень узком географическом регионе — в Польше и ГДР. Но там были свои телепаты, с которыми Мессингу трудно было бы конкурировать. Не думаю, что рассказом об отсутствии валюты он хотел замаскировать перед собеседником тот факт, что он был, как говорили в советское время, «невъездным», то есть партийные инстанции и КГБ не выпускали его за границу. Ведь никакими государственными секретами он не владел, политикой не занимался, а как еврей имел полную возможность легально выехать в Израиль. Вернее, добраться до Вены, а там уже решить, в какую именно страну отправиться. Причем ему даже за полученное в СССР высшее образование платить бы не пришлось, поскольку он его не получал. Однако Мессинг, похоже, вопреки тому, что он пишет о первой половине своей жизни в мемуарах, к поездкам в другие страны не стремился. Ему с избытком хватало гастролей по Союзу. Ведь он привык удивлять людей, привык жить в атмосфере восхищения своим талантом. Роль обычного туриста, послушно осматривающего местные достопримечательности, да и то непременно в составе тургруппы, под бдительным надзором, была явно не для него.

Любимский в конце концов выяснил судьбы летчиков, летавших на самолете Мессинга, но произошло это уже после кончины Вольфа Григорьевича. Любимский вспоминал: «1 февраля 1974 г. — это был последний год его жизни, — в письме из Горького, куда он поехал “для лечения ног после всех испробованных московских способов”, после поздравления в связи с годовщиной советских Вооруженных Сил он написал о желании проведать “родные места и, возможно, увидеть свой истребитель, если он где-то хранится в музее, или встретить кого-нибудь из летчиков, летавших на этом истребителе или знавших героев того времени”. В отправленном 21 августа письме он повторяет: “Давно собираюсь съездить на короткий срок, дней на 10 или на две недели, на свою родину, в Польшу. Ну а если я там буду, мне хотелось бы иметь координаты летчика, который

летал на построенном мною истребителе, переданном ВВС Польши, позвать его доблестную руку и иметь дружеский контакт с этим доблестным человеком”. Вероятно, Мессинг почувствовал, что жить ему осталось недолго, и хотел все-таки перед смертью навестить родные места, но не успел.

К этому времени мне удалось собрать сведения о летчиках, совершавших боевые вылеты на подаренных Мессингом самолетах. Впрочем, о судьбе К. Ф. Ковалева артист был хорошо осведомлен. В начале июня 1944 г. он получил телеграмму командующего ВВС Балтийского флота генерал-лейтенанта М. И. Самохина с сообщением, что Ковалев прибыл “и благополучно бьет врага на вашем самолете”. Сам Ковалев прислал Вольфу Григорьевичу письмо, в котором сообщил о том, что в газете “Летчик Балтики” опубликовал рассказ о своей поездке в Новосибирск за самолетом и встрече с артистом. Переписка между ними продолжалась и в послевоенное время.

А вот для поиска материалов о судьбе летчиков авиаполка “Варшава”, изображенных на снимке, требовалось больше времени. Удалось установить, что справа на фото — Ежи Чонвицкий, курсант учебно-тренировочного отряда, с ноября 1943 г. летчик авиаполка “Варшава”. Участвовал в боях на Висле, в Померании, несколько боевых вылетов совершил на самолете, подаренном Мессингом. Слева на фото — выпускник инженерного факультета Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского капитан Олег Матвеев. В 1943 г. он был назначен инструктором по стрелковому делу учебно-тренировочного отряда, готовившего польских летчиков. Вместе с ними выучился на летчика и был назначен помощником командира полка “Варшава” по воздушно-стрелковой службе. Совершил более 40 боевых вылетов. Погиб в бою за освобождение польского города Пила. О последних минутах жизни летчика польский историк Болеслав Долята оставил такое свидетельство: “Во время очередного боевого вылета над Пилой в самолет Матвеева попал вражеский снаряд. Летчик с трудом выровнял падающий самолет, направил его на немецкие танки и обрушился на них с огромной силой” (Матвеев погиб в феврале 1945 года, но история с тараном танковой колонны, скорее всего, легендарна. Не исключено, что исследование Болеслава Доляты — это и есть та книга, где два летчика изображены рядом с подаренным Мессингом самолетом. Но то, что Матвеев и Чонвицкий летали на одном и том же самолете, представляется маловероятным. — Б. С.). Был ли таран совершен на самолете, подаренном Мессингом? Возможно. Матвеев часто совершал вылеты именно на этом истребителе. Но достоверные данные получить не удалось.

В последнем письме, полученном мною, Вольф Григорьевич сообщил: “10 сентября 1974 г. мне исполнится 75 лет. Я хочу быть здоровым, работоспособным, самоходным к своему юбилею”. Так сложилось, что приехать и лично поздравить юбиляра и передать ему собранные материалы в те дни не удалось. А когда во второй половине ноября приехал в Москву, то с горечью узнал, что после быстротечного воспаления легких несколько дней назад Вольф Мессинг ушел из жизни».

Таким образом, мы убедились, что оба самолета, построенные на средства Мессинга, были переданы, соответственно, советскому и польскому летчикам, только в марте и мае 1944 года. Следовательно, в 1942 году никакой самолет, построенный на средства Мессинга, советским пилотам не передавался. Поэтому и никакой благодарственной телеграммы Сталина Мессингу газеты в 1942 году при всем желании не могли публиковать. Так что вся история насчет публикации сталинской телеграммы в газете «Правда Востока», равно как и история с двумя арестами Мессинга в Ташкенте и его неудачной попыткой бежать в Иран, несомненно, придуманы Шенфельдом с начала и до конца.

Шенфельд совсем не объясняет, зачем Мессинг собирался перебраться в Иран, притом что всячески подчеркивает трусость своего героя. Любой человек, живущий в 1942 году в Ташкенте, знал, что северные провинции Ирана оккупированы Красной армией. Так что Мессинг, переходя советско-иранскую границу, отнюдь не выходил за пределы сферы советского влияния. Ему требовалось без денег и документов пробираться на юг Ирана, в британскую оккупационную зону. При этом внешностью и одеждой он резко отличался от местных жителей, языка не знал и привлек бы внимание первого же советского патруля. Шенфельд, очевидно, забыл, что в Иране в тот момент находились советские войска. И поэтому у него роль Калинского сводится к тому, чтобы перебросить Мессинга через иранскую границу, а там уже, дескать, можно спокойно идти навстречу свободе.

А ведь если бы Мессинг и в самом деле хотел уехать из СССР, он бы мог сделать это не один раз, и притом вполне легально. Как раз весной и летом 1942 года из советской Центральной Азии в Иран была переправлена польская армия генерала Владислава Андерса. В ее рядах в Иран ушло около 80 тысяч военнослужащих и более 37 тысяч членов их семей. При желании в эту армию могли вступить все поляки и евреи, обладавшие польским гражданством до 1 сентября 1939 года. Ряд будущих видных деятелей Израиля, в том числе будущий премьер-министр Менахем Бегин, ушли с армией Андерса в

Иран, а оттуда, как и многие другие евреи, направились в Палестину.

Но если бы Мессинг не воспользовался этой возможностью, очень скоро ему представилась бы другая. В 1946—1947 годах полякам и всем лицам, имевшим до 1 сентября 1939 года польское гражданство, было разрешено репатриироваться в Польшу. Да и позднее такую репатриацию, хотя и не без трудностей, но при желании можно было осуществить, как это сделал, например, бывший советский разведчик Леопольд Треппер. Наконец, в 1960—1970-е годы Мессинг, если бы захотел, мог вполне легально эмигрировать в Израиль. Однако он ни разу не выказал, даже теоретически, намерение такого рода. И это, кстати сказать, кажется вполне естественным. Ведь только в СССР Мессинг познал настоящий успех и любовь зрителей, стал настоящей «звездой». В Польше он такой популярности никогда не имел, будучи лишь одним из многих чародеев, магов и ясновидцев, подвизавшихся на эстрадных подмостках. В Советском Союзе же он долгое время был единственным и многие годы после смерти оставался самым известным актером своего жанра, став настоящей легендой.

Пребывание Мессинга в ташкентской тюрьме в 1942 году и его последующее сотрудничество с НКВД в качестве осведомителя и (или) консультанта может быть доказано только наличием в архивах госбезопасности его личного дела. Из архива ФСБ России, куда издательство «Молодая гвардия» направило соответствующий запрос, пришел ответ, что в архиве нет следственного дела или каких-либо иных материалов, связанных с Вольфом Мессингом.

Вот текст этого письма, датированного 25 февраля 2010 года:

«Главному редактору издательства “Молодая гвардия”

А. В. Петрову

Уважаемый Андрей Витальевич!

Ваше обращение об ознакомлении историка Б. В. Соколова с материалами архивного следственного дела в отношении известного гипнотизера и психолога Вольфа Мессинга рассмотрено.

Сообщаем, что Центральный архив ФСБ России запрашиваемыми документальными материалами не располагает.

Заместитель начальника архива А. И. Шишкин».

Конечно, чисто теоретически можно допустить, что дело Мессинга, которое, по утверждению Шенфельда, до суда так и не дошло, могло быть уничтожено в последующие годы. Такое случалось, хоть и нечасто. Так, в 1963 году было уничтожено следственное дело Рокоссовского и некоторых других военных, пострадавших в 1930-е годы и впоследствии реабилити-

рованных, но решение об этом принималось на уровне Политбюро. Вряд ли высшее политическое руководство могло бы озаботиться уничтожением следственного дела Мессинга — ведь политической фигурой артист никогда не был. Я склонен полагать, что этого дела нет в архиве ФСБ по той простой причине, что его никогда не было в природе. Те два кратковременных задержания в начале Великой Отечественной войны, о которых упоминает Мессинг в мемуарах, наверняка не оставили даже протоколов.

Еще менее вероятна версия, что дело Мессинга до сих пор засекречено, поскольку он с 1940-х годов и чуть ли не до конца жизни выполнял ответственные задания «органов». Эта версия, популярная в конспирологических кругах, ровно ничем не подтверждается. Близко знавший телепата Эгмонт Мессин-Поляков утверждал: «По поводу его сотрудничества со спецслужбами могу сказать одно: Вольф Григорьевич всеми фибрами своей души был против этого и всю жизнь старался избегать такого рода контактов. Когда он умер, представители соответствующего ведомства побывали у него дома и, скорее всего, какие-то документы изъяли».

Можно заключить, что никакого ареста Мессинга за попытку нелегального перехода в Иран не было. В целом Вольф Григорьевич своей новой родиной был доволен и не собирался возвращаться в Польшу или искать счастье где-то еще. Он справедливо полагал, что такого успеха он больше нигде иметь не будет. Тем не менее версия Шенфельда о Мессинге, мечтавшем удрать из СССР, но попавшемся на провокацию агента НКВД Абрама Калининского, в результате чего Вольф Григорьевич якобы оказался в ташкентской тюрьме и купил себе свободу согласием на незавидную роль сексота, получила распространение среди ряда журналистов. Так, Владимир Кючарьянц в своей статье о Мессинге полностью следует документальной повести Шенфельда в изложении военных лет биографии великого телепата: «Тогда он немного слукавил: интуиция не всегда выручала его. С гордостью показывая мне газетные вырезки военных лет, сообщавшие о двух подаренных им фронту самолетах, ни словом не обмолвился, что дар этот оказался вынужденным. Ни предвидение, ни предчувствие не подсказали ему, что не следует отказываться от настойчивого предложения представителей власти пожертвовать свои немалые сбережения на истребитель. Он отказался и был арестован. Пришлось соглашаться».

После первого ареста Мессинг стал вкладывать гонорары в драгоценные камни. Шла война, и деньги мало что стоили. Во время гастролей в Средней Азии он познакомился с польским

эмигрантом Абрамом Калинским и поддался на его уговоры бежать в нейтральный Иран. И куда подевался его дар провидца?! Мессинга снова арестовали. Спасла его найденная в кармане та самая благодарственная телеграмма Сталина. Да еще привычка дарить фронту самолеты. Так взлетел в небо второй его истребитель. А он перестал коллекционировать бриллианты, разглядев в них целую эскадрилью.

Насколько правдива эта история? Я узнал о ней только теперь. Мне не довелось видеть секретное досье Мессинга. Но я видел его лицо. Его гордость за свои самолеты была (стала?) искренней...»

На самом деле, я более чем уверен в том, что Мессинг с самого начала вполне искренне гордился тем, что построил для советских ВВС целых два самолета, тем более что с толком потратить свои миллионы он в СССР все равно не мог.

А агент НКВД Калинский — это такой же вымысел Шенфельда, как и пребывание Мессинга в ташкентской тюрьме. Скорее всего, этот образ представляет собой пародию на одного из предшественников Мессинга на ниве телепатии — инженера Бернарда Кажинского, который в романе Александра Беляева «Властелин мира» фигурирует как инженер Качинский. В романе Качинский именуется русским, хотя и польского происхождения. Кем считал себя по национальности Бернад Кажинский, я не знаю. Он мог быть как русским, так и поляком или польским евреем. Но Шенфельд вполне мог остановиться на третьем варианте, когда создавал образ живущего в СССР польского еврея Абрама Калинского.

Мессинг так отозвался о Кажинском в мемуарах: «Мне много в последние годы рассказывали об этом интереснейшем человеке, и я сожалею, что не удалось познакомиться с ним, а теперь это невозможно — он умер в 1962 году. Это был человек изумительной эрудиции, принимавший участие в опытах известного дрессировщика животных В. Л. Дурова, друживший с К. Э. Циолковским, В. М. Бехтеревым, П. П. Лазаревым. Некоторые считают, что и он сам обладал незаурядными телепатическими способностями. Кажинский явился прототипом одного из героев известного научно-фантастического романа А. Р. Беляева “Властелин мира” — инженера Качинского. Как известно, инженер Качинский в романе Беляева также занимается разработкой проблемы непосредственной передачи мыслей.

Роман “Властелин мира” написан в 1928 году. Но еще в 1923 году вышла в свет книга самого Б. Б. Кажинского “Передача мыслей (факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излуча-

ющихся наружу)”. А в 1962 году издал он свою последнюю в жизни книгу — “Биологическая радиосвязь”. Все это время, почти сорок лет, разделяющие две книги, ученый следил за достижениями целого ряда наук — от психиатрии до радиоэлектроники, находя все новые и новые доказательства своей гипотезе.

Нашел ли он их? Кажинский считал, что нашел. В частности, вместе с Дуровым он проводил опыты внушения животным из металлической заземленной камеры, не пропускавшей радиоволн. При открытой двери камеры внушение достигало цели, животное выполняло мысленный приказ, при закрытой — опыты оказывались безрезультатными. Но мне не кажется окончательно убедительной эта серия опытов, хотя бы потому, что аналогичные опыты ленинградского ученого Л. Л. Васильева дали противоположный результат: изолирующая от радиоволн камера ни в малой степени не мешала у него передаче мысленного внушения. И поэтому вопрос о гипотезе электромагнитной, или, точнее, радиоволновой, природе передачи мыслей все еще остается предположением. Надо четко и бесспорно установить, участвует ли в передаче мыслей электромагнитное поле. Со своей стороны могу сказать: для меня почти безразлично, есть ли у меня личный контакт с моим индуктором или нет, т. е. держу я его за руку или нет. Большинству же телепатов легче проникнуть в мысли человека, если они держат его за руку. Может быть, этот факт поможет в поисках истины?

Ну а если окажется, что электромагнитное поле здесь ни при чем, как быть? Что же, тогда надо будет найти еще не известное нам поле, которое ответственно за телепатические явления. Найти и изучить его. Овладение им может открыть новые, совершенно удивительные возможности, не меньшие, чем открыло овладение электромагнитным полем. Вспомните: Генрих Герц открыл радиоволны в 1886 году. И меньше чем за сто лет стало возможно радио, телевидение, радиолокация, закалка токами высокой частоты и т. д. и т. п. Почему же не ожидать, что новое, не открытое еще сегодня поле не одарит нас еще большими чудесами!?»

Здесь стоит отметить, что в опытах Кажинского удавалось передавать на расстоянии прежде всего эмоциональные состояния, а это как раз то, что фиксируется в идеомоторных актах. Представляется любопытным, что в романе Александра Беляева Кажинский и его немецкий коллега телепат Штирнер-Штерн сочетают свойства телепата и гипнотизера. Они способны не только передавать и читать мысли с помощью электромагнитных волн, излучаемых мозгом и преобразуемых

в радиоволны, но и способны внушать эти мысли, отдавать команды на расстоянии, вне визуального контакта с объектом гипноза.

Интересные метаморфозы произошли с финалом «Властелина мира» на пути от газетной до книжной публикации. В первой редакции романа, опубликованной в газете «Гудок» в октябре — ноябре 1926 года, Штирнер и Качинский с помощью мыслеизлучающего аппарата предотвращают войну и создают условия для того, чтобы начать подготовку к организации Всемирного Союза Советских Социалистических Республик. Тогда, в 1926 году, в СССР еще жила мечта о мировой революции. Но отдельные издания романа вышли только в 1928—1929 годах, когда уже был окончательно взят курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране. Поэтому тема мировой революции была оставлена, и в эпилоге «Властелина мира» Штирнер, превратившийся в Штерна и сознательно отказавшийся от своего телепатического дара, доведшего его до нервного истощения, встречается на побережье Африки свою бывшую возлюбленную Эмму. Здесь Дугов (так назван в романе дрессировщик Дуров) с помощью Качинского и «перековавшегося» Штирнера ловит львов для московских зоопарков. Такой финал можно понять как скрытую иронию над прежней идеей использовать телепатию для свершения мировой революции.

Шенфельд как раз иронизировал над восхищением Мессинга теорией Кажинского, когда утверждал: «И уж совершенно неожиданно я узнал кое-какие подробности о приключениях Абраши Калинского, который, отбыв 15 лет одиночного заключения, в 1959 году появился в Москве и начал посещать друзей и знакомых трагически погибшей от неизлечимой болезни Татьяны Златогоровой, которую он выдавал за свою жену. Но этого и писать бы не стоило, если бы не одно обстоятельство.

Одна моя собеседница хорошо знала одну из поклонниц Мессинга и через нее познакомилась с телепатом. Но конечно, она ничего не знала о пагубной роли Калинского в судьбах Мессинга и моей. Теперь она напрягала память, чтобы помочь мне и побольше сообщить о его судьбе. И вдруг вспомнила, что уже в семидесятых годах, то есть незадолго до смерти Мессинга, она неожиданно увидела его в сберкассе при гостинице “Москва”, на проспекте Маркса. Я подумал, что ослышался, когда она добавила, что он был в обществе “этого, как его звать, Калинского, что ли, ну, который околачивался вокруг Златогоровой”.

— Как? — Я выпучил глаза. — Мессинг в обществе Калинского?! Могло ли быть такое? Что они там делали?

— Что они могли делать? Разговаривали. Довольно оживленно.

— О чем же они могли разговаривать?

— Откуда я знаю? Я рядом не стояла. Видела только, как они размахивают руками. Но вы сами знаете, что евреи нередко разговаривают с помощью рук.

— Они, наверное, ссорились?

— Трудно сказать. По тому, как они размахивали руками, об этом было трудно судить. Но что с вами?

Я был совершенно ошеломлен. Мессинг мог встречаться с Калинским? Я мог себе многое представить, но только не это. Что они могли сказать друг другу? Что теперь, после всего, что было, могло их связывать?

Я пытался представить себе Мессинга, который, может быть, уже начал избавляться от страхов сталинского времени и от воспоминаний о Ташкенте. И вдруг перед ним вырос Калинин, человек из прошлого, которого хотелось забыть навсегда. Чего могла хотеть от Мессинга эта фигура, вынырнувшая из мрака забвения? А не шантажировал ли он его? Но чем, собственно, он мог его шантажировать? Ведь не угрозой разглашения того, как он спровоцировал и посадил в тюрьму великого ясновидца?

Я не находил ответа на возникающие один за другим вопросы. Что это еще за новая чертовщина? А что, думал я, если Мессинг не питал никакой вражды к своему злодею? Может быть, его жизненный поворот в Ташкенте, начавшийся весьма скверно, окончился очень благополучно? А что, если Калинин и Мессинг одним миром мазаны? Что, если освобождение из следственной тюрьмы в Ташкенте надо рассматривать с совсем иной точки зрения?»

Повторю, что для такого порочащего Мессинга вывода нет никаких оснований. А ответ из ФСБ доказывает, что никакого дела против Мессинга не было, а значит, не было и оснований для шантажа Мессинга и его последующей вербовки в качестве сексота. К тому же как сексот Мессинг большого интереса не представлял. Человеком он был не слишком разговорчивым, замкнутым, да и профессия телепата нередко заставляла собеседников проявлять определенную осторожность. К тому же вращался Мессинг в основном среди артистов и представителей других творческих профессий, где осведомителей и без него хватало.

Первый самолет, построенный на средства Мессинга, был передан морскому летчику, гвардии капитану К. Ф. Ковалеву. Всего за время войны Константин Федотович лично сбил 20 и в групповом бою — еще 15 неприятельских самолетов. 22 янва-

ря 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Четыре самолета Ковалев сбил, летая на построенном Мессингом истребителе. О своей встрече с Мессингом Константин Федотович написал во фронтовой газете «Летчик Балтики» от 22 мая 1944 года. Вот текст его статьи: «В этом бою я сбил тридцать первый самолет. В тот день на командном пункте полка я получил приятное известие: советский патриот профессор психологии В. Г. Мессинг дарит мне самолет. Я встретился с ним на вокзале. Я был в морской форме и летном реглане, и он безошибочно нашел меня. Мы обнялись и крепко пожали друг другу руку. И как-то сразу между нами установились самые близкие отношения. Всю дорогу мы беседовали горячо и взволнованно. Все напоминало встречу отца с сыном после долгой разлуки.

На следующий день профессор отправился со мной на завод. Ярко светит солнце. На заводском аэродроме собрались рабочие и служащие. Секретарь Новосибирского обкома открывает митинг. Первое слово предоставляется профессору Мессингу:

— Гитлеровские негодяи рассчитывали поставить великий советский народ на колени. Враги просчитались, на защиту своих прав советский народ поднялся как один человек. Мне бесконечно дорога моя Родина, ее свобода, ее честь и независимость. Выполняя свой долг, я решил на личные сбережения построить самолет и подарить его Герою Советского Союза Ковалеву. Товарищ Сталин разрешил мне осуществить мое желание. Самолет построен. Вручаю его тебе, сын мой Костя. Бери его и бей врага, чтобы советская земля и небо были навсегда свободными от немецких оккупантов. Благословляю тебя на месть, на победу...

Новенький истребитель стоял, сверкая краской. “За победу!” — написано на фюзеляже. Читаю дальше: “Подарок от советского патриота профессора В. Г. Мессинга — балтийскому летчику Герою Советского Союза К. Ковалеву”».

Ковалев вел дневник. Он жил в гостинице вместе с Мессингом и отметил в дневнике, что на протяжении семнадцати дней они неоднократно выступали перед рабочими, школьниками, ранеными красноармейцами. Однажды им довелось выступить вместе. В зале Дома культуры авиазавода Мессинг проводил свои психологические опыты. Зал был переполнен, а для контроля за опытами избрали жюри. Зрители попросили, чтобы его возглавил капитан Ковалев. Строго говоря, это противоречило условию Мессинга, что в жюри должны входить люди, с ним незнакомые, но в данном случае Вольф Григорьевич пошел навстречу пожеланиям трудящихся и кандидатуру Героя

Советского Союза отводить не стал. В первой же записке из зала Мессингу было написано: «Пусть профессор найдет спрятанный пакет и прочтет вложенную в него записку вслух». Мессинг прошел в зал. Попросил автора записки подойти к нему. Подошел юноша. Мессинг взял индуктора за руку и безошибочно подвел к тому месту, где был спрятан пакет. Развернув записку, Мессинг прочел вслух: «Попросите гостя рассказать о своих подвигах». Таким образом Ковалев стал полноценным участником выступления Мессинга. Не исключено, что первый индуктор Мессинга действовал по заданию партийных органов, стремившихся, чтобы заодно с психологическими опытами зрители услышали рассказ советского аса о его победах.

Знакомство Мессинга и Ковалева продолжилось и после войны. В 1946 году Ковалев уволился в запас и поселился в Краснодарском крае. В следующем году Мессинг приехал с гастролями в Краснодар и узнал среди зрителей капитана Ковалева. Они обнялись. Через несколько дней Мессинг приехал в станицу Мингрельскую, где тогда жил Ковалев. Потом между ними завязалась переписка. Ковалев с женой Екатериной Дмитриевной не раз навещал Мессинга в Москве. В 1960-е годы Вольф Григорьевич еще раз приехал в станицу Мингрельскую и неделю гостил у Ковалевых, рыбачил и восхищался щедрой кубанской природой. Константин Федотович Ковалев на много лет пережил телепата и скончался в 1995 году в возрасте 81 года.

Как уже говорилось, Мессинг женился довольно поздно, когда ему было уже 45 лет. Никакие свои предыдущие влюбленности в мемуарах Мессинг не упоминает. Шенфельд пишет про некую Симу, но ее существование, как мы уже говорили, весьма сомнительно. О каких-либо своих романах в польский период жизни Вольф Григорьевич никому из друзей и поклонников никогда не говорил. Думаю, эта сторона его жизни навсегда останется тайной.

Мессинг в мемуарах так описал знакомство со своей будущей женой: «В 1944 году в Новосибирске после сеанса “Психологических опытов” ко мне подошла молодая женщина:

— Мне кажется, вступительное слово к вашему выступлению надо бы читать по-другому...

— Ну что же, — ответил я, — попробуйте вы прочитать его... Следующее мое выступление — через два дня... Вы успеете подготовиться?

— Попробую.

Накануне я встретился с ней снова. Мне понравилась ее манера чтения...

— А у вас есть длинное платье для выступления?

— Нет, я думаю, следует надеть темный строгий костюм. Он больше подходит для сеансов ваших “Психологических опытов”.

Так впервые встретился я с женщиной, которая стала потом моей женой, — Аидой Михайловной. Она умерла в 1960 году. Годы, прожитые с ней, — самые счастливые в моей жизни».

Тут и добавить нечего. Никто из мемуаристов никогда не упоминал о каких-либо размолвках между Мессингом и его супругой.

В годы войны у Мессинга будто бы появился крестный сын. На самом деле здесь какая-то ошибка. Нет никаких данных, что Мессинг когда-либо крестился в православие или в какую-либо другую христианскую конфессию. Наоборот, есть многочисленные свидетельства, что Вольф Григорьевич сохранял верность религии предков и, в частности, читал на могиле своей жены иудейскую молитву — поминальный кадиш. Так что в качестве крестного отца Мессинг выступать при всем желании не мог.

«Крестником» Вольфа Мессинга называл себя умерший совсем недавно — в 2009 году — Эгмонт Львович Месин-Поляков. О его близости к Мессингу в последние годы жизни телепата свидетельствует Татьяна Лунгина. Вот как она описывает похороны Мессинга: «В морг, где все эти дни находилось тело Вольфа Мессинга, мы приехали вчетвером: Валентина Ивановская, молодой друг Вольфа Григорьевича Алексей Месин-Поляков, дружба с семьей которого длилась более 30 лет, я и мои сыновья.

Тело вынесли из общего отделения, и гроб установили на своего рода лафете — скромной копии настоящего лафета, на который водружают останки крупных военачальников или государственных деятелей.

Алексей вынул из кармана маленькие ножницы и отрезал небольшой завиток седых кудрявых волос у виска Вольфа Григорьевича, бережно положил в почтовый конверт и спрятал в записной книжечке. Алеша воспитан в интеллигентной русской семье. Все они: бабушка, мать Алексея и он сам относились к Мессингу как к святому. Немало добра сделал Мессинг для этой семьи».

Нередко Эгмонта Львовича Месин-Полякова принимали за родственника Вольфа Мессинга. Так, Наталья Михайловна Хвастунова вспоминала о встречах с ним: «В конце 70-х или начале 80-х со мной встретился некий Месин-Поляков — человек, очень похожий на Мессинга внешне. Я подумала, что он его сын. По возрасту он родился где-то в первой половине

40-х годов. Родился то ли в Новосибирске, то ли в Иркутске. Но Месин-Поляков утверждал: «Все говорят, что я его сын, но я не его сын». Он интересовался Мессингом и судьбой его наследства. Он работал в институте, занимавшемся проблемой переброски сибирских рек. А я была противницей этого переброса. Разговор у нас не получился».

Очевидно, на мысль о родстве наталкивали как почти полное совпадение фамилии, так и внешнее сходство. Однако на самом деле никакое родство между двумя однофамильцами не прослеживается. А родился Эгмонт Львович не в 1940-е годы, а немного раньше — 23 июля 1938 года, и не в Новосибирске, а в Ашхабаде. Вот что он рассказал о знакомстве с Мессингом в одном из интервью: «Мы уехали из Москвы в августе 1941 года, я был тогда трехлетним крохой. После долгих скитаний осенью 1942 года мама, бабушка и я поселились в Новосибирске. Мы снимали комнату на улице Омской, 17, у хозяйки Евдокии Гавриловны Козоловой».

В другом интервью Месин-Поляков уточнил: «Насколько я помню, мы с мамой и бабушкой переехали из Ашхабада в Новосибирск, когда мне было около пяти лет. Отец мой в то время служил на границе, был музыкантом в оркестре погранвойск. Эгмонтом он меня назвал в честь знаменитой увертюры Бетховена, которую любил исполнять на аккордеоне. В Новосибирске же меня перекрестили в Алексея — в честь маминного брата, летчика, погибшего на войне. Так что у меня два имени... И на этих новосибирских крестинах присутствовал Вольф Григорьевич Мессинг, ставший моим крестным отцом.

Он предсказал гибель Леша. Я присутствовал при этом. Он сказал об этом моей маме. Леша погиб на Таманском полуострове.

Жили мы на улице Омской, в доме номер 17 — довольно большом, с огромными, как мне тогда казалось, деревянными ставнями. Хозяйку звали Евдокия Гавриловна Козолова. Бабушка работала в обкомовской столовой и именно там познакомилась с Мессингом: они разговорились, она пожаловалась на наши беды, и он настолько проникся, что специально пришел познакомиться со мной. С того самого дня у нас завязались по-родственному близкие отношения...

Бабушка работала в столовой — то ли обкомовской, то ли принадлежащей авиационному заводу имени Чкалова, я не могу сказать точно. Но там проводили разные приемы, приезжало руководство... Бабушка была шеф-поваром, она готовила прекрасно. Однажды у них на кухне возник высокий мужчина с взлохмаченными кудрявыми волосами, посмотрел туда-сюда: «Ну, быстро, быстро по хозяйству!» — сказал он.

Потом он появлялся на кухне не один раз. Не знаю, с какой целью, видимо, контролировал, чтобы не отравили кого-нибудь из гостей. В один из таких визитов он увидел бабушку — она стояла у окна, была чем-то очень расстроена и погружена в свои мысли.

Потом, когда я Мессинга знал уже не один год, я понял, что для него было естественным обратиться к опечаленному человеку — он был очень добрым. «Что случилось?» — спросил он тогда. Младший сын бабушки Леша был летчиком и находился на фронте, да еще я заболел. У меня было сильное истощение, кроме того, меня преследовали кошмары, спровоцированные впечатлениями от войны. Мне врезалось в память, как во время бомбежки, в которую попала наша семья при эвакуации, катятся арбузы, разбиваются, разлетаются... Их мякоть мне казалась кровью... Вольф предложил посмотреть меня. В тот свой визит он показал многое из того, что умел. С тех пор Мессинг стал заходить к нам. Зимой меня крестили в церкви, и он стал моим крестным отцом».

Мальчик, которому зимой 1943/44 года было всего лишь пять лет, вряд ли мог помнить сам момент крещения. Но вряд ли он мог выдумать, что был крещен в честь погибшего дяди Алексеем. Если родители Эгмонта-Алексея были людьми истинно верующими, они конечно же не могли не сообщить ему о факте крещения. Но поскольку Мессинг никак не мог быть крестным отцом Месин-Полякова, то остаются только две версии. Либо вся версия с Мессингом как его крестным отцом выдумана Месин-Поляковым с начала до конца. Либо родители говорили ему о Вольфе Мессинге как о его крестном отце лишь образно, метафорически, имея в виду ту заботу, которую он проявлял о мальчике. Мне лично более логичной и вероятной кажется первая версия, хотя близость Эгмонта-Алексея Месин-Полякова к Мессингу в последние годы жизни великого телепата не вызывает сомнений и подтверждается, в частности, воспоминаниями Татьяны Лунгиной.

Мог ли Мессинг появляться на кухне обкомовской столовой в Новосибирске? Вероятно, мог. Не исключено, что он устраивал там встречи с кем-то из своих высокопоставленных поклонников и мог зайти на кухню, чтобы согласовать с шеф-поваром меню. Вольф Григорьевич в войну не голодал, а лучше всего кормили в Новосибирске наверняка в обкомовской столовой. Сам Мессинг к номенклатуре не принадлежал, но номенклатура его уважала и даже до некоторой степени гордилась знакомством с таким уникальным человеком.

Месин-Поляков утверждал: «Я действительно очень отчетливо запомнил практически весь период нашей новосибир-

ской жизни. Помню, например, как Мессинг зашел к нам в гости и мы все вместе праздновали знаменитую передачу самолета летчику Константину Ковалеву. Обстановка была очень веселая и душевная. Что касается волшебства... Конечно, Вольф Григорьевич не раз изумлял и поражал меня. Как-то раз он одним взглядом заставил воробьиную стайку дружно спуститься ко мне, на землю. В тот день, когда отмечали передачу самолета, Вольф Григорьевич подарил Ковалеву, тоже гостившему у нас, замечательные золотые швейцарские часы. Точно такие же он носил сам. Мне, любопытному мальчишке, разумеется, тоже захотелось посмотреть на эти часы, и я попросил Вольфа Григорьевича показать их мне поближе. На что он сказал: «А ты пойди, встань вон в тот уголок, вытянись по стойке смирно, протяни ручку вперед — и через три минутки у тебя будут такие же часы...» Я так и сделал: постоял, постоял — и вдруг вижу, что на моей руке действительно надеты часы! Я их туда-сюда крутил, вертел, рассматривал, слушал. А через какое-то время они вдруг исчезли...»

Честно говоря, история с часами, будто бы подаренными Мессингом Ковалеву, большого доверия не вызывает. Об этом ценном подарке ничего не упоминает сам Ковалев в статье, посвященной Мессингу. История же с воробьями, которых Мессинг будто бы посадил на землю одним своим взглядом, может вызвать разве что улыбку. Мало ли почему воробьям вздумалось приземлиться! Ведь гипнозу, то есть словесному, а уж тем более телепатическому внушению, животные не поддаются. Их можно лишь ввести в гипнотический сон. Точно так же история с золотыми часами, будто бы надетыми незримой силой на руку маленького Месина, а потом столь же внезапно исчезнувшими, может быть случаем гипноза. Но в то же время Месин-Поляков мог сочинить эти истории позднее, уже в зрелом возрасте. Сомнения вызывает и то, что много десятилетий спустя Эгмонт Львович мог сколько-нибудь точно помнить свои встречи с Мессингом в возрасте пяти лет. Строго говоря, у нас даже нет документальных доказательств, что семья Месин-Поляковых познакомилась с Мессингом в годы войны, а не позже.

Далее Месин-Поляков вспоминал: «Как-то зимой со мной произошел несчастный случай — я, решив проверить мамины слова о том, что хорошим детям Дед Мороз посылает все вокруг сахаром, а плохим — льдом, лизнул щеколду и содрал кожу на языке. Рана заживала очень долго. Мы вынуждены были даже купить курицу — чтобы лечить мой язык свежим яйцом. И вот однажды бабушка отправила меня в сарай за яйцом. А Мессинг, который как раз в тот момент был у нас, говорит:

“Не нужно ходить в сарай. Зайди в свою комнату — там, в штопальнице на столе, найдешь яичко”. Я захожу в комнату и вижу, что на столе в штопальнице и в самом деле стоит яичко — оно было теплым на ощупь, будто курица снесла его только что... У меня до сих пор в голове не укладывается, каким образом ему удавалось делать такие вещи...»

Что ж, если случай с чудо-яичком действительно имел место, то рационально объяснить его не так уж сложно, не применяя разного рода теории телекинеза. Можно предположить, например, что лечение пострадавшего языка яйцом предложил сам Мессинг и потому он заранее положил в штопальницу яичко — чтобы поразить воображение мальчика и побудить его с энтузиазмом поглощать прописанные ему в терапевтических целях сырые яйца.

Существует легенда, будто за год или за два до победы в войне Мессинг предсказал ее дату. Правда, не совсем точно. Якобы на одном из выступлений ему задали вопрос, когда же окончится война. Мессинг напрягся, побледнел и, наконец, промолвил, что он видит советских солдат на улицах Берлина 5 мая 1945 года. Примечательно, что в мемуарах Мессинга об этом предсказании не говорится ни слова. И неудивительно. Ведь посредством телепатии, то есть чтения чьих-то мыслей, невозможно было бы, при всем желании, предсказать день окончания войны. Так что здесь могла речь идти только о ясновидении, явлении мистическом, но, поскольку мемуары Мессинга как раз и призваны были разоблачать всяческую мистику, подобный сюжет здесь был явно неуместен.

По поводу предсказания Мессингом времени начала и конца Великой Отечественной войны существует несколько свидетельств. Так, по словам Эгмонта Львовича Месин-Полякова, Мессинг предсказал, когда и чем закончится война на одном из своих выступлений: «Но еще раньше он сказал об этом в Кремле: 22 июня 1941-го — начало, 5 мая 1945 года — окончание войны. Берия возмутился. У СССР был пакт о ненападении с Германией, а дата окончания войны казалась еще более нереальной — Мессинг пророчил целых четыре года сражений... Позднее, в мае 1941 года, выступая в концертном зале гостиницы “Москва”, Вольф предсказал одной девочке, которая собиралась в “Артек”, что ничего этого не будет. Эта девочка, ставшая впоследствии журналисткой, Татьяна Лунгина, написала книгу о Мессинге, будучи уже в Америке, куда она уехала».

Об этом предсказании, приведенном в книге Т. Лунгиной, мы уже писали — правда, оно было сделано не во время выступления, а перед ним, и лично ей, а не аудитории в тысячу с

лишним человек. На первый взгляд оно производит сильное впечатление: «Нет! Ничего этого уже не будет!.. Ни фильма, ни поездки, НИ-ЧЕ-ГО!» Однако ничего необычного в предположении о скорой войне в июне 1941 года не было. Когда в 1960-е годы популярность Мессинга в СССР достигла пика, усиленно пропагандировался тезис о внезапности германского нападения как главной причине неудач Красной армии в начальный период войны. Поэтому подавляющее большинство людей, особенно тех, кто родились уже после начала войны или в момент начала войны были малолетними детьми, пребывали в глубокой уверенности, что накануне войны советские граждане, исключая отдельных провидцев, даже не подозревали, что война вот-вот начнется. На самом деле, многие современники, по крайней мере взрослые, видели, что к западным границам перебрасываются войска, что многие школы готовятся переоборудовать под госпитали, что существуют другие признаки близкой войны. Правда, все ожидали, что Красная армия быстро разобьет немцев — «малой кровью, могучим ударом» — и пойдет освобождать народы Европы от фашизма.

Вольф Григорьевич перед войной немало ездил по приграничным областям Белоруссии, и слухи о возможности скорой войны до него наверняка доходили. Но одно дело — намекать на возможность скорой войны, и совсем другое дело — назвать точную дату, когда именно она разразится. В начале июня 1941 года точную дату начала советско-германской войны знали только Гитлер и несколько десятков министров и старших офицеров вермахта. И, судя по рассказу Лунгиной, Мессинг даже не пытался назвать дату начала войны. Кстати сказать, если бы война в 1941 году не началась, Татьяна скорее всего забыла бы о разговоре с Мессингом или связала бы его с неудачной попыткой съемок в Средней Азии.

Есть, впрочем, целый ряд рассказов, где Мессинг называет точные даты начала и конца войны. Один такой рассказ — это приведенный выше рассказ Месин-Полякова. Приведу еще два записанных мной рассказа об этом предсказании. Оба они принадлежат детям Михаила Васильевича Хвастунова — Наталье Хвастуновой и Михаилу Голубкову. Наталья Михайловна, которой доводилось встречаться с Мессингом, в беседе со мной рассказала: «Мессинг говорил, что предсказал в 1940 году или в начале 1941 года, но еще до 22 июня, что у Германии с Россией будет война, которая закончится советской победой между 3 и 5 мая 1945 года. Я считаю, что мысли можно читать, что будущее тоже можно предсказать. Хотя предсказаний судьбы Мессинг никому прямо не делал. После Победы Сталин прислал Мессингу поздравительную телеграмму, где подтверж-

дал его предсказание, сделанное в закрытом выступлении перед военными. Сталина при этом не было, но ему сообщили. Мне кажется, я ее видела, но точно не помню».

Михаил Голубков, в отличие от сестры, с Мессингом никогда не встречался, поэтому о предсказаниях Мессинга он рассказывал со слов отца и своей матери Валентины Алексеевны Голубковой. Как он сообщил в беседе со мной, «отец рассказывал, что Мессинг говорил ему, что предсказал в 1937 году в Варшаве, что русские танки будут в Берлине в 1945 году».

Таким образом, все свидетельства о предсказаниях Мессинга, касающихся Великой Отечественной войны, за исключением воспоминаний Татьяны Лунгиной, не являются прямыми. Практически все свидетели рассказывали о предсказании начала или конца войны, ссылаясь на слова самого Мессинга, причем сказанные через много лет после окончания войны. Нет ни одного прямого свидетеля, слышавшего, как во время своего выступления перед многолюдной аудиторией то ли в Новосибирске, то ли в Иркутске, то ли в Омске Мессинг за два года до конца войны предсказал, что она кончится в мае 1945 года, когда советские танки будут в Берлине. И это само по себе наводит на размышление. Если бы Мессинг так поразительно точно, с ошибкой всего на несколько дней, предсказал еще в 1943 году советскую победу в мае 1945-го, то кто-то из зрителей наверняка запомнил бы такую поразительную сбываемость предсказания по вопросу, волновавшему не только весь советский народ, но и все человечество. А если бы запомнил, то наверняка поделился бы этим удивительным фактом с журналистами. Однако все сведения о предсказаниях победы появились в печати только в изложении друзей Мессинга, причем лишь с его собственных слов. Тут одно из двух: либо Мессинг вообще никогда не предсказывал даты окончания Великой Отечественной войны, либо предсказания были, но в крайне неопределенной форме, примерно в такой же, в какой Мессинг предсказал Лунгиной начало войны. Поэтому после Победы об этом предсказании никто не вспомнил.

Глава восьмая
КОРОЛЬ ЭСТРАДЫ

После окончания войны слава Мессинга неуклонно возрастала. Этому немало способствовали публикации в газетах о том, что «профессор-патриот» пожертвовал средства на строительство двух боевых самолетов. Помогла и благодарственная телеграмма от Сталина, которую Вольф Григорьевич мог предъявлять не только в концертных, но и в других, более серьезных организациях. Может быть, из-за этой своеобразной «охранной грамоты» Мессинг не попал в опалу во время известной послевоенной кампании «борьбы с безродными космополитами».

После войны Мессинг вместе с женой-москвичкой поселился в Москве. Четыре года им пришлось жить в гостинице «Москва», и лишь позднее им дали маленькую квартиру на Новопесчаной улице. Вот что вспоминает в своей биографии Мессинга писатель Варлен Стронгин: «Я впервые увидел Вольфа Мессинга в конце 1947 года на сцене Государственного еврейского театра на Малой Бронной, которым руководил народный артист СССР Соломон Михайлович Михозлс (тогда Варлену Львовичу было всего 15 лет. — *Б. С.*). Вечер состоялся в понедельник, в выходной для актеров день, и значительно пополнил бюджет малопосещаемого тогда театра. Намечался разгром еврейской культуры, и слова “еврейский буржуазный национализм” были у всех на слуху. Люди боялись ходить в этот театр. Кое-кто, чтобы помочь ему, покупал абонементы, но на спектаклях не появлялся. Зато на вечере Вольфа Мессинга зал был набит до отказа. Стулья поставили даже в центральном проходе. И несмотря на то, что вскоре в моей семье наступили тревожные времена и в феврале 1948 года был арестован отец — директор государственного издательства еврейской литературы “Дер Эмес” («Правда»), — концерт Вольфа Мессинга поразил меня настолько, что я и сейчас, спустя полвека, помню до мельчайших подробностей все опыты этого чудо-человека.

Из зрительного зала, освещенный прожекторами, он казался волшебником, но не добрым и веселым, с легкостью творившим любые чудеса, а сосредоточенным и взволнованным. На каждый удачный эксперимент со зрителями Вольф Мессинг затрачивал немало энергии, вежливо кланялся рукоплескавшему залу и через мгновение уже работал снова, с напряжением всех своих физических и умственных сил. К концу вечера на его лбу выступили капельки пота».

Рассказ Стронгина — едва ли не единственное свидетельство о связях Мессинга с еврейской общиной в СССР. Это — одна из наиболее таинственных страниц его биографии, хотя, положив руку на сердце, следует признать, что не таинственных, проясненных страниц в биографии Мессинга практически нет. Разве что время, место и обстоятельства его смерти не вызывают сомнений.

Не доверять рассказу Варлена Стронгина, как кажется, нет оснований. За концертом Мессинга в ГОСЕТе последовали трагические события — убийство Михоэлса агентами МГБ в январе 1948 года, арест отца Стронгина, закрытие Еврейского антифашистского комитета и ГОСЕТа, открытые гонения на еврейскую культуру. Так что вечер Мессинга и его время могли особенно твердо отпечататься в памяти пятнадцатилетнего подростка. И устройство концерта в театре Михоэлса в тот момент, когда тучи над еврейской культурой в СССР все больше сгущались, следует признать настоящим гражданским поступком. Тем самым Мессинг продемонстрировал, что ему небезразлична судьба евреев и еврейской культуры на своей новой родине, хотя с публичными заявлениями в их поддержку он никогда не выступал, хорошо усвоив правила игры. Надо также учитывать, что тогда Михоэлс воспринимался советскими евреями в качестве их неформального лидера. К тому же он пользовался большим авторитетом в мире, особенно среди еврейских общин. Поэтому Сталин предпочел не судить его показательным судом, а просто убить, представив убийство в качестве несчастного случая. И, разумеется, Мессинг поддерживал контакты не только с Михоэлсом, но и с другими видными представителями еврейской диаспоры в СССР, только ни он, ни они об этом мемуаров не оставили.

О возможных связях Мессинга с еврейской общиной и сионистским движением в СССР мы еще поговорим. Пока же только отметим, что никаким гонениям в эпоху борьбы с космополитами Мессинг не подвергался — его не громили в прессе, не изгоняли с работы и даже не ограничивали в количестве и географии выступлений. Концерт в ГОСЕТе породил впоследствии легенду, будто Мессинг в 1952 году приходил к Ста-

лину просить прекратить гонения на евреев и даже предсказал смерть диктатору через несколько месяцев, как раз в иудейский праздник Пурим. Разумеется, это только легенда, как и рассказ о том, что Мессинг предсказал катастрофу самолета в Свердловске, на котором должен был лететь сын Сталина Василий вместе с опекаемой им хоккейной командой ВВС. Тогда генералиссимус якобы распорядился, чтобы Василий ехал в Свердловск поездом. Тут не слишком достойно выглядят не только Сталин, но и сам Мессинг. Почему он не настоял, чтобы рейс вообще был отменен? И как быть здесь с причинностью и с предсказанием будущего вообще, если предсказание Мессинга изменило предсказанную реальность, поскольку Василий Сталин остался жив? Непонятно также, почему Сталин, пожалев сына, не пожалел самолет с его экипажем и хоккейной командой. Это был явно не государственный подход, а Иосиф Виссарионович был завзятым государственным и без нужды людей, по крайней мере из числа элиты (в данном случае — спортивной), а тем более дефицитную авиатехнику, старался не губить.

Что же в действительности произошло в Свердловске? 5 января 1950 года здесь в условиях сильной метели с резкими порывами ветра при заходе на посадку разбился самолет Ли-2 с 6 членами экипажа и 13 пассажирами (11 хоккеистами, врачом и массажистом команды ВВС, направлявшимися на матч с «Динамо»). В катастрофе не выжил никто. Знаменитый нападающий команды ВВС Всеволод Бобров опоздал на самолет из-за того, что у него не зазвонил будильник, и благодаря этому уцелел, отправившись в Свердловск на поезде. Он вспоминал: «Вылет был назначен на 6 часов утра. Как сейчас помню, придя домой, я завел будильник, поставив его на 4 часа утра. И еще, кроме того, сказал своему младшему брату Борису, чтобы он, услышав звон будильника, разбудил меня. Но, проснувшись в 7-м часу утра, я увидел, что будильник остановился еще ночью, а братишка сладко спит. Проспал! А ребята, наверное, улетели. Что же теперь делать? И как бы в ответ на это кто-то отчаянно стал звонить в квартиру. Это был администратор хоккейной команды Н. А. Кольчугин. “Михалыч, спишь?” — спросил он. “Проспал, Николай Александрович, — ответил я. — Как теперь быть-то?” — “Ну что ж делать? Поедем вечером поездом. Ты уж будь дома, а я побегу за билетами! С вокзала позвоню тебе”. — “Да, подумал я, нехорошо получилось, и с будильником что-то стряслось”». Брат Всеволода Михайловича Борис Михайлович Бобров также оставил воспоминания об этом эпизоде: «Всеволод пришел домой примерно в десять часов вечера, и около одиннадцати мы улеглись. Наши кроватки

ти стояли рядом, а в головах — тумбочка с будильником. Будильник старый, проверенный и надежный, никогда раньше не отказывал. Всеволод его завел и передал мне, а я, хорошо помню, когда ставил его на прикроватную тумбу, еще раз на него взглянул и приложил к уху — на всякий случай, по привычке. Все в порядке! Почему он остановился ночью и не звонил — одному Богу известно!» Остановившийся будильник спас жизнь также администратору Кольчугину. Он уже сидел в самолете, когда ему приказали передать чековые книжки, подотчетные деньги, а также другие командировочные документы тренеру и во что бы то ни стало найти Боброва. Задерживать вылет не стали: погода неустойчивая, аэродром может закрыться. Вечером того же дня Бобров и Кольчугин выехали в Челябинск поездом. Когда поезд стоял в Куйбышеве, по вокзальному радио объявили: «Майора Боброва просят немедленно зайти в военную комендатуру». Там ему сообщили о гибели команды. Похороны прошли с воинскими почестями и салютом. Над братской могилкой воздвигли обелиск.

Что же касается Василия Сталина, то он и не собирался лететь с командой ВВС. Ведь игроки и тренеры вылетали в Челябинск за три дня до первого матча. Если бы Василий захотел, он прилетел бы прямо на сам матч. Ведь Урал в январе — это все-таки не курорт. Иосиф Сталин же, согласно некоторым версиям, даже никогда не узнал о катастрофе в Свердловске. Василий якобы постарался скрыть от отца это печальное событие как из-за неважного состояния здоровья генералиссимуса, так и из-за того, что для чартерного рейса любимой команды был не вполне законно использован военно-транспортный самолет ВВС. Правда, инициатором этого стал не Василий Сталин, а один из тренеров команды, Борис Бочарников, который не хотел терять драгоценное время тренировок (поезд на Урал шел почти трое суток). В газетах никаких сообщений о катастрофе в Свердловске так и не появилось. Однако, учитывая, что погибшим были устроены торжественные похороны, а сама команда ВВС была одной из сильнейших в стране, трудно допустить, что об этой трагедии Сталину никто не сообщил. Расследование установило, что катастрофа была следствием сочетания неблагоприятных метеоусловий и ошибок экипажа. Никто за катастрофу наказан не был. Стоит отметить, что после войны Сталин уже не проводил массовых кампаний по борьбе с вредителями. К тому же виновники катастрофы погибли и репрессировать все равно было некого.

Между прочим, спасение Василия Сталина Мессингу написала молва. Сам Вольф Григорьевич в мемуарах никак не упоминал катастрофу в Свердловске.

Слава Мессинга росла. Но, выступая со своими психологическими опытами, он должен был оставаться в определенных цензурных рамках, хотя последние и не были столь строги, как, например, в области эстрадной сатиры и вообще художественного слова. Вспомним сеанс черной магии в театре Варьете из бессмертного романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Вот как выглядит Воланд во время этого знаменитого сеанса: «Прибывшая знаменитость поразила всех своим невиданным по длине фраком дивного покроя и тем, что явилась в черной полумаске. Но удивительнее всего были двое спутников черного мага: длинный клетчатый в треснувшем пенсне и черный жирный кот, который, войдя в уборную на задних лапах, совершенно непринужденно сел на диван, шурясь на оголенные гримировальные лампы...

Через минуту в зрительном зале погасли шары, вспыхнула и дала красноватый отблеск на низ занавеса рампа, и в освещенной щели занавеса предстал перед публикой полный, веселый как дитя человек с бритым лицом, в помятом фраке и несвежем белье. Это был хорошо знакомый всей Москве конферансье Жорж Бенгальский.

— Итак, граждане, — заговорил Бенгальский, улыбаясь младенческой улыбкой, — сейчас перед вами выступит... — тут Бенгальский прервал сам себя и заговорил с другими интонациями: — Я вижу, что количество публики к третьему отделению еще увеличилось. У нас сегодня половина города! Как-то на днях встречаю я приятеля и говорю ему: “Отчего не заходишь к нам? Вчера у нас была половина города”. А он мне отвечает: “А я живу в другой половине!” — Бенгальский сделал паузу, ожидая, что произойдет взрыв смеха, но так как никто не засмеялся, то он продолжал: — ...Итак, выступает знаменитый иностранный артист мосье Воланд с сеансом черной магии! Ну, мы-то с вами понимаем, — тут Бенгальский улыбнулся мудрой улыбкой, — что ее вовсе не существует на свете и что она не что иное, как суеверие, а просто маэстро Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса, что и будет видно из самой интересной части, то есть разоблачения этой техники, а так как мы все как один и за технику, и за ее разоблачение, то попросим господина Воланда!

Произнеся всю эту ахинею, Бенгальский сцепил обе руки ладонь к ладони и приветственно замахал ими в прорез занавеса, от чего тот, тихо шумя, и разошелся в стороны».

Многие реалии сеанса черной магии не выдуманы Булгаковым, а взяты, что называется, из жизни. Так, 4 августа 1934 года председатель ОГПУ Генрих Ягода, появляющийся, кстати, в качестве гостя на Великом балу у сатаны, разослал на места се-

кретный циркуляр, где говорилось: «Главный Репертуарный комитет циркуляром за № 1606 от 15 / VII с. г. всем облитам и гублитам дал директиву... о том, чтобы они при разрешении сеансов так называемых “ясновидцев”, “чтецов мыслей”, “факиров” и т. д. ставили неперенными условиями: 1) указание на каждой афишной рекламе, что секреты опытов будут раскрыты, 2) чтобы в течение каждого сеанса или по окончании его четко и популярно было разъяснено аудитории об опытах, дабы у тамошнего обывателя не создалось веры в потусторонний мир, сверхъестественную силу и “пророков”. Местным органам ОГПУ надлежит строго следить за выполнением указанных условий и в случае уклонения и нежелательных результатов запрещать подобные сеансы через облиты и гублиты».

А ведь многие читатели романа думали, что текст афиш «Сегодня и ежедневно в театре Варьете сверх программы: Профессор Воланд. Сеансы черной магии с полным ее разоблачением», равно как и появление после скандального сеанса людей с Лубянки — это целиком плод булгаковской фантазии. На самом деле за обязательным разоблачением всяческой «магии» на театральной или цирковой сцене в ту пору бдительно следило такое серьезное учреждение, как ОГПУ.

Возможно, Мессинга советские зрители воспринимали так же, как публика театра Варьете — Воланда и его свиту. Он далеко не всегда выходил на сцену в черном фраке, чаще — в элегантном костюме. Вот как он описывает в мемуарах свои чувства на сцене:

«Мне предстоит выйти в зал, где сидит почти тысяча человек и все смотрят на меня. Мне надо захватить этих людей, взволновать и удивить их, показывая им мое искусство, которое большая половина из них считает чудесным, удивить и в то же время, не разочаровывая, убедить, что ничего чудесного в этом нет, что все делается силой человеческого разума и воли.

А ведь это совсем нелегко — выйти одному в зал, где на тебя устремлены тысячи глаз: недоверчивых, сомневающихся, бывает и просто враждебных, — и без сочувствия, без поддержки, во всяком случае в первые, самые трудные, минуты, выполнить свою работу...

В фойе стоят группами молодые и пожилые люди, мужчины, женщины, юноши, девушки... Инженеры и бухгалтеры... Ученые и металлисты... Военные... Строители... Горняки... Мне приходилось выступать в разных местах и, соответственно, перед разными аудиториями. В годы войны зал был битком набит людьми в одноцветной защитной форме — ни одного голубого или белого пятнышка девичьего платья не удавалось увидеть в их рядах... На дальних стройках Сибири и теперь еще

зал заполняют преимущественно люди в комбинезонах. Они приходят сюда прямо с работы, эти веселые ребята — бетонщики, плотники, сварщики, бульдозеристы... На целинных землях в зале, бывает, не найдешь ни одной седой или лысой головы — сплошь молодые улыбающиеся лица... И со всеми надо найти контакт. Но всегда я сидел вот так, как сегодня, перед выступлением в полном одиночестве, собираясь с силами и представляя себе их — этих людей, с которыми в этот вечер мне предстоит встретиться.

Я испытываю к ним острейший интерес! Сознаю, нередко перед началом опытов, когда я чувствую, что уже успел внутренне собраться и готов к выступлению, я выхожу на сцену, приоткрываю слегка занавес и в щель смотрю в зал...»

Думается, после публикации «Мастера и Маргариты» публика смотрела на Мессинга как на Воланда наших дней. И он, наверняка ознакомившись с булгаковским романом, старался ее не разочаровать, оставаясь таинственным и непостижимым и даже, возможно, в чем-то стараясь подражать булгаковскому магу.

От Мессинга, естественно, на его сеансах тоже требовали «разоблачения». Или, точнее, научного и вполне материалистического объяснения творимых им чудес. Поэтому Вольф Григорьевич позаботился о том, чтобы получить еще одну своеобразную «охранную грамоту», помимо сталинской телеграммы. Эта «грамота» исходила от ученых, доказывающих научность его психологических опытов, которые, как удостоверяли авторитетные ученые мужи и не менее авторитетные научные учреждения, ничего общего не имеют с потусторонними силами. Мессинг писал в мемуарах:

«В 1950 году мое непосредственное начальство — гастрольное бюро, по линии которого выступал я со своими “Психологическими опытами”, — обратилось к Институту философии Академии наук СССР с просьбой помочь в составлении текста, который бы объяснял материалистическую сущность моих опытов.

В ответ было получено такое письмо:

“Институт философии Академии наук СССР. В Гастрольное бюро Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

В соответствии с Вашим запросом направляем текст вступительного слова к выступлениям В. Г. Мессинга.

Автор текста — кандидат педагогических наук М. Г. Ярошевский.

Текст апробирован сектором психологии Института философии. Зав. сектором психологии Петрушевский 17 мая 1950 г.”.

К этому сопроводительному письму был приложен текст, сочиненный М. Ярошевским. Привожу его здесь в несколько сокращенном виде.

“Психологические опыты Мессинга, которые вы сейчас увидите, свидетельствуют о наличии у Мессинга чрезвычайно интересной способности: Мессинг в точности, безошибочно выполняет самые сложные мысленные приказания, которые любой из присутствующих пожелает ему предложить.

На первый взгляд умение Мессинга улавливать мысленные приказания других людей может показаться какой-то таинственной, сверхъестественной способностью. Однако в действительности ничего сверхъестественного Мессинг не делает. Его опыты полностью объясняются материалистической наукой. Для того чтобы у присутствующих была полная ясность в отношении опытов Мессинга, кратко расскажем, почему ему удастся выполнять сложнейшие задания зрителей. Органом мысли является мозг.

Когда человек о чем-либо думает, его мозговые клеточки мгновенно передают импульс по всему организму. Например, если человек думает о том, что он берет в руку какой-либо предмет, представление об этом действии сразу же изменяет напряжение мышц руки.

Таким образом, совершенно неправильно было бы думать, что опыты Мессинга доказывают возможность передачи мысли из одного мозга в другой. Мысль неотделима от мозга. Если Мессинг отгадывает ее, то только потому, что мысль влияет на состояние органов движений и всего тела, и потому, что сам Мессинг обладает способностью непосредственно ощущать это состояние.

Наблюдая опыты Мессинга, мы еще раз убеждаемся в том, что нет такого явления, которое не находило бы исчерпывающего научного объяснения с позиции диалектико-материалистической теории”.

До сих пор все мои выступления сопровождает этот текст».

Этот текст, надо отдать ему должное, написан вполне в духе Жоржа Бенгальского, особенно заключительный вывод насчет «диалектико-материалистической теории». И утверждение насчет того, что Мессинг мог выполнять задание любой степени сложности — не более чем поэтическое преувеличение, неизбежное в любом рекламном продукте. На самом деле Мессинг не мог, например, читать текст, причем даже самый простейший. Его способности ограничивались поиском с помощью индукторов того или иного предмета. Но публику и это приводило в восторг.

Сохранилась масса свидетельств о жизни Мессинга и его выступлениях в Советском Союзе. Приведем здесь лишь некоторые из них.

В 1940 году Мессинг познакомился и подружился с шахматным гроссмейстером Андрэ Лилиенталем, венгерским евреем, родившимся в 1911 году в Москве, с 1939 года проживавшим в СССР, в 1976 году возвратившимся в Венгрию и благополучно здравствующим до сих пор. Лилиенталь вспоминал: «С Вольфом мы познакомились в году сороковом. Он был моим хорошим другом, более того, дружили и наши супруги. Аида Михайловна, жена Мессинга, была в их семье ведущей. Сам Вольф внешне был очень похож на Бетховена. Верил в Бога. Обожал бриллианты: булавка в галстук с камнем в карат, перстень прекрасный... Он был интересный и странный человек: очень боялся грозы, даже однажды спрятался в ванной комнате, боялся переходить улицу, если рядом не было светофора. Хотя в жизни был обычный человек, любящий безмерно свою собаку — овчарку. С наслаждением выгуливал ее по бульвару. Вольф любил читать детективы и фантастику. Так увлекался чтением, что мог два дня не есть, и Аида Михайловна очень сердилась.

Я часто бывал на его выступлениях. Там Мессинг был совершенно другой: комок нервов, очень эмоционален, очень импульсивен. Мог быть резким. Однажды во время сеанса сказал супруге (она помогала ему на сцене): «Аида Михайловна, этот человек меня обманывает, не могу работать, уберите его». «Этот человек» оказался профессором-парапсихологом. Он хотел испытать Вольфа.

А как великолепно работал он с завязанными глазами! Бежал как мальчик. Интуиция!!! Выступления были фантастическими. Но смотреть на Мессинга было тяжело: такая нечеловеческая концентрация сил и мысли. Это было невероятно!»

На вопрос же интервьюера, пользовался ли Лилиенталь способностями своего друга, он ответил: «Очень редко. Он всегда оказывался прав, но однажды меня обманул. Или пожалел. Дело в том, что моя родная сестра, она родилась в Москве и была прекрасной исполнительницей венгерских танцев, в начале войны погибла в концлагере. Мы с супругой ничего не знали и очень страдали. Попросили Вольфа помочь. Он посмотрел и сказал: «Она живая. Но очень болеет». Я был рад, что хоть живая. Но через две недели получил извещение о смерти. Моя жена Евгения очень обиделась на Мессинга и сказала это Аиде Михайловне. Та ответила, что Вольф знал правду, но не хотел нас расстраивать. О смерти говорить нельзя. Не знаю, правда ли это. В дальнейшем мы не касались этого случая».

Что ж, предсказать гибель еврейки, оказавшейся в 1944 году в Венгрии, когда немцы и местные фашисты начали осуществлять «окончательное решение» и в этой стране, было не так уж сложно.

По словам Лилиентала, Мессинг совсем не умел играть в шахматы: «Он даже не знал, как ходит конь. Но через меня Вольф приобщился к миру шахмат. Случаи всякие бывали. Он любил поразить гроссмейстеров чем-либо удивительным. Однажды собрались у нас дома мои коллеги. Пришел Мессинг. Мы спрятали под погон одного из военных шахматную фигуру. Он мгновенно ее нашел. Попросили отыскать в шкафу книгу, где на 35-й странице есть слово “роза”. Все было сделано в три секунды!

Не знаю, правда или... но Спасский мне рассказывал, что когда он играл матч с Талем, Вольф был в зале. Спасский знал, что Мессинг болел за Талю, и чувствовал сильнейшее внушение “на поражение”. Спасский победил, но с большим трудом. Мессинг на это ничего не сказал.

У меня дома Вольф познакомился с гроссмейстером Юрием Авербахом. Шахматист сказал: “Как жаль, что вы, Вольф, не играете в шахматы! Я бы вам дал два хода задаток”. — “А вы мне не давайте фору, только думайте, как лучше ходить: налево, направо, вперед, одна, две клетки, конь, ладья... И вечером в Доме искусств я выиграю матч у вашего соперника — чехословацкого шахматиста”. Авербах тут же, за чаем, проверил, действительно ли Мессинг сможет считать мысль. Он внимательно посмотрел на Вольфа, и тот в долю секунды положил кусочек лимона Юрию в чай. Авербах был сражен.

Вечером Мессинг выиграл партию у чеха, абсолютно не умея играть в шахматы».

Если это не легенда, то в момент партии Мессинг должен был находиться в тесном контакте с Авербахом, чтобы с помощью идеомоторики угадывать предлагаемые гроссмейстером ходы.

Андрэ Лилиенталь вспоминал один эпизод, который, возможно, вдохновил Мессинга на историю с собственным побегом из дома и контролером в поезде, проштамповавшим бумажку вместо билета: «Понятное явление или нет, если ребенок семи лет попадает в тюрьму? А это был я. Моя мама была певицей. Сопрано. Пела в Москве. Отец был автогонщиком. В свое время в ралли Москва — Петербург он занял второе место. Так вот, маму пригласили на гастроли на родину, в Будапешт. Мы, дети, поехали с ней. Отец задержался. Думали, ненадолго... А началась Первая мировая война. Отец был интернирован в Оренбург. Мать от волнения потеряла голос и,

чтобы прокормить семью, работала портнихой. Жизнь была голодная, бедная — ад. И мама была вынуждена отдать нас с сестрой в приют Сомбатхея, это около австрийской границы. Там было несладко, и мы однажды ночью удрали. Сели в поезд, крестьяне спрятали нас под лавку. Но кондуктор нас нашел и сообщил полиции. Отвезли нас в тюрьму. Были мы в одной камере с уличными женщинами, спали на нарах. Сестра заболела, ее там и оперировали. В газетах прошло сообщение о нас, и мама за нами приехала. Грустно вспоминать такое...»

А вот свидетельство другого друга Мессинга, встретившегося с великим телепатом на четверть века позже Лилиенталя. Фотограф и бывший сотрудник военного НИИ Вячеслав Цоффка познакомился со знаменитым телепатом в начале 1960-х годов. Он вспоминал: «Мессинг хоть и говорил по-русски, но иногда не мог вспомнить то или иное слово. А если это отбросить, то в жизни он был простым человеком: любил женщин — у него было много поклонниц, — пил коньяк. Мы это делали вместе. Ему удобно было со мной общаться. Я почти не задавал вопросов, и Вольф это очень ценил. Но где-то за сутки до выступления Вольф менялся. Становился раздражительным и злился, когда его кто-то отвлекал. За сутки переставал есть, и следующий прием пищи был только после выхода на сцену».

Характерно, что для Мессинга его выступления, согласно свидетельствам многих людей, знавших его, были очень тяжелой работой, требовавшей огромного физического и нервного напряжения. Только таким образом удавалось активировать его способности по чтению мыслей. Что же касается популярности Мессинга у женщин, то свидетельство Цоффки — одно из немногих, указывающих на это. Другие знакомые говорят, скорее, о том, что внешность Мессинга не слишком располагала женщин флиртовать с ним. Другое дело, что поклонников его таланта было действительно немало как среди мужчин, так и среди женщин.

Эсперантист Александр Харьковский, эмигрировавший позднее в Америку, вспоминал: «Вольф Григорьевич не только великолепно владел языком эсперанто, но и знал семью основателя этого языка доктора Заменгофа, польского еврея. Мессинг был его другом, дружили и их семьи, разделившие общую трагическую судьбу в Варшавском гетто. И вдруг он узнает, что Зое Михайловне, внучатой племяннице доктора Заменгофа, предстоит тяжелая операция, которая могла кончиться только смертельным исходом. Зоя, моя хорошая знакомая, была как бы последним ростком на загубленном древе семьи Заменгофов. Как Вольф Григорьевич в семье Мессингов. И Мессинг спешил ее спасти. Мессинг заехал за мной на такси, и мы по-

ехали в Первую Градскую, где лежала Зоя Заменгоф. Поговорив с Зоей, Мессинг сказал врачам: “Пусть проведут снова анализы и выпишут человека”. Так оно и случилось: на следующий день врачи не нашли у нее даже следов болезни, и она здравствовала еще 34 года. Это было лишь одним из чудес, которые совершил Мессинг. А у меня с той поры установились с ним дружеские отношения. Нас объединял язык Заменгофа, на котором мы разговаривали и лично, и по телефону. Называли друг друга *kara samideano* (дорогой единомышленник). А так как эсперантисты в СССР постоянно подвергались преследованиям (при Сталине их просто губили в ГУЛАГе) — то нас изгоняли из клубов, то запрещали летние лагеря, — мы то и дело обращались за поддержкой к Мессингу. Это нередко помогало».

Харьковский утверждает, что именно он познакомил Хвастунова с Мессингом: «Были там еще двое моих друзей, благодаря которым я стал чаще общаться с Мессингом, — Пахомова Маргарита Гавриловна, врач, близкий Мессингу человек, и Михаил Васильевич Хвастунов, зав. отделом науки в “Комсомолке”, которого я познакомил с Мессингом».

Те сведения, которые Харьковский сообщает о Мессинге, вызывают большие сомнения. Начнем с того, что Мессинг в мемуарах ничего не говорит о том, что владеет эсперанто, равно как и не упоминает движение эсперантистов. Конечно, при Сталине эсперантисты подвергались репрессиям, многие наиболее видные деятели движения были расстреляны или отправлены в ГУЛАГ. Однако, начиная с 1956 года, эсперантистское движение возродилось. Появились публикации о «языке будущего» в научных журналах, а в 1966 году был издан русско-эсперантистский словарь. Так что скрывать факт знания эсперанто Мессингу не было никакого смысла, тем более что в мемуарах он скрупулезно перечислил все языки, которыми владел. Столь же сомнительно утверждение Харьковского, будто именно он познакомил Мессинга с Хвастуновым. По свидетельству Михаила Голубкова, Мессинга с Хвастуновым познакомила его мать, Валентина Алексеевна Голубкова.

Несмотря на всесоюзную известность и немалые доходы, жилищные условия Вольфа Григорьевича оставляли желать много лучшего. Татьяна Лунгина вспоминала: «Они жили на Новопесчаной улице. В начале 1950-х годов это еще была окраина Москвы. Так что на дорогу ушло более часа, но весенняя Москва накануне цветения лип располагала к умиротворению, и дорога не казалась мне ни дальней, ни утомительной».

Трехэтажный дом стоял в глубине двора. Двор с ухоженными клумбами напоминал старинный двор с картины Поллова. Поднялась на второй этаж и сразу заметила на двери мед-

ную пластинку — Вольф Мессинг. И нет никакого пояснения, вроде: “доктор оккультных наук, маг и волшебник...”

На звонок первой откликнулась собака — сочным незлобным рычанием. Дверь отворила Аида Михайловна, и сразу же за ее спиной всплыла косматая голова Вольфа Григорьевича...

Обстановка квартиры, начиная с прихожей, весьма и весьма скромная. В первой комнатухе-коридорчике — старинный, окованный железом сундук, какие сейчас, в пору массовой ностальгии по прошлому, в большой моде. Над ним вешалка для одежды. Кроме прихожей — единственная жилая комната, да кухонька метров девять.

Пока я осматривала жилище, за мной по пятам, все еще урча, следовала огромная чистокровная немецкая овчарка...

В узкой прямоугольной комнате-гостиной (она же и столовая и спальня) бросался в глаза большой круглый стол, у стены — не первой молодости диван, но рядом с письменным столом на высоком журнальном столике стоял редкий в те годы большой телевизор, подаренный, как я впоследствии узнала, Председателем Совета Министров в благодарность за лечение сына от хронического алкоголизма. Небольшой буфет, заставленный посудой — разрозненными предметами из столовых сервизов белого фарфора работы фабрики Кузнецова.

А у широкого окна, занимавшего почти всю стену, — кресло-кровать. В нем сидела совершенно седая женщина, седину которой можно было принять за парик, — столь молодожаво выглядело ее лицо.

Меня познакомили:

— Это наша Ирочка, моя старшая сестра, — сказала Аида Михайловна.

Женщина, не поднимаясь, подала мне руку:

— Ираида Михайловна...

Так вот, значит, какой “девочке” Ирочке я отправила телеграмму с тбилисского вокзала! И лет ей, конечно же, под шестьдесят.

Аида Михайловна тем временем стала хлопотать у стола, а Вольф Григорьевич деловито расспрашивал о делах в издательстве, как всегда дотошно вникал в мелочи.

Пока стол празднично и пышно оформлялся в духе московского гостеприимства, я узнала многое о других “членах семьи”: немецкой овчарке Дике и Левушке — кенаре в клетке.

Вольф Григорьевич, словно речь шла о сыне или внучке, дважды повторил, что Дик аристократически воспитан и за дрессировку он заплатил полторы тысячи. Тогда это были немалые деньги. (Дело происходило до кончины жены Мессинга в 1960 году. Соответственно тогдашние полторы тысячи рублей

были равны 150 рублям в период 1961—1991 годов. Эта сумма была немного выше среднемесячной зарплаты в СССР, которая в 1970 году равнялась 122 рублям. Так что сумма, потраченная Мессингом на дрессировку, не выглядит очень большой, тем более что его среднемесячный доход в 1960—1970-е годы наверняка превышал тысячу рублей. — Б. С.)

И еще я обратила внимание на множество книг, разбросанных повсюду: на шкафу, на полках, даже под стульями и под столом. Но, несмотря на такую хаотичность, чувствовалось, что отношение к книгам бережное...

Стол между тем был накрыт. Все чинно усаживались. Отдельное, подчеркнуто заботливое приглашение — Ираиде Михайловне. Она медленно поднялась, упираясь руками в подлокотники кресла и, не передвигая ноги, а волоча их, напрягаясь всем корпусом, стала подвигаться к столу. Она была в брюках, так что не было ясно: врожденный ли у нее дефект или травма. Но вот все собрались у праздничного стола, и я увидела — подана фаршированная рыба, кнейдлики и даже маца. Все, как должно быть и что должно быть у евреев на пасхальном столе. Вольф Григорьевич надел белое платье — китл, как некогда делал мой дедушка, подпоясался белым шнуром — гартлом и провел сейдер до конца. Из памяти еще не выветрился кошмар процесса еврейских “преступников-врачей”, и потому такая религиозная церемония и кулинарная вольность могли в те времена сойти за подвиг.

Отведав угощений, я отметила про себя, что Аида Михайловна еще и искусный кулинар.

Подняли бокалы, поздравили друг друга с Пасхой. По знаку Вольфа Григорьевича все умолкли.

— Я надеюсь, я... уверен, что у Бурденко Ирочку спасут!

Последнее слово он как-то нервно выкрикнул.

— Правда, Вольф Григорьевич?.. — Лицо Ираиды Михайловны осветилось надеждой.

— Это вам не Вольф Григорьевич, а Мессинг говорит!

Так во второй раз я услышала эту фразу, звучащую как закливание».

У сестры жены Мессинга Ираиды Михайловны была опухоль позвоночника. Через несколько недель Лунгина присутствовала на семейном совете, где решался вопрос об операции. Собственно вопрос был давно решен, поскольку Вольф благословил свояченицу на операцию в госпитале Бурденко. По утверждению Татьяны Лунгиной, заслуги Мессинга в том, что свояченицу поместили в хорошую больницу, не было. Он всегда был противником всякого «блата», никогда не извлекал пользы из своей славы. Для этого он был слишком скромнен и застенчив.

Лунгина сообщает, что Ираида Михайловна в прошлом была актрисой, пережила ленинградскую блокаду, во время которой похоронила мужа. В больницу ей продукты заказывали в ресторане гостиницы «Москва», где четыре года жили Вольф с Аидой.

В рассказе Лунгиной подчеркивается, что Мессинги праздновали Пасху согласно всем иудейским канонам и накрыли пасхальный стол по всем правилам. Это еще раз доказывает, что Вольф Григорьевич до конца жизни оставался правоверным иудеем.

Бросается в глаза, что Мессинг, хотя и не был аскетом, жил довольно скромно. В его маленькой квартирке не было сколько-нибудь приличной мебели, да ее там и особенно негде было поставить. Роскошь касалась только домашнего стола. Неизвестно, сохранилась ли она после смерти Аиды Михайловны, поскольку о кулинарных талантах ее сестры Татьяна Лунгина ничего не сообщает. Не исключено, что после смерти жены Мессинг чаще питался в ресторанах. И в любом случае, учитывая его частые гастроли, вкушать еду у себя дома ему приходилось не так уж часто.

Татьяна Лунгина оставила нам несколько зарисовок быта супругов Мессингов на гастролях. Вот, например, они в Тбилиси: «Аида Михайловна заботливо разрезала Вольфу Григорьевичу кусочки мяса, размешивала сахар в его стакане с чаем. А он сидел беспомощный, безынициативный, расслабленный. Видно, что он изрядно устал. Да ничего удивительного. Уже на его первом выступлении я заметила, что своим психологическим опытом он отдается всецело, иступленно, и уже ни на что другое у него не остается сил. На сцене он всегда в состоянии нервного напряжения, да не только сам нервничает, но и всех зрителей в зале заставляет быть в напряжении.

Переглянувшись с Аидой Михайловной, мы без объяснений поняли: ему нужен основательный отдых. Сделав несколько фотоснимков, мы вернулись в гостиницу. Оказалось, что мы жили на одном этаже, почти рядом. На второй этаж он поднялся с трудом.

Но почему с трудом? Возраст? Да ему ведь лишь где-то за пятьдесят лет. И на сцене во время выступлений он так энергично и быстро двигается. Порой, даже бегом. “Видимо, он просто устал”, — так я тогда решила».

А вот это уже московское выступление, запомнившееся Лунгиной: «На сцене во время выступлений Мессинг кажется зрителям человеком не от мира сего. Его нервное состояние передается всем присутствующим, он буквально электризует зал. А в момент выполнения задания его взгляд мечется со зри-

телей на индуктора и обратно. Прикрывая ладонью рот, всхлипывая, словно после рыданий, он шепчет “мамочка”, и создается впечатление, что перед вами беспомощный человек, в лихорадке. Но в домашней обстановке он совершенно преобразился. Спокойный, ласковый, расположенный к шутливости, предупредительный и галантный. Между сценическим его образом и поведением в быту не было видимой связи, могущей хоть что-нибудь прояснить».

По свидетельству Лунгиной, в Москве Мессинг выступал довольно редко, зато на периферию выезжал часто и с удовольствием. Особенно любил выступать перед студентами. По ее словам, «к дару его относились как к практической антирелигиозной пропаганде, считали, что он демонстрирует отсутствие в природе всего сверхъестественного и божественного. Вот почему чаще всего он выступал в отдаленных районах Урала, Сибири и в Средней Азии, где, по мнению заправил Госконцерта, сильны еще были мистические предрассудки». Но получалось так, что, рассеивая веру в религиозные чудеса, Мессинг, вольно или невольно, заставлял зрителей поверить в его чудотворные способности. Аида Михайловна рассказывала Лунгиной, что однажды во время выступления какая-то экзальтированная дама воскликнула: «Ваня, да он же святой!!!»

В 1960 году Мессинг пережил одну из наиболее значительных трагедий в своей жизни — болезнь и смерть горячо любимой жены.

Ее болезнь подробно описана Лунгиной: «Заболела Аида Михайловна — злокачественная опухоль молочной железы. И снова клиника, опять лекарства и вновь тревоги.

После ампутации всей молочной железы началось длительное консервативное лечение. Нет сомнения, что Мессинг предвидел печальный исход. Он впал в меланхолию. В семье ощущалось тягостное напряжение. Ираида Михайловна всецело была занята больной сестрой. Допоздна просиживала у ее постели, выполняя все предписания врача и указания самого Мессинга. И болезнь, радикального лечения которой не найдено и поныне, вдруг была приостановлена на время.

Я искренне восхищалась Аидой Михайловной. Каким духом нужно было обладать, каким оружием она вооружилась для жизни? В перерывах лечения химио- и рентгенотерапией сопровождать Мессинга в его гастролях и продолжать быть ведущей на его сеансах! Но во время поездки в Горький она окончательно занемогла и в сопровождении медицинской сестры парходом была отправлена в Москву.

Она даже не смогла уже спуститься сама по трапу, и Вольф Григорьевич вынес ее на руках. Так прервалось их волжское

турне — последнее в ее жизни. Состояние ее было столь тяжелым, что и на пароходе ей постоянно делали инъекции, чтобы только живой донести до Москвы.

На сей раз Вольф Григорьевич в госпиталь ее не положил. Он понимал — незачем. Он знал, что это конец. А все началось много лет назад, в Тбилиси, когда он сказал Аиде Михайловне, что с этой болезнью шутить нельзя... Да и сама она понимала, что погибает. Отсчитывая свои последние дни, она пыталась убеждать Мессинга, что все будет хорошо, что все обойдется. Даже в таком состоянии проявлялся ее альтруизм».

В начале июня 1960 года умирающую навестили академики Николай Николаевич Блохин, выдающийся хирург, основатель онкоцентра в Москве, и Иосиф Абрамович Кассирский, известный терапевт и гематолог. Светила медицины понимали, что положение безнадежно, но пытались хоть как-то утешить Мессингов. Лунгина вспоминает: «Молчание нарушил академик Блохин:

— Вольф Григорьевич, дорогой мой, не нужно так переживать... Знаете, бывает так, что больному плохо, а потом вдруг наступает улучшение и больной живет долго и в приличном состоянии здоровья... Я помню...

Мессинг не дал ему договорить. Его трясло, руки дрожали, и по лицу пошли красные пятна.

— Послушайте, — почти закричал он, — я не мальчишка! Я Мессинг! Не говорите мне глупости, она уже не выздоровеет. Она... умрет.

Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Или наступит то состояние нервного шока, которое как увертюра открывало его выступления на сцене. Он стих, постоял с минуту посреди кухни и тихо сказал:

— Она умрет 2 августа в семь часов вечера...

Сам он тут же расслабился, вернее сник, плетью повисли руки, и он тихо опустил на стул. Я быстро взглянула на Блохина — оценить реакцию. Знаменитый врач обомлел от сверхчеловеческого прогноза. Сейчас не узнать было в нем уверенного в себе целителя. В его глазах читался и ужас, и почтение одновременно».

Неизвестно, действительно ли Мессинг предсказал день и час смерти своей супруги, или Лунгина точную дату добавила задним числом. Но, наверное, в тот момент, для того чтобы предсказать скорую кончину Аиды Михайловны, увы, не надо было быть Мессингом. Тем более что маститые академики не могли скрыть от Вольфа Григорьевича — печальное событие не за горами.

Жена Мессинга умерла ровно в семь часов 2 августа 1960 года. Девять месяцев после ее смерти Мессинг находился в глу-

бокой депрессии. Лишь позднее он вернулся к выступлениям. Роль ведущей на вечерах, по утверждению Лунгиной, была предложена ей, но она отказалась, и тогда выбор пал на давнюю знакомую Мессинга Валентину Иосифовну Ивановскую. По словам Лунгиной, Валентина Иосифовна «вполне отвечала сценическим требованиям: стройная, прекрасного сложения, с удивительно крепкой нервной структурой, что немаловажно для помощницы Мессинга — человека горячего и вспльщивого. К тому же у нее была прекрасная дикция». Но требовалось несколько месяцев, чтобы научить ее азам новой профессии. Ее подготовкой занялась Ираида Михайловна. С этим, равно как и с депрессией Вольфа Григорьевича, был связан вынужденный перерыв в выступлениях. Ивановская должна была представлять Мессинга зрителям, объяснить смысл его опытов и комментировать действия телепата. Она выполняла также роль администратора: заключала договоры на выступления, приобретала билеты на самолеты и поезда, бронировала места в гостиницах и даже готовила магу обед, если они не обедали в ресторане.

По словам Вячеслава Цоффки, «за девять лет общения я ни разу не видел в его квартире кого-то постороннего. Более того, Мессингу часто звонили провокаторы, хулиганы, поэтому к телефону подходила Ираида. Звонящий должен был назвать свой пароль, тогда уже она звала Вольфа. Мой пароль был “любитель природы”. Мне кажется, что у Мессинга не только среди политиков, но и просто друзей не было...»

Цоффка вспоминал: «2 июня 1963 года я к нему приехал. Взял бутылку болгарского вина “Варна”. Кроме меня в квартире были Мессинг и сестра его покойной жены Ираида Михайловна. Я в армии служил и работал в военном институте. На службе у меня были проблемы, не знал, что делать... О чем, разумеется, никогда не говорил, ни на что не жаловался. Но в этот вечер Ираида как-то в шутку к Мессингу обращается: “Вольф, что вам стоит сделать из него генерала?” Он как-то зло посмотрел на нее: “Он не будет генералом! Он будет полковником”. А я был майором без всяких перспектив. Но что вы думаете? Ровно через год мне дают полковника!..

Был один занятный эксперимент на мне. Мессинг писал что-то по латыни (очевидно, латинскими буквами. — Б. С.). Тут входит Ираида Михайловна с вопросом: “Можно я уберу чашки со стола?” Это надо было видеть, что с ним было! В тот момент у него прямо жилы вздулись: “Я сколько раз вам говорил: не мешайте мне!” Она вылетела из комнаты. Потом Вольф стал успокаиваться. Стал писать. И написал четыре двужачных числа — 32, 45 — и еще два каких-то... Потом говорит:

“Слава, зачеркните одно”. Я поднял голову вверх, чтобы не попасть под его влияние, и автоматически опустил ручку туда, куда попал. И зачеркиваю 45. Он: “Переверните лист”. Я перевернул. Там написано: 45. Потом он стал манипулировать с цифрами. И говорит: “Четыре и пять...” Что-то складывать стал. “Четыре и пять — это девятое. Это какой месяц?” Я сказал, что сентябрь. Он: “Вот в сентябре сбудется то, что вы хотели”. С наступлением осени я получил двухкомнатную квартиру».

Фокус с цифрами на самом деле достаточно известен. Что же касается предсказания своему доброму знакомому будущего полковничества, то всегда хорошо сделать человеку приятное. Если предсказание сбудется, тот, кого оно касается, наверняка его запомнит. Если же оно не сбудется, то он наверняка его скоро забудет.

Цоффка утверждал, что все прогнозы, данные Мессингом, стопроцентно сбывались. Но дело в том, что человеку свойственно запоминать только сбывшиеся прогнозы. В записке Мессинга, адресованной Цоффке и датированной 1 мая 1965 года, говорилось: «Слава! Всегда помните нашу последнюю беседу. Большое желание и неуклонное стремление к цели все преодолевают». Пожелание вполне традиционное. А обладал ли этими качествами сам Мессинг? Трудно сказать, равно как трудно определить, к какой цели в жизни стремился Вольф Григорьевич. Вряд ли этой целью было постижение природы собственного дара. Иначе бы Мессинг только этим бы и занимался в свободное от концертов время. Этой целью не было и банальное прожигание жизни. При его-то средствах он бы мог это делать на широкую ногу. Нельзя также сказать, что он придавал большое значение своим способностям предсказателя и стремился предсказать какие-либо значимые события в чьей-либо жизни или в истории страны, даже если он верил в наличие у себя таких способностей. Думаю, что целью и смыслом жизни для Мессинга были как раз выступления со своими психологическими опытами. С одной стороны, он дарил людям ощущение чуда, словно новый пророк. С другой стороны, таким образом он самоутверждался в собственной уникальности, доказывая себе и другим: «Я — Вольф Мессинг, единственный и неповторимый».

Конечно, смерть жены нарушила устоявшийся быт Мессинга (насколько устоявшимся можно считать быт человека, половину или даже большую часть жизни проводившего в гастрольных разъездах). Правда, по хозяйству Аиду Михайловну заменила ее сестра Ираида, но ездить на гастроли она с Мессингом не могла. Так что Вольфу Григорьевичу, которому раньше супруга и на гастролях готовила вкусные обеды, теперь при-

шлось чаще посещать рестораны. К тому же свояченица не могла обеспечить Мессингу ту психологическую поддержку и понимание, которые прежде давала жена. Складывается впечатление, что после смерти жены у Мессинга осталось очень мало друзей и ему очень часто приходилось проводить вечера в обществе Ираиды Михайловны, телевизора и двух собак.

Были ли у Мессинга связи с женщинами после смерти жены? Эгмонт Месин-Поляков утверждал: «Вы знаете, он был очень любвеобильным. Любил красивых женщин, они его окрыляли. Но, тем не менее, я уверен, он был однолюб». Это свидетельство можно понять так, что всю жизнь Вольф Григорьевич любил только свою жену, а с другими женщинами у него были чисто платонические отношения. Однако слова Эгмонта Львовича можно понять и прямо противоположным образом. Дескать, у Мессинга были полноценные романы со многими женщинами, но в душе его всегда оставалась только покойная жена, а новые любовницы никаких глубоких душевных переживаний у великого телепата не вызывали.

У Мессинга остались две любимые собаки — Машенька и Пушинка, скрашивавшие его одиночество. По словам Лунгиной, «Вольф Григорьевич по-детски любил трогательные рассказы о собачках, к которым питал слабость. Но в этой детскости не было ничего от инфантилизма, только чистота, доверчивость и любознательность ребенка в обличье мудреца». Домашние любимцы жили у Мессинга и прежде — едва получив квартиру в Москве, он завел овчарку по имени Дик и попугая Левушку. Собаки помогали телепату поддерживать заведенный им строгий распорядок дня — проснувшись в восемь утра, он сразу отправлялся гулять с ними в близлежащий скверик. Весь остаток дня, если не было выступлений, он проводил дома — не ходил в театр, не посещал музеев, почти не бывал в кино. Не выходил даже в гастроном в соседнем доме, избегая внимания поклонников.

Получается, что Вольф Григорьевич жил как в футляре, изолировав себя от внешнего мира. Но однозначно утверждать, что у Мессинга не было друзей, основываясь на впечатлении Цоффки, всё же нельзя. Ведь Вячеслав Вячеславович вряд ли входил в ближний круг Мессинга. И то, что при их встречах с Мессингом никто не присутствовал, вовсе не значит, что в гости к Мессингу никто не приходил — не так уж часто встречались Цоффка и Мессинг.

В мемуарах Мессинг так описывал свою повседневную московскую жизнь в начале 1960-х годов, когда он уже овдовел:

«Я живу в Москве, в обыкновенной квартире в новом доме на Новопесчаной улице. Я пишу сейчас в комнате за письмен-

ным столом, стоящим у окна. Вместо письменного прибора — шахтерская лампа. Слева — кофейный прибор из старинного фарфора. Все это — подарки друзей. Несколько сотен любимых книг. Портрет покойной жены на стене. На телевизоре — кусок удивительной прозрачной горной породы — хрусталь. Я люблю держать его в руках. Подарили мне ее горняки в одну из моих поездок по Советскому Союзу.

В этой квартире обитают четверо — вся моя семья. Кроме меня, сестра моей жены — она ведет наше нехитрое хозяйство — да две забавных белых, как снег, собачки Машенька и Пушинка — дочь и мать. Мы все очень доброжелательно относимся друг к другу и стараемся уважать и понимать желания и привычки другого.

Встал я, как всегда, в восемь утра. Сделал несколько дыхательных упражнений. Занялся туалетом. Потом пошел прогуляться с моими четвероногими друзьями.

Возвращаясь с прогулки, достаю из почтового ящика газеты и письма. Устроился на диване и развернул их. Так же, наверное, как это делаете в свой выходной день и вы, читатель. И так же, как и всех, меня взволновали и расстроили одни сообщения, обрадовали и воодушевили другие. Современный человек не может не жить жизнью всего земного шара, который достижения науки и техники сделали таким маленьким. И меня радуют и печалят сообщения со всех материков земли — и из Антарктиды, и из Бразилии, и из Австралии, и из Сомали...

В десять я завтракаю. Крепкий кофе с молоком. Пара куриных яиц всмятку. Кусочек хлеба.

От завтрака до обеда — разбор почты. Письма приходят ежедневно. Пишут мои зрители. Советуются по самым различным вопросам жизни и творчества. Пишут ученые — нередко из, казалось бы, далеких областей знаний. Я отвечаю на каждое письмо. Иногда — не сразу. Иногда через неделю, а то и через две, когда придет ясность о том, как я должен ответить.

Ну а если остается время, я отдаю его интересной новой повести, опубликованной в литературном журнале, размышлениям над новыми экспериментами, игре с моими четвероногими друзьями. В такие часы писалась и эта книга.

В четыре часа — простой домашний обед. Короткий отдых. Включаю телевизор. Это удивительное изобретение доставляет мне массу радости. Оно раздвигает стены дома так, что виден весь мир. И нередко оно заменяет мне посещение театра, концерта, цирка...

Я люблю все виды театрального искусства — от драмы и оперы до цирка и эстрады. Я был знаком со многими выдаю-

щимися актерами: с неповторимым Шаляпиным, ироничным Михоэлсом, могучим Провом Садовским, волшебником Вертинским... И раньше каждый свободный вечер я проводил в театре, на концерте или в цирке. Сейчас нередко вместо этого я сижу у телевизора. Сознаться ли? Одна из причин, которая заставляет меня избегать посещать театры — боязнь быть узнаваемым. Очень неприятно, когда на тебя, пришедшего спокойно и мирно насладиться игрой актеров, искусством постановщика, тайно из-за спины показывают пальцем, а иной раз и бесцеремонно забегают вперед “поглядеть”. Это очень мешает. Это одна из причин, почему я избегаю появляться в местах, где много публики.

Иногда вечером заходит кто-нибудь из друзей. Иногда сама иду к кому-нибудь в гости. Но, как правило, уже в одиннадцать часов я дома. Ведь меня ждут мои четвероногие друзья. Вечерняя прогулка с ними. И в двенадцать часов я уже сплю...

Сегодня я был просто Вольфом Григорьевичем. А завтра у меня снова выступление. Надо будет с утра собирать силы, сосредотачиваться... Надо снова становиться Вольфом Мессингом!..

Поверьте, им нелегко быть».

Бросается в глаза, что в те дни, когда не надо было выступать с концертами, Мессинг вел размеренную жизнь мещанина. Полдня уходило на чтение писем и газет. Другие полдня — телевизор и игры с собаками. Читал Мессинг и книги, но главным образом развлекательные — детективы и фантастику. В театры в последние полтора десятилетия своей жизни он ходил реже, чем прежде, вовсе не из-за опасений, что публика его узнает и будет разглядывать, как некую диковинку. В действительности тут сказывалась старость. У Вольфа Григорьевича все чаще болели ноги из-за застарелого артрита. Он действительно знал многих артистов, и они охотно водили с ним знакомство, как и другие знаменитости. Однако их интересовал прежде всего не Мессинг-человек, а Мессинг — телепат и ясновидец.

Примечательно также, что в дни, когда не надо было выступать, Мессинг практически никогда не занимался чем-либо, связанным с его телепатическим даром. Разве что иногда почитывал книги про дельфинов и гипноз. Вольф Григорьевич четко разделял работу и личную жизнь. Телепатия для него была работой, притом весьма тяжелой. Поэтому в свободное от работы время он предпочитал только отдыхать, а не пытаться углублять свои знания в сфере телепатии и психологии. Тем более что с соответствующей литературой он, вероятно, в основном ознакомился еще в 1920—1930-е годы.

В последние десятилетия своей жизни, а особенно после смерти, когда наступила эпоха гласности и пали цензурные ограничения, Мессинг стал фигурой мифической, превратившись в Великого телепата и Главного чародея и мага Страны Советов. Кое-кто простодушно думал, что Михаил Булгаков своего Воланда во многом писал с Мессинга. Дескать, и обращаются к нему «мессир» — почти как «Мессинг». Только этого, как говорится, не могло быть, потому что не могло быть никогда. Булгаков начал писать свой великий роман в 1929 году, когда за пределами Польши о Мессинге никто ничего не знал. К моменту же прибытия Мессинга в СССР осенью 1939 года роман уже был практически завершен. В Москве же Мессинг впервые появился, даже если принять на веру его рассказ о встрече со Сталиным, после 1 мая 1940 года, а Булгаков скончался 10 марта того же года. Так что они в принципе не могли встречаться друг с другом.

О Мессинге рассказывали и явно легендарные истории. Так, Эгмонт Львович Месин-Поляков утверждал: «Серьезно заболел мой младший сын. Врачи, к которым я обращался, выписали кучу сильнодействующих лекарств, которые я просто боялся давать больному. Я обратился к Мессингу, чтобы тот осмотрел сына. Вольф Григорьевич попросил меня оставить их ненадолго наедине. Когда я вернулся, то увидел следующее: Вольф Григорьевич легко провел рукой по затылку мальчика и сказал, что теперь у него все будет в порядке. И действительно, болезнь прошла бесследно.

Как-то раз я хотел сфотографировать Вольфа Григорьевича: пришел к нему домой со своим довольно неплохим немецким фотоаппаратом. Он хитро так улыбнулся и сказал: “Ну, фотографируй... Только все равно у тебя ничего не выйдет”. Я, конечно, удивился: “Почему это не выйдет? Пленки еще много!” Все проверил, настроил, сфотографировал. А когда стал проявлять фотографии, то увидел, что на пленке изображена толпа людей, идущих по Калининскому проспекту, и слабые очертания его лица на этом фоне. Вот такие дела...

Вы знаете, он поражал меня всю жизнь, к его дару невозможно было привыкнуть. Собирать грибы с ним было изумительно, потому что он чувствовал, где они прячутся. Он очень любил собирать грибы, ему нравился их запах. Запомнил я, как мы оказались на кладбище во время этих походов. “О нем все забыли”, — сказал Вольф Григорьевич, показывая на могилу. Щупает пальцами, как слепой, и читает давно исчезнувшую надпись. Так же он записки “читал”, которые присылали зрители из зала, — не разворачивая. Что бы человек ни подумал на любом языке — слышал. Подержав в руках какой-то предмет,

принадлежащий человеку, он мог рассказать о судьбе его владельца. Вообще, он жизнь каждого мог прочитать от начала и до конца. Я всегда удивлялся: “Как же вы узнаете, что человек умрет?” Он говорил, что видит бриллиантовый сияющий крест над головой этого человека.

Помню, он, развлекая меня, загонял воробьев в пустую ловушку, в которой не было даже крошек. Я дергал за палочку и вытаскивал живого воробья! Собак он останавливал взглядом».

В этом рассказе доверять можно разве что утверждению, что Мессинг любил и хорошо умел находить грибы. Вполне вероятно, что к этому занятию он пристрастился еще в Польше, где много грибных лесов. Однако для того, чтобы быть хорошим грибником, совершенно необязательно обладать уникальными телепатическими способностями. Достаточно знать, в каких местах, в каком природном окружении какие грибы растут, и обладать большим опытом и умением различать их у пней, веток, кустов, во мху и под опавшими листьями. Телепатические же способности могли бы помочь в поисках грибов только в том случае, если бы грибы обладали разумом и могли мыслить. Но такое бывает только в научно-фантастических романах.

Что же касается чудесного исцеления сына Эгмонта Львовича, то Мессинг мог произвести его только в одном случае — если это было невротическое заболевание. Но и в этом случае сеанс не мог быть столь кратким, как это описывает Эгмонт Львович. Да и то, что обычные врачи прописали больному кучу лекарств, наводит на мысль, что речь шла о какой-то опасной детской болезни, а не о неврозе.

Ну а что касается случая, когда лицо телепата вдруг отпечаталось на фоне толпы на Калининском проспекте, то такие чудеса творил разве что старик Хоттабыч. Жаль, что Эдгар Львович не сохранил уникальной фотографии, чтобы продемонстрировать ее доверчивым журналистам. Хотя сотворить сегодня нечто подобное при помощи фотошопа не составляет большого труда. К чудесам того же рода относится и рассказ о чтении Мессингом стертой надписи на надгробном камне с помощью пальцев.

По утверждению Цаффки, Мессинг «был чистейший атеист, в Бога он не верил. Однажды я как-то разговаривал с кем-то из церковных, так он мне сказал: “Ой, Слава, только никогда не упоминайте в нашем кругу имя Мессинга! Все, что он делает, это происки дьявола”. Церковь, конечно, его не признает...». Однако это утверждение об атеизме Мессинга опровергается свидетельствами Лунгиной и других лиц, хорошо знавших Мессинга, а также тем фактом, что он читал кадиш на

могиле жены, что запечатлено на известной фотографии. Но вера Мессинга, безусловно, была иудейской, и он ее конечно же не афишировал, поскольку во время своих выступлений вынужден был выдавать себя за атеиста, разоблачающего с материалистических позиций религиозные суеверия. Другое дело, что людьми, воспитанными в православной традиции, да еще в советских условиях, Мессинг должен был восприниматься как атеист, а частью верующих — едва ли не как посланец дьявола.

Мастер психологических опытов, профессор и академик Юрий Горный, подвизавшийся на той же ниве, что и Мессинг, но никогда не называвший себя телепатом, вспоминал: «С Вольфом Мессингом я был лично знаком и видел, как он работает. Вольф Григорьевич был настроен на честную игру, не использовал никаких трюков и осуждал тех, кто выдавал всякого рода фокусы за телепатию: Его программа всегда состояла из трех частей: написать письмо и вручить загаданному адресату, два произвольных этюда с выполнением мысленных заданий и поиск в зале спрятанной публикой авторучки. Все, что касалось идеомоторики (неосознанных движений), Вольф Мессинг проделывал великолепно. Как очень хороший психолог он выбирал из зала внушаемого человека, брал его за руку и повторял: “Думайте о том, что я должен сделать!” Мысли индуктора Вольф Григорьевич улавливал великолепно. Кроме того, у него была гениальная интуиция. Но читать мысли он не мог!»

Тот же Горный впервые увидел Мессинга на гастролях в Семипалатинске в начале 1970-х годов и сразу же решил проверить великого мага и телепата. Согласно воспоминаниям Горного, это произошло следующим образом: «В 1970-х годах, узнав, что Мессинг дает представления в Семипалатинске, я отправился туда. Но билетов уже не было — полный аншлаг. Случайно в гостинице я столкнулся со звездой. У меня хватило наглости попроситься к нему на концерт, но он сделал вид, что не понял. Я обиделся. Между нами даже произошла небольшая стычка. Но на концерт хотелось! И тогда я обратился к женщине-администратору, соврав, что я их коллега из Барнаульской филармонии. Меня пропустили. И Мессинг меня заметил. А вскоре ко мне подошла администратор и поинтересовалась, чем я занимаюсь в филармонии. Пришлось врать дальше — сказал, что я музыкант, на трубе играю. Я спросил, кто мной интересуется. Администратор сказала, что Мессинг.

На выступлении я заранее договорился с несколькими зрителями, чтобы кто-то из них вышел на сцену и дал задание, которое я заранее разработал. Мессинг, держа испытуемого за ру-

ку, должен был спуститься с эстрады в зал, топнуть ногой, показать на люстру, потом взять в одном из рядов портфель и достать из него книгу. На определенной странице был спрятан заклеенный конверт, в котором лежала открытка с “Голубем мира” Пикассо. Мессинг, найдя конверт и не вскрывая его, должен был сказать, что в нем.

Такое задание возникло не случайно. Оно было трехэтапным. Первый — идеомоторные акты: способность ощущать неосознанный “язык тела”, который я хорошо освоил сам. Второй этап должен был продемонстрировать способность Мессинга к логическому мышлению. Третий — тест на телепатию. Как я и ожидал, чуда не произошло. На первом этапе Мессинг показал отличную мышечную чувствительность. Вторым этапом прошел несколько хуже. Когда Мессинг не знал, что делать, он начинал демонстративно нервничать. Зрители обрушивали гнев на парня: “Почему Мессингу не помогаешь?!”

Третий этап, конечно же, у Мессинга не получился. Но артист вышел из ситуации очень красиво. Он отбросил руку студента и закричал, что это задание прекрасно и его нужно показать в Академии наук. Народ в зале остался в убеждении, что указания выполнены, и восхищенно зааплодировал. А я перевел дух. Подтвердилось, что никакой телепатии не существует и Мессинг — великолепный артист — такими способностями не обладает.

Уже после выступления Мессинг еще раз прокололся. Заметив меня в толпе, он громко сказал: “Молодой человек! Я вижу, что вас интересует мое искусство. Прошу вас, не нужно этим увлекаться. Это не ремесло. Это от Бога! У вас все будет в жизни замечательно, вы станете великим музыкантом, продолжайте заниматься своей трубой на здоровье!” И вновь присутствующие были поражены проницательностью мастера телепатии: они же не знали, что про участие в оркестре я наврали».

На самом деле проверка способностей Мессинга, проведенная Юрием Горным, доказала только то, что способности Мессинга не работают тогда, когда его сознательно хотят обмануть. Но даже если допустить, что Мессинг действительно обладал телепатическими способностями, то в случае, если ему пытались бы назвать, например, неверный год рождения индуктора, то в мыслях у последнего должны были присутствовать и подлинная, и вымышленная даты, и телепату в этом случае легко было бы запутаться. И точно так же ему было бы трудно разоблачить ложь Горного насчет того, что он играет в оркестре, и угадать, что перед ним коллега по цеху, выступающий с психологическими опытами. Ведь обе профессии, ис-

тинная и ложная, одновременно должны были присутствовать в мыслях Горного. В ту пору известность Горного еще не вышла за пределы Казахстана, да и там, очевидно, была еще невелика, раз ему пришлось прибегнуть к обману, чтобы получить билет на концерт Мессинга. Насчет же задания с «Голубем мира» Пикассо нельзя утверждать, что Мессинг совсем его провалил. Он, по крайней мере, угадал, что спрятанный предмет относится к сфере прекрасного. Надо также иметь в виду, что Мессинг часто чувствовал, что индуктор хочет его обмануть, и прямо говорил об этом зрителям, что еще более укрепляло доверие к нему.

Между прочим, в другом интервью Юрий Горный утверждал, что его встреча с Мессингом имела место не в 1970-е годы, а в октябре 1966 года, причем задание было тем же самым. Наверняка речь идет об одном и том же эпизоде с проверкой, но когда именно он имел место, с уверенностью сказать нельзя. В версии с 1966 годом эпизод с проверкой, по утверждению Юрия Горного, имел драматическое продолжение, а выступал тогда Мессинг не перед зрителями филармонии, а перед студентами и сотрудниками Семипалатинского мединститута. Этот вариант рассказа Горного звучит следующим образом: «В 1966 году в октябре месяце я проверял телепатические способности Мессинга в Семипалатинском мединституте. Приехав в этот город специально для проверки его способностей, я решил познакомиться с маэстро. Он отказал мне в общении. Я был вынужден обратиться к устроителям выступления, работникам местной филармонии, чтобы попасть на публичное выступление. Им я представился их коллегой-музыкантом, играющим в ансамбле. И они мне помогли. Такая моя устремленность заинтересовала Мессинга, и он спросил у них, кто этот надоедливый молодой человек. Они его информировали, представив меня как музыканта из соседней Барнаульской филармонии.

Во время выступления Мессинга я попросил студентов участвовать в сеансе, но с моим заданием. Задание мое было разбито по сложности на три этапа. На первом этапе Мессинг должен был продемонстрировать свои способности мышечной чувствительности к идеомоторным актам участника эксперимента (зрителя). Второй этап — показ своей способности логического мышления. И третий этап — это телепатические способности определить образ, который был известен только мне. Задание было таково по содержанию: спуститься в зрительный зал, остановиться у 3 ряда и топнуть ногой, пройти к 10 ряду и показать на люстру, в конце зала найти портфель, извлечь из него книгу и раскрыть на стр. 101. Там взять конверт и

определить находящийся в нем символ — голубь мира Пикассо и произнести фразу: “Миру — мир”. Как я и предполагал, Мессинг блестяще справился с первым этапом, т.к. выполнял его с контактом рук. 2-й этап, где он продемонстрировал искусство анализа, прошел удовлетворительно, а 3-й этап оказался абсолютно невыполним для Мессинга, так как информация могла быть передана только в материальной оболочке слова.

Впоследствии я продемонстрировал этим студентам ряд своих сложных этюдов. В частности, определил спрятанную в здании иголку и задуманную в библиотеке книгу, найдя ее, воткнул иголку в то слово, которое они задумали, проведя это без зрительного контроля и контакта рук. Мы возвратились в зал и прошли на сцену, где стоял Вольф Мессинг в окружении многочисленных поклонников. Увидев меня, он произнес: “Молодой человек! Не надо этим увлекаться. Это дано от Бога. Занимайтесь своим делом и Вы будете великим музыкантом”.

Тогда юные студенты не удержались и сказали ему, что я только что за пределами этого зала показал этюд, который сложнее тех, что были в его программе. Это вызвало дикий гнев как у самого Мессинга, так и у организаторов. Свои следующие выступления он отменил. Но в чем-то Мессинг оказался прав. В 1975 году я готовил номер по оперативному мышлению, базирующийся на функциональной асимметрии мозга. И научился впервые играть на пианино, но, играя на пианино левой рукой, я правой пишу и делаю еще 5—6 гностических действий. Непосильно на сегодня, да и в ближайшие годы, проделать такую эквилибристику самым великим музыкантам. Через 10 лет я был на гастролях в этом же городе, где экспериментировал с Мессингом. И именно в институте мне было предложено задание, которое я когда-то предложил с помощью студентов Мессингу. Я это понял уже на первом этапе. Наверное, студенты, ставшие уже аспирантами и учеными, помнили задание, на котором споткнулся знаменитый Мессинг, решив “подкосить” и Юрия Горного. Я, естественно, его выполнил без контакта рук и без зрительного контроля стопроцентно верно, что вызвало восторг и вопросы о том, как мне это удалось сделать. На что я лукаво ответил: “Спросите у наших выдающихся ученых-физиков А. И. Китайгородского и В. Л. Гинзбурга, моих сторонников по борьбе с лженаукой и мистикой”. Наиболее реальный феномен, описанный в экспериментальной психологии — это мнемонист».

И еще Горный хвастался журналистам: «Те же задания, только более сложные — без контакта рук, я сегодня показываю на сцене без всякого ясновидения.

— Ну и как можно найти в переполненном зале спрятанную иголку?

— Ну, во-первых, по тому времени, через которое меня позвонит искать, я уже знаю, где успели спрятать: на первых рядах, средних или на последних. Встану в центре, спрошу: вы все запомнили, где лежит иголка? Часть зрителей обязательно невольно повернет в ту сторону головы. Затем выбираю из зала людей внушаемых и слежу за их реакцией. Таких “примочек” у меня — до сотни. Многое зависит от аудитории: чекисты, например, цепляют иголку где-нибудь на отвороте лацкана. А эки — проглотят, вгонят в кожу ладони, в ботинок...»

Вот эта версия, изложенная Юрием Горным с явным самолюбованием, как раз и не вызывает никакого доверия. Она призвана внушить доверчивым читателям только одно: как хорош Юрий Горный, великолепно владеющий искусством чтения идеомоторных актов и честно признающийся, что это никакая не телепатия, и как плох Вольф Мессинг, который напускает на свое искусство мистический туман, чтобы убедить доверчивых зрителей, что он на самом деле является великим телепатом, а в действительности легко может быть разоблачен человеком, знакомым с техникой чтения идеомоторных актов. Горный же, получается, во всем Мессинга превосходит: и идеомоторику читает без контакта с рукой индуктора, и на пиано виртуозно играет, так что предсказание Мессинга нечаянно сбывается. Вот только слишком трудно поверить в то, что Мессинг прекратил выступления из-за одной неудачи. Кто бы ему это позволил, если билеты на концерты наверняка уже были проданы с аншлагом!

Еще категоричнее Юрия Горного был психиатр Михаил Буянов: «Мы с Мессингом часто встречались, потому что жили по соседству. Как психиатр я видел, что он обыкновенный фигляр, страдавший клинически выраженной псевдологией (склонность к патологической лживости с целью возвышения собственной личности в глазах окружающих). “Мемуары”, сочиненные Хвастуновым, вышли за девять лет до смерти “мага”, и Мессинг мог их исправить, но не делал этого. Значит, упорствовал во вранье. Также у него были компенсаторные фантазии — попытка избавиться от переживаний своей неполноценности. А за год до смерти появились многочисленные фобии. Однажды он позвонил мне, пожаловался, что стал бояться выходить из дома, пугался лифта, страшился, что его раздавят машины, отравят соседи. Я предложил ему полечиться у нас. Но он боялся психиатров и огласки. “Весь мир будет злорадствовать, что я сошел с ума”, — объяснил он. Я предлагал ему проверить способности с помощью приборов. Но он

отказался. “Что во мне изучать? — удивился он. — Я просто артист”».

Многое из того, что сообщает Михаил Буянов, честно говоря, доверия не вызывает. Как мы уже убедились, Хвастунов был литературным записчиком, а отнюдь не инициатором создания мессинговских мемуаров, и все ошибки, в них содержащиеся, принадлежат не Хвастунову, а Мессингу. И в последний год жизни Мессинг не мог быть такой развалиной, каким его описывает Буянов, поскольку выступал почти до самого последнего дня, в том числе и с дальними гастролями в Азиатскую часть СССР.

Татьяна Лунгина утверждает, что после смерти жены к Мессингу «вновь стали обращаться больные или считавшие себя таковыми, и в обоих случаях он находил нужное “лекарство” — внушение словом. Позже я была очевидцем многочисленных таких исцелений». Здесь словам близкой знакомой мага можно верить. Но, несомненно, все больные, обратившиеся к Мессингу, страдали неврозами, и на них действовала сила внушения, которой Мессинг действительно обладал. Вообще, бросается в глаза, что Мессинг хотя и был одинок, но, как кажется, от своего одиночества вовсе не страдал и в свой внутренний мир никого не пускал, даже очень близких людей. Он любил рассказывать о себе, о своем даре, в том числе и о явно фантастических случаях встреч с великими людьми и предсказаниях великих исторических событий. Но при этом свой внутренний мир он не открывал никому, а уж тем более людям, враждебно к нему настроенным. Вольф Григорьевич утверждал, что может читать мысли других людей. Однако он всеми силами старался не допустить, чтобы другие читали его мысли или даже просто строили догадки, о чем он думает. Он творил образ великого и загадочного Вольфа Мессинга.

В мемуарах Мессинг так определял смысл своей жизни: «Я чувствую усталость и удовлетворение. Такое же удовлетворение чувствует каждый рабочий человек, окончивший свой труд и пьющий, как я, свой стакан чая. Я дал людям радость. Я заставил их думать... Спорить... Теперь можно и отдохнуть...» Вряд ли у Вольфа Григорьевича было что-то другое более значимое в жизни, чем его психологические опыты. Только ими он по-настоящему и жил.

По утверждению Лунгиной, не все гладко было во взаимоотношениях Мессинга со свояченицей, поскольку «сестра покойной жены создала в доме нервную обстановку, непрерывно повторяя Вольфу Григорьевичу, что теперь вся его жизнь и заботы должны быть сосредоточены на могиле Аиды Михайловны... Ираида Михайловна раздувала этот культ покойной

до чудовишных размеров, требуя от Мессинга ежедневного посещения кладбища. Сама она каждый день ходила на могилу сестры. Это не могло не выводить Вольфа Григорьевича из душевного равновесия, и мне до боли было жаль его... Уже через год после ее смерти Аиде Михайловне был поставлен красивый памятник — на постаменте черного гранита белый мраморный бюст покойной. На губах навеки застыла мягкая, добрая улыбка. Посещая кладбище, Мессинг часто приглашал знакомого кантора петь кадиш у могилы». Добавим, что он и сам читал кадиш на могиле Аиды Михайловны.

Журналист Владимир Кючарьянц вспоминал: «Осенью 1974 года, работая в АПН, я по просьбе американского еженедельника “Нэшнл инкуайер” взял интервью у Вольфа Мессинга. Мы проговорили несколько часов. Так сложилось, что я оказался последним говорившим с ним журналистом. Но никогда не публиковал записей беседы с ним. Сегодня, спустя тридцать лет, я снова опоздал: многое о нем уже известно. Кроме одного — моего впечатления. И того, о чем умолчу и сейчас: это касалось только меня. Теперь, когда все уже случилось, я могу оценить ту деликатность и осторожность, с которой Мессинг предупреждал меня. Не хотел пугать. Мое будущее казалось мне чем-то вроде беспроигрышной лотереи. Он знал, что это не так...

Он не любил выходить на улицу, ездить общественным транспортом. Крайне редко подходил к телефону. Укрывшись в своей небольшой квартире на улице Герцена, с головой уходил в книги и статьи о животных. Особенно — о дельфинах с их загадочным интеллектом, способностью приходить на помощь тонущим людям, словно уловив импульсы их страха и отчаянья. Мессинг был уверен, что они общаются телепатически, и мечтал мысленно “поговорить” с ними. Другая его слабость — детективы. Он глотал их с доверчивостью ребенка, хотя вряд ли самый захватывающий детектив мог сравниться с его собственной жизнью...

На мой вопрос, случается ли ему не справиться с заданием, Мессинг отвечает:

— Крайне редко. Трудности возникают с нелогичным, абсурдным заданием. Например, однажды, выполняя мысленный приказ, я подошел к одному из зрителей, снял с его руки часы и, положив их на пол, занес над ними ногу. Затем, обратившись к залу, принес свои извинения: “Я не могу раздавить их, как того требует задание. Это не моя вещь”.

Но случалось кое-что и похуже. На гастролях в Перми задание было на редкость простым: найти в зале определенную женщину, достать из ее сумки паспорт и со сцены назвать имя.

Он легко сделал это. Вдруг из паспорта выпала фотография. Мессинг поднял ее, улыбнулся: “Какой красивый офицер. Совсем еще мальчик!”

Внезапно судорога исказила его лицо. Он вскрикнул. Схватился за сердце. Мгновенно дали занавес...

— Я увидел, как в тот момент, когда смотрел на его фото, мальчика убили, — сказал Мессинг. Меньше чем через месяц женщина получила с фронта похоронку. День гибели ее сына точно совпал с моментом “видения” Мессинга...

— Вольф Григорьевич, объясните, как все-таки вы улавливаете чужие мысли?

— Мысли других людей для меня — образы. Я не столько слышу, сколько вижу их. Какое-то место, действие, человека. Образы эти имеют и цвет, и глубину. Как если бы вы вспоминали что-то, но... не из вашей жизни. В Берлине, обнаружив в себе эту способность, я очень полюбил бродить по рынку. Где еще вы встретите столько разных людей! Где еще можно так незаметно быть пристально внимательным, как не в толпе? Помню, одна пара брела между рядами. У них был очень подавленный вид. Внезапно в моем мозгу вспыхнула яркая картина: больная девочка в постели. Я отчетливо увидел ее бледное лицо... Проходя мимо этой пары, сказал вслух: “Не тревожьтесь. Ваш ребенок поправится”.

Они остановились как вкопанные. Не знаю, что сильнее выражали их лица — страх, изумление или надежду. Именно тогда я вдруг осознал, что благодаря этой способности слышать мысли других смогу помогать людям. Особенно тем, кто остро нуждается в поддержке».

Владимир Кючарьянц подтверждает, что Мессинг был замкнутым человеком, сторонился толпы, не любил ездить общественным транспортом. Однако это было ему свойственно не только в последний год жизни, но и, по свидетельству детей Хвастунова, как минимум с начала 1960-х годов. А скорее всего, подобная осторожность появилась у Мессинга вскоре после того, как он прибыл в СССР. Быть может, он чувствовал, что общение с толпой для него, человека, выросшего в другой стране, может быть опасным. Ведь неслучайно он в первые годы пребывания в СССР дважды подвергался аресту как подозрительный иностранец. В стране, где едва ли не каждый десятый был сексотом, надо было держать ухо востро.

Очень интересна сообщаемая Кючарьянцем характеристика способностей Мессинга. Оказывается, Вольф Григорьевич улавливал чужие мысли не в виде звуковых текстов (или внутреннего голоса), а в виде зрительных образов. Эти образы, очевидно, могли ассоциироваться с какими-либо чувствами, а так-

же с геометрическими понятиями (фигурами или направлениями). Потому-то, вероятно, Мессинг мог угадывать простые понятия, чувства, геометрические образы, мог понять, куда человек двинется через мгновение. Но он никак не мог угадывать тексты, содержащие хотя бы несколько слов. В то же время, надо заметить, что указанные простые понятия или движения можно было в принципе угадать и с помощью чтения идеомоторных актов, так что вопрос о наличии у Мессинга собственно телепатических способностей остается открытым.

Михаил Голубков рассказывал мне, как его мать, Валентина Голубкова, общалась с Мессингом: «Мама вспоминала, что Мессинг приходил в возбужденное состояние, впадал в транс. В таком состоянии он мог читать мысли и предсказывать будущее. Он мог воспринимать время как пространство. Однажды во время обеденного перерыва в издательстве Мессинг пригласил маму в ресторан. Там он пришел в специфическое состояние и начал пытаться за ней ухаживать. Он старался привлечь внимание людей, чтобы присутствующие его узнали. Взял мать за руку, стал гладить по руке. Но он ее не интересовал как мужчина. Мама была очень красива, а он был, мягко говоря, внешне не слишком привлекательным мужчиной. Мессингу, наверное, было лестно продемонстрировать окружающим, что он ухаживает за такой красивой женщиной. И мать не могла обидеть Мессинга. Она только повторяла про себя: “Как стыдно, как неприятно”. Вдруг он отдернул руку и сказал: “Спасибо за откровенность”».

А вот другой эпизод. Мессинг и мама сидели в издательстве, в комнате. Их разделял стол, так что непосредственного телесного контакта между ними не было. Речь зашла о сыне одной из знакомых матери, которому тогда было всего четыре года. Он вошел в состояние транса и произнес: “Он у нее такой большой, крупный, он очень талантлив... Нет, не талантлив, он гениален... Я должен с ним поговорить”.

Когда это предложение передали матери мальчика, она запротестовала: “Нет, нет, не надо...” Она предчувствовала, что нельзя человеку предсказывать его судьбу. Когда мальчик вырос, он с сожалением говорил своей маме: “Эх, мама, почему же ты не дала нам встретиться!”».

Эпизод с походом в ресторан запечатлен и в романе Михаила Голубкова «Миусская площадь», где Валентина Алексеевна Голубкова послужила прототипом одной из героинь — редактора издательства «Культполитпросвет» Антонины Грачевой: «Тоня видела этого человека впервые — небольшого роста, даже маленького, с густой черной седеющей шевелюрой, с большим тонким носом правильной формы, с резкими мимичес-

кими морщинами, пересекающими щеки от носа до уголков рта. Манера подносить руку к лицу, когда говорит, к подбородку, будто все время в каком-то изумлении, а в каждом слове — восторг или ужас... Черные воспаленные глаза, то усталые, то вдруг невероятно яркие и буквально обшаривающие собеседника. Вот и сейчас они заискрились, загорелись, и отказать от ужина просто невозможно, — Мессинг вскочил, подбежал к загончику редакционной комнаты, где висели пальто, схватил Тонино, приподнял за плечи, подавая даме. Но идти, честно говоря, все же не очень хотелось: появиться в ресторане с этим дедушкой, который к тому же еще и на голову ниже? И какой-то весь такой странный, и не спутник для ресторана, честное слово...

Однако пальто само уже каким-то непонятным образом наделось, вот издательский коридор с коварной ступенькой, а потом пологим спуском, который заставляет прибавлять шаг, затем бежать, и вот уже морозный мартовский воздух и вечерняя наледь, и приходится держаться под руку, чтобы не упасть, правда, не вполне ясно, кто кого держит...

Странная пара — стройная молоденькая женщина в элегантном приталенном пальто зеленого мягкого ратина и беретке в цвет, из-под которой озорно выбивались темно-русые густые волосы, и пожилой человек, всклокоченный, без шапки, возбужденный, дико жестикулирующий свободной рукой и бесперечь что-то громко говорящий, в черной драповой куртке, расстегнутый, с выбивающимся шелковым шарфом — миновали проезд Сапунова, свернули налево, уперлись в Красную площадь, пустынную и продуваемую колючими поземистыми порывами, затем направо, спустились мимо дома, где коротал свои ночи заточенный Радищев, предвкушая путешествие из Москвы в Сибирь, прошли мимо Воскресенских ворот, хранимых какой-то московской генетической памятью и вроде бы даже видимых в неверном мерцающем свете качающегося фонаря, и оказались на Манежной — прямо перед гостиницей “Москва”...

Все это — проход по морозным улицам, странный спутник, ресторанный зал, сразу же обдавший шумом и папиросным дымом и напомнивший не то вокзал, не то станцию метро “Маяковская”, причем сходство подчеркивалось колоннами, мозаикой на потолке, красным и светлым мрамором стен и пола, лишь белая массивная лепнина, столы с белоснежными скатертями и оркестр на отдаленной эстраде определяли некоторое отличие, — все это лишало вечер реальности и напоминало внезапное перемещение в зазеркалье, как в современной сказке с точно очерченным социальным конфликтом,

только что сданной молодым автором в редакцию детской литературы...

Сразу же выяснилось, что Вольф Григорьевич весьма и весьма неплохо ориентируется в меню, напечатанном на великолепной атласной бумаге крупным квадратным шрифтом, напомиавшим славянскую вязь. И вдруг вся неловкость исчезла: Тоня нашла для себя оправдание — даже перед лицом метрдотеля, взиравшего на них с вершины социально-ресторанной иерархии. Ну в самом деле, не такая уж и нелепица пойти с автором в ресторан. В конце концов, Борис Александрович все вопросы решает именно таким образом. И неплохо решает! А вопросов у нас к Вольфу Григорьевичу очень много. Пусть расскажет, почему он отклонил трех литзаписчиков, которых ему предложил Боб? А? Почему? Сам написать не может, а от помощи отказывается! И почему вроде бы согласился на ее кандидатуру? Почему вдруг такое доверие? И будет ли подписывать с нами договор? И осознав свою роль представителя крупного советского издательства, ведущего непростые переговоры с автором ну очень нужной книги, Тоня почувствовала себя чуть более уверенно в этом огромном шумном дымном зале с десятиметровыми мозаичными потолками.

Мессинг сделал заказ — и как-то сник, успокоился, устал. Вскоре принесли закуску — пополам разрезанные яйца с красной и черной икрой вместо вынутого желтка, белые соленые грибы и моченые яблоки, петрушка, сельдерей, укроп, солоности — всего немного и очень изысканно. Столь же строгий, как и метрдотель, официант тут же открыл бутылку белого грузинского вина, налил совсем немного в стакан Мессингу. Тот попробовал без всякого интереса и кивнул. Официант наполнил оба бокала и с достоинством удалился. Сделали по глотку.

— Вольф Григорьевич, а вы позволите вопрос? Почему вы отказались от литзаписчиков, которых вам предлагало издательство раньше?

— Очень просто, Тоня. Вы же, наверное, понимаете эту мою странную особенность — иногда я знаю мысли других людей, даже если этого не хочу. Просто знаю, и все.

— Вы их слышите? Или видите какие-то образы? Или читаете, как по книге?

— Нет. Просто знаю, и все. Не слышу, а просто знаю. Я это не могу объяснить. Даже себе, а не только кому-нибудь... И с этим бывает очень трудно жить. Вы не поверите, но это так. Я, например, не женат. И я боюсь, что по этой-таки причине.

— И что про тех журналистов?

— Ничего. Они смотрели на меня не так, как мне бы хотелось. Один сразу же стал думать, как сможет на мне заработать

много денег. Очень много, и больше его ничего не интересовало. Как он меня для этого может использовать, сильно со мной подружившись. А второй был еще лучше — смотрел на меня как на макаку, которой дан странный дар, а она не знает, что с ним делать, и разъезжает по гастролям, как будто в бродячем цирке. И стал подумывать, не сделаться ли ему моим антрепренером. Третьему очень хотелось раскрыть мою черепную коробку и посмотреть, что и как там устроено. Или, в самом крайнем случае, сдать для опытов в институт нейрохирургии. Оказывается, есть такой. Я даже знаю, где. Где-то в Ямских-Тверских переулках. Так вот, этот третий оказался большим сподвижником науки. Тоня, ну как можно работать с такими людьми, если я не хочу быть материалом для науки? После мой смерти — пожалуйста, сколько угодно изучайте, какие хотите ставьте опыты, но пока я еще живу на белом свете — увольте! Помилуйте! Никаких опытов. Как вы думаете, я-таки не кролик и не собака Павлова!

— А... тот молодой журналист? Ну, с которым мы сегодня виделись? Как он вам показался?

— Не уверен. Не знаю... — Мессинг задумался, поднес левую руку к подбородку, глаза на какой-то миг обратились куда-то в другую реальность, будто он вернулся на пару часов назад, мышцы лица напряглись, складки еще жестче очертились. Рука погрузилась в волосы, пальцы оказались где-то за ухом, будто там располагалось колесико радиоприемника, который он пытался настроить на нужную волну. — Не знаю... посмотрим. По-моему, он просто испытывает ко мне симпатию. Просто как к человеку... И мне он тоже симпатичен. Не хочет ни денег, ни опытов. По-моему, таким и должен быть писатель. Ну а я могу-таки рассказать ему много очень даже интересных вещей! И вам тоже, Тоня! Ведь я виделся со многими очень интересными и очень великими людьми мира! — Мессинг волновался, и Тоня заметила, как усиливается его акцент, не то еврейский, не то польский, когда новая волна сменяет эмоциональный спад. — Например, я видел Эйнштейна! Так же, как вижу вас. И Зигмунда Фрейда! Вы знаете, кто такой Фрейд? Нет? О, это человек, нашедший у всех у нас в голове такие страшные вещи, что лучше бы и не искал. Тем более не хочется про эти вещи говорить с такой красивой и обаятельной женщиной! Тем более, что никто не знает, есть ли они на самом деле. Так вот, Фрейд всегда ходил в черном сюртуке и с зонтиком. А Эйнштейна знаете? Ну да, конечно. Так вот, Эйнштейн позволил мне выщипнуть у него из уса три волосинки! Три волоска! Я их довольно долго хоронил их у себя, но потом потерял, кажется, в Америке... А еще Эйнштейн играл на скрипке вполне сносно, и его

об этом просил Фрейд, когда я приходил к Эйнштейну, а у него в это время уже гостил Фрейд...

Приехала русская уха в глиняных горшочках, но Мессинг не обратил на это ни малейшего внимания, увлекшись прошлым, и Тоня удивилась тому, что встречи с такими людьми странным образом связаны в его сознании не с беседой, не с общением, которое могло бы поразить исключительностью или, напротив, заурядностью, но вроде бы с совершенно пустыми деталями: выщипанными волосками из уса, черным фракком, неизменным зонтом. А Вольф Григорьевич увлекался все больше и больше, он подвинулся к Тоне, гладил ее по руке от ладони до локтя, время от времени пожимал, говорил громко, и бытовые детали, связанные с великими людьми, громоздились одна на другую... Официантка, столь же недоступная, как и ее предшественник, ставила на стол хлебную тарелку с румяными булочками, и ее рука как-то неловко столкнулась с жестикулирующей рукой Мессинга, тарелка упала на стол, не разбилась, зазвенела, булочки покатались по белоснежной скатерти. Официантка не смогла скрыть надменного раздражения, проявившегося в позе, в гримасе, в неохоте, с которой она, выдавив из себя "Извиняюсь", стала исправлять не то свою оплошность, не то посетителя, но тот не заметил и этого, звон тарелки лишь обратил его внимание на официантку.

— Вы узнали меня? — спросил он. — Я Вольф Мессинг! Вы узнали? — Официантка пожала плечами, навела порядок на хлебной тарелке и удалилась, надменная и не снисходящая до узнавания. Мессинг опешил. — Вы узнали меня? — громче сказал он, обращаясь к людям за соседними столами. — Я Вольф Мессинг! Вы узнаете меня? Вы видели мои сеансы? Мои психологические опыты? Вы узнали?

За соседними столами притихли разговоры, только один совсем уж пьяный полковник с погонами, напоминающими недожеванный бутерброд, продолжал что-то монотонно бубнить своему краснощекому молодому соседу, насмерть задушенному узеньким сереньким галстуком. Несколько глаз с интересом наблюдали за странной сценой, пока вроде неопасной, не грозящей дебошем, но кто знает... И от странной близости этого человека, продолжающего гладить руку, и от внимания случайных зрителей, праздных, равнодушных, подвыпивших, Тоне захотелось пропасть, исчезнуть из этого прокуренного вокзала, прикинувшегося рестораном, боже, как неприятно, оказаться бы сейчас либо дома, либо на худой конец в издательстве, в редакционной комнате, откуда вдруг так неожиданно сорвались и оказались тут. Как неприятно, и смотрят все, и этот старик...

Вдруг Мессинг отдернул руку, выпрямился на стуле, приходя в себя от напавшего возбуждения, отстранился от спутницы и, глядя прямо в глаза, произнес:

— Спасибо за откровенность! — Какое-то время посидел прямо, взял ложку и принялся за уху. — Такой же откровенностью отличается и журналист, которого вы представили мне сегодня. Именно поэтому я буду работать с вами. И готов заключить договор — как там это у вас делается? Приятного аппетита! Уха превосходная!»

Можно не сомневаться, что разговор Мессинга с Тоней Грачевой в основном воспроизводит содержание разговоров Мессинга с Валентиной Голубковой и Михаилом Хвастуновым. Но здесь получился один забавный анахронизм. Действие третьей части романа, названной «Солнечная активность в марте», где и происходит встреча Антонины и Мессинга, отнесено к 1952 году. Реальная же встреча Валентины Голубковой с Мессингом состоялась лишь в 1964 году, когда телепат уже овдовел.

В финале романа Мессинг использует свой дар ясновидения и внушения на расстоянии, чтобы помешать Тоне прийти в издательство, где должен появиться маньяк со скальпелем, чтобы отрубить голову главному редактору.

По воспоминаниям Голубкова, его отец, Михаил Хвастунов, веривший, что Мессинг действительно обладает уникальным даром, «надеялся зафиксировать его экспериментально, предлагал, чтобы с ним поэкспериментировали специалисты. Однако Вольф Григорьевич категорически не хотел, чтобы с ним экспериментировали, и отвергал все предложения Михаила Васильевича. На этой почве между ними произошла размолвка. Мессинг говорил, что после смерти завещает науке свой мозг. Но исследования его мозга ничего уникального в нем не обнаружили».

Бытовало и бытует немало легенд, что Мессинг помогал раскрывать самые громкие преступления, в том числе убийства и кражи. Эти рассказы шли от воспоминаний самого Мессинга и охотно подхватывались его восторженными почитателями. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело здесь не в ясновидении или телепатии, а в магическом влиянии на подозреваемых в преступлении самого имени Мессинга. Так, Татьяна Лунгина вспоминала: «Часа за два до моего прихода звонит Мессингу директор одного из крупнейших московских универмагов, которого Вольф Григорьевич и в глаза-то никогда не видел. Но тот представляется его горячим почитателем, не пропускающим ни одного выступления Мессинга, и горячо и взволнованно благодарит его за огромную помощь — предотвращение крупной кражи в его магазине.

Просит прийти и получить причитающееся ему вознаграждение — личный подарок директора. С присущим ему чувством юмора Мессинг отвечает в том духе, что, мол, до дня первоапрельских шуток еще далеко, а в штате Уголовного розыска на знаменитой Петровке, 38, он никогда не состоял.

Тогда незнакомец — директор — посвящает его во все подробности проделанной им детективной авантюры, в которой имя “Мессинг” сработало гипнотически и безотказно.

За несколько минут до приезда инкассаторов все отделы универмага сдали свою дневную выручку главному бухгалтеру, конторка которого ютилась у стенки служебного прохода. Приготовив мешки с деньгами к сдаче, тот на секунду отвернулся, чтобы отключить закипевший на электроплитке чайник. И кто-то в мгновение ока стянул одну сумку. Совершенно очевидно было одно: кражу совершил кто-то из своих работников, ибо по тому служебному проходу могли ходить только служащие универмага. Но огромный четырехэтажный магазин имел несколько сотен работников, и десятки из них сновали в те минуты перед окончанием работы по служебному коридору. Подозрение могло падать на кого угодно: от уборщицы до заведующей любой из сорока секций.

Бухгалтер, ни жив ни мертв, сообщил по внутреннему телефону директору о пропаже. Надо отдать должное находчивости последнего. Право, из него мог бы выйти не просто толковый работник торговли, но настоящий Шерлок Холмс. Он сразу смекнул: с момента хищения прошла минута, конторка бухгалтера находится на четвертом этаже. За такой промежуток времени самое худшее — вынос денег за пределы здания — произойти не могло. Ни бегом по лестницам, ни тем более по эскалатору, запруженному в этот час многочисленными покупателями, никто бы выбежать не успел. Значит, деньги при воре или спрятаны в гудах товара.

И тут же по внутреннему селектору репродукторы разнесли слова:

— Граждане! Только что в нашем универмаге совершена дерзкая кража сумки с деньгами. По счастливому совпадению среди наших покупателей оказался всем вам известный Вольф Мессинг. Мной дано распоряжение перекрыть все выходы, в том числе и служебные. Обыскать тысячи людей, из которых виновен только один, мы не имеем права. Но, выпуская всех вас по одному, с вами за руку будет прощаться Вольф Мессинг... Думаю, что нет нужды пояснять, чем все это закончится для похитителя. Поэтому предлагаю взявшему, быть может, по ошибке (?) деньги незамедлительно их вернуть так, чтобы он остался вне подозрений — если желает...

Минут через пять сумка с деньгами была обнаружена целехонькой и невредимой в подсобном помещении третьего этажа...

— Знаешь, Таня, — сказал Вольф Григорьевич, закончив пересказывать эту историю, — что я сейчас подумал? А не пригласить ли мне этого директора к себе в программу на роль ведущего?.. А? Как ты думаешь? В находчивости ему не откажешь! Такой рекламы мне и ВТО не сделает.

И он по-детски искренне рассмеялся».

Несмотря на замкнутый характер, Мессинг водил дружбу с многими звездами эстрады, театра и кино. По словам Лунгиной, Мессинг был близко знаком с артистами Юрием Никулиным, Евгением Леоновым, Аркадием Райкиным, певцом Юрием Гуляевым, диктором Юрием Левитаном.

Летом 1967 года Мессинг отдыхал на Волге вместе с семейством Лунгиных. По словам Татьяны, «в жаркие деньки он сам отправлялся к ближайшей деревне, где у кладбищенской дубравы, у заброшенной мельницы бил ключик вкусной родниковой воды. Он черпал воду и утолял жажду первобытным способом, но для гурманского вечернего чая приносил и нам пластмассовый бидончик. Там он и познакомился с местными крестьянами, с несколькими особенно сдружился, покупал у них парное молоко, а старых и бывалых людей расспрашивал о знаменитых в их краях в прошлом гадалках или целителях.

Деревенские жители в свою очередь полюбили — как в старину сказали бы — странного барина и за несколько дней до нашего отъезда подарили ему на память жанровую скульптурку, вырезанную из дерева: мужичок сидит на бочке и пьет из большой кружки самогон». Сам Мессинг к спиртному был довольно равнодушен, но если уж выпивал рюмку-другую, то самогону явно предпочитал коньяк.

В сентябре 1967 года, после юбилейного вечера в Центральном доме медработников, на следующий день неформальное торжество продолжилось в ресторане «Прага» на Арбате. Дело в том, что 65-летие Вольфа Григорьевича было почему-то перенесено с 1964 на 1966 год. 19 января состоялся юбилейный вечер в Центральном доме медицинских работников, на котором присутствовала, как говорится, «вся Москва». На следующий день Мессинг арендовал целиком роскошный «Красный зал» с зеркалами в ресторане «Прага» на Арбате, где дал грандиозный банкет. Благо средства позволяли. Среди гостей были академики Петр Ребиндер и Иосиф Кассирский, писатель Леонид Леонов, сын «всесоюзного старосты» Калинина Александр Михайлович, главный редактор журнала «Наука и религия» Владимир Мезенцев, профессора МГУ.

Татьяна Лунгина утверждала: «Вечер прошел тогда в непри-
нужденной обстановке, шутки чередовались с тостами, не
умолкал смех. Были довольны и официанты ресторана. К ино-
странцам и крупным партийным чиновникам у них уже про-
пал интерес, так как ресторан “Прага” давно стал излюблен-
ным “зачным местом” московской элиты, а вот такую персону
они еще не обслуживали... К полудню следующего после рес-
торанного банкета дня мне позвонила Ираида Михайловна и
сообщила, что “скорая” увезла Вольфа Григорьевича в крайне
тяжелом состоянии в клинику имени Боткина. Ему предстоит
срочная операция».

Сын Лунгиной Саша, работавший на «скорой помощи» в
той больнице, куда положили Мессинга, объяснил, что у Мес-
синга был гнойный аппендицит, который прорвался, вызвав
гнойный разлитой перитонит. Что ж, обильная трапеза в «Пра-
ге» вполне могла спровоцировать обострение аппендицита.

Татьяна Лунгина вспоминала: «Встретил он меня слабой
улыбкой, а когда я склонилась и поцеловала его в лоб, я поня-
ла, с каким трудом ему эта улыбка дается: жар был не менее
40 градусов. Держался он молодцом, ни на что не жаловался,
только дышал тяжело и прерывисто. В его палате лежал еще
молодой парень, богатырского сложения, с бородой, как у Хе-
мингуэя. Казалось, он попал сюда по недоразумению. Мес-
синг перехватил мой взгляд в сторону здоровяка, поманил к
себе пальцем и тихонько прошептал на ухо: “Тайболе, эти чер-
ти-врачи, видно, считают, что я испекся, готов... Нет, фигу им!
А видишь этого здоровяка? Жалко парня — отсчитывает по-
следние дни. А внешне ведь — ни-ни!”

Во второй мой визит Вольф Григорьевич попросил, если
возможно, достать и принести черной икры. Больше у него ни
на что аппетита не было.

Пришлось исколесить буквально всю Москву. Все же в од-
ном из маленьких отдаленных ресторанов мне удалось раздо-
бить грамм сорок. Тут же поспешила отвезти “драгоценный”
гостинец в клинику. Пропустили и на сей раз, и Вольф Григо-
рьевич несказанно был рад и мне, и икре. Теперь уже улыбка
без натяжки, и я вижу, что дело идет к поправке.

А молодого крепыша в палате уже не было... Он умер.

Кроме меня Мессинга регулярно навещала ведущая — Ва-
лентина Ивановская. Она старалась проявлять максимум тер-
пения не только к Вольфу Григорьевичу, но и к капризам Ира-
иды Михайловны, что было нелегко.

Окруженный вниманием и постоянной заботой, Мессинг
быстро поправлялся, а через несколько недель сочли возмож-
ным выписать его из клиники. Только дома еще некоторое вре-

мя требовался полубольничный режим. В конце концов эта угроза миновала, и следующий день своего рождения Мессинг встречал в добром здравии».

После этого все последующие дни рождения Мессинга организовывала Татьяна Лунгина. Она вспоминала: «Однажды день рождения решили отпраздновать в ресторане гостиницы “Советская”, который некогда назывался “Яр”. В концертном зале этой гостиницы Вольф Григорьевич всегда любил выступать.

В тот раз опять пришли медицинские светила: профессор А. А. Вишневский, Краковский и другие, нет нужды всех перечислять — он пользовался всеобщей любовью.

Дата была “солидная” и почетная — 70-летие!

Я заказала по сему случаю огромный торт и еле разместила в нем 70 свечей, но делала все тайком, хотелось сделать Мессингу сюрприз.

Гости торжественно уселись за стол, откупорили шампанское, внезапно погас свет. Вольф Григорьевич только успел пробурчать свое традиционное “безобразие, понэмаете!”, как я выплыла из темноты и вручила ему торт, освещенный мерцающими огоньками свечей.

Мессинг расплылся в улыбке и растроганно расцеловал меня. Сильный духом, он был слаб на обыденные и маленькие удовольствия».

С гнойным аппендицитом Мессинг благополучно справился, но артрит донимал его все сильнее и сильнее. Сам он рассказывал окружающим, что приобрел его, когда прыгал со второго этажа здания гестапо в Варшаве. И многие в эту легенду верили. Да что многие — почти все.

Лунгина вспоминала: «Вольф Григорьевич, у которого давно болели ноги, особенно при ходьбе, терпел боль, пока было возможно. Потеряв всякую возможность владеть собой, он вынужден был обратиться к врачу — к своему другу профессору Александру Александровичу Вишневскому. Генерал-полковник медицинской службы и директор Института хирургии Вишневский, даже не проделав сложных анализов, при первом осмотре, безошибочно поставил диагноз — облитерирующий эндартериит обеих нижних конечностей — и немедленно госпитализировал Вольфа Григорьевича. Положил его в институт, где работал сам.

В первый мой визит я застала опечаленного диагнозом Мессинга. Ему давали болеутоляющие препараты и навсегда запретили курить. Последнее он всерьез не принимал, хотя именно курево в данной ситуации было его злейшим врагом...

Александр Александрович пригласил меня к столу. Сказал, что у Вольфа Григорьевича дела неважные. Что в нижних конечностях слабая циркуляция крови, за счет того, что склеротические бляшки закрывают сосуд, что он применит консервативное лечение для облегчения и приостановки процесса. Но так как Вольф Григорьевич курит, и очень много, то он опасается прогрессирования заболевания, которое может закончиться гангреной одной или даже обеих ног, а следовательно, и ампутацией их!

— Вольф Григорьевич мне обещает бросить курить, но пока не выполняет обещания, а я — старый дурак (при этом Вишневецкий ударил себя по лбу) ему каждый раз верю и...

Не дав ему докончить, вмешался Сережа (индийский скворец. — Б. С.):

— Дуррак, старый дуррак!

И такая посыпалась брань... Не всякий пьяница смог бы при женщине эдакое произнести. “Да, — я подумала, — вот плоды просвещения”. Виноват же был сам профессор. Ругался он нецензурно даже во время операций. Сережа, находясь постоянно в кабинете, очень быстро усвоил этот “язык” и употреблял его где надо и не надо».

Мессинг по этому поводу сказал Лунгиной: «Смотри, сколько лет я живу среди русских, а еще не освоил их язык, а Сережа оказался более способным». Кстати, никто никогда не слышал, чтобы Мессинг матерился.

Лунгина стала работать в Институте сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева Академии наук на административной должности. Она вспоминала: «У главного подъезда стояла целая кавалькада черных лимузинов “Чайка”, сопровождавших карету скорой помощи, на которой прибыл наш пациент. Им оказался генерал-полковник Жуковский, командующий воздушными силами Белорусского военного округа, давний приятель Мессинга.

У него констатировали жесточайший инфаркт с образовавшимся отверстием в сердечной перегородке, и мало кто сомневался в летальном исходе. Излечение подобного недуга оперативным путем еще не было ни разу осуществлено не только в нашем институте, но и в других клиниках.

Оперировать такого высокопоставленного больного имел право только сам директор института, профессор Бураковский. Он высказал опасение, что операция лишь ускорит конец. Но и ничего не предпринимать неотложно — роковая потеря времени. Создалась щекотливая ситуация. Только после приказа “свыше” — оперировать — Бураковский мог принять окончательное решение.

В эти тревожные минуты ко мне подходит моя секретарша и говорит, что звонил Мессинг и просил срочно с ним связаться. Перезваниваю ему.

— Тайболе, передай своему шефу: немедленно приступить к операции. Это мой друг, и я советую не терять ни секунды!

Я рассказываю о колебаниях Бураковского, но Мессинг пребывает меня:

— Все закончится благополучно, заживет, как на собаке. А твой шеф будет представлен к награде. Так ему и скажи.

В конце концов, не видя иного решения, Бураковский согласился на операцию, рассчитывая только на чудо.

Закончилась многочасовая операция, прошли и первые критические дни, и вот уже Жуковского переводят в клинику имени Бурденко на долечивание — всякая опасность миновала. А ведь только недавно можно было заказывать траурные венки! И не позвони Мессинг вовремя — промедление смерти подобно... Тут же, по горячим следам, подтвердилось и его предсказание о карьере Бураковского. Ему присвоили звание члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР и вручили орден за удачную, проведенную впервые в стране, операцию...

...Когда я спросила после благополучного исхода операции: шел ли он на риск с генералом Жуковским, советуя немедленную операцию, Мессинг ответил:

— Я об этом даже не думал. Просто в сознании возникла цепочка — “операция” — “Жуковский” — “Жизнь”. И все».

Добавлю, что об этом чуде мы знаем только со слов Татьяны Лунгиной. В мемуары Мессинга этот эпизод не попал, так как случился позже их завершения. Генерал-полковник Сергей Яковлевич Жуковский на шесть лет пережил Мессинга. Он умер 10 ноября 1980 года. А хирург Владимир Иванович Бураковский дожил даже до публикации мемуаров Лунгиной. Он скончался 22 сентября 1994 года в Москве в возрасте 72 лет и, теоретически, имел возможность ознакомиться с ее книгой. Правда, неизвестно, произошло ли это на самом деле. Но, что характерно, из воспоминаний Лунгиной не ясно, сообщила ли она Бураковскому о призыве Мессинга немедленно приступить к операции, или Владимир Иванович сам пришел к такому решению. Если верно последнее, то Татьяна могла подумать, что Мессинг телепатически передал ему веру в необходимость оперировать генерала немедленно.

Журналист и писатель Рэм Щербаков, входивший в основанный Михаилом Хвастуновым «Клуб любознательных» и ставший научным редактором книги Вольфа Мессинга «Я —

телепат», представлявшей собой полную версию записанных Хвастуновым мемуаров Мессинга, вспоминал: «Вольф Григорьевич любил называть себя артистом. В его облике действительно было много артистического. Резко очерченный профиль и длинные, ниспадавшие на плечи волосы заставляли вспомнить портрет Паганини. И все же в выступлении отсутствовала главная артистическая черта — легкость. Морщины на лице Мессинга собрались в глубокие складки, на лбу выступила испарина, руки заметно дрожали. Он нервничал, сердился, требовал от “индуктора” сосредоточенности. Казалось, что артист выполняет тяжелую, не очень любимую работу, и зрителю становилось неудобно перед пожилым человеком, вынужденным так напрягаться».

Рэм Щербаков также поведал о том, как Мессинг и Хвастунов писали книгу мемуаров: «Работал Михаил Васильевич напористо и самозабвенно. Так что поначалу Вольфу Григорьевичу приходилось часто бывать на Беговой улице “по долгу службы”, а потом он привык и привязался к нашей молодежной компании, собиравшейся у Михваса что-то обсудить, отметить или просто потрепаться». Однако в данном случае Рэм Леонидович ошибся. Мы уже знаем, что в действительности мемуары Мессинга писались не в квартире Хвастунова на Беговой, а на его даче в Барыбине.

По словам Щербакова, Мессинг «жил в своем мире, привык к нему и не находил нужным кого-либо воспитывать или образовывать. Попытка разгадки, намеченная в этой книге, принадлежит, скорее всего, литобработчику — Михвасу. Мессинг не был склонен к теоретизированию. Человек он был конкретный, заземленный и начисто лишенный фантазии. По его собственному выражению, он был “больной на точность”. Если Вольф Григорьевич обещал быть в семь часов, то по звонку в дверь можно было ставить часы. Все эти человеческие качества заставляют относиться к его рассказам с полным доверием, как бы удивительно они ни выглядели».

Здесь Щербаков, несомненно находившийся под сильнейшим впечатлением от дара Мессинга, склонен некритически доверять рассказам Вольфа Григорьевича о самом себе и будто бы совершенных им чудесах. Но черты характера Мессинга, как представляется, он передал довольно точно. Тут и почти болезненный педантизм, тут и отсутствие творческого воображения и творческого начала во всем, что не было связано с его уникальным даром, тут и замкнутость в том, что касается личной жизни.

Мессинг так излагал Татьяне Лунгиной свою философию: «Но на сколько бы сантиметров ввысь ни росли от Олимпиады

до Олимпиады рекорды по прыжкам в высоту, не думаю, что самый выдающийся спортсмен когда-нибудь преодолеет высоту (без шеста), например, более пяти метров. Есть граница, барьер, за который тело переступить не сможет. Это мое мнение. Возможности духа беспредельны, но пока дух заключен в свою телесную оболочку, всегда будет оставаться нечто непознаваемое...»

И еще Мессинг рассказывал об одном из самых известных садов камней — так называемом саде пятнадцати камней храма Рёандзи в Киото, созданном, по преданию, в 1499 году мастером Соами, который он будто бы видел во время поездки в Японию:

«Какую пищу для раздумий может дать общественный парк?»

Ну, там всяческие красоты дизайна: причудливые клумбы, ухоженные аллеи, каскады фонтанов и аллегорические скульптуры. Но все это на поверхности наших исканий Смысла и Тайны. Это всего лишь красивые декорации — атрибуты культуры, ее реквизит.

Прогуливаясь по такому саду, можно умиляться, но не погрузиться в состояние глубокой медитации.

Но японцы и городской парк сумели сделать обителью дум. И по праву он называется философским садом. К тому же все просто до гениальности.

Весь из камня тот “философский сад”: и тропинки, и ограда. И “деревья”. Вот они — квинтэссенция. “Деревья” — суть шестнадцать каменных глыб, с кажущейся хаотичностью разбросанные по саду. Их действительно шестнадцать, если, идя от одного к другому, проставить на каждом его порядковый номер. Но на какой камень ты бы ни взобрался — побывай на каждом, видишь только пятнадцать, считая и тот, на котором стоишь. Шестнадцатый ни с какой позиции не виден.

Вот, значит, каков удел человека в его стремлении познать Истину: вот, кажется, и держит он ее в своих руках, а сущность объять не может.

Так, думаю, обстоит дело и с оккультными тайнами, где всё — белые пятна».

Вероятно, здесь ошиблись либо сам Мессинг, который никогда не был в Японии, либо Лунгина, которая тоже, скорее всего, этой страны не видела. Ведь в этом знаменитом саду не виден не шестнадцатый, а пятнадцатый камень, который всегда оказывается вне поля зрения наблюдателя, загороженный другими камнями.

Мессинг относил свой дар и все, с ним связанное, к разряду принципиально непознаваемого, постигаемого только ве-

рой, потому и не очень стремился познать собственные феноменальные способности.

Тут еще раз сам собой встает вопрос, какую позицию занимал Мессинг в вопросах соотношения веры и знания.

Наталья Хвастунова вспоминала: «Верил ли Мессинг? Тогда я этим вопросом не задавалась. Внешне он это не проявлял, но это было невозможно. Он должен был позиционировать себя как атеист. Во всяком случае, если у него была вера, то не христианская, а иудейская, как я могу сейчас только очень осторожно предположить».

И она же свидетельствует: «Не могу сказать, что мне с Мессингом было интересно. Не помню интересных разговоров с ним. Притом, что с другими друзьями отца — Ярославом Головановым, Рэмом Щербаковым и др. — интересные разговоры были. В течение 2—3 лет Мессинг был другом дома. Несколько раз мы были у них дома, а у нас на Беговой они бывали постоянно. Жены Мессинга тогда уже не было в живых, он был вместе с ее сестрой Ираидой...»

В данном случае воспоминания Натальи Михайловны совпадают с воспоминаниями Рэма Щербакова, который писал о приземленности Мессинга и отсутствии у него фантазии.

Наталья Хвастунова утверждает: «Эпизоды биографии Мессинга отец старался проверить. Они много говорили о Хануссене и романе Лиона Фейхтвангера “Братья Лаутензак”. Мессинг говорил, что в романе очень точно описан механизм ясновидения. Отец хотел выяснить у Мессинга: “Как Вы чувствуете все это?” Он уговаривал Вольфа Григорьевича встретиться с учеными. Позиция отца заключалась в том, что этот феномен надо изучать. Но Мессинг всячески уходил от этой темы, хотя прямо и не отказывался. Он говорил: “Я не хочу быть подопытным кроликом”. В конце концов, размолвка между ними наступила именно из-за попыток устроить встречи с учеными, хотя я не уверена, что только из-за этого они поссорились. Отец считал, что как человек Мессинг обладает средними способностями и возможностями, исключая его дар. Это — не слишком умный человек, любитель театральных сцен, трюков, эффектов».

Также и Михаил Голубков утверждал: «На отца Мессинг произвел впечатление не очень умного человека, хотя и человека исключительной гениальности. Он действительно обладал этим даром — читать мысли и предсказывать будущее. Он так и не избавился до конца жизни от еврейского акцента».

Таким образом, люди, близко знавшие Мессинга, но не относившиеся к числу его безоглядных поклонников, отмечали его ординарность, не слишком высокий интеллектуальный

уровень. Артист он был замечательный, но на роль мыслителя, философа явно не годился.

Наталья Хвастунова в беседе со мной говорила: «Помню, в нашей квартире, на Беговой, гости расходились на Новый 1966 год. Транспорт уже не ходил, и все волновались, как они попадут домой. Мессинг успокоил: не волнуйтесь, заверните за дальний угол дома. Через десять минут туда подъедет такси и всех заберет. Так и случилось. Правда, уехали только те, кто в такси поместился, а остальным гостям пришлось идти пешком. Мессинг не сомневался, что обладает уникальными телепатическими способностями. Отец тоже не сомневался. И я не сомневаюсь».

Мессинг потому не соглашался на экспериментальную проверку, что он не понимал, что к чему, не понимал этого и мой отец. Я теперь думаю, что его способности идут не сверху, а снизу. Сверху способности даруются святым, но Мессинг не был святым, никогда не крестился в православие. А способности снизу — это от дьявола».

Если же отбросить мистику, то, как мы уже указывали, дар Мессинга мог заключаться в повышенной чувствительности к идеомоторным актам. Не исключено также, что он обладал гипнотическими способностями, даром внушения. Но способности к внушению имели свои пределы, поскольку тот, кто подвергался внушению, должен был помогать Мессингу, иначе никакого эффекта не наступало.

Наталья Михайловна вспоминала: «Я была ленивая и училась плохо, не готовила уроки. Папа попросил Мессинга помочь мне учиться хорошо. Сначала папа спросил меня, согласна ли я, чтобы Мессинг помог мне избавиться от лени. Я с легкостью согласилась. Ведь необходимость что-то делать перекладывалась на Мессинга. Мессинг был на гастролях и прислал мне большое письмо, написанное им самим от руки, а не его ассистенткой Ивановской. Он писал, что он готов помочь мне, но для этого я должна с самого момента получения письма начать менять свое отношение к учебе, начинать делать уроки. Иначе он помочь не сможет. Я его рекомендации не последовала и училась по-прежнему плохо».

Мессинг говорил: «Я никого не проклинаяю. Если я кого-нибудь прокляну, сила проклятия будет такова, что будет сказываться на человеке всю оставшуюся жизнь». Когда Мессинг пришел впервые к нам в гости домой, папа его попросил: «Вольф Григорьевич, пожалуйста, в нашем доме без чертовщины». Сказано было с улыбкой, но и серьезно. Иногда Мессинг срывался и начинал предсказывать, но по мелочам. Отец не хотел, чтобы тут демонстрировались телепатические или ясно-

видческие способности. Мессинг был какой-то... нет, не за- нудный, а однообразный, что ли...

Я помню, что в мемуарах была еще пятая глава, неопубли- кованная, где говорилось о ясновидении. Мне кажется, что я читала ее в рукописи...

Когда было чтение мемуаров Мессинга, которые первонач- ально назывались “Я — Мессинг” (название “Я — телепат” появилось позднее), я нарисовала портрет Мессинга. Я по- мню, что была написана глава о способностях Мессинга как ясновидца. Там было о предсказаниях Сталину. Но ее судьбы я не знаю».

Михаил Голубков тоже говорил, что ему кажется, что он эту главу читал в рукописи. Но ни у него, ни у Натальи Михайлов- ны нет рукописи мемуаров, и найти ее так и не удалось. Так что вопрос о том, была ли в мемуарах Мессинга «сокровенная гла- ва» о ясновидении, остается открытым. Я все-таки склоняюсь к мнению, что такой главы не было. Во-первых, данные о предсказаниях, будто бы сделанных Мессингом, обильно раз- бросаны по всем главам книги. Во-вторых, в 1990 году, когда мемуары Мессинга были впервые изданы в виде книги, цензу- ры уже фактически не существовало. И ничто не мешало на- следникам Хвастунова опубликовать «крамольную» главу. Тут надо сказать, что Михаил Михайлович Хвастунов завещал ав- торские права только дочерям, написав в завещании, что сы- новья — мужчины и сами пробьются в жизни. Старший сын Рюрик родился 13 декабря 1940 года в Москве, был ученым и изобретателем, умер в 2008 году. Дочери Хвастунова Наталья и Ольга получили в 1990 году гонорар как наследники. Публика- тором же книги выступил Рэм Щербаков, написавший к ней предисловие. Если бы в тот момент в имевшейся в распоряже- нии публикатора рукописи пятая глава была, он бы наверняка ее опубликовал. Остается предположить, что либо пятой главы о ясновидении не существовало вовсе, либо ее текст был унич- тожен еще при жизни Мессинга. Мне лично правильной ка- жется первая версия.

В мемуары не вошли и рассказы Мессинга о будто бы рас- крытых им преступлениях, дошедшие до нас в воспоминаниях его знакомых. Лунгина со слов Мессинга следующим образом излагает обстоятельства одного такого дела: «В самом начале пятидесятых годов город Казань на Волге полгода был полон слухами о таинственном убийстве молодой девушки, сбро- шенной глухой ночью с моста. Вот и классический пример преступления без следа. Девушка была хрупкого телосложе- ния, и не стоило большого труда поднять ее на руки и в мгно- вение ока швырнуть за перила моста.

В конце концов без видимых оснований много месяцев спустя был арестован ее бывший кавалер, хотя много свидетелей показало на суде, что он не встречался с ней последние два года. Но нашлись и такие, кто еще в пору их отношений много раз видели его на мосту с погибшей девушкой.

На этом и построили все обвинение, а парень был сломан, возможно от горя — смерти когда-то любимого человека, возможно, следствие грубо подавляло его психически, и он ничего вразумительного в свое оправдание не говорил, лишь повторял одну фразу: “Это не я...”

В дни процесса, длившегося более недели, со своими выступлениями находился в Казани Мессинг.

Как водится, все городские новости и события разносятся вездесущими и всезнающими старушками, так и о спорном суде над молодым убийцей Мессинг узнал от горничной местной гостиницы, завсегда открытая судебных процессов с “изюминкой”.

На одно из заседаний суда Мессинг, по его словам, пошел просто так, из чистого любопытства. И уже до перерыва утреннего заседания он понял, что обвиняемый действительно в смерти своей бывшей подруги не виновен. В то же время Мессинг перехватил чьи-то нервные импульсы-воспоминания, связанные с последним мигом перед тем, как девушку бросили в воду.

Мессинг возвращался в гостиницу пешком: во время прогулки он умел сосредоточиться и уйти в себя — все тщательно обдумать, попытаться ухватить кончик загадки.

Размышлял он примерно так: известно, что подавляющее число убийц рано или поздно тянет на место совершенного преступления. Юридическая практика знает тому тысячи примеров. Но в данном случае места как такового не существует, Мессинг был способен погружаться в такие психологические дебри! Он объяснил мне это так: важно для убийцы не место у перил, откуда он швырнул жертву в воду, а само то место, где она погибла, то есть место на воде. Но это место неопределенно. Так что, возможно, преступник не придет “взглянуть” на место гибели его жертвы. И Мессинг решил, что он “перехватил” мысли подлинного убийцы, находившегося в зале судебного заседания — месте, где прокручивались снова и снова “кадры” его деяния.

Теперь задача заключалась в том, чтобы на завтрашнем заседании попытаться визуально определить “автора”. А в том, что он будет появляться на всех заседаниях, Мессинг не сомневался.

На другой день Вольф Григорьевич отправился в казанский

суд загодя, чтобы войти в зал в числе первых и поодиночке исподволь рассматривать всех входящих.

Увы, зрительно никакого открытия сделать не удалось, ибо психологически никто еще не входил в полосу мысленных воспоминаний.

Но когда начался очередной допрос подсудимого, Мессинг вновь “услышал” вчерашний “голос” — еще более нервный и лихорадочный. Теперь нужно “запеленговать” источник...

Минут десять просидел Мессинг с закрытыми глазами, почти погрузившись в состояние транса. А потом посмотрел влево от себя на крайнее место у прохода пятого ряда. Там сидел мужчина лет 24—27 со скрученным в трубочку журналом “Огонек” в руке.

Сомнений у Мессинга больше не было: это и был некто, от кого исходили нервные импульсы. И Вольф Григорьевич начал посылать ему сигналы-приказания: “ВСТАНЬ, СКАЖИ, ЧТО ТЫ УБИЙЦА!”

В ответ молодой мужчина стал еле заметно ерзать на стуле, доставал пачку сигарет и снова прятал ее, принимался с деланным интересом рассматривать картинки в журнале и тут же вновь скручивал его в трубочку. Но на большее, видимо, не решился.

Но Мессингу было достаточно того, что объект определен точно, что это человек крайне нервный, и расшатать его можно. Но как? Мессинг решил, что тут нужен какой-то толчок извне, соответствующий психологическому состоянию убийцы.

Объявили первый перерыв. Мужчина, расправив журнал, положил его на сиденье в знак того, что место занято.

А Вольф Григорьевич постучался в канцелярию суда и попросил у секретарши лист белой бумаги и красный карандаш, выдав себя за нового завхоза административного здания. И что-де ему нужно прикрепить надпись на двери тупиковой комнаты для курения, так как посетители путают ее с выходом. И тут же в комнате секретарши вывел на листе бумаги крупными буквами: “ВЫХОДА НЕТ...”

Как видите, к табличке, схожей с теми, что висят во всех учреждениях, он добавил намекающее многоточие.

Когда заседание суда возобновилось, Мессинг не стал больше вникать в речи участников процесса, а стал непрерывно “бомбардировать” своего “подопечного” мысленным приказанием: “ВСТАНЬ, СКАЖИ, ЧТО ТЫ УБИЙЦА”.

Когда подошел второй перерыв, Мессинг не торопился к выходу, а дождался, пока остался в зале один, подошел к стулу молодого человека и подложил под оставленный им журнал свою записку-намеки... А уж потом отправился покурить свой

“Казбек”. В зал он больше не вернулся, чтобы не видеть тягостного зрелища, но остался у приоткрытой двери, чтобы убедиться, что схема сработала.

Долго ждать не пришлось, зал потряс душераздирающий крик: “Это я, я убил ее!!!”

Дальнейшие события его уже не интересовали, и, удовлетворенный тем, что с его помощью справедливость восторжествоует, Мессинг вышел на улицу...»

В связи с этим Лунгина вспомнила пример с табличками в лондонском метро, где вместо «Выхода нет» по рекомендации психологов сделаны таблички «Выход с другой стороны», чтобы не увеличивать число самоубийц.

Н. Н. Китаев, исследовавший феномен Мессинга с точки зрения возможности его использования для раскрытия сложных преступлений, данных о каком-либо преступлении в Казани, похожем на вышеописанное, так и не нашел. Однако, даже если допустить, что случай, описанный Лунгиной, имел место в действительности, его вполне можно объяснить и чисто рационально, не прибегая к допущению о существовании телепатии. Мессинг действительно мог присутствовать на процессе об убийстве девушки, мог предположить, с его-то интуицией и умением читать идеомоторику, что тот, кого подозревают в убийстве, на самом деле невиновен. В связи с этим Вольф Григорьевич также мог предположить, что подлинный убийца может находиться в зале среди публики. Опять же, с помощью чтения идеомоторных актов, он мог вычислить и подозрительного молодого человека, а затем, внушив ему, что в зале также находится неизвестный тому свидетель преступления, убедить его сознаться в содеянном. В принципе, подобное Мессинг мог практиковать неоднократно. И если хотя бы в одном случае такой прием удался, это могло породить слухи об успешном использовании телепатии в раскрытии преступлений.

В литературно-артистической и околonaучной среде Мессинг пользовался популярностью. Ему даже посвящали стихи.

Поэт Роберт Рождественский писал:

...Автобус грязь месит,
Автобус филармонии по лужам бежит.
На концерт к шахтерам
Едет Вольф Мессинг.
Наверное, без Мессинга они не могут жить...
Тучи над дорогой залегли, нависли,
Едет Вольф Мессинг,
Спокойствием лучась.
Шахтерские подземные
Подспудные мысли

Начнет он, будто семечки, шелкать сейчас...
Пусть он чудодейством
На всех со сцены дунет!
Отгадывает мысли, — не все ль ему равно.
Но пусть вслух не говорит,
О чем шахтеры думают,
Потому что в зале женщин полно...
И я со всеми вместе от чудес немею.
Ахаю! Охаю! Не верю глазам...

Не бог весть какие вирши, но Роберт Рождественский был чрезвычайно популярен в 1960-е годы среди интеллигенции, и то, что в его стихах отразился Мессинг — одно из свидетельств того, что Вольф Григорьевич стал знаковой фигурой своего времени.

А вот официальное признание приходило к Мессингу очень дозированно. Звание заслуженного артиста РСФСР ему присвоили только в 1971 году. И лишь в 1972 году, уже после смерти Ираиды Михайловны, Вольф Григорьевич получил двухкомнатную квартиру на улице Герцена, в доме работников Министерства культуры. Историю получения этой квартиры описала Татьяна Лунгина: «Кроме невзгод с расстроенным здоровьем, Мессинга тяготили и другие житейские неурядицы и, прежде всего, квартирный вопрос. Он все еще делил однокомнатную свою квартиру с домработницей, жившей с ним после смерти Ираиды Михайловны. А просить, вымалывать у государства сносное жилье было не в характере Мессинга.

На помощь пришла служащая Министерства культуры, благоволившая Вольфу Григорьевичу, и устроила так, что ему разрешили купить двухкомнатную квартиру на улице Герцена, в доме, выстроенном для работников министерства.

— А как вы насчет чертовой дюжины? — спросила я Мессинга, потому что новоселье ему предстояло отмечать на тринадцатом этаже.

— А что, чертовщина — мое хобби! Я с чертями запанибрата и пью на брудершафт! — отшучивался он».

Стоит добавить, что это был элитный кооперативный дом, и деньги на кооператив Мессинг сдал много лет назад. Таким образом, последние два года жизни Мессинг прожил в доме 49 на улице Герцена (нынешней Большой Никитской).

Владимир Шахиджанян вспоминал: «Вольф Мессинг принимал меня на новой квартире на улице Герцена. На письменном столе — подарки-сувениры, книги... Книга, подаренная известным хирургом А. Вишневым, том воспоминаний Георгия Жукова...

При мне Вольф Григорьевич несколько раз звонил. Он ко-го-то устраивал в клинику Владимира Бураковского, который

руководил тогда Институтом сердечно-сосудистых заболеваний (их связывала личная дружба)».

Описание последней квартиры Мессинга оставил и Эгмонт Месин-Поляков: «Мне вспоминается эта его двухкомнатная квартира на 14-м этаже (Лунгина утверждала, что на 13-м. Впрочем, у нее могла произойти aberrация памяти. Ведь мемуары Татьяна Львовна писала после четырех лет жизни в Америке, где наш первый этаж нумерации не имеет, а называется *ground floor*. Соответственно, наш первый этаж в Америке — второй, а наш четырнадцатый — тринадцатый. Отсюда и могла пойти путаница. — Б. С.). В комнате стояла стенка, на ней каравелла “Санта-Мария” — кто-то подарил, большой белый кубинский коралл. Портрет, вышитый художницей Левицкой — у Брежнева тоже был портрет, вышитый ею. Стояла скульптурная голова Мессинга, выполненная девушкой из Куйбышева. Эту скульптуру взяла себе Валентина Осиповна — последняя ведущая “Психологических опытов” Мессинга».

У Мессинга было достаточно много знакомых по всему Союзу. Он гостил у них, с некоторыми потом переписывался. Ряд этих людей оставили свои воспоминания о великом телепате. С семейством Дроздовых Вольф Григорьевич познакомился в конце 1960-х годов, когда гастролировал по Северу России. «Мессинг приехал в наш шахтерский город Инту выступать, а чтобы скрыться от назойливых посетителей, поселился за городом в профилактории, заведующей которого я и работала, — вспоминает Валентина Леонидовна Дроздова, ныне проживающая в Белоруссии. — Сначала очень скептически была настроена, знакомиться с ним не хотела. После всего, что я о нем слышала, даже побаивалась: будет еще кто-то читать мои мысли! Но пришла его ассистентка Валентина Иосифовна Ивановская... “Вольф Григорьевич спрашивает, почему вы не хотите с ним знакомиться?” Ну что было делать?..

В кабинет вошел маленький худенький седой старичок. По-русски он говорил очень плохо, поэтому практически всегда говорила ассистентка. Видно было, что и ходить ему очень тяжело. Он все время опирался на руку своей помощницы. В 1939 году при побеге из полицейского участка в оккупированной Польше ему пришлось прыгать со второго этажа. Тогда он только повредил ноги, но с годами раны дали о себе знать. Однако невероятно! Когда он выступал, бегал по залу как заведенный. На время его опытов боль будто отступала...»

Вполне возможно, что Мессинг обладал сильной способностью к самовнушению, так что на время выступлений ему удавалось не замечать боли в ногах. Поэтому он мог активно выступать по всему Союзу вплоть до последних дней жизни.

Валентина Дроздова описала типичный концерт Мессинга: «Выступления всегда проходили при полном аншлаге. Из зрительного зала выбирали комиссию — 5—6 человек, они поднимались на сцену. Все остальные могли стать “индукторами”, мысленно передающими задания. Сначала “индукторы” писали задания в записках, передавали их комиссии, а потом повторяли все написанное мысленно, и в этот момент Мессинг должен был держать “говорящего” за запястье. Вольф Григорьевич всегда исполнял задуманное “индукторами” точно, вплоть до мелочей.

Одна наша сотрудница мысленно попросила его подойти к определенному месту в таком-то ряду. Взять у сидящей там женщины сумочку, открыть ее, достать конфету и съесть ее. Мессинг сделал все, только когда достал конфету, сказал: “Вы хотели, чтобы я ее съел, а я отдаю ее вам — съешьте сами!” Один раз на сцену вышел мальчик. Мессинг обычно с детьми работать отказывался, но в тот раз сказал: “Попробую”. Мальчик заставил его пойти в другое здание и оставить там автограф в каком-то блокноте.

А с одним “индуктором” он ушел и не возвращался так долго, что мы уже начали волноваться. Наконец Мессинг возвращается, прижав что-то к груди. Поднимается на сцену, отводит руки — и в зал летит красивый голубь, а Вольф Григорьевич сопровождает его полет словами: “Я люблю мир!” Оказывается, этого голубя ему нужно было поймать в чьей-то голубятне на крыше!»

Выступал Мессинг и в роли целителя, хотя здесь его возможности были довольно ограничены. Во всяком случае, рак или другие сложные заболевания он лечить не брался, хотя ободрить больных умел всегда. По утверждению Дроздовой, у ее приятельницы «обнаружили онкологическое заболевание, она была в полном отчаянии и хотела, чтобы Мессинг внушил ей равнодушие к жизни. После концерта она подошла к нему и, чтобы как-то начать разговор, стала выказывать свое восхищение. Вольф Григорьевич не дослушал ее и сказал: “Признайтесь! Вас не интересуют мои опыты, вас интересует ваша личная жизнь. Так вот — уделяйте больше внимания мужу!” А она ведь и правда на почве болезни стала очень капризной, часто ругалась с мужем, который на самом деле искренне ей сочувствовал. Конечно, внушать равнодушие к жизни Мессинг ей не стал.

Но головную боль тем, кто выстраивался к нему после концертов в очередь, он действительно снимал. Еще очень многие просили помочь найти пропавших без вести. И он помогал: посмотрев на какую-то вещь пропавшего, говорил, когда может

прийти весточка от этого человека или он сам появится. А вот сообщать о смерти ему всегда было очень тяжело.

У него был нюх, как у настоящей собаки-ищейки. Он мог найти любую вещь по запаху. Однажды мы дали ему понюхать обычную шариковую ручку, затем он вышел из зала, а мы в это время спрятали ручку... в прическу одной женщины. Знаете, раньше такие высокие прически делали — “бабетта”... Мессинг вернулся, ходил по залу быстро и дышал громко и часто, действительно, как зверь. Наконец подошел к этой женщине, а она аж вздрогнула. “Не волнуйтесь! Я вашу прическу не испортил!” — успокоил Вольф Григорьевич и аккуратно достал ручку...

Лично я никогда не хотела быть участницей его опытов. Бывало, он только возьмет меня за запястье, я сразу отдергиваю руку: “Вольф Григорьевич, мои мысли читать не надо!” У нас дома он отдыхал. Спокойно сидел, не снимая с рук нашего любимца — тойтерьера, вспоминал о людях, с которыми приходилось встречаться.

Несмотря на его к тому времени солидный возраст — под семьдесят, — его ни в одном городе не оставляли в покое “невесты”. Он всегда смеялся: “Хотят, чтобы я их детей вырастил”. Своих детей у него не было. Может, поэтому он очень тепло относился к нашему сыну.

Женя тогда был в 6-м классе. Вроде большой мальчик, но очень боялся оставаться дома один. Я постеснялась рассказать об этом Мессингу. Но он сам однажды сказал: “Пусть Женя придет на мой концерт”. После концерта Вольф Григорьевич попросил сына проводить его в гостиницу. Вернулся совершенно счастливый: “Мама! Он сказал мне, что я окончу мореходное училище”. Надо сказать, что сын всегда мечтал стать моряком, как его отец. Я тогда засмеялась, говорю, он просто твои мысли прочитал. Но... с того дня Женя перестал бояться оставаться дома один, а впоследствии действительно с отличием окончил Ленинградское мореходное училище. Тогда же, предсказав будущую профессию, Мессинг оговорился: “Дальше я тебе ничего не скажу”. Потом мы узнали, почему. После мореходки и буквально нескольких лет удачной работы штурманом на корабле жизнь сына сложилась очень неудачно, а в 45 лет он умер. Конечно, всего этого Вольф Григорьевич не мог сказать мальчику... Он подарил ему свою фотографию с магической подписью: “Женя! Мысленно я всегда с тобой!” Сын всегда возил эту фотографию с собой, и только после его смерти я забрала снимок.

Однажды Мессинг увидел у нас маленький сувенирный тульский самоварчик и очень им восхищался. Я подарила ему этот самовар».

А вот одно из писем Мессинга Дроздовым:

«Дорогие Валентина Леонидовна и Василий Николаевич!

Очень сожалею, что не удалось мне с вами поговорить по телефону, когда я был в Сыктывкаре. Телефонистка перепутала номер. Ну что делать, бывают и неудачи в жизни. Во всяком случае, я ношу в своей душе самые лучшие воспоминания о встрече с вами, о вашем гостеприимном, уютном доме, о вашем хорошем искреннем отношении ко мне.

Ваш подарок стоял у меня на столе в Ухте и Сыктывкаре и напоминал о доме, о семье, об уюте.

Я желаю вашему дому всякого благополучия, вашей семье — здоровья и радости как можно больше. Вашему сыну — успеха в учебе, вам обоим — успеха в работе.

Помню о вас, думаю о вас. Целую вас. Вольф Григорьевич».

Сразу замечу, что ничего необычного, кроме имени автора, в этом письме нет, как и во всех известных нам сегодня письмах Мессинга.

За несколько месяцев до смерти криминалистам довелось проверить способности Мессинга раскрывать преступления. Н. Н. Китаев вспоминает: «В июне 1974 г. В. Мессинг выступал с шестью сеансами “Психологических опытов” в г. Иркутске. В тот период автор посоветовал своему другу — старшему следователю УВД Иркутской области Н. П. Ермакову обеспечить присутствие Мессинга на допросе обвиняемой В.

Последняя, будучи директором магазина плодовоощеторга, обвинялась в совершении крупного хищения, но вину категорически отрицала, а изобличающих доказательств было мало. Сотрудник управления БХСС УВД Иркутской области, отвечающий за оперативное сопровождение расследования настоящего дела, организовал появление В. Мессинга в кабинете № 50 Управления внутренних дел, где старший следователь Н. П. Ермаков приступил к очередному допросу арестованной В.

Мессинг в процесс допроса не вмешивался, молча сидел за другим столом, никакого интереса у допрашиваемой он не вызвал. В. продолжала отрицать вину. В тот же день оперуполномоченный управления БХСС, приглашавший Мессинга на допрос и доставивший его назад в гостиницу, ознакомил следователя со своей “справкой”, составленной, как он пояснил, после беседы с Мессингом. В справке говорилось, что В. потратила крупную сумму похищенных денег на покупку мебели, которую затем подарила своим родственникам. Заявление В. о том, что в интересующий следствие период она якобы болела — ложное, а представленный больничный лист фиктивен. Его сфабриковала врач Я., подруга обвиняемой. В действи-

тельности обвиняемая В. в период мнимой болезни ездила вместе с любовником отдыхать на юг.

Эта справка была подшита в секретное дело оперативного учета, а ее содержание следователь проверил и получил неожиданное подтверждение данной информации. Правда, и у автора, и у Н. П. Ермакова существовало недоверие к тому, что за 30—40 минут пребывания в одном кабинете с В. Мессинг смог узнать столько сведений, которые невозможно объяснить чтением идеомоторных актов. Однако дальнейшее расследование подтвердило и хищение денег, и приобретение мебели, и поддельный больничный лист, и поездку в Крым с любовником опять-таки на похищенные в магазине средства. В. осудили к 6 годам лишения свободы, была осуждена и врач Я. за подделку больничного листа.

Участие Мессинга в этом расследовании получило отражение в некоторых публикациях.

Однако надо признать, что последующая тщательная проверка указанного эпизода позволила выявить совсем иное...

Много лет спустя автору удалось выяснить, что оперуполномоченный УБХСС, составляя “справку” о “телепатической помощи Мессинга”, просто легендировал перед следователем получение агентурной информации в отношении В., которая рассказывала сокамерникам о своих деяниях... На самом деле Вольф Мессинг никаких мыслей допрашиваемой В. не читал».

Таким образом, в данном случае перед нами лишь использование фигуры Вольфа Мессинга, вокруг которой в СССР уже сложился определенный ореол, а не какие-либо реальные примеры применения телепатии для изобличения преступников. Факт, что ее «изобличил» сам Вольф Мессинг, должен был психологически сломить подозреваемую и помочь применить против нее информацию, полученную от внутрикамерной «наседки», в качестве сведений, будто бы полученных от телепата.

Китаев приводит в своей книге интересный документ — расчет-обязательство между «Росконцертом» и Иркутской филармонией, датированный 21 июня 1974 года. Согласно этому документу, Иркутская филармония перечислила «Росконцерту» за шесть концертов В. Г. Мессинга, проведенных в Иркутске в период с 15 по 22 июня 1974 года, 1085 рублей 76 копеек, из расчета по 180 рублей 96 копеек за концерт. Деньги были переданы наличными через представителя «Росконцерта». Неизвестно точно, весь ли этот гонорар шел одному Мессингу, или он еще оплачивал из этой суммы ассистентку (впрочем, не исключено, что ей шел отдельный гонорар значительно меньших размеров). Если предположить, что указанная выше сумма — это гонорар лично Мессинга, то можно, пусть очень приблизи-

тельно, оценить его заработки. Вольф Григорьевич спокойно мог давать в год 150—200 концертов, поскольку спрос на его психологические опыты в Советском Союзе был очень велик. Если предположить, что концерты в последнее десятилетие его жизни в среднем оплачивались примерно на том же уровне, что в Иркутске, то ежегодный заработок Мессинга мог составлять 25—33 тысячи рублей. Надо также учесть, что значительная часть средств наиболее популярным исполнителям, способным собрать едва ли не стадионы, платилась «черным налогом», который мог быть не меньше легального гонорара, а порой и существенно превышал его.

С учетом этого реальный годовой доход Мессинга мог достигать 50—66 тысяч рублей. Из этой суммы Вольф Григорьевич какую-то часть перечислял на содержание детского дома. Сам он вряд ли тратил на себя, Ираиду Михайловну и Валентину Иосифовну, а также на домработницу (после смерти Ираиды Михайловны в 1972 году) больше тысячи рублей в месяц. Больше в стране реального социализма потратить было очень сложно, даже если каждый день обедать и ужинать в дорогих ресторанах и покупать обновки в валютных «Березках». Мессинг же, судя по отзывам его знавших, большого гардероба не имел, на тряпки и мебель особо не тратился, тем более что более или менее просторную квартиру получил лишь за два года до смерти. Автомобиля он не имел, а кооперативный взнос мог составить до 30—40 тысяч рублей. В год у Мессинга могло откладываться до 50 тысяч рублей. Часть он перечислял детскому дому, но еще больше, вероятно, оседало на книжке. Все заработки первой половины 1940-х годов, несомненно, ушли на строительство двух самолетов для фронта или были съедены конфискационной денежной реформой 1947 года. А вот заработки с конца 1940-х годов и до самой смерти в ноябре 1974 года могли принести Мессингу сбережения порядка миллиона рублей. Впрочем, это, вероятно, максимальная оценка. Она соответствует утверждениям ряда мемуаристов о том, что на сберкнижке Мессинга осталось после смерти артиста около миллиона рублей. Тогда порядка 200 тысяч рублей могло уйти на содержание детского дома и другие благотворительные цели. Но есть и другие свидетельства, согласно которым у Мессинга на сберкнижке после смерти осталось только 100 тысяч рублей. Если верна именно эта сумма, то объяснений этому может быть два: либо доходы Мессинга были на порядок ниже, чем мы предположили, и в действительности не превышали в среднем 10—15 тысяч в год; либо значительные суммы, порядка нескольких сотен тысяч рублей, пошли на какие-то неизвестные нам благотворительные проекты, оказались на других

сберкнижках или были обращены в бриллианты и другие драгоценности.

Кстати сказать, этот документ полностью опровергает утверждения некоторых мемуаристов, будто Мессинг прекратил свои выступления в 1972 году, за два года до смерти. На самом деле еще в июне 1974 года он не просто выступал, но летал с недельными гастролями в далекий Иркутск. Последнее же выступление Мессинга состоялось осенью 1974 года в киноконцертном зале «Октябрь» в Москве. По всей вероятности, оно состоялось в сентябре и было приурочено к 75-летию юбилею артиста.

В последние годы жизни артрит доставлял Мессингу все большее беспокойство. Лунгина свидетельствует, что «стало почти закономерностью, что с приходом тепла и зелени Вольф Григорьевич ложился в больницу. Вот и ранней весной 1972 года вновь назрела необходимость отправляться на ежегодное обследование и лечение в клинику Вишневского. К этому времени рядом со старым зданием выстроили высокое, вполне современное и комфортабельное к нему приложение. Так что на сей раз Мессингу легко выделили отдельную палату, и когда я впервые навестила его по случаю этого грустного новоселья, он, стараясь не огорчать меня, сказал, что чувствует себя не больным на обследовании и лечении, а отдыхающим в санатории. Увы, я хорошо понимала, какой ценой платил он за эту внешнюю жизнерадостность. Хронические боли в ногах все больше сгибали его в пояснице, а костлявые, безвольно повисшие руки и взлохмаченная голова дополняли тягостный облик Мессинга. Но душевной немощи он не проявлял, по-прежнему трогательно всему радовался, как дитя. В этом не было старческого впадения в детство: таким я встретила его двадцать лет назад...

А между тем в самой жизни Мессинга веселого оставалось все меньше. Следующей весной повторилось прежнее: снова больничная палата, в которой он теперь проводил большую часть времени, а прогулки сократились. Потому на сей раз он прихватил книг больше обычного, прежде всего те, что недосуг ему было прочесть раньше.

— Знали б дарители, что я еще их не раскрывал, — говорил мне Вольф Григорьевич, показывая два солидных фолианта с автографами авторов.

“Дневник хирурга” Вишневского имел такую надпись: “Вольфу Григорьевичу Мессингу на добрую память от автора — А. Вишневский, 27 марта 1969 года”.

Вторая книга — “Мысли и сердце” Николая Амосова, известного хирурга, талантливого публициста и очеркиста,

имела более трогательные дарственные слова: “Вольфу Григорьевичу Мессингу в знак удивления и восхищения чудом — Амосов, 25 декабря 1965 года”.

Отдельные главы из этих книг раньше ему прочитывала вслух Ираида Михайловна, а у самого Мессинга по занятости все не доходило до них руки. И вот теперь он решил восполнить пробел. Да в его положении они были как нельзя более кстати: добрые и мудрые книги о силе духа и брэнности тела.

Он всегда не только гордился друзьями живущими, но и свято хранил память об ушедших. И тогда почему-то сказал, показывая те книги:

— Вот видишь, на отсутствие друзей не могу пожаловаться... Навешают и дома, и здесь. А вот умирать я буду в полном одиночестве...».

Однако необходимо оговориться, что ко всему, сообщаемому Лунгиной, надо относиться с осторожностью, особенно в плане хронологии. Так, согласно ее мемуарам получается, что в 1973—1974 годах Мессинг почти не покидал клиники Вишневецкого. Она пишет: «К концу лета 1974 года кризисные симптомы вроде бы миновали, Мессинг явно пошел на поправку, но с предписанием полного покоя». Между тем, как мы помним, еще в самом начале лета 1974 года, в июне, Мессинг провел успешные недельные гастроли в Иркутске, за тысячи километров от Москвы.

По словам Лунгиной, она возвратилась в Москву из Гагры поздним вечером 30 октября 1974 года. А уже утром 31-го проснулась от телефонного звонка: «Врач нашего института, извинившись за ранний звонок, сказала:

— Ваш друг Вольф Григорьевич находится у нас... Ему очень плохо, и предстоит тяжелая операция по замене подвздошных и бедренных артерий!..

И надо же случиться, что во время моей поездки в Гагры его угораздило выехать на гастроли в Закарпатье, когда два последних года всякое выступление давалось ему с огромным трудом, я бы даже сказала, с мукой. Но это во мне говорят эмоции, а он и не мог иначе... (это еще одно доказательство того, что Мессинг гастролировал буквально до последних дней жизни. — Б. С.).

Теперь я сама позвонила Александру Давидовичу — заведующему отделением реанимации, чтобы выяснить подробности того, что случилось с Мессингом. Гастроли он таки до конца не довел, адские боли скрутили его, и он вместе со своей ведущей первым же рейсом вылетел в Москву. Осмотрев Мессинга, директор института профессор Бураковский предписал немедленную госпитализацию. Через полчаса машина скорой

помощи прибыла за ним. Валентина Иосифовна поведала мне весьма прискорбную подробность. Когда она под руку проводила Вольфа Григорьевича к машине, он остановился на полпути, печально оглянулся на свой дом и с надрывом сказал: «Я его... больше не увижу..»

И в отличие от прежних, увы, частых приходов в больницу на сей раз вел себя нервозно, без свойственной ему стоической покорности судьбе. Что это? Тяжкое предчувствие? Возможно, его опечалило и то, что никто не взял на себя труд похлопотать в высших инстанциях о его просьбе: вызвать из Соединенных Штатов врачебную бригаду известного доктора Майкла Дебеки (правильнее Дебейки. — Б. С.), которая в 1972 году успешно оперировала по такому же поводу президента Академии наук В. Келдыша. Ведь, в отличие от Келдыша, Вольф Григорьевич вызывался оплатить все расходы сам, чего бы это ни стоило.

Но хорошо уж и то, что оперировать его взялся мой любимец Анатолий Владимирович Покровский, истинный виртуоз и чудодей!..

Мессинг находился на управляемом дыхании, но руками пытался все же что-то изобразить или выразить просьбу. И я поняла, что он хочет курить — таков был смысл его жестикуляции. Господи, даже и в таком состоянии он не может отказаться от этого наркотика! Врач, неотступно дежуривший у постели Мессинга, заметил и узнал меня, кивком поздоровался, а потом показал поднятый вверх большой палец — мол, все хорошо! Я и сама видела, что ноги Вольфа Григорьевича имеют нормальный цвет, тогда как при этом заболевании чаще всего ноги синеют, а обескровленные становятся легкой добычей гангрены. Ну, пронеси еще раз! Уж теперь он доберется до табачного зелья только через мой труп!

Вести, увы, малоутешительные. Уже дежурный первой смены сообщает, что у Мессинга ателектаз легкого, или, выражаясь общепринятым языком, спадение легочной ткани, но врачи надеются вывести его из этого состояния.

Час от часу не легче: после полудня новости совсем скверные — почки у Мессинга отказываются работать. А это уже похуже, острая почечная недостаточность грозит организму самоотравлением. Утешительным было лишь то, что мне сообщили о сравнительно спокойном сне Вольфа Григорьевича и ровном пульсе».

Однако на этот раз, к несчастью, не обошлось. 8 ноября 1974 года в 23 часа Вольф Мессинг скончался в больнице. Смерть наступила от отека легких после отказа почек. Бытует легенда, будто он знал о причине, дате и даже часе своей смерти за несколько лет до кончины. Однако в мемуарах его друзей

присутствует лишь упоминание о том, что, покидая свой дом во время последней поездки в больницу, он с грустью сказал, что больше сюда ему не суждено вернуться.

Лунгина приводит рассказ своего сына Саши. Тот утверждал, что «технически операция Покровским была проведена блестяще, вероятнее всего, летальный исход наступил из-за ошибок и плохого ухода в послеоперационный период. Во всяком случае, высочайшую бдительность нужно было проявить до конца, а не надеяться, что золотые руки хирурга уже обеспечили успех. Директор института был в отпуске, и персонал института не имел должного контроля.

К большому сожалению, это вообще характерно для медицины в СССР и для хирургии в частности: когда великолепный успех прекрасного, иногда даже гениального врача сводится на нет неумелыми медсестрами, недобросовестными нянями, недостатком нужных лекарств и инструментов, неправильным питанием и многим другим.

Случай с Мессингом не оказался исключением. Видимо, он это предвидел, а потому просил вызвать за его собственные деньги знаменитого американского доктора Майкла Дебеки с бригадой медработников. Статистика среди больных, прооперированных доктором Дебеки: из 100 — 93 имеют благополучный исход. Но просьба Мессинга не была удовлетворена...».

Месин-Поляков утверждал: «При участии профессора Крымова мозг Вольфа был извлечен и заспиртован. Один мой товарищ, работающий в милиции, говорил мне, что видел мозг Мессинга в Институте мозга, где тот хранится вместе с мозгом Ленина и Сталина». Стоит отметить, что ни по размерам, ни по структуре мозг Мессинга не отличался от мозга обыкновенных людей.

Короткое сообщение о кончине Вольфа Григорьевича Мессинга появилось только в газете «Вечерняя Москва». 14 ноября, в день похорон, прошло прощание с ним в Центральном доме работников искусств.

Лунгину, как самого близкого Мессингу человека, сделали его душеприказчиком. Она выбрала место захоронения — рядом с Аидой Михайловной на Востряковском кладбище. Как только Мессинг умер, начались страсти вокруг его наследства. Поскольку наследников у Вольфа Григорьевича не осталось, все имущество должно было отойти в доход государства. Но государство отнюдь не было уверено, что все имущество Мессинга заключается в его двухкомнатной кооперативной квартире, хранящихся там вещах и сберкнижке. Ведь доходов Мессинга, в сущности, никто не знал. Ходили слухи о богатейшей коллекции бриллиантов, будто бы ему принадлежавшей.

Однако из всех вещей с бриллиантами свидетели видели у Мессинга только золотой перстень с крупным бриллиантом и булавку для галстука.

Лунгина вспоминала, как описывали имущество Мессинга: «Мне позвонила Валентина Ивановская и сообщила, что она получила милицейскую повестку с требованием явиться в отделение. И приписка, что по делу Мессинга. А днем позже такую же “весточку” получила и я. Но с более конкретным пояснением: в качестве понятой при описании имущества в квартире Вольфа Григорьевича. Такие милицейские повестки игнорировать нельзя, ибо наприсишься на принудительный привод. В назначенное время за мной “любезно” прислали машину, и я отправилась с ними на улицу Герцена. Кроме двух представителей 1-й нотариальной конторы Москвы там уже была Валентина Ивановская, которой тоже эта мышьяная возня вокруг “дела Мессинга” доставляла мало радости.

Юристы составили протокольные бланки и начали дотошный осмотр квартиры. Приступили к закрытому на замок, окованному полосками железа старинному сундуку, когда-то наполненному вещами Аиды Михайловны. А когда вскрыли, он оказался совершенно пустым. Лишь на дне лежали пожелтевшие страницы газет и под ними сшитый мной когда-то пояс с двумя кармашками: для ценных бумаг и для золотого кольца с трехкратным бриллиантом, которым Мессинг очень дорожил, скорее, как неким талисманом, чем ценностью, и если он его не надевал на руку, то все равно носил при себе: либо на груди, либо в кармашке. И еще несколько фотографий. Кармашек для перстня был пуст, а в другом обнаружили сберегательные книжки на общую сумму чуть больше миллиона рублей в старом исчислении, не считая не взятых за последние 10—15 лет процентов. Кроме этого было 800 рублей наличными.

Никакого завещания в квартире на нашлось, и мы, его близкие друзья, высказали свое желание использовать хоть эту сумму наличных денег на постройку памятника. Но и такую мизерную сумму получить не удалось: законники тут же объяснили, что раз прямых наследников у Мессинга нет, то по закону РСФСР деньги переходят в собственность государства. Словно оно не было перед ним в неоплатном долгу за те огромные суммы, что приносили концертные выступления Вольфа Григорьевича! Ведь долг платежом красен, и что государству до этих несчастных копеек! (Не дождавшись в течение 16 лет установления памятника государством, в 1990 году Татьяна Львовна Лунгина прилетела из Лос-Анджелеса в Москву и установила памятник на свои средства. — Б. С.)

Наконец закончилась вся эта бумажная процедура и мы подписали протокол, вздохнув с облегчением — гора с плеч. Но не тут-то было. В последовавшие за тем дни всех по очереди стали вызывать в прокуратуру, а меня даже и на печально знаменитую Лубянку, что не сулило ничего хорошего.

Всем задавался стереотипный вопрос, куда делись ценности Мессинга (видимо, имелись в виду драгоценные камни, привезенные им из Польши) и, в частности, куда исчез его знаменитый перстень. Будто его собирались поместить в государственную казну или национальный музей. Причем с каждым днем перстень “прибавлял” в весе по карату. Через несколько дней меня вызвали снова и уже спрашивали чуть ли не о 10-каратном бриллианте. Возможно, кто-то и верил в то, что именно в перстне сила Мессинга.

Провели обыск у женщины-домработницы, жившей последнее время в квартире Мессинга, но и у нее в доме не нашли тех вещей, которые у него действительно были: ни дорогой люстры, ни старинного фарфора, ни хрусталя в серебре работы Фаберже, ни даже многочисленных подарков, которые ему от всего сердца дарили. А дарили самые неожиданные вещи, из которых, пожалуй, можно бы составить добрую музейную экспозицию. Детские игрушки и поделки народных умельцев, картины и чеканку по металлу, восточные халаты ручного шитья, были даже морские раковины и кораллы — от дальневосточных моряков. Дарили учителя и школьники, рабочие, врачи, крестьяне, военные.

Нам намекали, что эти ценности весьма значимы, но следствие так ни до чего и не докопалось. А ключи от квартиры во время болезни и после смерти Мессинга были только у домработницы. Тут нужен был живой Мессинг, чтобы соединить недостающие звенья цепочки. Но среди лубянских Шерлоков Холмсов одаренных телепатическим видением не оказалось».

Заметим, что более миллиона рублей в старом исчислении — это более 100 тысяч рублей, имевших хождение в 1961 году. Но, поскольку Лунгина называла деньги в старом исчислении, можно предположить, что эту книжку Мессинг завел до денежной реформы 1960 года и впоследствии уже не пополнял, но и не снимал оттуда денег. Возможно, это была та сумма, которую он хранил, что называется, «на черный день». Сумма, по советским меркам, солидная, но сильно сомневаюсь, что ее хватило бы, чтобы оплатить операцию профессора Дебейки, даже если каким-то чудом Мессингу удалось бы убедить государственных мужей перевести его рубли на доллары по курсу один к одному. Вот миллиона рублей, возможно, и хватило бы,

даже если давать за доллар по курсу черного рынка пять рублей. Но трудно предположить, что в 1960—1974 годах Вольф Григорьевич ничего не откладывал на сберкнижку. Ведь доходы его отнюдь не уменьшились. Поэтому можно предположить, что у Мессинга было еще несколько книжек на предъявителя, которые он хранил где-то в другом месте. Вполне возможно, что Мессинг, предчувствуя близкий конец, перевез основную часть денег, драгоценности и наиболее ценные вещи к кому-то из доверенных лиц. Никаких бриллиантов на квартире Мессинга так и не нашли, даже его знаменитый перстень так и канул в небытие.

Доверенным лицом Мессинга могла быть прежде всего его ассистентка Валентина Иосифовна Ивановская, ныне покойная. Однако никакого богатства за ней и ее близкими не замечалось. А ведь она дожила до эпохи рыночных реформ, когда появилась возможность реализовать имевшиеся капиталы. И если слухи о сокрытых богатствах Мессинга соответствуют истине, то у великого телепата должно было быть какое-то доверенное лицо (или лица), до сих пор не попавшее в поле зрения биографов Мессинга, а также тех его друзей и знакомых, которые оставили о нем воспоминания. Подобное предположение представляется вполне правомерным, поскольку биография Мессинга до сих пор известна весьма фрагментарно и сколько-нибудь полный круг его друзей и знакомых не определен.

То, что наследством Мессинга государство после его смерти интересовалось весьма плотно, свидетельствует и Наталья Михайловна Хвастунова. Она рассказала мне, как ее вызывали на Лубянку и допытывались о судьбе наследства Мессинга и особенно его бриллиантов: «Один раз он позвал меня в папин кабинет, где расположился. На шее у него была ладанка, он достал из нее мешочек, а из мешочка — огромный бриллиант, величиной с лесной орех. Через десять лет этот случай имел продолжение... В конце 1974-го или в начале 1975 года, когда я работала младшим редактором в журнале “В мире книг”, меня вызвали на Лубянку и допрашивали по поводу наследства Мессинга. Я рассказала про бриллиант, который видела тогда на даче. Я поняла, что после смерти Мессинга не осталось ни денег, ни драгоценностей. Поскольку наследников не было, государство рассчитывало все прибрать к своим рукам. И мой следователь явно не знал, куда все делось.

У нас в редакции работала младшим редактором Марина Подгорская, родственница ведущей Мессинга Валентины Ивановской. Ее тоже вызвали в тот день на Лубянку, и ее допрашивал другой следователь. Я об этом не знала. Нас обеих

продержали до вечера, а потом устроили между нами очную ставку. Марину довели до истерики, до слез. Нас обеих трясло. Но обошлось».

Эгмонт Месин-Поляков вспоминал, что у Мессинга «был сундучок, сработанный из дерева и кожи. Когда я был маленький, то мог на него прилечь. В нем помещались все нужные ему вещи, он сопровождал Вольфа Григорьевича до последних дней его жизни. После смерти Мессинга сундучок остался у его соседки...

У него был любимый портсигар. Были замечательные золотые часы Omega — такие же, какие он Косте Ковалеву подарил во время его приезда в Новосибирск. Еще он очень любил курить, и у него были трубка и табак. Причем, если я не ошибаюсь, трубку ему подарил Сталин. И он с большим удовольствием затягивался... У меня сохранилась зажигалка, которую Вольф мне подарил через много лет, когда я уже был взрослым и сам курил. Бензиновая, с мелодией «Давай закурим, товарищ, по одной»...».

Эгмонт Львович также отрицал, что после смерти Мессинга остался миллион рублей: «Насколько мне известно, его состояние было более скромным, хотя внушительным — после смерти на его книжке осталось около 100 тысяч рублей. Много всяких странностей произошло с его вещами, когда Вольфа не стало. Некоторые бесследно пропали. То, что я смог забрать и сохранить — это фотографии, фильм о передаче Косте Ковалеву самолета, построенного в Новосибирске на его деньги, кое-что из грамот и переписки. Бумаги, которые говорят о том, что он вносил деньги за самолет. Кстати, не надо забывать, что он подарил два самолета, в том числе польскому летчику — Як-1 в 1944 году».

Эгмонт Львович настаивал, что слухи о богатстве Мессинга «сильно преувеличены. Да, Вольф Григорьевич постоянно перечислял деньги детскому дому в Ташкенте, сам купил себе двухкомнатную квартиру. После смерти на его счету оставался вовсе не миллион рублей, как принято считать, а сотня тысяч... (здесь они вполне сходятся с Лунгиной, только та считает в «старых» деньгах, а он — в «новых», пореформенных. — Б. С.). Этот человек был истинным тружеником — работал до последнего. И ничего не боялся — ни черта, ни Берии. Возможно, страх и появился в его душе, но только в последние дни жизни, уже перед операцией. Опасности, грозившие ему, он всегда предчувствовал и старался их попросту избежать...

В августе 1974 года я приехал к нему посоветоваться, ехать ли мне отдыхать — мое начальство было против. Он сказал, чтобы я не беспокоился и ехал. В эту встречу он предложил мне

составить гороскоп. Но я, представьте, отказался. “Если я все буду знать наперед, мне, наверное, будет неинтересно жить”, — сказал я. Сейчас я жалею об этом. Но тогда я попросил Вольфа Григорьевича найти моего деда. Дело в том, что мой дед, георгиевский кавалер, при отступлении врангелевцев уехал за границу. Я знаю, что он был с Аркадием Аверченко в Стамбуле, потом уехал вроде бы в Париж. Бабушка, его жена, вела с ним переписку до 30-х годов, потом связь прервалась. Мессинг мне обещал, что после операции, которая ему предстояла, он в состоянии катаlepsии все узнает...

Но Мессинг не вышел из больницы. Умер из-за пустяка — видимо, отказал аппарат искусственного дыхания. Я плакал, когда он умер. Но все-таки он исполнил свое обещание, какой бы мистикой это ни казалось. Прошло тридцать лет, я в очередной раз пришел на Востряковское кладбище, где он похоронен. Пригласил кантора отпеть, навел порядок, поставил свечку, стою, и так мне стало печально. “Вольф Григорьевич, — говорю, — всем все вы предсказали, а насчет деда моего не подсказали”. Дня через два я оказался в Ленинской библиотеке, в которой не был уже очень давно. Там в киосках продавали книги, и я подошел полюбопытствовать. И вдруг вижу — лежат три черных тома: “Незабытые могилы. Русское зарубежье”. Я открываю один и нахожу сообщение о своем деде. Он умер 31 декабря 1974 года в госпитале Святого Иосифа в Париже, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. После я был в Париже, нашел могилу, заплатил за аренду места на 15 лет вперед, побывал там, где дед жил и умер...».

Насчет объема оставшихся после Мессинга денежных сумм судить, как мы уже говорили, трудно. Утверждение же Месин-Полякова, будто Мессинг предлагал ему составить гороскоп, кажется невероятным. Не только сам Мессинг, но и ни один другой мемуарист ничего не говорят о том, что великий телепат занимался астрологией. Напротив, Вольф Григорьевич всячески подчеркивал научную основу своего дара, а астрология давно уже была не только в СССР, но и во всем мире занесена в разряд лженаук.

Эпизод же с «посмертной» подсказкой Мессинга либо является вымыслом, либо передает реальное убеждение Эгмонта Львовича в том, что именно посещение могилы Мессинга помогло обнаружить ему данные о дате смерти и могиле своего предка в многотомнике «Незабытые могилы». Однако и без визита на могилу Мессинга этот многотомник должен был попасться на глаза Эдгара Львовича, который таким образом выяснил бы судьбу своего деда, который, кстати сказать, умер всего лишь через 53 дня после кончины Мессинга. И непонят-

но, почему же тогда Мессинг все-таки не сказал Месин-Полякову, что его дед жив.

Если какие-то таинственные богатства у Мессинга все же были, то в конце концов они могли оказаться в Израиле. Лунгина вспоминала: «Как-то Вольф Григорьевич перечитывал письмо, ранее полученное им из Израиля. Пересказал нам его содержание — о тамошней жизни. Как раз наступил рубеж 70-х годов, и уже первые ручейки еврейского Исхода потекли из советской России.

Присутствовавшая при этом наша общая знакомая спросила, почему бы не уехать и Вольфу Григорьевичу, раз уж наступили такие времена — многие покидают неуютную родину. Вольф Григорьевич взглянул на Анну Михайловну и ответил:

— Вот она, — и показал глазами на меня, — с Сашей уедет, и Саша будет работать врачом где-то на севере Америки. Я ведь Тане это уже однажды сказал в день рождения Саши, когда ему исполнилось 10 лет. Я знаю, она не верила, и сейчас станет возражать, мол, маму не оставит, да и меня, но нас уже не будет. Она уедет в 78-м году. Что же касается меня, то меня скорее уберут, чем выпустят.

Глядя в пол, тихо и размеренно произнес эту фразу Мессинг. И ни тогда, ни в другое время не комментировал эти сакраментальные слова. И они были слишком весомо произнесены, чтобы я позволила себе лезть за разгадкой ему в душу. Сам он никогда даже не заикался о возможности получить вызов, как ни разу не было и разговора о том, чтобы съездить хотя бы по туристской путевке, скажем, в Болгарию или на прежнюю родину — в Польшу, которую он помнил и любил до последних дней. И это казалось особенно странным; если учесть, что первые сорок лет жизни он провел в непрерывных заморских путешествиях. Не исключаю, что ключи от тайны держали на Лубянке.

Предсказание Мессинга сбылось. В 78-м году мы с сыном покинули Родину. И слова Мессинга “где-то на севере Америки” означают теперь конкретный адрес. Мой сын успешно кончил за два года колледж в Охайо и при нем оставлен работать врачом и преподавателем...»

Думаю, что слова о том, что его скорее уберут, чем выпустят, действительно были произнесены Мессингом. Он намекал на то, что, как человек, общавшийся со Сталиным и Берией, он является носителем таких государственных секретов, что его ни в коем случае не выпустят за пределы СССР. И это должно было объяснить окружающим, почему Мессинг никогда не ездит за границу. В действительности же ни в Израиль, ни в какую-либо другую страну эмигрировать Вольф Григорьевич не хотел. Он прекрасно понимал, что его талант имеет шанс на

признание только в советских границах. В том же Израиле и уж тем более в Америке Мессинг столкнулся бы с сильной конкуренцией в своем жанре, которой мог и не выдержать. Да и интереса к психологическим опытам у западного зрителя было значительно меньше, чем у советского, не избалованного индустрией развлечений.

Был ли у Мессинга архив? По этому поводу следователю Николаю Китаеву писала последняя ассистентка Мессинга Валентина Ивановская: «...Вы — единственный человек, который интересуется архивом Вольфа Григорьевича, или, по паспорту — Гершиковича, — Мессинга после его смерти. Обычно интересовались его бриллиантами... Насчет архива Вольфа Григорьевича могу сказать, что рукописей у него не было... Если называть архивом газеты, журналы, фотографии, афиши, грамоты за шефские выступления, письма с просьбой о лечении, то это хранится у меня в папках...»

Полагаю, что здесь Валентине Иосифовне можно верить. В сокрытии или присвоении мессинговских рукописей она никак не могла быть заинтересована. Тем более что Мессинг не обладал никакими литературными способностями и поэтому не мог самостоятельно написать даже собственные мемуары. Поэтому не стоило ожидать, что он оставил после себя какие-либо философские или психологические трактаты.

Кстати сказать, существуют люди, и сегодня претендующие на родство с Вольфом Мессингом. Есть версия, что Вольф Григорьевич ошибался, когда думал, что его братья погибли во время холокоста. После его смерти у него объявилась племянница. Лидия Мессинг родилась в 1953 году в Бельгии. Ее отец Бенъямин будто бы был родным братом Вольфа Мессинга. Он сумел бежать из Варшавского гетто к партизанам, затем пробрался во Францию, потом оказался в Марокко, после войны вернулся во Францию, где женился на еврейке из Польши. Позднее семья Лидии Мессинг переехала в Аргентину, а оттуда в 1976 году — в Израиль. Однако рассказ Лидии доверия не вызывает и изобилует явно фантастическими подробностями. Она утверждала в интервью журналисту Борису Рохленко: «В 1966 году (мне тогда было 13 лет) отец мне сказал, что в Москве у него есть брат Вольф и что он хочет познакомиться со мной. Отец объяснил мне, что я поеду в Берлин, Вольф будет ждать меня в Берлине, а оттуда мы полетим в Москву.

Я приехала в Москву летом, было много пуха от тополей. Спросила: “Это ваш снег?” Он сказал, что это “снег лета”, но зимой снег тоже есть.

Дом, в котором жил Вольф, — это был отдельный дом. Что я помню — лестница наверх посреди зала. Было два этажа.

Дом очень красивый. В каком-то привилегированном районе Москвы. У меня была отдельная комната.

С ним жила или глухая, или немая женщина. Очень красивая. Я не знаю, была ли она ему женой (я была слишком мала для того, чтобы это понять). Она кормила меня завтраком. Мы не разговаривали, она только ставила мне еду, гладила меня. Я не знала ни слова по-русски, с ним разговаривала на идиш. А с домработницей объяснялась знаками, выучила только: “Я хочу кольбас!”

У Вольфа был громадный письменный стол и пишушая машинка. Очень шумная. Помню, что он пил водку. От него узнала, что есть водка с перцем. Для меня это было очень странно, до России я этого не знала. Он мне объяснил, что она еще и острая. Я попробовала. Это я помню. До сегодняшнего дня.

Он ложился спать поздно, вставал рано. Утром делал зарядку. Дома, на улицу не выходил. Утром он всегда был в синем тренировочном костюме с белыми лампасами. Так были одеты все, на всех были одинаковые тренировочные костюмы. Я спрашивала: “Что, в России есть только одна швейная фабрика, и она шьет только один фасон?” Он мне ответил: “Здесь нет моды. Здесь есть только нужда в том, чтобы одеться и не быть голым”.

Невозможно быть в контакте с человеком, который все знает, читает мысли. Очень тяжело. Он знал, в какой день я родилась, в какой час. Я сказала ему: “Папа рассказывал мне, что, когда ты сердился на своего отца, ты мог парализовать коров. Они стояли, как статуи, и не давали молока”. Он рассмеялся и подтвердил, что это правда.

— Папа говорил мне, что ты немножко “ку-ку”.

— Нет, но у меня есть сила.

— Какая сила?

— Сейчас, если я сосредоточусь, вот тот лист могу перенести оттуда сюда.

— Я не верю!

Я видела, как он движением головы поднял лист бумаги в воздух, медленно-медленно перенес его — и лист упал.

Однажды он спросил меня: “Что будем делать на этой неделе?” Я очень любила балет: “Я хочу балет!” Отправились в Большой театр. Он взял обрывки газеты и сказал мне: “Пошли. Сейчас ты подойдешь к кассе с этими клочками. Купишь билеты и получишь сдачу”. Я про себя подумала: “Полный дурачок!” Он ответил: “Я не дурачок. У меня есть сила. Кассирша будет уверена, что это деньги, и даст билеты и сдачу”.

Подошли к кассе. Вольф дал кассирше обрывки, что-то сказал, и она дала сдачу деньгами и два билета. Я была пораже-

на. Отошли от кассы. Я опять про себя думаю: “Наверное, это фальшивые билеты. Нам не дадут пройти”. Он говорит: “Нет, мы войдем. Ты посмотришь балет. Все будет в порядке”. Так оно и было — все в порядке.

Однажды я писала домой письмо. Вольф спросил меня, что я пишу: “Не хочу, чтобы твой отец подумал, что я дегенерат”. Я сказала: “Нет-нет, я пишу о том, как ты поднял взглядом лист бумаги, и что он упал в трех метрах. Я ему пишу, что если ты о чем-то подумал, то я это делаю, даже если я этого не хочу. Я могу сказать тебе, что я не хочу, а потом, через несколько минут, иду и делаю. Я знаю, что этого делать не хотела, но в любом случае — сделала. Это что-то совершенно неуправляемое. Ты говоришь: ‘Иди! Вставай!’ — и я несую какую-то мелочь”.

Я стеснялась есть в одиночку. Он идет, приносит что-нибудь, ставит на стол. Я говорю, что не хочу есть. И вдруг начинаю есть. Я же сказала, что я не хочу. А он говорит, что все в порядке, продолжай есть. Я точно знала, что не хочу. И вдруг я ем? Я даже злилась на себя. Я писала отцу: “Папа, я не тупая. Но я не понимаю, как он это делает”».

По словам Лидии, она гостила в Москве целых девять месяцев. Однако никто из знакомых Мессинга в своих мемуарах никакой племянницы Мессинга, в течение столь длительного времени гостившей у дяди в 1966 году, не упоминает. А ведь в это время с Мессингом дружили Михаил Хвастунов и люди его круга, а также Лунгина, которые в своих воспоминаниях и интервью никакой племянницы не упоминают. Мессинг никогда не выезжал в Берлин, тем более для встречи с родственницей из Аргентины. Да и кто бы для этой цели пустил его даже в Восточный Берлин? Вольф Григорьевич никогда не жил в элитном двухэтажном доме с лестницей между двумя этажами. А в привилегированный район Москвы (на улицу Герцена) он переселился лишь за два года до своей смерти. Вообще, чувствуется, что Лидия Мессинг не знает не только русского языка, но и реалий советской жизни. Кстати сказать, удивительно само по себе то, что за девять месяцев пребывания в Москве 13-летняя девочка выучила по-русски всего одно слово «колбаса». Обычно дети в этом возрасте гораздо лучше восприимчивы к языкам. У Мессинга никогда не было в доме большой залы. В его квартире была только одна комната, и он никак не мог предоставить гостье из Аргентины отдельное помещение. Никакой униформы в виде синих тренировочных костюмов в квартире Мессинга не было. Никто из других мемуаристов не упоминает о наличии у Мессинга пишущей машинки. Она была бы ему без надобности — ведь никаких текстов, кроме коротких писем от руки, Мессинг не писал. Столь же «достовер-

ны» утверждения Лидии насчет способности Мессинга взглядом поднять в воздух лист бумаги или пройти вместе с племянницей в театр по клочкам бумаги вместо билетов.

А главное — никаких документов, подтверждающих родство с Вольфом Мессингом, Лидия Мессинг так и не предоставила. Скорее всего, она просто хотела прославиться благодаря мнимому родству с известным лицом, поскольку в 1990-е годы в Израиле Мессинг уже был достаточно известной фигурой. Тот же интерес движет другими людьми, выступающими в печати с откровениями о своих родственных или дружеских связях с покойным телепатом. Их число с годами не становится меньше, поскольку имя Мессинга и в наши дни продолжает привлекать внимание публики. О нем выходят книги, делаются телепередачи, снимаются документальные, а последнее время уже и художественные фильмы. В 2009 году телезрители увидели сразу два масштабных проекта: фильм Николая Викторовича «Я — Вольф Мессинг» (в нем участвовали Э. Месин-Поляков и сын Т. Лунгиной Александр) и сериал В. Краснополянского и В. Ускова «Вольф Мессинг: видевший сквозь время». Последний привлек большое внимание публики, хотя его создатели не только воспроизвели все вымыслы мемуаров Мессинга, но и в изобилии дополнили их собственными. В результате образ великого телепата в глазах публики не только не проясняется, но окружается все большим мистическим туманом.

Каким же человеком остался Вольф Мессинг в памяти современников и потомков? Кем он вошел в историю, гением или шарлатаном? А если гением, то каким? Думаю, что гениальность в Мессинге была. Он был гениальным артистом, умевшим завораживать зрителей, заставить их поверить в то, что он действительно способен читать их мысли. И тем самым поверить во всемогущество науки, способной творить чудеса, поверить в другую, лучшую жизнь, которая вот-вот наступит, как только наука познает те способности, которыми обладает Мессинг, и сделает их доступными для всех. С одной стороны, это очень хорошо ложилось в усиленно пропагандируемую концепцию светлого коммунистического будущего. Но, с другой стороны, Мессинг своим искусством также освобождал людей от идеологической пропаганды, заставлял их верить в чудеса и погружаться в другой, волшебный мир, гораздо лучший, чем серая советская повседневность, небогатая на развлечения. А вот вопрос, обладал ли Мессинг какими-либо сверхъестественными, уникальными способностями, отличавшими его от всех других людей на Земле, боюсь, так навсегда и останется без ответа.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Г. МЕССИНГА

- 1899, 10 сентября — в городе Гура-Кальвария Варшавской губернии в семье садовода-арендатора родился Вольф Григорьевич (Велвел Гершкович) Мессинг.
- 1905, сентябрь — поступление в хедер.
- 1908, сентябрь — поступление в иешибот.
- 1914, 1 августа — Россия вступает в Первую мировую войну.
- 1915, 5 августа — германские войска заняли Варшаву.
- 1918, 11 ноября — Германия подписала капитуляцию в Компьене. В тот же день в Варшаве Юзефом Пилсудским провозглашено восстановление независимого Польского государства.
- 1920 — Мессинг мобилизован в польскую армию. Участие в польско-советской войне.
- 1921 — демобилизация из армии. Начало выступлений с психологическими опытами в Польше.
- 1939, 1 сентября — нападение нацистской Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны.
- 9 сентября — германские войска заняли Гуру-Кальварию.
- Ноябрь — Мессинг переходит советско-германскую демаркационную линию в Бресте и оказывается на территории СССР. Становится артистом Брестской, а затем Минской филармонии.
- 1940, май — первые гастроли Мессинга за пределами Белоруссии, на Украине, с импресарио — писателем Виктором Финком.
- 1941, 22 июня — нападение нацистской Германии на СССР. Начало Великой Отечественной войны. Мессинг в этот момент находится в Грузии.
- Осень — эвакуация в Новосибирск с артистами Москонцерта.
- 1941—1945 — выступления Мессинга перед ранеными в госпиталях, перед отправлявшимися на фронт красноармейцами, а также перед самой широкой публикой по всему Советскому Союзу.
- 1944, март—май — на фронт отправлены два самолета, построенные на средства, пожертвованные Мессингом. Получение благодарственной телеграммы И. В. Сталина.
- Лето — встреча в Новосибирске с Аидой Михайловной Рапопорт и женитьба на ней. А. И. Рапопорт становится ассистентом Мессинга.
- 1945, 9 мая — капитуляция Германии. Завершение Великой Отечественной войны.
- 1947, декабрь — Мессинг выступает на сцене Государственного еврейского театра под руководством С. М. Михозлса.
- 1950, 17 мая — Институт философии Академии наук СССР направляет в Гастрольное бюро Комитета по делам искусств при Совете министров СССР текст вступительного слова к выступлениям Мессинга, написанный М. Г. Ярошевским. С тех пор этот текст неизменно предвворяет выступления Мессинга.
- 1960, 2 августа — кончина А. М. Мессинг-Рапопорт.
- Осень — ассистентом Мессинга становится Валентина Иосифовна Ивановская.
- 1963, лето — начало работы Мессинга и его литзаписчика М. В. Хвастунова над мемуарами. Мемуары Мессинга пишутся по заказу ЦК КПСС.

- 1964, январь — завершение работы над мемуарами.
- 1965, осень — публикация мемуаров Мессинга в журнале «Наука и религия».
- 1966, 19 января — юбилейный вечер в Центральном доме медицинских работников, посвященный 65-летию со дня рождения Мессинга. К тому времени ему уже исполнилось 66 лет.
- 21 января — Мессинг госпитализирован с гнойным аппендицитом. Операция прошла успешно.
- 1974, сентябрь — юбилейный вечер в киноконцертном зале «Октябрь», посвященный 75-летию со дня рождения Мессинга.
- Октябрь — последние гастролы Мессинга в Закарпатской области Украины. Резкие боли в ногах заставляют Мессинга прервать гастролы. Он возвращается из Ужгорода самолетом в Москву. Срочная госпитализация в Институт сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева.
- 8 ноября — в 23.00 Вольф Григорьевич Мессинг скончался от последствий операции по замене подвздошных и бедренных артерий, проведенной А. В. Покровским.
- 14 ноября — публикация некролога Мессинга в газете «Вечерняя Москва». В тот же день прошла траурная церемония в Центральном доме работников искусств и состоялись похороны Мессинга на Востряковском кладбище рядом с могилой жены.
- 1990 — в Москве впервые отдельной книгой изданы мемуары В. Г. Мессинга «Я — телепат».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Голубков М. М. Миусская площадь. М., 2007.

Димова Н. Вольф Мессинг. Драма жизни великого гипнотизера. М., 2007.

Китаев Н. Н. Гипноз и преступления: Лекция для специальности 021100 (Юриспруденция). Иркутск, 2006.

Китаев Н. Н. «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг: правда и вымысел. Смоленск, 2009.

Лунгина Т. Л. Вольф Мессинг — человек-загадка. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1982.

Лунгина Т. Л. Вольф Мессинг — человек-легенда // Вестник. 1999. 28 октября. № 22 (229).

Любимский Л. Самолеты Вольфа Мессинга // ВПК (Военно-промышленный курьер). 27.12.2006—09.01.2007. № 50 (166).

Любимский Л. Самолеты Вольфа Мессинга // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 26 января. № 14.

Мессинг В. Г. О самом себе // Наука и религия. 1965. № 7—11.

Мессинг В. Г. Я — телепат / Предисл. Р. Л. Щербакова. М.: РИА «Юго-Запад», 1990.

Непомнящий Н. Вольф Мессинг. М., 1999.

Стронгин В. Л. Вольф Мессинг. М., 2002.

Шенфельд И. Раввин с горы Кальвария. Смоленск, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Феномен Мессинга</i>	5
<i>Глава первая. Детство мага</i>	25
<i>Глава вторая. Что такое телепатия?</i>	35
<i>Глава третья. Начало артистической карьеры: подлинное и мнимое</i>	94
<i>Глава четвертая. Ясновидец из Гуры-Кальварии</i>	112
<i>Глава пятая. На новую родину</i>	127
<i>Глава шестая. Что такое гипноз?</i>	160
<i>Глава седьмая. Был ли арест? Вольф Мессинг в годы войны</i>	194
<i>Глава восьмая. Король эстрады</i>	234
Основные даты жизни и деятельности В. Г. Мессинга	307
Краткая библиография	309

Соколов Б. В.

С 59 Вольф Мессинг / Борис Соколов. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 310[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1281).

ISBN 978-5-235-03394-8

Имя Вольфа Мессинга как при его жизни, так и после смерти окружает ореол таинственности, который не смогли рассеять ни его собственные мемуары, ни множество посвященных ему книг и статей. Кем был этот выходец из Польши, бежавший в Советский Союз от нацистов, — ясновидцем, предвидевшим будущее, гениальным артистом или ловким шарлатаном? Почему он скрывал даже от близких людей многие детали своего прошлого или намеренно окружал их тайной? Был ли он знаком со Сталиным, Эйнштейном, Ганди, сидел ли в тюрьме, раскрывал ли преступления с помощью своего уникального дара? Авторы большинства работ о Мессинге не критически превозносят его или, напротив, обвиняют во всех грехах. Первая биография великого телепата в серии «ЖЗЛ», написанная историком Борисом Соколовым, непредвзято рассматривает все известные свидетельства о Мессинге, по крупицам восстанавливая картину его жизни — не такой увлекательной, как в романах и фильмах, но, тем не менее, весьма необычной.

**УДК 159.962-8
ББК 88.6г**

**Соколов Борис Вадимович
ВОЛЬФ МЕССИНГ**

**Редактор В. В. Эрлихман
Художественный редактор Е. В. Кошелева
Технический редактор М. П. Качурина
Корректоры Т. И. Маляренко, Л. М. Марченко**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 08.07.2010. Подписано в печать 06.10.2010. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 10346

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03394-8

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Б. Минаев
«ЕЛЬЦИН»

С. Кредов
«ЩЕЛОКОВ»

Р. Грэм
«МАРИЯ СТЮАРТ»

В. Лопатников
«КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ»

Е. Пчелов
«РЮРИК»

А. Филюшкин
«ВАСИЛИЙ III»

М. Филин
«ТОЛСТОЙ-АМЕРИКАНЕЦ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Варламов
«АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ»

М. Копшицер
«ПОЛЕНОВ»

Г. Чернявский
«ЛЕВ ТРОЦКИЙ»

С. Фирсов
«НИКОЛАЙ II»

В. Новиков
«АЛЕКСАНДР БЛОК»

О. Волкогонова
«БЕРДЯЕВ»

И. Пожарская
«ЮРИЙ НИКУЛИН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Курукин, А. Булычев
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО**

В. Бокова
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ**

В. Наумов
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕТРА I И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ**

П. Декс
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СЮРРЕАЛИСТОВ В 1917-1932 ГОДАХ**

Г. Андреевский
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ
XIX-XX ВЕКОВ**

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Семенова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА**

В. Журавлев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦУЗСКОГО ИНОСТРАННОГО
ЛЕГИОНА**

Б. Григорьев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В XIX ВЕКЕ**

А. Зверев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПАРИЖА**

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПИРАТОВ И КОРСАРОВ
АТЛАНТИКИ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. П. Кузичева
ЧЕХОВ

Творчество Антона Павловича Чехова ознаменовало собой наивысший подъем русской классической литературы, став ее «визитной карточкой» для всего мира. Главная причина этого — новизна чеховских произведений, где за внешней обыденностью сюжета скрывается глубинный драматизм человеческих отношений и характеров. Интерес к личности Чехова, определившей своеобразие его творческого метода, огромен, поэтому в разных странах появляются все новые его биографии. Самая полная из них на сегодняшний день — капитальное исследование известного литературоведа А. П. Кузичевой, освещающее общественную активность писателя, его личную жизнь, историю создания его произведений. Книга, выходящая в серии «ЖЗЛ» к 150-летию со дня рождения Чехова, рекомендуется к прочтению всем любителям и знатокам русской литературы.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:
127994, Москва, Сушевская ул., 21
Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
<http://gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. Г. Петрова СКОПИН-ШУЙСКИЙ

В череде злодейств и предательств, которыми так богата история Смутного времени начала XVII века, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1586—1610) являет собой один из немногих образцов доблести и чести. Замечательный полководец и умелый дипломат, он сумел очистить Московское государство от сторонников Тушинского вора, и в марте 1610 года — за два с половиной года до подвига Минина и Пожарского! — Москва с ликованием встречала его как своего избавителя. Князь пользовался всеобщей любовью, и кто знает, как повернулась бы история России и скольких бед и несчастий можно было бы избежать, если бы молодой и полный сил воевода, которому не исполнилось и двадцати четырех лет, не умер бы от загадочной и страшной болезни, по слухам отравленный завистниками, своими родичами, не желавшими делиться с ним властью... Автор книги, предлагаемой вниманию читателю, с нескрываемой любовью пишет о своем герое, воссоздавая историю его жизни на фоне драматических и трагических событий, происходивших тогда в России и за ее пределами.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Турков
«ТВАРДОВСКИЙ»

В. Чайковская
«ТЫШЛЕР»

С. Нечаев
«ТОРКВЕМАДА»

М. Гейзер
«ФАИНА РАНЕВСКАЯ»

В. Попов
«ДОВЛАТОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

---

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39   8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03394-8

9 785235 033948 >

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я